РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA
ОТДЕЛ ВНЕШНЕГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
DEPARTMENT OF EXTERNAL SERVICE
191069, РОССИЯ, С.-Петербург, Садовая ул., 18
18, Sadovaya st., St.Petersburg, 191069, RUSSIA

начало
start

ЛАБОРАТОРИЯ ОВО
РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Заказ № 4216/7 Дата 16.11.04.

Микропленка 1 экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.
Все

Наименование или шифр издания В. И. Крыжановская
Рай без Адама
Пг. 1917

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ
Not to be reproduced without permission

17.147.3.22

В. И. Крыжановская.
(Рочестеръ).

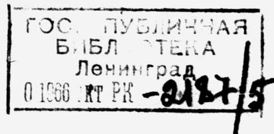
РАЙ БЕЗЪ АДАМА.

РОМАНЪ.

Всѣ права авторъ сохраняетъ за собой.

„Книгоиздательское Товарищество"
Петроградъ, Невскій, 158. Телеф. 524-27.
1917.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
0 1966 акт РК -2127/5

Петроградъ Дозволено военной цензурой 3 января 1917 г.

Типографія Петроградск. Градонач., Изм. п., 8 рота, № 20-6.

Посвящается моей дочери.

Авторъ.

«Въ любви нѣтъ равенства, нѣтъ такъ—называемаго свободнаго соединенія душъ и прочихъ идеальностей, придуманныхъ на досугѣ нѣмецкими профессорами... Нѣтъ, въ любви одно лицо—рабъ, а другое—властелинъ, и не даромъ толкуютъ поэты о цѣпяхъ, налагаемыхъ любовью. Да, любовь—цѣпь, и самая тяжелая».

Тургеневъ.

«Слезы женщинъ навлекаютъ огонь небесный на тѣхъ, изъ-за кого онѣ льются».

Ригъ-Веда.

I.

— Клара! Ты здѣсь?!

— А сама ты, Викторія, какимъ образомъ очутилась въ Бостонѣ? Я думала, что ты въ Нью-Іоркѣ, или уѣхала въ Россію.

Такими словами обмѣнялись двѣ дамы, встрѣтившіяся у входа въ магазинъ, изъ котораго одна выходила, а другая только что собиралась войти туда.

Онѣ пожали другъ другу руки; а затѣмъ, та, которую подруга назвала Викторіей, отвѣтила со вздохомъ:

— Въ Бостонѣ я живу уже болѣе четырехъ лѣтъ. Очень тяжелыя обстоятельства привели меня сюда. Да ты, Клара—въ траурѣ! Вѣроятно, овдовѣла? Думали-ли мы,—когда веселыя, беззаботныя и съ радостными надеждами покидали пансіонъ,—что черезъ какія-нибудь двѣнадцать лѣтъ наша жизнь будетъ уже разбита...

— Да, по твоему лицу, бѣдная Викторія, я вижу, что жизнь не пощадила тебя.

— Такъ какъ счастливый случай столкнулъ насъ, то поѣдемъ ко мнѣ, Клара. Я покажу тебѣ дочь, мою маленькую Эленъ,—и мы поговоримъ съ тобой по душѣ.

— Съ благодарностью принимаю приглашеніе! Только сейчасъ я не могу ѣхать съ тобой, такъ какъ мнѣ необходимо сдѣлать покупки для общины, въ которой я состою.

— Какъ? Развѣ ты не у себя живешь?

— Нѣтъ! Мой любезный супругъ оставилъ меня въ такомъ блестящемъ положеніи, что я могла погибнуть съ тремя дѣтьми, если бы

меня не пріютила община или, вѣрнѣе, общество подъ названіемъ «Рай безъ Адама». Развѣ ты не слыхала о нашемъ убѣжищѣ? Оно пользуется, однако, извѣстностью въ Бостонѣ.

— Да, конечно! Теперь я припоминаю, что докторъ Уильсонъ говорилъ мнѣ объ этомъ учрежденіи. Но, по его словамъ, это—просто вспомогательное отдѣленіе дома умалишенныхъ.

Презрительная усмѣшка появилась на лицѣ Клары.

— Желаніе создать себѣ рай, котораго не осквернилъ бы Адамъ,—безуміе, понятно, съ его точки зрѣнія. Это—старая исторія. Мужчины всегда съ презрѣніемъ и насмѣшкой встрѣчаютъ всякую попытку женщинъ избавиться отъ ихъ грубаго и деспотическаго господства. Наше «отдѣленіе для умалишенныхъ» преслѣдуетъ именно цѣль не только служить убѣжищемъ для потерпѣвшихъ крушеніе въ супружествѣ, но, главное, воспитывать молодыхъ дѣвушекъ такимъ образомъ, чтобы онѣ дѣлались независимыми въ жизни, и были чужды вредныхъ мечтаній о любви и бракѣ. Тогда, если онѣ даже и соблазнятся жестокимъ закономъ природы, заставляющимъ женщину любить и отдаваться тирану, то будутъ, по крайней мѣрѣ, дѣлать это вполнѣ сознательно.

При послѣднихъ словахъ Викторія густо покраснѣла. Взявъ подругу за руку, она отвела ее въ сторону:

— Обѣщай мнѣ вечеромъ быть у меня,—горячо сказала она.— Кажется, что само Провидѣніе послало мнѣ тебя! Ты мнѣ дашь самыя подробныя свѣдѣнія о своемъ пріютѣ, такъ какъ я хотѣла бы воспитать Эленъ на тѣхъ именно началахъ, о которыхъ ты упомянула.

Условившись относительно часа свиданія и обмѣнявшись адресами, подруги разстались. Викторія Рутерфордъ-Арди сѣла въ экипажъ и приказала везти себя домой.

Узнавъ, что дочь съ гувернанткой еще не вернулись съ прогулки, она заперлась въ своей комнатѣ, легла на кушетку и задумалась. Встрѣча съ подругой оживила воспоминанія о прошломъ и дала иное направленіе ея планамъ на будущее. Съ этимъ прошлымъ, причинившимъ много горя молодой женщинѣ, мы и познакомимъ въ нѣсколькихъ словахъ читателя.

Викторія Гарисонъ лишилась родителей въ раннемъ дѣтствѣ, а дядя, бывшій также и ея крестнымъ отцомъ, взялъ къ себѣ и воспиталъ сироту. Богатый холостякъ, онъ далъ Викторіи блестящее образованіе, и полюбилъ ее, какъ родную дочь. Въ шестнадцать лѣтъ Викторія вышла изъ пансіона. Это была очаровательная, стройная и граціозная, дѣвушка, съ роскошными бѣлокурыми волосами, съ ослѣпительно бѣлымъ цвѣтомъ лица и съ большимъ темными глазами, свѣтившимися умомъ и добротой.

Гордый своей племянницей, мистеръ Крауфордъ устроилъ ее въ своемъ роскошномъ домѣ, стоявшемъ въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ Нью-Іорка, и сталъ вывозить въ свѣтъ.

Такъ какъ Викторія была красива и справедливо считалась единственной наслѣдницей старика-богача Крауфорда, то у нея не было недостатка ни въ поклонникахъ, ни въ искателяхъ ея руки; но молодая дѣвушка отказывала всѣмъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ покорить ея сердце; а дядя, обожавшій ее, былъ счастливъ, что она остается при немъ. Такъ прошли два года, самые счастливые въ жизни молодой дѣвушки.

Но вотъ, на балу у Вандербильдовъ, она познакомилась съ молодымъ русскимъ, который, какъ говорили, путешествовалъ для своего удовольствія и уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ Нью-Іоркѣ.

Владиміръ Александровичъ Артемьевъ былъ изящный, воспитанный и красивый малый. Повидимому, онъ былъ очень богатъ, такъ какъ жилъ припѣваючи и вращался въ лучшемъ обществѣ.

Артемьевъ съ перваго же взгляда понравился Викторіи. Впрочемъ, это впечатлѣніе, повидимому, было обоюдно, такъ какъ онъ представился Крауфорду, сталъ настойчиво ухаживать за племянницей, а три мѣсяца спустя сдѣлалъ ей предложеніе. Но, къ крайнему удивленію обоихъ, старикъ отказалъ наотрѣзъ. Артемьевъ возбудилъ въ немъ непобѣдимое отвращеніе, или онъ предчувствовалъ, что бракъ съ нимъ сдѣлаетъ его любимицу несчастной.

Крауфордъ, энергичный и терпѣливый работникъ, обязанъ былъ своимъ положеніемъ исключительно себѣ. Въ теченіе своей суровой, трудовой жизни онъ пріобрѣлъ глубокое знаніе людей и выработалъ вѣрный, проницательный взглядъ. И вотъ, подъ обворожительной личиной свѣтскаго человѣка, онъ разглядѣлъ въ Артемьевѣ безсердечнаго, себялюбиваго шелопая и лѣнтяя, привыкшаго удовлетворять лишь свое тщеславіе и прихоти. Видя съ грустью все возраставшій интересъ, который внушалъ онъ племянницѣ, Крауфордъ навелъ о немъ справки черезъ американское посольство въ Петербургѣ, и то что онъ узналъ отнюдь не измѣнило составленнаго имъ мнѣнія.

Владиміръ Александровичъ принадлежалъ къ богатой и родовитой семьѣ, служилъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ и велъ весьма разсѣянную жизнь. Будучи замѣшанъ въ какое-то политическое дѣло, дурно кончившееся для его менѣе осторожныхъ товарищей, Артемьевъ выпутался благополучно; но былъ ли онъ дѣйствительно только

слегка скомпрометированъ, или его роднѣ удалось оправдать его, благодаря своимъ связямъ,—это такъ и осталось невыясненнымъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы избавить его отъ всякихъ случайныхъ опасностей и дать время забыть этотъ непріятный случай, семья заставила его выйти въ отставку и послала на нѣсколько лѣтъ путешествовать заграницу. Мать выдавала ему ежегодно довольно крупную сумму, дѣлавшую его не только независимымъ, но даже позволявшую ему жениться, что онъ и объяснилъ Крауфорду, когда просилъ руки его племянницы. Кромѣ того, онъ объявилъ, что рѣшилъ окончательно поселиться въ Нью-Іоркѣ.

Неожиданный отказъ стараго янки глубоко оскорбилъ тщеславнаго молодого человѣка и пробудилъ все его упрямство. Съ этой минуты Викторія пріобрѣла для него совершенно новую цѣну, и онъ вдвойнѣ желалъ обладать ею, разъ ему посмѣли въ этомъ отказать.

Разговоръ, который онъ имѣлъ съ безумно влюбленной въ него дѣвушкой, вызвалъ между ней и дядей бурную сцену, закончившуюся разрывомъ. На мольбы и слезы Викторіи старикъ отвѣчалъ непоколебимымъ «нѣтъ».

— Этотъ кутила, безъ сердца и нравственныхъ принциповъ, сдѣлаетъ тебя несчастной. Весь его эгоизмъ и вся душевная пустота отражаются въ его холодномъ, равнодушномъ взглядѣ, но ты—ослѣплена любовью и, конечно, не видишь этого. Съ моего согласія онъ никогда не будетъ твоимъ мужемъ, а когда глаза твои прозрѣютъ, со временемъ, сама же ты поблагодаришь меня за мою твердость.

И дѣйствительно, ослѣпленная увлеченіемъ миссъ Гарисонъ не хотѣла ничего слышать. Поставленная въ необходимость выбирать между женихомъ и благодѣтелемъ, она объявила, что останется вѣрна любимому человѣку.

Викторія ушла отъ дяди и поселилась у одной изъ своихъ подругъ. Недѣли двѣ спустя она обвѣнчалась съ Артемьевымъ, сдавшись на его убѣжденія, что совершившійся фактъ сломитъ упрямство старика. Да и сама она не допускала мысли, чтобы человѣкъ, всегда любившій ее и безмѣрно баловавшій, могъ долго сердиться за такой, въ сущности, естественный поступокъ.

Викторія ошиблась, однако. Томасъ Крауфордъ былъ неумолимъ. Черезъ своего повѣреннаго онъ отослалъ племянницѣ скромную сумму, составлявшую отцовское наслѣдство, а также драгоцѣнности и обстановку ея комнатъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дядя приказалъ объявить ей, что всякія отношенія между ними окончательно порваны, что онъ считаетъ ее за чужую, и что она никогда не получитъ

ни гроша изъ его состоянія. Письмо, посланное ею дядѣ, было возвращено ей нераспечатаннымъ, а немного спустя Викторія узнала, что мистеръ Крауфордъ покинулъ Нью-Іоркъ и уѣхалъ путешествовать по Европѣ.

Артемьева была глубоко огорчена упорнымъ гнѣвомъ дяди, но въ то время она еще была въ упоеніи любви и счастья, а потому не чувствовала всю тяжесть потери испытанной привязанности, охранявшей ее съ самаго дѣтства.

Счастье бѣдной Викторіи было непродолжительно, и предчувствія Крауфорда оправдались очень скоро. Мимолетная страсть, внушенная ею Владиміру Александровичу, остыла, какъ только она оказалась въ интересномъ положеніи; а когда родилась дочь, Артемьевъ положительно сталъ тяготиться семьей и дѣятельно искалъ развлеченій внѣ дома, оставляя молодую мать одну.

Свадьба Викторіи, весьма походившая на бѣгство, и послѣдовавшій затѣмъ разрывъ съ дядей отдалили ее отъ большей части семей, которыя она прежде посѣщала; а мужъ, съ своей стороны, не создалъ ей иного круга знакомствъ, и такимъ образомъ она оказалась одинокой.

Затѣмъ наступило разочарованіе въ мужѣ, усилившее тоску ея невольнаго уединенія. Артемьевъ снялъ съ себя маску, пересталъ вовсе стѣсняться и тогда обнаружилась во всей наготѣ его развращенная душа и жестокій эгоизмъ. Будучи членомъ многихъ клубовъ и страстнымъ поклонникомъ всякаго спорта, онъ возвращался домой только ѣсть и спать; а чтобы красивая и умная молодая жена не нашла себѣ какъ-нибудь утѣшителей, Артемьевъ заперъ для всѣхъ дверь своего дома, ограничиваясь разсказами женѣ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, и умалчивая, понятно, про собственныя похожденія.

Приведенная въ отчаяніе разбитой жизнью и возмущенная поведеніемъ мужа и его открытыми измѣнами, Викторія явно угасала. Но Артемьева это нисколько не трогало, и онъ даже не замѣчалъ ничего. Жена уже надоѣла ему и была для него бременемъ, петлей на шеѣ. Только маленькая Эленъ привязывала его къ себѣ своею миловидностью и раннимъ умомъ; ее онъ еще иногда ласкалъ.

Такъ прошло четыре года. Мрачная и недомогавшая Викторія влачила скорбное, однообразное существованіе, живя только для ребенка. Единственной повѣренной, единственнымъ другомъ была ея прежняя бонна. Пока Викторія была въ пансіонѣ, мистеръ Крауфордъ оставилъ ее при себѣ, а послѣ замужества Викторіи, женщина

эта послѣдовала за ней и теперь берегла, служила и ухаживала, какъ за нею, такъ и за дочерью. Безъ этой преданной души Викторія положительно не знала бы, какъ ей вести хозяйство, согласно съ требованіями мужа, въ виду крайне скудныхъ, отпускавшихся имъ на это средствъ.

Въ это время Артемьевъ получилъ письмо, весьма взволновавшее его. Мать писала, что умеръ его дядя, оставившій ему большое наслѣдство, и что онъ долженъ торопиться вступить во владѣніе имъ. Она прибавляла, что увлеченіе молодости, принудившее его покинуть родину, забыто и прощено, а теперь отъ него самого будетъ зависѣть занять прекрасное мѣсто въ министерствѣ, такъ какъ старый другъ ихъ семьи получилъ высокое назначеніе и обѣщаетъ оставить за нимъ, Владиміромъ, первую вакансію въ своемъ учрежденіи.

«Ты еще сдѣлаешь блестящую карьеру. А всѣ дамы хранятъ о тебѣ столь хорошія воспоминанія, что ты могъ бы поймать богатую невѣсту, если бы не былъ настолько безуменъ и недальновиденъ, что женился на какой-то нищей американкѣ». Такъ заканчивала свое письмо Артемьева.

Письмо матери, которое онъ перечиталъ нѣсколько разъ, очень его взволновало, даже кровь ударила въ голову. Въ его воображеніи, какъ соблазнительное видѣніе, вставала далекая столица, съ ея безчисленными развлеченіями, любовными успѣхами и приключеніями, которыя несомнѣнно ждали его въ салонахъ, гдѣ онъ игралъ уже роль героя легкихъ побѣдъ; а нынѣ, когда его состояніе удвоилось, его еще больше будутъ ласкать и заискивать передъ нимъ.

Да, мать была права! Онъ былъ глупъ, что женился. Теперь онъ долженъ будетъ пріѣхать въ Петербургъ съ этой, чуждой его кругу женщиной, которая будетъ страшно вредить его престижу, какъ кавалера, да и надоѣдала она ему своей постоянной тоской, какъ вообще наскучила жизнь въ Нью-Іоркѣ.

Его обуяла бѣшенная злоба противъ Викторіи.

— Романическая, пошлая дура, уцѣпившаяся за меня и портящая мою жизнь!—съ бѣшенствомъ пробормоталъ онъ, и вдругъ пришла на умъ блестящая мысль.

Какая необходимость немедленно же тащить за собой въ Петербургъ жену? Гораздо естественнѣе даже будетъ, если онъ уѣдетъ одинъ въ Россію, чтобы вступить во владѣніе наслѣдствомъ, возобновить связи, получить обѣщанное мѣсто и, наконецъ, устроить свой домъ. Тогда, мѣсяцевъ черезъ шесть или семь, самое большое черезъ годъ, онъ вызоветъ къ себѣ жену съ ребенкомъ; а пока, для устройства его важныхъ и сложныхъ дѣлъ—необходимо, чтобы онъ былъ одинъ, и чтобы ничто его не стѣсняло.

Порѣшивъ на этомъ, Артемьевъ воспрянулъ духомъ, подавилъ кое-какіе укоры совѣсти и сталъ дѣятельно готовится къ отъѣзду.

Прежде всего, онъ написалъ матери, что ѣдетъ одинъ, и просилъ выслать ему довольно значительную сумму, яко бы, для уплаты долговъ. Деньги эти Артемьевъ предполагалъ сначала оставить женѣ; но, получивъ ихъ, большую часть суммы призналъ за лучше вручить, какъ отвальную, одной изъ возлюбленныхъ.

— Викторія можетъ и сократить нѣсколько свои расходы, такъ какъ все равно никого не принимаетъ, а кромѣ того, у нея есть еще сумма, присланная старымъ Крауфордомъ,—утѣшалъ себя онъ.

А онъ не зналъ, что этотъ небольшой капиталъ давно уже былъ израсходованъ на личныя нужды Викторіи и ребенка. Впрочемъ, если бы онъ даже и зналъ, то развѣ это его тронуло бы?

Съ той минуты, какъ Викторія узнала объ отъѣздѣ мужа, ею овладѣло мрачное отчаяніе. Сердце шептало, что Артемьевъ покидалъ ее, если не на всегда, то, во всякомъ случаѣ, очень надолго. Сознаніе, что человѣкъ, которому она пожертвовала всѣмъ, даже своимъ благодѣтелемъ, бросаетъ ее и ребенка, какъ безполезное бремя, мучило ея душу какимъ-то жгучимъ, хотя и неопредѣленнымъ чувствомъ; тѣмъ не менѣе, она была слишкомъ горда, чтобы жаловаться, или унизиться до упрековъ и обвиненій.

Викторія холодно и спокойно, съ виду, занялась сборами мужа въ дорогу.

Насталъ, наконецъ, и самый день отъѣзда. Утренніе часы шли томительно тяжко и завтракъ прошелъ въ глубокомъ молчаніи; а затѣмъ, Владиміръ Александровичъ ушелъ въ кабинетъ, чтобы уложить кое-какую мелочь и замкнуть чемоданы.

Охваченный какой-то непонятной болѣзненной тоской, онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и тяжело прислонился къ массивному бюро. Онъ не предполагалъ, что эта минута будетъ такъ тяжела и что разлука съ существами, которыя, казалось, были ему въ тягость, до такой степени взволнуетъ его. Или его совѣсть проснулась гдѣ-то тамъ, въ темномъ уголкѣ души, и кричала ему: «Ты негодяй! Чтобы привольнѣе наслаждаться, ты презираешь твой долгъ и сбрасываешь священныя, добровольно взятыя на себя, обязательства»...

Онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая отогнать докучныя мысли, и, схвативъ шапку, почти выбѣжалъ изъ комнаты.

Пройдя, не останавливаясь, черезъ столовую, гдѣ старая Гаріетта убирала со стола, Артемьевъ вошелъ въ спальню.

Викторія стояла у окна. Она была страшно блѣдна, глаза лихорадочно горѣли, но она не плакала, а только нервно мяла въ рукахъ ленту, опоясывавшую ея талію; на подоконникѣ сидѣла очаровательная, трехлѣтняя дѣвочка и играла куклой.

Маленькая Эленъ походила на мать. У нея былъ такой же ослѣпительный цвѣтъ лица и такія же тонкія, правильныя черты; только волосы и голубые, лучистые глаза были отцовскіе.

Владиміръ Александровичъ на минуту остановился въ дверяхъ и бѣглымъ взглядомъ окинулъ трогательную группу двухъ существъ, которыхъ онъ покидалъ. Когда Эленъ улыбнулась и протянула къ нему свои рученки, что-то смутное шевельнулось въ его холодномъ и себялюбивомъ сердцѣ.

Быстро подойдя къ ребенку, онъ покрылъ его поцѣлуями, а затѣмъ привлекъ къ себѣ жену и нѣжно поцѣловалъ ее:

— Не грусти, дорогая моя! Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы снова увидимся. Одинъ Господь знаетъ, какъ я хотѣлъ бы взять съ собой тебя и ребенка, но это невозможно по причинѣ моей родни и всѣхъ дѣлъ, которыя надо привести въ порядокъ. Но я пріѣду за вами, какъ только немного устроюсь. А пока не плачь, береги себя и нашего ангела. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я тотчасъ же вышлю вамъ денегъ.

Онъ въ послѣдній разъ обнялъ жену и, не оборачиваясь, вышелъ изъ комнаты. Въ эту минуту у него были наилучшія намѣренія; но... весь адъ вымощенъ, говорятъ, «благими намѣреніями».

Запирая за Артемьевымъ дверь, старая Гарріета проводила его взглядомъ, полнымъ ненависти и презрѣнія.

— Иди, иди, негодяй! Да будетъ съ тобой проклятіе Господа! —проворчала она.

Гарріета была убѣждена, что онъ никогда не вернется назадъ. Увѣренность эта окрѣпла въ ней съ тѣхъ поръ, какъ она случайно нашла выпавшее изъ кармана пальто Артемьева письмо, которое тотъ собирался занести на почту; а онъ, тщетно проискавъ письмо, рѣшилъ, что выронилъ его на улицѣ.

Возмущенная тѣмъ, что Артемьевъ уѣзжаетъ безъ жены, старуха имѣла свои виды, утаивая письмо, которое было адресовано матери Артемьева, и должно было содержать подробные планы на

будущее. Письмо оказалось написаннымъ, конечно, по-русски, но это нисколько не разочаровало Гарріету. У нея была родственница, вышедшая замужъ за русскаго судового мастера, державшаго таверну въ портѣ; къ нему-то она и отправилась, а тотъ прочелъ и перевелъ ей письмо, содержаніе котораго превзошло всѣ ея предположенія.

Посланіе, о которомъ идетъ рѣчь, было отвѣтомъ на предшествовавшее письмо матери, полученное вмѣстѣ съ потребованными деньгами. Артемьева-мать выражала удовольствіе по поводу того, что сынъ рѣшилъ пріѣхать одинъ и горько сожалѣла, что его разлука съ женой не можетъ быть окончательной, такъ какъ она всегда умалчивала въ свѣтѣ объ этомъ несчастномъ бракѣ, надѣясь, что онъ кончится рано или поздно разводомъ.

Въ началѣ своего письма Владиміръ Александровичъ горячо благодарилъ мать за то, что она сохранила подъ покровомъ тайны совершенную имъ глупость, признаваясь въ тоже время, что и самъ, въ рѣдкихъ сношеніяхъ съ отечествомъ, всегда умалчивалъ о своемъ бракѣ. Затѣмъ шла жестокая и лживая характеристика Викторіи,— романической, требовательной и ограниченной женщины, съ которой онъ самъ давно жаждалъ разстаться, но его удерживало великодушіе и любовь къ ребенку; къ тому же, разлука эта, по всей вѣроятности, будетъ окончательной, ввиду слабаго здоровья жены. По мнѣнію врачей, Викторія страдала опасною болѣзнью сердца, осложненною сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, что заставляло предполагать близкую смерть. Понятно, такой естественный конецъ супружества гораздо лучше развода; что же касается его дочери, то онъ надѣялся, что она красотой и умомъ плѣнитъ бабушку.

Старая Гарріета была поражена этимъ письмомъ и считала своего господина закоренѣлымъ мерзавцемъ. Изъ ненависти къ Артемьеву, старуха тщательно берегла этотъ обличительный документъ. Кто знаетъ? Не окажется-ли онъ когда-нибудь полезнымъ ея молодой госпожѣ въ качествѣ оружія противъ недостойнаго супруга?

Прошло около года, а Викторія не получала никакихъ извѣстій отъ мужа. Первое время она ждала письма съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, а затѣмъ съ тоской, такъ какъ средства быстро истощались. Наконецъ, съ отчаяніемъ, Викторія должна была сознаться, что ее предательски бросили, и что ей слѣдуетъ разсчитывать только на одну себя, такъ какъ она слишкомъ горда и согласна скорѣе умереть съ голода, чѣмъ обратиться къ мужу съ требованіемъ отъ него средствъ къ жизни.

Артемьева мужественно сократила еще свои скромные расходы, наняла маленькую квартирку, продала мебель и драгоцѣнности; кромѣ того, будучи прекрасной музыкантшей, она скоро нашла себѣ уроки. Но такая жизнь, вовсе для нея непривычная, разрушительно дѣйствовала на ея и такъ расшатанное здоровье. Однажды, бѣгая по урокамъ подъ проливнымъ дождемъ, она простудилась и схватила тифъ. Это было ужасное время для бѣдной Гарріеты. Она выбивалась изъ силъ, ухаживая за больной и борясь съ нищетой, одолѣвавшей ихъ маленькое хозяйство.

Какъ-то разъ, неся въ закладъ вещь чтобы купить лекарство, она встрѣтила на обратномъ пути мистера Крауфорда, котораго считала въ отсутствіи. Эта встрѣча воскресила въ ея сердцѣ новую надежду. Позабывъ все, Гарріета побѣжала къ нему въ домъ и тамъ узнала, что мистеръ Крауфордъ, по возвращеніи изъ Европы, гдѣ провелъ болѣе двухъ лѣтъ, путешествовалъ по южнымъ штатамъ и всего нѣсколько недѣль, какъ вернулся въ Нью-Іоркъ.

Гарріета вернулась домой съ твердымъ намѣреніемъ попытаться примирить дядю съ племянницей. Развѣ не ясно, что самъ Господь привелъ въ Нью-Іоркъ крестнаго отца молодой госпожи въ ту именно минуту, когда она умирала, нуждаясь въ самомъ необходимомъ?

Подъ вечеръ она посадила у изголовья Викторіи сердобольную сосѣдку, а сама съ маленькой Эленъ отправилась въ домъ Крауфорда. Старикъ камердинеръ былъ ошеломленъ, увидавъ неожиданныхъ посѣтительницъ, а когда узналъ всѣ бѣды, поразившія ихъ маленькую дорогую госпожу, какъ онъ называлъ Викторію, сердце его исполнилось горячимъ участіемъ къ несчастной. Со слезами на глазахъ, вѣрный слуга поцѣловалъ ребенка.

— Пойдемте, мистриссъ Гарріета. Что бы тамъ ни было, а я проведу васъ до двери кабинета. Сэръ теперь одинъ, мы впустимъ въ комнату малютку, и видъ этого ангела смягчить можетъ быть его сердце.

Томасъ Крауфордъ задумчиво сидѣлъ передъ каминомъ въ широкомъ креслѣ. Пустота громаднаго дома давила его; каждая комната, всякая вещь напоминали ему ту, которую онъ воспиталъ, и которая, онъ надѣялся, будетъ радостью и отрадой ему подъ старость. Поглощенный тяжелыми воспоминаніями, онъ не слыхалъ ни открывшейся двери, ни маленькихъ невѣрныхъ шаговъ, направлявшихся къ нему, и только внезапно раздавшееся всхлипываніе заставило его вздрогнуть и быстро обернуться.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла Эленъ, которую Гарріетта втолкнула въ кабинетъ, научивъ ее предварительно, что нужно говорить. Смѣлая и рѣшительная по природѣ и увѣренная, кромѣ того, что идетъ къ старому родственнику ради мамы, которой только онъ одинъ можетъ вернуть здоровье, дѣвочка смѣло вошла въ комнату; но когда она очутилась среди незнакомой обстановки, передъ старикомъ со строгимъ видомъ, мужество сразу ее оставило. Не смѣя ни податься впередъ, ни отступить назадъ, дѣвочка расплакалась.

— Кто ты, малютка? Что тебѣ нужно отъ меня? — спросилъ Крауфордъ, сдерживая свое волненіе и не спуская глазъ съ ребенка. Не смотря на бѣдное и изношенное платьице, дѣвочка была очаровательна съ длинными, темными локонами, прозрачнымъ личикомъ и большими голубыми глазами, испуганно смотрѣвшими на него.

— Я Эленъ...—нерѣшительно пробормотала она.

Затѣмъ, вспомнивъ наставленія Гарріеты, она вскричала, протянувъ къ нему рученки:

— Дѣдушка! Прости насъ! Верни здоровье мамѣ!

Эта мольба въ мигъ разсѣяла неудовольствіе Крауфорда. Его умолялъ ребенокъ Викторіи! Кромѣ того, ясно было, что его племянницу поразило несчастье. Уступая впечатлѣнію минуты, онъ наклонился къ дѣвочкѣ, поднялъ ее и нѣжно поцѣловалъ.

— Кто же привелъ тебя суда?

— Гарріета! Она стоитъ за дверью,—отвѣтила Эленъ, личико которой уже прояснилось.

Довольная исходомъ своей попытки, Гарріета тотчасъ же явилась въ комнату и подробно разсказала всю жизнь Викторіи со времени ея замужества.

Когда Крауфордъ узналъ, какъ позорно была брошена его племянница, гнѣвное негодованіе вспыхнуло въ немъ.

— Подлецъ! Негодный проходимецъ! Слава Богу, что ты уѣхалъ и никогда больше не вернешься сюда!—проворчалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Бѣдную Викторію я могу простить: она и такъ уже слишкомъ наказана за свое ослѣпленіе.

Приказавъ тотчасъ же подать экипажъ, Крауфордъ вмѣстѣ съ дѣвочкой и Гарріетой поѣхалъ къ племянницѣ. Видъ исхудавшей до неузнаваемости и лежавшей безъ сознанія Викторіи возбудилъ въ сердцѣ Крауфорда глубокое участіе, а прежнее на нее неудовольствіе и разрывъ были окончательно забыты.

Нѣсколько часовъ спустя, Викторія, сама того не сознавая, возвратилась въ домъ, гдѣ она выросла, а у постели ея были собраны всѣ медицинскія свѣтила Нью-Іорка.

Благодаря хорошему уходу и молодому организму, Викторія была спасена, а радость свиданія съ дядей, его полное прощеніе и нѣжныя слова много содѣйствовали ея выздоровленію.

Она уже почти поправилась, какъ изъ Петербурга пришло денежное письмо, адресованное на имя Артемьевой. Пакетъ получилъ Крауфордъ и не стѣсняясь вскрылъ его. Какъ онъ и предполагалъ, письмо было отъ Владиміра Александровича, который въ теплыхъ словахъ извинялся передъ женой за долгое молчаніе и сообщалъ, что въ виду большой запутанности дѣлъ, вынужденъ отложить ихъ свиданіе на неопредѣленное время; поэтому, онъ совѣтовалъ женѣ потерпѣть еще и сулилъ скоро опять прислать денегъ.

Прочтя это письмо, Крауфордъ только презрительно усмѣхнулся. Желая знать правду о положеніи и образѣ жизни Артемьева, онъ рѣшилъ послать въ Россію довѣреннаго человѣка, чтобы тотъ навелъ самыя подробныя справки. Посланный, бывшій его кассиръ, уѣхалъ, снабженный рекомендательными письмами и подробными наставленіями. Онъ хорошо выполнилъ свое порученіе, такъ что, по возвращеніи, могъ сообщить Крауфорду всѣ подробныя свѣдѣнія о жизни Владиміра Александровича. Тотъ благодушно жилъ въ Петербургѣ съ кокоткой-американкой Шарлоттой Симпсонъ, которую привезъ съ собой изъ Нью-Іорка и продолжалъ содержать здѣсь; занималъ онъ блестящее, хорошо оплачиваемое мѣсто, слылъ холостякомъ и пользовался большимъ успѣхомъ, какъ въ большомъ свѣтѣ, такъ и въ полу-свѣтѣ.

Крауфордъ принялъ эти извѣстія съ насмѣшливой и презрительной улыбкой. Въ тотъ же вечеръ онъ поручилъ Гарріетѣ написать письмо, въ которомъ та извѣщала Артемьева, что Викторія, вынужденная нуждой давать уроки, простудилась и умерла отъ тифа; маленькая Эленъ заразилась отъ нея и, нѣсколько дней спустя, послѣдовала за матерью въ могилу. Вслѣдствіе всего этого, она возвращаетъ Владиміру Александровичу деньги, которыя онъ прислалъ своей женѣ. Письмо и деньги были отосланы въ Петербургъ на слѣдующій же день и Гарріета поклялась Крауфорду хранить эту тайну, пока тотъ сочтетъ нужнымъ.

Между тѣмъ, Викторія совсѣмъ выздоровѣла, физически, но душа ея оставалась больной. Не смотря на радость примиренія съ дядей, она оставалась нелюдимой, была слаба и крайне нервна. Изъ всего этого мистеръ Крауфордъ заключилъ, что душевная рана все еще не залечилась, и потому рѣшилъ переселить племянницу въ новую обстановку, гдѣ бы ни что не напоминало ей о безсовѣстномъ, подло ее бросившемъ человѣкѣ.

Энергичный янки никогда не откладывалъ въ долгій ящикъ разъ принятое рѣшеніе, и какъ только планъ его окончательно созрѣлъ, онъ призвалъ племянницу въ кабинетъ, чтобы серьезно переговорить съ ней.

Въ первый разъ заговорилъ Крауфордъ о прошломъ и подробно перечислилъ всѣ вины Артемьева противъ жены и дочери, разсказавъ при этомъ о присылкѣ денегъ, полученныхъ имъ изъ Петербурга справкахъ и о своемъ рѣшеніи объявить умершими Викторію и малютку.

— Можетъ быть, я поступилъ дурно, что не посовѣтовался прежде съ тобой,—прибавилъ старикъ,—но я хотѣлъ разъ навсегда разлучить тебя съ мерзавцемъ, который восхищенъ, повидимому, тѣмъ, что такъ удобно раздѣлался съ «ошибкой молодости». Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ онъ получилъ извѣстіе о вашей мнимой кончинѣ, а между тѣмъ не пишетъ ни слова, не спрашиваетъ подробностей и не требуетъ даже свидѣтельства о смерти. Это одно могло бы уже дать понять, чего онъ стоитъ, не имѣй я въ рукахъ документа, писаннаго лично имъ. Надѣюсь, что это развѣетъ твои послѣднія иллюзіи.

И Крауфордъ передалъ племянницѣ письмо, найденное и спрятанное Гарріетой.

Викторія была страшно блѣдна и, стиснувъ губы, не прерывая, выслушала дядю. Также не говоря ни слова пробѣжала она переводъ письма мужа, и только дрожаніе рукъ, да лихорадочный блескъ глазъ выдавали ея внутреннее волненіе.

Послѣ продолжительнаго молчанія, которое Крауфордъ не нарушалъ, Викторія взяла руку старика и прижала къ губамъ.

— Благодарю, дядя Томъ, за все, что ты сдѣлалъ! Я сама поступила бы такъ же. Теперь я рада, что онъ никогда не можетъ потребовать у меня Эленъ. Мы умерли для него.

— Безъ сомнѣнія! Но не забудь, что осторожность—мать безопасности! Я полагаю, что тебѣ, въ огражденіе отъ всякихъ случайностей, слѣдуетъ совершенно исчезнуть, а для этого предлагаю слѣдующее.

И Крауфордъ изложилъ свой планъ, который Викторія приняла

безъ всякихъ возраженій, а состоялъ онъ въ томъ, что мистеръ Томасъ продастъ все свое недвижимое имущество въ Нью-Іоркѣ и переселится въ Бостонъ. Викторія же приметъ фамилію своей бабушки съ материнской стороны—Рутерфордъ-Арди. Такимъ образомъ, она рѣшительно порветъ съ прошлымъ и будетъ жить только для дочери и дяди.

Прошло три года, какъ вдругъ новый ударъ поразилъ бѣдную Викторію. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тяжкихъ страданій, дядя умеръ отъ рака въ желудкѣ, а она чувствовала себя невыразимо несчастной и одинокой, такъ какъ и вѣрная Гарріета давно уже лежала въ могилѣ.

По завѣщанію Крауфорда, состояніе, размѣрами превысившее всѣ ожиданія, переходило къ его любимицѣ—Эленъ, а племянницѣ онъ назначилъ большую ренту и домъ, въ которомъ они жили.

Въ моментъ начала нашего разсказа минуло уже два года со времени смерти Крауфорда, и Эленъ было уже девять лѣтъ. Необыкновеннымъ умомъ и энергичнымъ, пылкимъ характеромъ дѣвочка восхищала мать, вызывая въ то же время опасенія за будущее. Мужчины будутъ увиваться вокругъ красивой, богатой, умной дѣвушки, и она падетъ жертвой властнаго и рокового для женщины чувства; а къ этому времени она будетъ одинока, такъ какъ здоровье Викторіи быстро убывало, и не было сомнѣній на счетъ близкой развязки. Вотъ почему она смотрѣла на встрѣчу съ подругой по пансіону, какъ на указаніе Провидѣнія, особенно въ виду того, что община «Рай безъ Адама» отвѣчала идеалу того воспитанія, какое она хотѣла бы дать дочери.

II.

Вечеромъ къ Викторіи пріѣхала Клара Форестъ. Послѣ чая Эленъ съ гувернанткой ушли къ себѣ, а пріятельницы усѣлись на широкомъ турецкомъ диванѣ.

— Теперь разскажи мнѣ свою жизнь,—сказала Викторія, цѣлуя пріятельницу—а потомъ дай подробныя свѣдѣнія относительно твоей общины, ея устройства, устава и т. д.

— О! Моя исторія не длинна,—и Клара вздохнула.—Какъ тебѣ извѣстно, я вышла изъ пансіона уже невѣстой Джемса Фореста, сына стараго друга моего отца. Выдавая меня за него, отецъ думалъ, что упрочиваетъ тѣмъ мое счастье; онъ такъ и умеръ въ этомъ убѣжденіи, а для меня скоро настало разочарованіе. Я узнала, что мой мужъ расточитель и кутила; все мое состояніе онъ спустилъ на различныя спекуляціи, а затѣмъ, безумно влюбившись въ бонну дѣтей нашихъ, бѣжалъ съ ней въ Европу. Впослѣдствіи я узнала, что онъ умеръ въ нищетѣ, брошенный своей красавицей, которая нашла себѣ любовника моложе и богаче. Впрочемъ, все это дѣло второстепенное. Перехожу къ себѣ. Когда я осталась одна и безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ четырьмя дѣтьми на рукахъ, я думала, что сойду съ ума; особенно мнѣ было тяжело, когда мой единственный сынъ умеръ отъ дифтерита. Право не знаю, что было бы со мной, если бы случай или, вѣрнѣе, Господь, не свелъ меня съ мистриссъ Оливеръ, директрисой общины, въ которой я теперь состою. Она пріютила меня съ тремя дочерьми. Теперь мои дѣвочки получаютъ хорошее и разумное воспитаніе въ нашей школѣ, а я служу въ качествѣ инспектрисы.

— Разскажи мнѣ обстоятельно, какая цѣль лежитъ въ основаніи вашей общины?

— Конечно, я выясню тебѣ всѣ подробности, какія только пожелаешь! Наше общество было основано лѣтъ пятнадцать тому назадъ, такою же потерпѣвшею крушеніе въ супружеской жизни, какъ и мы съ тобой. Богатая, одинокая и бездѣтная женщина, одаренная необыкновенной энергіей, она посвятила этому дѣлу жизнь и свое состояніе; а Господь благословилъ ея начинанія, такъ какъ дѣло наше процвѣтаетъ сверхъ всѣхъ ожиданій. Въ настоящее время община вполнѣ обезпечена весьма крупными вкладами. Когда ты навѣстишь меня, то будешь лучше судить о всѣхъ подробностяхъ. Вотъ нашъ уставъ въ краткихъ словахъ: община даетъ пріютъ столькимъ женщинамъ, сдѣлавшимся несчастными вслѣдствіе замужества, сколько можетъ прокормить ихъ съ дѣтьми, если таковыя имѣются; а принимаются къ намъ всѣ безъ различія ихъ соціальнаго положенія, и каждая вступающая приноситъ пользу общинѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. А обезпеченныя женщины, опредѣляющіяся въ нашу общину окончательно, платятъ за свое содержаніе и, кромѣ того, приносятъ, по соглашенію, извѣстную сумму въ даръ заведенію. Добровольный даръ этотъ идетъ на содержаніе сиротскаго пріюта и неимущихъ, такъ какъ мы призрѣваемъ сиротъ и брошенныхъ дѣвочекъ.

— Кѣмъ же дѣлаются впослѣдствіи ваши воспитанницы? — спросила внимательно слушавшая Викторія.

— Каждая дѣвочка обучается ремеслу, которое могло бы про-

кормить ее и сдѣлало бы независимой. У насъ стараются образовать ихъ характеръ, развить энергію и уничтожить опасныя въ жизни иллюзіи относительно любви и супружескаго счастья; каждая должна быть вооружена въ жизни. Такимъ образомъ, если ее и постигнетъ злосчастная судьба, она уже не будетъ зависѣть отъ произвола мужа.

— Все, что ты говоришь, манитъ меня переселиться къ вамъ. Ты поймешь это, когда узнаешь мою жизнь.

И Викторія разсказала подругѣ все, что ужъ извѣстно читателю.

— Меня пугаетъ вопросъ о будущемъ Эленъ, — прибавила она затѣмъ. — Здоровье мое расшатано, и какой-нибудь сердечный припадокъ можетъ неожиданно унести меня въ могилу, такъ что скоро она останется одна. Я дрожу при мысли, что будетъ съ дочерью, когда, красивая, богатая и увлекающаяся, она останется одна среди чужихъ людей и будетъ предоставлена самой себѣ? Въ вашей же общинѣ, я буду знать, что она — въ безопасности и что ей будетъ дано толковое воспитаніе. Скажи мнѣ, какія формальности надо исполнить, чтобы вступить туда?

— Пріѣзжай на-дняхъ къ намъ, бѣдная Викторія, и я представлю тебя мистриссъ Оливеръ. Если, посѣтивъ нашу общину, ты будешь настаивать на своемъ желаніи, то переговоришь съ ней объ условіяхъ твоего вступленія. Наша директриса — женщина, принадлежащая къ лучшему обществу, очень умная и опытная; въ прошломъ, она была очень несчастна и потому сочувствуетъ всѣмъ страждущимъ, собравшимся подъ гостепріимной кровлей общины, которая очень процвѣла подъ ея управленіемъ. Въ недалекомъ будущемъ предполагается открыть такія же убѣжища въ различныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ.

Обсудивъ еще кое-какія подробности, подруги рѣшили, что Викторія завтра же посѣтитъ это учрежденіе. Лихорадочное нетерпѣніе овладѣло ею и она всю ночь не сомкнула глазъ, обдумывая новый проектъ, а чѣмъ болѣе соображала, тѣмъ больше онъ ей нравился.

Община «Рай безъ Адама» дастъ Эленъ строго разумное воспитаніе и избавитъ отъ разочарованій, разбившихъ ея собственную жизнь. Она не будетъ наивной дѣвушкой, видящей въ любви и бракѣ волшебный сонъ и цѣль жизни. Въ этой благопріятной обстановкѣ, среди строгихъ и серьезныхъ женщинъ, испытавшихъ горе, она будетъ слѣдить, чтобы Эленъ серьезно училась и никогда не читала романовъ, воспламеняющихъ воображеніе и создающихъ въ молодомъ представленіи сказочнаго, украшеннаго всѣми рыцарскими доблестями «героя», котораго она будетъ искать въ жизни и подумаетъ, что нашла его въ первомъ щеголеватомъ и любезномъ кавалерѣ, пожелавшемъ за ней ухаживать. Нѣтъ, нѣтъ! Эленъ должна выработать достаточно ясный и проницательный взглядъ, чтобы различать подъ маской подлинное лицо мужчины. Своимъ образованіемъ она должна быть обезпечена отъ всѣхъ превратностей судьбы и должна разсчитывать только на свои силы, а не на какого-то невѣдомаго «благодѣтеля», который выберетъ ее за состояніе и красивое личико, а потомъ, презирая ея честное сердце и преданную любовь, станетъ ея тираномъ и палачемъ.

На слѣдующее утро Викторія Рутерфордъ поѣхала по оставленному подругой адресу. Путь былъ длиненъ, такъ какъ женская община находилась за городомъ, а Клара говорила, что первая директриса устроила убѣжище въ своемъ чудномъ имѣніи, которое и подарила общинѣ. Наконецъ, карета остановилась передъ желѣзной рѣшеткой.

На каменной аркѣ красовалась надпись большими золотыми буквами: Убѣжище «Рай безъ Адама». Подъ этой надписью виднѣлся барельефъ, изображавшій улей, окруженный рабочими пчелами, а на землѣ валялись перебитые трутни. Высокая и массивная оштукатуренная стѣна окружала громадное, казалось, пространство земли, а изъ лѣса зелени выдѣлялся одинъ изъ тѣхъ восьми или девятиэтажныхъ домовъ, строенныхъ исключительно изъ камня и желѣза, которые стали выростать ранѣе всего въ Америкѣ.

На звонокъ лакея, какая-то женщина въ черномъ платьѣ, бѣломъ передникѣ и такомъ же чепчикѣ отворила боковую калитку. Узнавъ, что посѣтительница желаетъ видѣть мистриссъ Форестъ, она попросила ее выйти изъ экипажа и слѣдовать за ней, такъ какъ уставъ общины не позволяетъ мужчинамъ, будь то и лакей, входить за рѣшетку безъ особаго на то разрѣшенія.

Викторія приказала лакею съ экипажемъ дожидаться, а сама пошла за привратницей, которая вела ее къ дому по крытой галереѣ. Здѣсь, другая служанка, въ такомъ же пуритански скромномъ костюмѣ, заявила, что мистриссъ Форестъ находится въ саду, въ отдѣленіи малолѣтнихъ, такъ какъ теперь часъ рекреаціи, но что гостью можно проводить туда.

Съ любопытствомъ оглядывая окружавшее, шла Викторія по громадному, тщательно содержимому саду. Всюду виднѣлись цвѣтники, съ рѣдкими цвѣтами, фонтаны и изящные павильоны, на ко-

торые проводница указала какъ на мастерскія, гдѣ изучали живопись, скульптуру и фотографію.

— По другую сторону дома устроены классы садоводства и великолѣпныя оранжереи, учебныя прачешныя, а также мастерскія кружевницъ и ткачихъ, — самодовольно прибавила служанка.

Наконецъ, онѣ вышли на круглую, усыпанную пескомъ, площадку, гдѣ играло много дѣвочекъ, подъ наблюденіемъ двухъ дамъ, и въ одной изъ нихъ Викторія узнала Клару.

Та тотчасъ же подошла къ ней, и завязался разговоръ. Мистриссъ Форестъ познакомила гостью со своей сотрудницей, которая, узнавъ, что Викторія пріѣхала повидаться съ директрисой, предложила, что одна присмотритъ за дѣтьми, пока Клара проводитъ свою подругу.

— Тебѣ придется немного обождать мистриссъ Оливеръ, такъ какъ она въ лазаретѣ. Я прикажу предупредить ее о твоемъ пріѣздѣ, а мы посидимъ пока въ пріемной, куда я провожу тебя кратчайшей дорогой, — сказала Клара, видимо обрадованная прекраснымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Викторію всѣмъ, что она видѣла.

Подъемная машина доставила подругъ въ третій этажъ. Проходя по широкому, сводчатому, какъ въ монастырѣ, коррилору, Викторія съ удивленіемъ прочла надъ одной изъ дверей надпись: «Архивъ».

— Какъ? У васъ даже есть архивъ? — спросила она.

— Еще бы! И даже въ высшей степени интересный, такъ какъ помимо оффиціальныхъ бумагъ, — въ родѣ дарственныхъ записей, запродажныхъ актовъ, купчихъ и пр., — здѣсь хранится единственное въ мірѣ собраніе автобіографій всѣхъ вступившихъ въ общину, со дня ея основанія. Каждая сестра, входя къ намъ, обязуется написать или продиктовать свое жизнеописаніе. Чтеніе этихъ воспоминаній вмѣняться въ обязанность всѣмъ, окончившимъ курсъ воспитанницамъ, и служитъ наилучшимъ противоядіемъ противъ всякихъ романическихъ бредней.

— Здѣсь, направо, помѣщается библіотека, — продолжала Клара. — Мы пройдемъ черезъ нее, такъ какъ она тоже выходитъ въ пріемную.

Библіотека помѣщалась въ двухъ большихъ комнатахъ: первая предназначалась для дѣтей, а вторая — для взрослыхъ. Викторія съ удовольствіемъ оглядѣла громадныя полки съ книгами, окруженные удобными креслами столы съ журналами, мягкій коверъ, устилавшій полъ, и тяжелыя, закрывавшія двери, портьеры. Ей чувствовалось хорошо въ этомъ пріютѣ мысли, и «Рай безъ Адама» нравился ей все больше и больше.

Викторія воображала найти пуританскую, аскетическую общину, добровольно осудившую себя на бѣдность и трудъ, словомъ, что-нибудь въ родѣ монастыря — и, вдругъ, нашла здѣсь довольство, уютъ, спокойную и полезную, а не изнурительную работу.

Рядомъ съ библіотекой находилась пріемная. Это была небольшая, красиво обстановленная комната, съ массой цвѣтовъ. Здѣсь Клара усадила подругу, а сама пошла предупредить директрису о пріѣздѣ посѣтительницы.

Легкіе шаги и шелестъ шелковаго платья заставили Викторію поднять голову. Къ ней подходила высокая женщина, съ грустнымъ и пріятнымъ лицомъ. Обмѣнявшись рукопожатіемъ, онѣ съ любопытствомъ оглядѣли другъ друга.

Мистриссъ Оливеръ была еще молода, но сѣдые волосы и особая складка у рта указывали на перенесенныя тяжелыя испытанія; въ большихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилась ясная и спокойная увѣренность, что свидѣтельствовало о побѣдѣ надъ прошлымъ. На ней было простое, но изящное платье, и кружевная косынка покрывала ея серебристые волосы.

— Добро пожаловать, сударыня! Сестра Форестъ сказала, что вы желаете вступить въ нашу общину, — сказала мистриссъ Оливеръ, садясь въ кресло.

— Да! Но говорила ли Клара о побудительныхъ причинахъ?

— Она упомянула только, что вы желаете воспитать вашу дочь на проповѣдуемыхъ нами началахъ. Я съ удовольствіемъ дамъ вамъ всѣ желаемыя свѣдѣнія и покажу классы, гдѣ дѣти получаютъ воспитаніе, сообразно съ ихъ общественнымъ положеніемъ. Мы воспитываемъ служанокъ и работницъ, но также женщинъ врачей и докторовъ правъ или философіи. Наши мастерскія производятъ великолѣпныя работы такой дешевизны, что никто не можетъ съ ними соперничать; поэтому мы завалены заказами и зарабатываемъ достаточно на покрытіе бо́льшей части расходовъ, а въ прошломъ году изъ прибылей были уплачены даже всѣ расходы по общинѣ. Я уже не говорю, что работа — лучшее средство для излеченія ранъ души.

— Ваше дѣло должно быть очень хлопотливо и тяжело?—замѣтила Викторія.

— Да, иногда бываетъ очень трудно воздѣйствовать на разбитыя сердца, возмущающіяся противъ Бога и судьбы, трудно успокаивать неудовлетворенную ненависть и бурю безпомощной ревно-

сти, или погашать безумныя, преслѣдующія нѣкоторыхъ несчастныхъ мечты, особенно, когда живъ еще виновникъ ихъ страданій, что внушаетъ имъ надежду покинуть наше убѣжище. Я совершенно одинока: съ мужемъ мы развелись, а дѣти мои умерли; поэтому я рада имѣть цѣль въ жизни, посвятивъ себя утѣшенію и поддержкѣ моихъ несчастныхъ сестеръ. И могу сказать, что Господь благословилъ наши труды! Я видѣла, какъ не въ одной измученной душѣ возрождались покой и покорность, особенно среди простыхъ женщинъ, чувствующихъ себя счастливыми, что избавились отъ нищеты, грубостей мужа-пьяницы, и могущихъ скопить здѣсь еще небольшой капиталъ, такъ какъ мы откладываемъ извѣстную часть ихъ заработка. Сумма эта выдается имъ на руки, когда онѣ пожелаютъ оставить убѣжище.

Разговоръ этотъ принялъ скоро задушевный оттѣнокъ. Викторія почувствовала глубокую симпатію къ этой умной и сердечной женщинѣ, которая такъ благородно использовала свободу, уготованную ей разбитой жизнью. Когда онѣ вернулись въ пріемную, послѣ обхода всего учрежденія, между ними была полная дружественность, а Викторія безповоротно рѣшила вступить въ общину, о чемъ она и сообщила директрисѣ.

— Могу только одобрить ваше намѣреніе. Въ новой средѣ вы невольно оторветесь отъ грустныхъ воспоминаній, — сочувственно отвѣтила мистриссъ Оливеръ, вручая Викторіи экземпляръ ихъ устава.

Когда старикъ докторъ, лечившій Викторію и бывшій другомъ покойнаго дяди, узналъ объ ея рѣшеніи, то страшно разсердился, назвалъ ея планъ безуміемъ и яростно напалъ на полуумныхъ, психопатокъ, проповѣдывавшихъ утопіи и извращавшихъ факты. Онѣ сдѣлаютъ изъ Эленъ смѣшное существо, не довѣряющее обществу и возстающее противъ самаго могущественнаго и естественнаго чувства человѣческаго сердца.

Викторія съ улыбкой выслушала филиппику доктора.

— Я именно и хочу воспитать въ ней недовѣріе къ чувству, которое девять разъ изъ десяти дѣлаетъ женщину несчастной. Я не хочу, чтобы Эленъ умерла одинокой и брошенной, какъ я, чтобы она была оскорблена въ самомъ святомъ чувствѣ. Моя дочь должна здраво смотрѣть на жизнь и знать истинную цѣну о ч а р о в а т е л ю, который предложитъ ей свое «сердце, руку и вѣрность»: она должна знать, что все это пустыя, лишенныя практическаго значенія слова, и что влюбленный «рыцарь» въ интимной жизни можетъ

оказаться однимъ изъ самыхъ несносныхъ извергов. Нѣтъ, нѣтъ, «Рай безъ Адама» одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ учрежденій, какія я когда-либо видѣла. Оно должно бы имѣть повсюду отдѣленія. Было бы очень желательно, чтобы такія же общины были основаны для воспитанія мальчиковъ, гдѣ изъ нихъ дѣлали бы добросовѣстныхъ мужей, понимающихъ, что при совмѣстной жизни обязанности обоюдны, и что нельзя требовать отъ женщинъ всѣхъ добродѣтелей, а на свою долю оставлять одинъ произволъ.

Викторія спѣшно изготовилась къ переѣзду. Въ общинѣ ей отвели помѣщеніе, состоявшее изъ трехъ комнатъ, которыя позволили обставить по своему вкусу; кромѣ того, ей сдѣлано было нѣсколько небольшихъ уступокъ, ввиду оказанной ею щедрости, такъ какъ она, въ качествѣ платы за свое съ дочерью содержаніе, отдавала общинѣ половину своего дохода, а также дохода Эленъ, предназначеннаго ей до замужества; помимо этого, она приносила убѣжищу домъ, принадлежавшій ей лично. Такимъ образомъ, мѣсяцъ спустя послѣ встрѣчи съ мистриссъ Форестъ, Викторія окончательно поселилась въ общинѣ.

Докторъ Уильсонъ упорно не одобрялъ такую перемѣну образа жизни и предсказывалъ серьезное осложненіе болѣзни, которое неизбѣжно будетъ вызвано ежедневнымъ соприкосновеніемъ со стадомъ взбалмошныхъ дуръ. Однако, это предсказаніе не осуществилось, и даже наоборотъ, здоровье Викторіи явно улучшилось.

Въ убѣжищѣ она чувствовала себя гораздо лучше, чѣмъ въ большомъ опустѣломъ домѣ, полномъ горькихъ воспоминаній; здѣсь же у нея не было времени мечтать и копаться въ прошломъ. Окружавшая ее живая и энергичная дѣятельность, увлекала ее и возбуждала желаніе также быть полезной.

Викторія, какъ мы уже упоминали, получила блестящее воспитаніе, была отличная музыкантша и прекрасно рисовала; поэтому она взяла на себя преподаваніе музыки и рисованія, а кромѣ того, помогала мистриссъ Оливеръ въ наблюденіи за мастерскими, что очень ихъ сблизило. Много часовъ проводила она также въ архивѣ за чтеніемъ сохранявшихся тамъ воспоминаній — подлинныхъ житейскихъ романовъ, въ которыхъ рисовались съ различными оттѣнками двѣ главныя фигуры: несчастная, разбитая женщина и грубый, себялюбивый мужчина, не допускавшій иного закона, кромѣ наслажденія, и упорно предпочитавшій наглую и расточительную жрицу любви вѣрной и скромной женѣ.

Съ болѣзненнымъ любопытствомъ наблюдала Викторія въ ма-

стерскихъ за работницами; всѣ съ жаромъ трудились, но на ихъ пасмурныхъ лицахъ, и въ суровой, горькой складкѣ крѣпко сжатыхъ губъ читалась цѣлая эпопея мученій нравственныхъ и физическихъ. Иногда какая-нибудь блѣдная женщина, со слезами на глазахъ и склонясь надъ пяльцами или машиной, до такой степени погружалась въ работу, что ничего не видѣла и не слышала; оказывалась она вновь прибывшей, горе которой еще было слишкомъ живо, или какой-нибудь жертвой, больнѣе другихъ оскорбленной, рану которой не залечивало даже время. Такія женщины внушали Викторіи особенное расположеніе, такъ какъ и ея собственная рана тоже не поддавалась излеченію. Иногда, въ ночной тиши, она горевала о своемъ быстро исчезнувшемъ счастьѣ, и тогда въ памяти возставалъ разбившій ея жизнь безсердечный человѣкъ. Законное возмездіе не постигло виновнаго: онъ жилъ въ довольствѣ и почетѣ, уважаемый всѣми, тогда какъ она угасала здѣсь и вынуждена оставить дочь на попеченіе чужихъ.

Въ такія минуты острое чувство одиночества давило ея сердце. Охваченная невыразимой тоской, она вставала съ кровати, шла къ Эленъ, и только видъ дочери возвращалъ ей спокойствіе. Она любовалась спавшей малюткой, ея свѣжимъ личикомъ, съ гордымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ, и ея густыми, шелковистыми кудрями. И снова Викторію охватывала боязнь за будущее дочери! Какія опасности будутъ окружать это прелестное существо, предоставленное собственнымъ силамъ, въ тотъ роковой часъ, когда сердце женщины начинаетъ жаждать любви, когда достаточно пустого случая, чтобы пробудить въ ней это, хотя законное и священное чувство, но которое однако часто превращается въ костеръ, сжигающій ее.

Эленъ была въ восторгѣ отъ своей новой жизни. Ростя одиноко, между больной и печальной матерью и безконечно добрымъ, конечно, но всегда серьезнымъ и занятымъ дѣлами, дядей Томомъ, — дѣвочка чувствовала себя теперь счастливой въ громадномъ саду, среди маленькихъ сверстницъ. Здѣсь все было для нея ново: и общія игры, и большое озеро съ лебедями, и уроки въ классѣ, гораздо интереснѣе, чѣмъ занятія съ гувернанткой. Къ довершенію счастья, ея дорогая мама чувствовала себя несравненно лучше. Она казалась такой веселой и дѣятельной, какой Эленъ никогда еще не видала ее.

Впрочемъ, нужна была вся неопытность Эленъ, чтобы не чувствовать, что новымъ ея подругамъ не хватало истинно-дѣтскаго, беззаботнаго веселья, и что ихъ такъ же давила странная и суровая атмосфера, царившая въ домѣ. Дѣти, правда, бѣгали, играли, болтали, но все это дѣлалось безъ шумнаго увлеченія, присущаго ребячеству. А всѣ эти крошки имѣли уже прошлое, омраченное горькими воспоминаніями о вынесенной нищетѣ, лишеніяхъ и грубыхъ сценахъ, сопровождавшихся слезами ихъ матерей—и это прошлое отразилось на ихъ блѣдныхъ и не по возрасту серьезныхъ личикахъ.

Бурная веселость Эленъ, вызванная сначала удовольствіемъ не быть одной, скоро превратилась, какъ и у другихъ, въ спокойную серьезность. Тогда она стала искать для себя подругу и нашла ее въ лицѣ маленькой француженки изъ Канады, по имени Бланшъ Клэрваль. Эта красивая, золотисто-рыжая дѣвочка, съ зеленоватыми глазками и съ пурпурнымъ ротикомъ, была настолько же непостоянна, вспыльчива и восторженна, насколько Эленъ — настойчива, положительна и энергична. Несмотря на полное несходство характеровъ, дѣвочки полюбили другъ друга и дѣлились между собой каждымъ лакомствомъ, каждымъ удовольствіемъ и даже поклялись никогда не разставаться. Но судьба рѣшила иначе.

Мать Бланшъ умерла два года спустя послѣ вступленія въ общину Викторіи Рутерфордъ. Она развелась съ мужемъ, который влюбился въ актрису и женился на ней, какъ только сбросилъ съ себя узы перваго брака, а затѣмъ обстоятельства привели г-жу Клэрваль въ Бостонъ, гдѣ она и вступила въ общину. Умирая, она объявила, что оставляетъ дочь въ общинѣ, пока та не будетъ въ состояніи сама содержать себя. Поэтому на Бланшъ смотрѣли, какъ на пріемную дочь «Рая безъ Адама», и всѣ наперерывъ старались облегчить ей поразившій ее тяжелый ударъ.

Прошло около восьми мѣсяцевъ со времени смерти г-жи Клэрваль, какъ вдругъ къ начальницѣ пріюта явился какой-то господинъ. Ссылаясь на документы, онъ объявилъ, что, будучи отцомъ Бланшъ, беретъ свою дочь, которую желалъ воспитывать самъ. Мистриссъ Оливеръ пыталась протестовать, опираясь на послѣднюю волю покойной; фатоватый и увядшій папаша, желавшій отнять у нея одну изъ ея воспитанницъ, внушалъ ей отвращеніе. Но Клэрваль настаивалъ, грозя обратиться къ властямъ и обвинить общину въ насильственномъ удержаніи малолѣтней, такъ что настоятельницѣ пришлось уступить. Узнавъ, что отецъ беретъ ее къ себѣ, Бланшъ была ошеломлена, а потомъ стала отказываться съ криками и слезами; но когда Клэрваль грубо тряхнулъ ее за руку и сурово взглянулъ на дочь, дѣвочка испугалась, умолкла и съ ней сдѣлался нервный припадокъ.

Наконецъ, Клэрваль уѣхалъ, уступивъ просьбѣ мистриссъ Оливеръ оставить дѣвочку до вечера, но взявъ съ нея обѣщаніе, что она лично привезетъ къ нему Бланшъ. Когда дѣвочка успокоилась, настоятельница серьезно поговорила съ ней, посовѣтовавъ покориться волѣ отца и не раздражать его тщетнымъ сопротивленіемъ; при этомъ она увѣрила Бланшъ, что община всегда останется для нея убѣжищемъ и роднымъ домомъ, куда она можетъ укрыться въ случаѣ несчастья или одиночества. Эленъ тоже поклялась остаться до самой смерти ея вѣрной подругой; пріятельницы разстались, заливаясь слезами и обѣщая часто переписываться...

Этотъ случай произвелъ на Эленъ глубокое впечатлѣніе и оживилъ въ ней воспоминаніе о собственномъ отцѣ. Несмотря на минувшіе года, дѣвочка отлично помнила Владиміра Александровича и его случайныя ласки, но никогда не упоминала объ этомъ. Сначала дядя запретилъ ей говорить о немъ, сказавъ, что тотъ умеръ, а затѣмъ, обращенный ею къ матери вопросъ о причинахъ исчезновенія отца, вызвалъ у Викторіи сердечный припадокъ. Съ тѣхъ поръ дѣвочка молчала, хотя и много думала объ этомъ. Развитая не по лѣтамъ, Эленъ была очень наблюдательна; кромѣ того, недаромъ она жила въ общинѣ «Рай безъ Адама». Скоро у нея сложилось убѣжденіе, что отецъ ея — негодяй, мать—невинная жертва, а сама она—брошенный ребенокъ; съ тѣхъ поръ образъ Владиміра Александровича занялъ въ душѣ ея особенное мѣсто. Она не забыла его, но стала смотрѣть, какъ на врага, бывшаго причиной болѣзни и постоянной грусти обожаемой матери.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ здоровье Викторіи стало неожиданно ухудшаться. Припадки болѣзни сердца участились и сдѣлались сильнѣе, такъ что опасеніе за мать заставило Эленъ позабыть горе, причиненное ей разлукой съ подругой.

Ей уже было двѣнадцать лѣтъ и она понимала, что жизнь матери въ опасности. Всякій разъ, какъ припадокъ сердцебіенія заставлялъ Викторію откидываться назадъ и прижимать руки къ сердцу, дѣвочка отсчитывала въ рюмку дрожавшей рукой успокоительныя капли, давала ихъ больной, отирала холодный потъ, выступавшій на ея лбу, прикладывала компрессы и только успокаивалась, когда припадокъ утихалъ, и Викторія засыпала отъ утомленія.

Вслѣдствіе такото постояннаго напряженія, дѣвочка лишилась сна и аппетита; она просыпалась по ночамъ и прислушивалась, спитъ ли мать, а при малѣйшемъ ея движеніи, Эленъ соскакивала съ кровати. Викторію очень безпокоило такое возбужденіе и она вся-

чески старалась скрывать отъ дочери свои страданія. Съ этою цѣлью она часто просиживала далеко за полночь въ своей маленькой гостиной, ссылаясь на работу или желаніе почитать.

Однажды ночью Эленъ проснулась и увидѣла, что кровать матери пуста. Мучимая невыразимымъ страхомъ, она залилась горькими слезами, не смѣя, однако, встать съ кровати, такъ какъ знала, что Викторія не любила, когда она приходила къ ней въ гостиную. Наконецъ, окружавшая ее глубокая тишина сдѣлалась ей до такой степени невыносима, что, даже рискуя получить выговоръ, она спрыгнула съ кровати и, какъ тѣнь, скользнула къ полуоткрытой двери въ гостиную.

Викторія сидѣла, облокотясь на письменный столъ, и была углублена въ разсматриванье большого портрета, вставленнаго въ кожаную рамку-складень. Эленъ не видѣла раньше этого портрета, но лицо изображеннаго на немъ человѣка было ей знакомо; онъ жилъ въ ея памяти. Смертельная блѣдность матери и молчаливыя слезы, катившіяся по ея щекамъ, подтверждали ея предположеніе, что это былъ портретъ ея отца, о которомъ никогда не говорилось, такъ что она даже не знала: живъ онъ, или же мать оплакиваетъ его смерть.

Эленъ охватило неудержимое желаніе узнать истину. Подойдя къ Викторіи, она опустилась на колѣни, обняла ее, и, прижавшись головой къ матери, пробормотала умоляющимъ голосомъ:

— Мама! Скажи, гдѣ папа? Скажи, живъ онъ или умеръ, какъ говорилъ дядя? — сказала она, видя, что мать вздрогнула и продолжала хранить молчаніе.

— Да, это портретъ твоего отца! Сказать же тебѣ, живъ ли онъ еще, я не могу, — отвѣтила Викторія тихо и отрывисто. — Во всякомъ случаѣ, бѣдное дитя мое, для насъ съ тобой онъ — умеръ! Онъ не закроетъ мнѣ глазъ и не будетъ тебѣ защитникомъ и опорой. Забудь, Эленъ, что у тебя есть отецъ. Но, если сдѣлаешься жертвой предательскаго чувства любви, будь очень и очень осторожна въ выборѣ мужа, чтобы не страдать, какъ я, и чтобы тебѣ не пришлось говорить своему ребенку такую грустную истину.

Эленъ залилась слезами и покрыла поцѣлуями холодныя руки матери. Черезъ минуту она подняла головку и сказала рѣшительно:

— Разскажи мнѣ, мама, твое прошлое. Я уже большая дѣвочка и обѣщаю, что оправдаю твое довѣріе.

Викторія задумалась, а потомъ отвѣтила:

— Хорошо! Ты имѣешь право знать правду.

Кратко и въ общихъ чертахъ разсказала она исторію своего замужества и отъѣзда мужа, а затѣмъ прибавила:

— Ты еще слишкомъ юна, чтобы все понять. Взгляни на эту толстую тетрадь, лежащую въ ящикѣ стола: это—мой дневникъ. Онъ содержитъ исторію моей души, когда я была дѣвушкой, невѣстой, женой и стала матерью. Обѣщай мнѣ, что ты прочтешь его не раньше, чѣмъ тебѣ исполнится восемнадцать лѣтъ. Кромѣ того, мою біографію ты найдешь въ архивѣ убѣжища. Тогда только ты поймешь вполнѣ, что я выстрадала, а моя жизнь послужитъ тебѣ страшнымъ примѣромъ.

Викторія закрыла футляръ портрета и, бросивъ его въ ящикъ стола, прибавила:

— Забудь лицо этого человѣка, Эленъ! Онъ никогда не любилъ насъ. А теперь ступай спать: ты очень утомлена, дорогая моя.

Но дѣвочка была слишкомъ возбуждена, чтобы заснуть. Она пододвинула табуретъ къ ногамъ матери, увѣривъ, что ей не хочется спать, и съ дѣтской важностью завела разговоръ о всецѣло занимавшемъ ее предметѣ. Сужденія Эленъ были такъ вѣрны, что удивленная и очарованная Викторія даже увлеклась, и стала откровенно бесѣдовать съ ней, позабывъ, что имѣетъ дѣло съ двѣнадцатилѣтней дѣвочкой.

Мало-по-малу, усталость стала одолѣвать Эленъ, но она ни за что не хотѣла прерывать разговоръ, возвышавшій ее въ собственныхъ глазахъ и ставившій наравнѣ съ взрослыми; Викторія же, увлеченная своими воспоминаніями, не замѣчала, что сонъ незамѣтно овладѣвалъ дѣвочкой. Когда головка ея тяжело легла на колѣни матери, тогда только Викторія замѣтила, что глаза ея закрыты. Она поцѣловала шелковистыя кудри дочери и, жалѣя будить ее, откинулась на спинку кресла.

Вдругъ страшная боль сдавила ей грудь, и она чувствовала, какъ сердце ея то раздувалось, то съ силою сжималось, затрудняя ея дыханіе; въ ушахъ зашумѣло и ей представилось, что она летитъ въ какую-то мрачную бездну. Она потеряла сознаніе и застыла... Бѣдное сердце ея, много трепетавшее отъ страха, горечи и муки, навсегда перестало биться...

Эленъ, между тѣмъ, продолжала спать, не замѣчая леденящаго холода руки, судорожно сжимавшей ея руку. Дѣвочка не проснулась, когда въ семь часовъ утра въ гостиную вошла мистриссъ Форестъ, имѣвшая обыкновеніе каждое утро навѣщать свою подругу, здоровье которой внушало ей сильныя опасенія.

При видѣ трогательной группы, мистриссъ Форестъ сначала остановилась съ удивленіемъ, а потомъ поблѣднѣла и глухо вскрикнула. Восковое лицо Викторіи, ея открытые, стеклянные глаза и странная неподвижность не позволяли сомнѣваться далѣе... Бѣдная подруга ея умерла, и она съ безмолвнымъ участіемъ наклонилась надъ несчастной сиротой, которую ожидало такое ужасное пробужденіе.

III.

Былъ чудный весенній день 18...года. Въ открытыя окна небольшой гостиной, выходившей въ садъ, лился ароматъ цвѣтущей сирени. Золотистые лучи заходившаго солнца весело играли на розовомъ шелкѣ дивановъ и креселъ, на золоченыхъ рамахъ картинъ извѣстныхъ мастеровъ и на цѣнныхъ бездѣлушкахъ, разставленныхъ по столамъ и этажеркамъ.

На небольшомъ диванѣ, подъ сѣнью высокихъ экзотическихъ растеній, сидѣла молодая дѣвушка въ изящномъ, черномъ шелковомъ платьѣ, и казалось, была погружена въ глубокое раздумье. Она была хороша собой и стройна; тонкое лицо съ классически правильными чертами отличалось ослѣпительной бѣлизной, которую еще рѣзче оттѣняли роскошные темные волосы; въ большихъ голубыхъ глазахъ, оживлявшихъ ея юное личико, свѣтилось холодное спокойствіе зрѣлыхъ лѣтъ, а вокругъ розоваго ротика залегла энергичная и надменная складка.

Въ креслѣ напротивъ сидѣлъ высокій, плотный и щеголеватый молодой человѣкъ. На его длинномъ угловатомъ лицѣ отражалось томительное и едва сдерживаемое ожиданіе.

— Ну, что же, миссъ Рутерфордъ? Могу я надѣяться на благопріятный отвѣтъ?—сказалъ онъ, наконецъ, нарушая довольно продолжительное молчаніе.

Молодая дѣвушка подняла на него глаза.

— Простите меня, мистеръ Типльтонъ, но вопросъ настолько важенъ, что заслуживаетъ размышленія. Вы увѣряете, что любите меня? Но въ этомъ всякій мужчина можетъ клясться сколько угодно разъ, а потому, совершенно естественно, что женщина не довѣряетъ слѣпо клятвамъ любви. Мой взглядъ на бракъ ни для кого не составляетъ тайны; что же касается того, что я о б д у м ы в а ю ваше предложеніе, это доказываетъ только мое къ вамъ вниманіе.

— Благодарю васъ, миссъ Эленъ! Надѣюсь, я оправдаю ваше обо мнѣ доброе мнѣніе; когда же мы будемъ мужемъ и женой, я постараюсь радикально излечить васъ отъ всѣхъ нелѣпыхъ идей, внушенныхъ вамъ въ этомъ проклятомъ домѣ умалишенныхъ, гдѣ стараются ниспровергнуть существующій общественный порядокъ и подорвать единство семьи, — съ самодовольной улыбкой замѣтилъ молодой американецъ.

Загадочное выраженіе скользнуло по лицу Эленъ. Взявъ на столѣ карандашъ и листъ бумаги, она подала ихъ собесѣднику.

— Сдѣлайте мнѣ удовольствіе и напишите на этомъ листѣ предложеніе, которымъ вы удостоиваете меня.

Видимо смущенный и недовольный, мистеръ Типльтонъ съ минуту колебался; но затѣмъ, склонясь надъ столомъ, онъ быстро написалъ въ пылкихъ выраженіяхъ свое предложеніе и подалъ его Эленъ.

Та удержала его руку и съ минуту разглядывала глубокія, но немногосложныя линіи, бороздившія его ладонь. Затѣмъ она долго смотрѣла на листъ, изучая его путанный и угловатый, размашистый почеркъ.

Наконецъ, она подняла голову и насмѣшливо взглянула на нахмурившагося гостя.

— Сожалѣю, мистеръ Типльтонъ, что должна отказать вамъ, но по линіямъ вашей руки я прочла, что у васъ нѣтъ сердца, и для васъ важнѣе всего шерсть; а вашъ почеркъ указываетъ, что вы обладаете весьма непріятнымъ характеромъ.

Темная краска залила лицо американца.

— Какъ? На подобныхъ пустякахъ вы основываете вашъ отказъ?—съ бѣшенствомъ вскричалъ онъ.

— Хиромантія, какъ и графологія, вовсе не пустяки, а вашъ гнѣвъ доказываетъ это,—спокойно отвѣтила Эленъ.—Я не могу быть вашей женой, такъ какъ дала себѣ слово, что выйду замужъ только за того человѣка, линіи руки и почеркъ котораго укажутъ въ немъ душу идеалиста, любящее сердце и артистическія наклонности.

— Вы просто насмѣхаетесь, миссъ Рутерфордъ, послѣ того, какъ любезничали со мной и подавали мнѣ надежду! Вотъ она, хваленая женская порядочность! Вы упрекаете насъ, мужчинъ, въ легкомысліи и считаете недостойными довѣрія, а между тѣмъ сами женщины, эти милыя жертвы нашего тиранства, полны кокетства и двуличности,— дрожа отъ гнѣва, сказалъ мистеръ Типльтонъ и схватилъ шляпу.

— На что вы жалуетесь, мистеръ Типльтонъ? Я оказываю вамъ услугу, избавляя отъ брака съ кокеткой, подбитой еще и двуличностью,—спокойно замѣтила Эленъ.—Если вы, мужчины, разочаровались въ женщинахъ, то создайте себѣ «Рай безъ Евы», вотъ и все!

— Нѣтъ! Лучше мы добьемся закрытія отвратительнаго учрежденія, которое воспитываетъ женщинъ, возстающихъ противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ,—возразилъ Типльтонъ, стремительно выбѣгая изъ гостиной.

Когда далекій шумъ съ трескомъ захлопнутой наружной двери возвѣстилъ объ окончательномъ уходѣ неудачнаго претендента, Эленъ громко расхохоталась. Она встала, собираясь уже уходить, но поднялась тяжелая портьера, и на порогѣ показалась женщина въ черномъ платьѣ, съ небольшимъ портфелемъ въ рукѣ. Она была такъ худа, суха и непривлекательна, что ей можно было бы дать сорокъ лѣтъ, тогда какъ въ дѣйствительности ей было всего двадцать пять—шесть. Ея строгій простой костюмъ и закрученные на затылкѣ узломъ волосы вовсе не шли къ ней.

— Ну, что? Можно тебя поздравить? Когда же ты сдѣлаешься мистриссъ Типльтонъ, владѣтельницей склада лучшей въ Бостонѣ шерсти, и сердца любезнаго мистера Даніэля, на придачу? — насмѣшливо спросила вошедшая.

— Увы! Я упустила столь великое счастье, благодаря хиромантіи, выдавшей дурной аттестатъ мистеру Даніэлю,—смѣясь отвѣтила Эленъ.—Мы разстались съ нимъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ, и онъ рѣшилъ начать смѣлое нападеніе на нашу общину, съ цѣлью добиться ея закрытія. Вотъ, бѣдная Нелли, какую опасность вызвала я, отказавшись сдѣлаться мистриссъ Типльтонъ!

— Пусть начинаетъ нападеніе, а у общины есть клювъ и когти, такъ что она сумѣетъ защитить себя! Но оставимъ эти глупости! Я пришла поговорить съ тобой.

— Въ чемъ дѣло, Нелли? Я въ полномъ твоемъ распоряженіи,— отвѣтила Эленъ, тотчасъ же дѣлаясь серьезной.

— Во-первыхъ, твой издатель пишетъ, что четвертое изданіе, т. е. двадцатая тысяча твоей брошюры, почти вся разошлась, и проситъ разрѣшеніе выпустить новое изданіе.

— Отлично! Только мнѣ хочется, чтобы ты выговорила у него извѣстное количество даровыхъ брошюръ. Я хочу взять ихъ съ собой въ Европу и раздавать тамъ.

— Завтра же я переговорю съ нимъ. Далѣе, мнѣ надо знать твое мнѣніе относительно отвѣтовъ на двадцать писемъ, полученныхъ сегодня утромъ. Они вызваны твоей послѣдней лекціей о правахъ и эмансипаціи женщины.

Пройдя въ сосѣднюю комнату, онѣ сѣли за большой письменный столъ и принялись читать письма, дѣлая помѣтки, что слѣдовало на нихъ отвѣчать. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Нелли ушла, чтобы тотчасъ же заняться отправкой корреспонденціи, а Эленъ прошла въ свою мастерскую.

Наступили сумерки. Она спустила занавѣски и минуту спустя потоки электрическаго свѣта залили большую комнату. Тутъ виднѣлись глина, мраморъ и начатыя работы. Эленъ подвязала большой полотняный передникъ и принялась лѣпить бюстъ своей матери по миніатюрѣ, гдѣ та была изображена еще молодой дѣвушкой.

Любовь Эленъ къ матери превратилась въ какой-то страстный культъ. Ея любимымъ занятіемъ было оживлять въ мраморѣ очаровательныя черты лица покойной, а ея постоянной заботой—отомстить мужчинамъ за всѣ огорченія, которыя преждевременно свели Викторію въ могилу. Неожиданная смерть мистриссъ Рутерфордъ въ ту именно ночь, когда она въ первый разъ заговорила съ дочерью какъ съ подругой, произвела на дѣвочку ужасное впечатлѣніе.

Страшное отчаяніе и слѣпое упорство, съ какимъ она цѣплялась за тѣло матери, заставили опасаться за ея здоровье и разсудокъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ погребенія, Эленъ заболѣла нервной горячкой — и, въ теченіе двухъ недѣль жизнь ея висѣла на волоскѣ. Наконецъ, молодость и бдительный уходъ настоятельницы съ мистриссъ Форестъ восторжествовали надъ болѣзнью. Эленъ стала медленно поправляться; но дѣвочка сдѣлалась удивительно серьезной и сосредоточенной, и принялась за ученіе съ необыкновенной энергіей. Богато одаренная отъ природы, Эленъ отлично училась, а кромѣ того, успѣвала еще заниматься искусствами и сдѣлалась отличной музыкантшей. Но наибольшую склонность питала она къ скульптурѣ, а быстрые успѣхи и твердая вѣрность ея рѣзца удивляли даже профессоровъ.

Однажды Эленъ случайно попала въ руки книга о хиромантіи. Эта отрасль оккультной науки, позволявшая по таинственнымъ знакамъ, наложеннымъ природой на руку человѣка, читать его характеръ, сильно увлекла ее. Чувствуя ненависть и недовѣріе къ сильной половинѣ рода человѣческаго, она нашла весьма интереснымъ имѣть возможность заглядывать подъ маску, которой мужчина прикрываетъ свой истинный нравъ.

Въ эти-то годы труда и ученія Эленъ искренно привязалась къ молодой дѣвушкѣ, которую несчастье привело въ ихъ общину.

Нелли Синклэръ была единственною дочерью богатаго негоціанта и росла въ праздности и роскоши, такъ какъ обожавшій отецъ баловалъ дѣвочку, а матери она лишилась въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Въ шестнадцать лѣтъ Нелли была обручена съ сыномъ компаньона отца, и былъ уже назначенъ день ихъ свадьбы, какъ вдругъ старый Синклэръ былъ убитъ при желѣзнодорожной катастрофѣ. Эта-то неожиданная смерть отца разбила жизнь и будущее Нелли.

Были ли дѣла мистера Синклэра дѣйствительно разстроены или его компаньонъ воспользовался этой катастрофой, чтобы запутать ихъ въ свою пользу — это осталось не раскрытымъ, но только Нелли очутилась безъ гроша за душой. Когда это было окончательно выяснено, женихъ безъ стѣсненія объявилъ ей, что необходимость поднять престижъ ихъ торговаго дома, поколебленный непростительнымъ образомъ дѣйствій ея покойнаго отца, вынуждаетъ его жениться на богатой. Бѣдная Нелли, любившая жениха и вѣрившая въ его любовь, думала, что сойдетъ съ ума отъ этого новаго удара судьбы, тѣмъ болѣе, что ни въ комъ поддержки не было, такъ какъ родные и друзья испарились, не желая брать на себя обузу содержать сироту. Чтобы не умереть съ голода, Нелли должна была взять мѣсто бонны при дѣтяхъ.

Трудно передать, что выстрадала гордая и избалованная дѣвушка, занявъ такое подчиненное положеніе. Она уже серьезно подумывала покончить самоубійствомъ, когда случай свелъ ее съ мистриссъ Оливеръ, которая сжалилась надъ ней и пріютила ее въ убѣжищѣ. Мрачная и грустная молодая дѣвушка внушила Эленъ глубокую къ себѣ симпатію. Хотя Нелли и была лѣтъ на пять старше, тѣмъ не менѣе, онѣ скоро сдѣлались неразлучными подругами.

Эленъ исполнилось восемнадцать лѣтъ, и она рѣшила прочесть дневникъ матери; а до тѣхъ поръ, глубоко уважая волю покойной, она не касалась до завѣтной тетради.

Когда насталъ вечеръ, Эленъ заперлась въ той комнатѣ, гдѣ скончалась мать и гдѣ каждая вещь была для нея священна. А жила она все время въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ жила Викторія.

Съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія открыла она ящикъ стола и вынула оттуда зеленую тетрадь; до пачки писемъ, перевязанныхъ черной лентой, она даже не дотронулась. Затѣмъ Эленъ достала футляръ съ портретомъ отца и, послѣ минутнаго колебанія, открыла его.

Долго разсматривала она холоднымъ и пытливымъ взглядомъ черты того, который никогда не былъ ей истиннымъ отцомъ. Теперь

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград

она не была уже ребенкомъ и понимала, что такой красивый и обаятельный мужчина могъ внушить любовь. Но какой плохой физіономисткой была покойная мать, если не сумѣла разглядѣть подъ этой привлекательной маской — эгоиста, кутилу и безсердечнаго человѣка; а для Эленъ, лицо отца было открытой книгой. Этотъ широкій четырехугольный лобъ, носъ съ широко очерченными ноздрями, чувственный ротъ съ презрительно опущенными углами, и, наконецъ, большіе устало-лѣнивые глаза, равнодушный взглядъ которыхъ холодилъ сердце — все это развѣ не кричало громко: я желаю только наслаждаться и удовлетворять свои прихоти, а любить не умѣю!.. Поглощенная изученіемъ физіономіи, Эленъ даже забыла совершенно, кого она такъ безжалостно нравственно анатомировала... Захлопнувъ футляръ, она бросила его въ ящикъ стола и съ презрѣніемъ пробормотала:

— Подлый убійца! Да поразитъ тебя небесное возмездіе, если ты избѣжалъ людского!

Затѣмъ, взявъ тетрадь, Эленъ поцѣловала ее и раскрыла. Прежде всего ей попался на глаза вложенный листокъ бумаги, на которомъ было написано рукой Викторіи слѣдующее:

«Когда ты будешь читать эти страницы, дорогое дитя мое, я давно буду лежать въ могилѣ, а ты сдѣлаешься уже женщиной. Пусть же исповѣдь, которую я написала въ этой тетради, послужитъ тебѣ полезнымъ наставленіемъ. Ты сама будешь судить, насколько я виновата въ крушеніи своей жизни; ты увидишь, закрывалъ ли мнѣ ротъ недостатокъ энергіи или излишекъ гордости, когда я должна была бы говорить, защищать наши права, или возставать противъ непристойнаго поведенія твоего отца. Мнѣ кажется, однако, что ты сама поступила бы такъ же, и прежде всего сохранила свое женское достоинство, предоставивъ того, кто бѣжитъ отъ тебя, суду Божьему и его собственной совѣсти.

«Встрѣтишь ли ты когда-нибудь недостойнаго человѣка, сдѣлавшаго уже при своей жизни меня—вдовой, а тебя—сиротой? Я почти желаю, чтобы ты встрѣтила его и чтобы онъ почувствовалъ всю горечь потери такой дочери, какъ ты».

Съ полными слезъ глазами начала Эленъ читать дневникъ матери, и передъ нею шагъ за шагомъ раскрывалась медленная агонія души, оскорбленной во всѣхъ лучшихъ чувствахъ, терзаемой тоской однообразія и постояннаго одиночества. Съ трепетомъ примѣняла она къ себѣ борьбу и возмущеніе этого гордаго сердца, которое искусительный голосъ мести побуждалъ платить ударомъ за ударъ, измѣ-

ной — за измѣну, и искать забвенія въ вихрѣ безпорядочной жизни. Наконецъ наступила побѣда, основанная на материнской любви, торжество добра въ измученной душѣ несчастной, покинутой женщины, которая нашла спасеніе въ своемъ ребенкѣ и въ его взглядѣ черпала силу оставаться вѣрной до конца на своемъ посту.

Но по мѣрѣ того, какъ Эленъ дочитывала послѣднія страницы дневника, ею начало овладѣвать лихорадочное возбужденіе. Здѣсь въ каждой строчкѣ ясно сквозило, что сердечная рана все время зіяла, что, несмотря на разсудокъ, осуждавшій этого человѣка, причинившаго ей столько вреда, Викторія жаждала видѣть его передъ смертью, и что въ долгія безсонныя ночи умиравшая думала о немъ, чувствуя жгучую потребность имѣть вблизи себя существо, которое составляло половину ея жизни и котораго она не могла забыть.

Съ тяжелымъ вздохомъ захлопнула тетрадь Эленъ. Что же это за таинственное и могущественное чувство, которое обезоруживаетъ, ослѣпляетъ и до такой степени поглощаетъ человѣка, разъ оно его охватило? Какое неистощимое сокровище любви должно заключать въ себѣ сердце женщины, чтобы она могла все забыть и все простить, чувствуя даже радость и утѣшеніе при видѣ своего палача.

Она почти невольно сложила руки на молитву.

— Великій Боже! Избавь меня отъ этого отвратительнаго чувства, порабощающаго разумъ и волю, заставляющаго тысячами страданій и разочарованій расплачиваться за мимолетное счастье!—пробормотала она.

Затѣмъ, подвинувъ къ себѣ большой портретъ Викторіи, она съ тревожнымъ любопытствомъ стала разсматривать его. Отъ предательскаго чувства, покорившаго мать, она не замѣтила и слѣда. Гармоничныя линіи ея лица и ясный взглядъ большихъ задумчивыхъ глазъ отражали прямоту и спокойную ясность чистой, любящей души. И лицо не противорѣчило поступкамъ: ничто не омрачало ореола, окружавшаго ея память. Дочь могла также уважать ее, какъ и любила, а если существуетъ справедливость, восхищающая избранныхъ въ высшія сферы, то, конечно, душа Викторіи должна витать въ царствѣ вѣчнаго свѣта.

Вслѣдствіе этого чтенія Эленъ рѣшила никогда не выходить замужъ. Она не хотѣла подчиняться несправедливому закону, требующему отъ нея собачей вѣрности мужчинѣ, который будетъ пренебрегать связывающей ихъ клятвой и сохранитъ за собой свободу предаваться распутству. Наоборотъ, всю свою жизнь она посвятить

на то, чтобы раскрывать женщинамъ глаза на ихъ униженіе и освобождать ихъ отъ брачнаго ига.

Съ цѣлью быть хорошо вооруженной на предпринимаемую борьбу, Эленъ съ жаромъ принялась за ученіе и черезъ три года блестяще выдержала экзаменъ на доктора правъ. Такъ какъ она достигла совершеннолѣтія, то оставила убѣжище и переѣхала въ домъ, подаренный ея матерью общинѣ. Вмѣстѣ съ нею поселилась Нелли Синклэръ, снова ставшая богатой, и постарѣвшая, болѣзненная и теперь одинокая мистриссъ Форестъ, на которую молодая дѣвушка смотрѣла, какъ на подругу матери.

Всѣ ея три дочери разъѣхались. Одна служила врачемъ въ одномъ изъ южныхъ городовъ; другая сдѣлалась художницей и жила въ Европѣ, гдѣ продолжала изучать искусство въ мастерской извѣстнаго артиста, и, наконецъ, третья вышла замужъ, къ ужасу матери, и жила въ Чикаго съ мужемъ. Такъ какъ бракъ этотъ оказался счастливымъ, то добрая Клара поселилась съ Эленъ, которую любила, какъ родную дочь.

Нелли Синклэръ снова вступила въ общину послѣ двухлѣтняго отсутствія и провела это время у больного дяди моряка, брата ея матери. Такъ какъ онъ пропадалъ больше пятнадцати лѣтъ, то всѣ считали его умершимъ; какъ вдругъ этотъ дядя неожиданно появился въ Бостонѣ, разыскалъ Нелли и просилъ ее поселиться вмѣстѣ, чтобы ухаживать за нимъ, такъ какъ онъ старъ, боленъ и чувствуетъ себя совершенно одинокимъ.

Нелли сочла своимъ долгомъ исполнить это желаніе, тѣмъ болѣе, что старикъ казался ей человѣкомъ бѣднымъ. Она переѣхала въ его скромную квартиру и около двухъ лѣтъ ухаживала за нимъ, какъ любящая дочь, а послѣ смерти дяди была поражена, узнавъ, что тотъ былъ очень богатъ и завѣщалъ ей все состояніе.

Нелли довольно равнодушно отнеслась къ такой перемѣнѣ въ своемъ положеніи. Вѣрная своимъ убѣжденіямъ, она вернулась въ общину и прежде всего купила прекрасное имѣніе, гдѣ основала отдѣлъ общины «Рай безъ Адама». Рѣшивъ безповоротно никогда не выходить замужъ, миссъ Синклэръ поселилась съ Эленъ, чтобы всячески помогать ей и поддерживать на добромъ пути, такъ какъ случай выдвинулъ ту и придалъ ей нѣкоторую извѣстность, а красивая молодая дѣвушка могла сдѣлаться предметомъ исканій со стороны мужчинъ.

Дѣло, выдвинувшее миссъ Эленъ, заключалось въ слѣдующемъ. Въ общинѣ жила съ двумя дѣвочками молодая женщина, разошедшаяся, но не разведенная съ мужемъ, и когда тотъ внезапно умеръ, то мать потребовала, чтобы ее сдѣлали опекуншей дочерей. Но братъ мужа оспаривалъ это право, доказывая, что жизнь въ общинѣ, цѣль которой заключалась въ совращеніи женщинъ съ пути, предназначеннаго имъ самой природой, сдѣлала ее неспособной быть опекуншей; онъ же вовсе не желалъ, чтобы племянницы его получили такое безумное воспитаніе, и доведены были до передачи состоянія ненасытной общинѣ. Когда дѣло дошло до суда, мать рѣшила поручить защиту своего дѣла Эленъ и та согласилась. Ея блестящая и насмѣшливая, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко обдуманная рѣчь, дышавшая горячимъ убѣжденіемъ, увлекла судей, не разъ заставляя ихъ улыбаться ѣдкимъ намекамъ по адресу противной стороны. Эленъ выиграла дѣло, прославившее ее; но, кромѣ того, бѣдный, жестоко осмѣянный, «Адамъ» не только проигралъ процессъ, но потерялъ и свое сердце, которое смиренно сложилъ къ ногамъ жестокосердой дочери «Евы», которая допускала рай не иначе, какъ безъ него. Эленъ отказала, объявивъ искателю, что примѣръ его покойнаго брата и адъ, какой онъ создалъ своей женѣ, развѣяли всякое желаніе имѣть его супругомъ.

Этотъ успѣхъ зародилъ въ предпріимчивой головкѣ побѣдительницы совершенно новый планъ, а именно: воспользоваться своимъ ораторскимъ дарованіемъ для публичныхъ лекцій, которыя, безъ сомнѣнія, дадутъ общинѣ многочисленныхъ и полезныхъ членовъ.

Получивъ одобреніе подругъ и мистриссъ Оливеръ, Эленъ тотчасъ же принялась за работу и стала собирать въ архивѣ убѣжища матеріалъ для будущихъ рѣчей, а три мѣсяца спустя выступила на каѳедрѣ. Первая ея лекція имѣла громадный успѣхъ, который возросталъ съ каждымъ разомъ. Когда говорила Эленъ, зала всегда была переполнена, какъ мужчинами, такъ и женщинами; но самое забавное было то, что мужчины большею частью влюблялись въ красивую лекторшу и не падали духомъ подъ ея горячими и презрительными нападками на сильный полъ, а мечтали даже обратить ее на путь истинный.

Пока эти поползновенія не имѣли никакого успѣха. Бросившись очертя голову въ противобрачную борьбу, Эленъ только и мечтала о средствахъ расширить свое поле дѣйствій, а вздорныя попытки мужчинъ подчинить ее всецѣло своей власти только возбуждали ея смѣхъ.

— Настало время, когда мы будемъ давать законы мужчинамъ, —часто говаривала Эленъ своимъ подругамъ.—Нужно только уяснить

женщинамъ то могущество, какимъ онѣ обладаютъ, если совокупно и стойко осудятъ своихъ пресловутыхъ «господъ» на одиночество, пока тѣ не покорятся и не внесутъ въ бракъ равную часть честности, вѣрности и любви.

Подъ вліяніемъ этихъ идей Эленъ издала брошюру подъ заглавіемъ: «Долой иго мужчинъ! Свобода и равенство для женщинъ!». Въ этой брошюрѣ, написанной съ присущими Эленъ увлеченіемъ и язвительностью, она излагала краткую исторію порабощенія женщины, доводя ее, въ шутку, до самаго міросозданія.

«Прочтите внимательно начало книги Бытія и вы тотчасъ же подмѣтите первые всходы высокомѣрія Адама!—писала она.—Онъ скучалъ въ блаженномъ мѣстѣ, скучалъ въ раю! А почему? Потому что воображалъ, что онъ выше всего созданнаго и одинъ воодушевленъ Божественнымъ дыханіемъ. Ему наскучило повелѣвать только низшими животными, которыя не могли ни понимать его, какъ слѣдуетъ, ни льстить его тщеславію. Кромѣ того, онъ завидовалъ животнымъ, что у каждаго изъ нихъ была подруга, которую они могли мучить, какъ имъ угодно, по своему разумѣнію, между тѣмъ онъ, Адамъ, царь творенія, вѣнецъ Божественнаго созданія,—былъ одинъ. У него не было никого, надъ кѣмъ бы онъ могъ проявить свою власть и превосходство, никого, кто бы, покорно и не убѣгая, сносилъ его насмѣшки и приставанія. И вотъ, Адамъ началъ плакаться и надоѣдать Творцу жалобами и мольбою:

—«Затѣмъ, Господи, созданъ я одинокимъ и мнѣ не дано существа, которое я могъ бы подавлять дарованнымъ мнѣ Тобою превосходствомъ, и которое не могло бы уйти отъ меня, какъ бы гадокъ я ни былъ?

«Докучаемый такими воплями и причитаніями, Господь создалъ Еву, любящую, чистую и одаренную всѣми достоинствами душевными и тѣлесными, способную понимать все, что велико и прекрасно, но черезчуръ смиренную.

«Адамъ былъ въ восторгѣ, и жизнь ихъ текла сначала сносно. Онъ еще не привыкъ къ своей командирской роли, а атмосфера рая располагала къ миру и dolce far niente. Но когда они были изгнаны и имъ пришлось въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой, Адамъ выказалъ всѣ прелести своего себялюбиваго и грубаго характера. Ева сдѣлалась для него козлищемъ отпущенія, его вьючной лошадью, и эта угнетенность женщины все увеличивалась изъ рода въ родъ.

«А будь Адамъ изгнанъ одинъ, Ева, спокойная и счастливая, пребывала бы въ раю (безъ Адама).

«Какъ бы то ни было, однако, время положить конецъ такому порядку вещей и вернуть женщинѣ принадлежащее ей мѣсто на солнцѣ. Чтобы добиться этого, необходимо, прежде всего, сдѣлать слѣдующее: во-первыхъ — доказать мужчинамъ, что женщины могутъ обходиться безъ нихъ, честнымъ трудомъ создавая себѣ независимое положеніе, а во-вторыхъ — побѣдить вѣковой, смѣшной предразсудокъ, а именно боязнь остаться старой дѣвой. Между тѣмъ, это нелѣпое и несоотвѣтствующее идеямъ времени предубѣжденіе вынуждаетъ тысячи молодыхъ дѣвушекъ, во что бы то ни стало, выйти замужъ, за кого угодно, лишь бы только избѣжать ужаснаго прозванія «старой дѣвы».

Брошюра, какъ мы уже сказали, произвела громадное впечатлѣніе. Мужчины раскупали ее наравнѣ съ женщинами, если даже не больше. Однихъ забавляло, другихъ сердило такое прямое нападеніе; а нашлись и горячія головы, которыя хотѣли даже предъявить обвиненіе противъ убѣжища и лекторши послѣ того, какъ нѣсколько дѣвушекъ, возбужденныхъ проповѣдью безбрачія, отказали женихамъ и вступили въ общину. Но въ большинствѣ мужчины ограничились больше насмѣшками, заявивъ при этомъ, что начатая противъ нихъ война имъ не страшна и всегда найдется довольно женщинъ, желающихъ вступить въ бракъ, а жаль только, что такая очаровательная дѣвушка, точно созданная для любви, заражена столь нелѣпыми бреднями.

Эленъ не обращала вниманія на разговоры и продолжала нападки, предполагая даже перенести войну въ Европу. Тамъ она хотѣла также поднять возстаніе женщинъ противъ преобладанія мужчинъ, основать союзы, подобные ихъ общинѣ, и, вообще, придать освободительному движенію женщинъ болѣе энергичный характеръ.

По соглашенію съ мистриссъ Оливеръ, было рѣшено, что Эленъ осенью поѣдетъ въ Старый Свѣтъ, гдѣ пробудетъ годъ, предполагая посѣтить также и Россію. Несмотря на общее мнѣніе, что тамъ будетъ гораздо труднѣе дѣйствовать, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, Эленъ настаивала на своемъ рѣшеніи. Наконецъ, мистриссъ Оливеръ сдалась на ея доводы и даже обѣщала достать рекомендательныя письма въ высокопоставленныя семьи черезъ свою родственницу, вышедшую замужъ за русскаго и живущую въ Петербургѣ.

Побуждало Эленъ ѣхать въ Россію тайное желаніе, въ которомъ она сама себѣ не отдавала отчета. Это желаніе было видѣть отца, если онъ живъ, и по возможности отомстить ему. Невырази-

мо горькое и ненавистное чувство сжимало ея сердце при одной мысли объ этомъ человѣкѣ, который былъ ей такъ близокъ и, въ то же время, сталъ болѣе чужимъ, чѣмъ любой встрѣчный на улицѣ. Въ такія минуты ее охватывало чувство ужаснаго одиночества, и это сознаніе, что она одна на свѣтѣ, предоставленная собственнымъ силамъ, почти безотчетно возбуждало въ ней желаніе увидѣть неизвѣстнаго ей отца, не пожелавшаго любить ее, свою дочь, и воздать ему раной за рану. Но этого побужденія никто даже и не подозрѣвалъ. Для всѣхъ прекрасная проповѣдница просто ѣхала воевать за эмансипацію женщинъ, а потому дѣятельно готовилась къ своей добровольной миссіи. Только одна Нелли открыто высказалась противъ намѣренія Эленъ и относилась къ нему враждебно.

— Къ чему искать за океаномъ поприще для дѣятельности, — говорила она,—когда здѣсь не оберешься работы, требующей усердныхъ и самоотверженныхъ труженицъ? Кромѣ того, у меня предчувствіе, что это путешествіе принесетъ тебѣ несчастье. Если хочешь послушаться добраго совѣта, никогда не ѣзди въ Россію, бывшую роковой для твоей матери.

Возраженіе лучшей подруги чуть не поколебало было Эленъ, но тайная, руководившая ею, причина оказалась сильнѣй—и поѣздка была рѣшена.

Разъ отъѣздъ былъ безповоротно намѣченъ, Нелли замолчала и объявила только, что будетъ сопровождать миссъ Рутерфоръ-Арди въ качествѣ ея секретарши. Другая молодая дѣвушка, изъ состава общины, ѣхала въ качествѣ помощницы самой-ли проповѣдницы, или ея секретарши, смотря по необходимости. Наконецъ, мистрисъ Форестъ должна была сопровождать трехъ амазонокъ въ ихъ воинственномъ предпріятіи.

Въ первыхъ числахъ августа Эленъ и три ея спутницы уѣхали въ Нью-Іоркъ, откуда и должны были отправиться въ Европу. Вся община проводила ихъ на вокзалъ, съ пожеланіями счастливаго переѣзда и всевозможныхъ успѣховъ.

На великолѣпномъ океанскомъ пароходѣ, шедшемъ на Бременъ, собралось многочисленное общество путешественниковъ, состоявшее большею частью изъ мужчинъ. Эленъ была слишкомъ красива, чтобы не привлечь на себя вниманіе; кромѣ того, капитанъ судна и нѣкоторыя другія лица знали, кто она такая, что еще больше увеличивало возбуждаемый ею интересъ.

Съ первыхъ же дней пребыванія на суднѣ, Эленъ обратила вниманіе на одного изящнаго молодого человѣка, упорно смотрѣв-

шаго на нее. Его видъ почему-то зародилъ въ ней глухое отвращеніе къ нему, и, въ то же время, внушалъ интересъ, побуждавшій ее искать глазами въ толпѣ высокую и стройную фигуру незнакомца и съ любопытствомъ въ него всматриваться. Это былъ безспорно очень красивый малый, лѣтъ тридцати, съ тонкими и породистыми чертами лица, которому густыя, сросшіяся у переносья, брови и съ горбинкой носъ придавали энергичное выраженіе. Цвѣтъ лица его былъ блѣдный и изъ-подъ черныхъ усовъ рѣзко вырисовывались красивыя чувственныя губы; большіе сѣрые и съ чуть зеленоватымъ отливомъ глаза его фосфорически блестѣли.

Подъ вліяніемъ этого отталкивающаго чувства, она стала избѣгать незнакомца, перенесла свое вниманіе на женскую часть пассажировъ и за обѣдомъ познакомилась съ сосѣдкой за столомъ, нѣмкой среднихъ лѣтъ, которая внушила ей симпатію. По окончаніи обѣда обѣ онѣ поднялись на палубу и продолжали интересный разговоръ о жизни женщинъ въ Японіи, гдѣ фрейлейнъ Альма-Роза провела нѣсколько лѣтъ въ качествѣ воспитательницы. Между прочимъ, Эленъ, въ разговорѣ, узнала, что Роза возвращается въ Германію съ цѣлью выйти замужъ за человѣка, съ которымъ была помолвлена лѣтъ двѣнадцать тому назадъ.

Гордая американка съ глубокою жалостью смотрѣла на блѣдное и поблекшее лицо своей собесѣдницы и на ея болѣзненный и утомленный видъ. По мнѣнію Эленъ было безуміемъ ея желаніе идти въ брачное рабство, когда уже не было болѣе ни молодости, ни красоты, чтобы плѣнить своего господина. На что могла она надѣяться въ супружеской жизни, если столько женщинъ, осыпанныхъ дарами молодости, красоты, ума и состоянія бываетъ покинуто?

Быстро рѣшившись, Эленъ объявила, кто она такая, и стала говорить о своей общинѣ, о преимуществахъ свободы, и обязанности женщинъ объединиться для основанія такихъ же убѣжищъ, какъ община «Рай безъ Адама», и, наконецъ, о необходимости избавиться отъ подчиненія, въ которомъ онѣ гибнутъ.

Роза съ удивленіемъ слушала ее. Живя въ качествѣ воспитательницы, она привыкла къ смиренію и къ пассивному самоотреченію, а потому революціонные взгляды Эленъ скандализировали ее.

— Все это утопія! Женщина создана, чтобы подчиняться мужчинѣ и жить ради семейныхъ обязанностей,—отвѣтила она.—Къ тому же, я люблю моего Вильгельма и заплатила бы черной небла-

годарностью за его долгую вѣрность, если бы измѣнила своему слову и стала работать противъ брака.

Насмѣшливая улыбка скользнула по губамъ Эленъ.

— Вы-то любите его—не сомнѣваюсь въ этомъ—но онъ? Я не вѣрю въ вѣрность мужчинъ и въ глубокое чувство съ ихъ стороны. Простите нескромный вопросъ: когда послѣдній разъ вы видѣли своего жениха?

— Вотъ ужъ скоро будетъ девять лѣтъ. Но мы аккуратно переписывались, и онъ любитъ меня такъ же, какъ и въ день нашей помолвки,—отвѣтила Роза, краснѣя.

— Вижу, что вы неизлечимы, дорогая Роза, но отъ всей души желаю вамъ быть счастливой и никогда не испытать разочарованій. Но и вы позвольте мнѣ остаться при своемъ убѣжденіи. Семейныя обязанности, какъ ихъ понимаютъ въ Германіи, нисколько не улыбаются мнѣ.

Весело и съ присущимъ ей оживленіемъ начала Эленъ описывать жизнь женщины, съ дѣтства осужденной штопать носки отца и братьевъ—позже мужа и сыновей—шить, готовить и вязать на весь домъ. Все это должно дѣлаться среди крика, шума и гама дюжины ребятишекъ, которыхъ она имѣетъ счастье произвести на свѣтъ, нянчить, воспитывать и учить. Все это происходитъ въ тѣни очага, пока мужъ, проникшись ролью «царя творенія», попиваетъ пиво, играетъ въ кегли или ораторствуетъ въ клубахъ и патріотическихъ обществахъ.

Она заканчивала свою насмѣшливую картину, забавляясь растерянно-негодующимъ видомъ Розы, какъ вдругъ ея взглядъ встрѣтился со взглядомъ незнакомца, котораго она рѣшила избѣгать и приближеніе котораго не замѣтила. Въ устремленныхъ на нее глазахъ незнакомца свѣтилось выраженіе такой насмѣшки и презрительнаго превосходства, что яркій румянецъ залилъ лицо Эленъ. Смѣривъ его гордымъ и враждебнымъ взглядомъ, она встала и ушла къ мистриссъ Форестъ съ Нелли.

Не смотря на твердое рѣшеніе избѣгать незнакомца, становившагося все болѣе и болѣе противнымъ, Эленъ на слѣдующій же день познакомилась съ нимъ черезъ капитана судна, который увлекся своей красивой пассажиркой, настойчиво ухаживалъ за нею и, какъ только имѣлъ свободное время, вступалъ съ нею и ея спутницами въ оживленный споръ по поводу ихъ нелѣпыхъ убѣжденій. Во время одного изъ такихъ разговоровъ, капитанъ привелъ незнакомца и попросилъ позволенія представить дамамъ барона Евгенія Равен-

сбурга, который живо заинтересовался общиной «Рай безъ Адама» и цѣлью, преслѣдуемой проповѣдницами.

Эленъ встрѣтила молодого человѣка холодно и недовѣрчиво; но тотъ, повидимому, не замѣтилъ этого и заговорилъ съ Нелли о женскомъ движеніи въ Америкѣ. Онъ слушалъ любезно-насмѣшливое препирательство капитана съ миссъ Рутерфордъ, но не вмѣшивался въ разговоръ и самъ оставался холодно-сдержаннымъ.

Съ тѣхъ поръ баронъ постоянно подходилъ къ дамамъ, когда онѣ появлялись въ салонѣ или на палубѣ, весело бесѣдовалъ, былъ любезенъ, но безъ всякой тѣни ухаживанія.

Однажды баронъ упомянулъ, что онъ уже разъ пріѣзжалъ въ Америку, но не оставался тамъ такъ долго, какъ въ этотъ разъ.

— Вы путешествуете, вѣроятно, для удовольствія? Были вы въ Южной Америкѣ?—спросила Эленъ.

— Нѣтъ, я посѣтилъ только Соединенные Штаты. Настоящее путешествіе предписано мнѣ докторомъ, чтобы разсѣяться и успокоить нервы, сильно разстроенные вслѣдствіе одного дѣла, за которое я былъ судимъ,—отвѣтилъ баронъ, крутя усъ.

— Успокойтесь, сударыня!—прибавилъ онъ, замѣтивъ удивленный и недовѣрчивый видъ собесѣдницы.—Это была семейная драма, и я былъ оправданъ.

— Что же вы такое сдѣлали?—спросила Эленъ невольно, изъ простого любопытства.

— Увлеченный ревностью, я задушилъ свою жену, — равнодушно и спокойно отвѣтилъ баронъ.

Эленъ вздрогнула и попятилась, съ ужасомъ и отвращеніемъ глядя на спокойное и беззаботное лицо барона.

Этотъ циникъ оказывался настоящимъ чудовищемъ. Онъ не только развлекался послѣ убійства пріятнымъ путешествіемъ, да еще осмѣливался говорить о своихъ разстроенныхъ нервахъ.

— Не будетъ нескромностью съ моей стороны, если я спрошу васъ, къ какой странѣ вы принадлежите? Гдѣ находится тотъ рай правосудія, оправдывающій подобныя... увлеченія? Въ Германіи, какъ и у насъ, убійство наказывается смертью, — сказала Эленъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

Баронъ попрежнему оставался безстрастнымъ.

— Моя ревность была законна; къ тому же убить жену-измѣнницу въ минуту возбужденія отнюдь не предумышленное убійство, а извинительное увлеченіе. Я русскій, сударыня, а на моей родинѣ, какъ и повсюду, впрочемъ, невѣрность жены считается преступле-

ніемъ, тысячу разъ болѣе отвратительнымъ, чѣмъ убійство. Жена никогда не должна забывать, что мужъ—господинъ ея, котораго она обязана почитать и уважать, и которому должна повиноваться и быть вѣрной. Жена не должна забывать поэтому, что за измѣну она заслуживаетъ смерть.

Бѣлый лобъ Эленъ мрачно нахмурился, а голубые глаза потемнѣли отъ волненія и вспыхнули негодованіемъ. Но быстро поборовъ себя, она только насмѣшливо замѣтила:

— Сейчасъ видно, что вы изъ страны, едва освободившейся отъ варварства. Кто знаетъ? Можетъ быть, въ вашемъ очаровательномъ отечествѣ до сихъ поръ еще не допускаютъ, что у женщинъ существуетъ душа? Если это такъ, то разумно-ли требовать отъ этихъ несчастныхъ столькихъ добродѣтелей, сколько вы сейчасъ перечислили?

— Нѣтъ, у насъ допускаютъ у женщинъ душу, но болѣе низшую, конечно, чѣмъ наша. И неужели же вѣрность — такая необыкновенная добродѣтель? Она встрѣчается даже въ собакѣ. Впрочемъ, я женился немного легкомысленно; а въ другой разъ, при выборѣ жены, я буду осторожнѣе и изучу раньше ея характеръ.

На этотъ разъ Эленъ была окончательно поражена. Это кровожадное чудовище настолько ослѣплено тщеславіемъ, что воображаетъ, будто кто-нибудь пожелаетъ взять его.

— Вы хотите снова жениться?!—вскричала она.—Неужели вы думаете, что найдется столь мужественная женщина, которая согласится выйти за васъ замужъ?

— О! Найдется цѣлая сотня. Потому что каждая будетъ убѣждена, что сумѣетъ лучше покорить меня или искуснѣе обманывать, во всякомъ случаѣ, чтобы избѣжать катастрофы, стоившей жизни первой женѣ,—съ любезной улыбкой отвѣтилъ баронъ.

— Вы скромны, баронъ! Каждое ваше слово доказываетъ, какое уваженіе питаете вы къ женщинамъ. Повидимому, у васъ въ Россіи женщины очень угнетены и давно пора, чтобы кто-нибудь стряхнулъ съ нихъ оцѣпенѣніе, внушилъ имъ, что онѣ имѣютъ равныя права съ мужчинами, научилъ ихъ жить однѣхъ, презирать супружеское иго и избѣгать, какъ самыхъ опасныхъ враговъ, отвратительную половину рода человѣческаго.

— О! О! Отвратительны — мы? Что за злыя слова, миссъ Рутерфордъ! Кто тотъ злополучный представитель нашего пола, настолько оскорбившій васъ, что ваше юное сердце озлобилось до такой степени?

— Мое сердце тутъ не причемъ. Благодаря Бога, я еще никогда не унижалась до того, чтобы полюбить какого-нибудь представителя вашего пола,—презрительно отвѣтила Эленъ.

— Въ такомъ случаѣ, это еще придетъ. Не довѣряйте Эроту. Это очень лукавый малый! Особенно любитъ онъ поражать своими стрѣлами тѣхъ, кто считаетъ себя неуязвимымъ.

— Я его не боюсь и вовсе не желаю создавать себѣ адъ. Впрочемъ, я слишкомъ опытна, чтобы попасть въ западню.

— Право? Такъ молоды и уже столь опытны? Кто бы могъ повѣрить!—насмѣшливо замѣтилъ баронъ.

Эленъ вспыхнула и нахмурилась.

— Вы не такъ поняли мои слова, баронъ, — отвѣтила она. — Я говорю только теоретически. Учрежденіе, гдѣ я воспитывалась, дало мнѣ возможность воспользоваться грустнымъ опытомъ другихъ. На практикѣ же мнѣ нѣтъ никакого дѣла до мужчинъ, и я разсчитываю всегда быть свободной отъ ихъ злополучнаго вліянія. Только вредное воспитаніе и отсталыя предубѣжденія бываютъ причиной того, что столько развитыхъ существъ, одаренныхъ талантомъ, дѣятельностью и энергіей, дѣлаются безполезными игрушками въ легкомысленныхъ и грубыхъ рукахъ. Вмѣсто того, чтобы съ ранняго дѣтства внушать дѣвушкѣ необходимость работать, дабы жить независимо и быть полезной обществу, ее учатъ, что бракъ, это — единственная цѣль ея жизни, дающая исключительно почетное положеніе, которое она можетъ занять. Забывъ собственныя страданія и разочарованія, слѣпыя и неблагоразумныя матери заняты только мыслью: во что бы то ни стало выдать замужъ дочь, не открывая даже ей глаза на то, что ее ожидаетъ, и не говоря ей, что любовь не болѣе, какъ упоительный сонъ, а пробужденіе оказывается тяжелымъ кошмаромъ и безконечнымъ подчиненіемъ человѣку, который присвоиваетъ себѣ всѣ права, а на ея долю оставляетъ лишь обязанности.

— Въ вашихъ словахъ есть доля правды! Но много ли найдется женщинъ, которыя сочли бы за счастье одинокую жизнь?—сказалъ баронъ, сдѣлавшись вдругъ серьезнымъ.—Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Стремленіе любить и быть любимой такъ властно въ сердцѣ женщины, что, не смотря на наши «злодѣянія» и нашу «тиранію», труденъ только выборъ среди добровольныхъ жертвъ, желающихъ идти къ алтарю и находящихъ особую усладу въ дозволеніи себя мучить,—прибавилъ онъ, снова впадая въ насмѣшливый тонъ.

Но Эленъ уже не слушала его и брови ея мрачно сдвинулись.

Она вспомнила свою мать, которая, въ заключеніе долгой нравствен-
ной агоніи, заплатила жизнью за свою болѣзненную мечту и оста-
вила ей неразрѣшенную загадку: разлюбила-ли она, наконецъ, или
нѣтъ, негодяя? Баронъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на ея пасмур-
ное лицо и на суровую, горькую складку вокругъ ея губъ.

— Какая-то тайна лежитъ въ прошломъ этой дѣвушки? — по-
думалъ онъ. — Сама она слишкомъ молода и чиста, чтобы могла
испытать разочарованіе въ любви; но, вѣроятно, между ея родите-
лями произошло что-нибудь, омрачившее ея дѣтство.

Но Эленъ уже оправилась и улыбнулась, встрѣтивъ пытливый
взглядъ своего собесѣдника.

— Какой мрачный планъ обдумывали вы, очаровательная и
жестокая противница нашего пола? Какимъ потокомъ краснорѣчія
наложите вы на насъ запретъ и вызовете уничтоженіе человѣче-
скаго рода? — спросилъ баронъ.

Эленъ покачала головой.

— Нѣтъ, меня навела на размышленіе грустная истина ва-
шихъ словъ. Итакъ, не опасайтесь за родъ человѣческій! Вы сами
только что увѣряли меня, что найдется много — даже слишкомъ
много, — женщинъ, готовыхъ впречься въ вашу тріумфальную колес-
ницу, которыя будутъ счастливы позволить задушить себя и рады
довольствоваться кидаемыми подаяніями, или крошками любви, па-
дающими съ вашего стола, тогда какъ за столомъ публичныя женщины
поглотятъ большую часть вашего сердца и кошелька. Но я, видите
ли, презираю милостыню; лучше я умру естественной смертью, но
останусь вѣрною своему убѣжденію, что настоящій, истинный рай
можетъ быть только безъ Адама.

Эленъ встала и слегка кивнула головкой. Вся ея фигура ды-
шала такою невинностью, очарованіемъ и наивнымъ кокетствомъ,
что глаза барона вспыхнули явнымъ восхищеніемъ, когда онъ также
всталъ и сказалъ глухо:

— Будемъ надѣяться, тѣмъ не менѣе, что обаятельнѣйшая изъ
дочерей Евы не избѣгнетъ могущественнаго закона любви, и среди
негодной половины рода человѣческаго найдется счастливецъ, ко-
торый научитъ васъ терпѣливо и покорно носить цѣпи изъ розъ.

Эленъ покраснѣла подъ его горячимъ взоромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу ни любить, ни быть любимой, —
отвѣтила она, тряхнувъ головкой, и чтобы скрыть смущеніе быстро
направилась къ лѣстницѣ, ведшей въ каюты.

Придя къ себѣ, она бросилась на диванъ и закрыла глаза

пытаясь привести въ порядокъ странныя и разнообразныя чувства,
внезапно въ ней пробудившіяся.

Эленъ была натура строго уравновѣшенная и привыкла взвѣ-
шивать каждое свое душевное настроеніе. Теперь съ тревогой спра-
шивала она себя, что значитъ это странное чувство отвращенія
и влеченія которое внушалъ ей баронъ Равенсбургъ. Ужъ не одинъ
мужчина говорилъ ей о любви, не одинъ страстный взоръ загля-
дывалъ ей въ глаза, а между тѣмъ ни разу еще ея сердце не билось
такъ сильно, какъ только что, никогда ни о комъ она такъ много
не думала, какъ объ этомъ незнакомцѣ. Шутилъ ли онъ, обвиняя
себя въ убійствѣ жены изъ ревности, или дѣйствительно такъ же-
стоко отомстилъ за свою поруганную честь?

Мысль ея уклонялась въ сторону, и Эленъ пришло въ голову со-
ображеніе: отчего только честь мужчины пятнается невѣрностью
женщины, а честь женщины нисколько не должна страдать отъ ты-
сячи мужскихъ измѣнъ? Развѣ это тоже не одна изъ вопіющихъ не-
справедливостей? О, конечно, да!

Вдругъ вспомнился ей шведскій писатель Бьернсенъ, въ своей
драмѣ, озаглавленной «Перчатка», проводящій мнѣніе, что прошлое
мужчины, вступающаго въ бракъ, должно быть такъ же безупречно,
какъ и прошлое дѣвушки, на которой онъ женится, и что оба они
имѣютъ право требовать другъ отъ друга чистой жизни. Какая буря
злобы и насмѣшекъ поднялась тогда противъ почтеннаго автора за
то, что онъ осмѣливался проповѣдывать такую нелѣпость!.. Господа
«вѣнцы творенія» желали сохранить за собой преимущество всту-
пать въ бракъ, погрязнувъ по уши въ развратѣ, и продолжать такую
же распутную жизнь впослѣдствіи, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ отъ жен-
щины чистоту ангела, вѣрность собаки и слѣпое уваженіе къ ихъ
гадостямъ.

Размышленія Эленъ были прерваны приходомъ Нелли. Высо-
кая и сухопарая миссъ Синклэръ, одѣтая съ пуританской просто-
той, въ черное платье съ узенькой бѣлой каемкой воротничка и ру-
кавчиковъ, имѣла какой-то особенно строгій и суровый видъ.

Въ общинѣ, правда, существовало правило носить только чер-
ные или сѣрые цвѣта, одѣваясь хотя и по модѣ, но просто, а миссъ
Нелли утрировала это правило, доводя свои платья до монашескаго
облика. Но Эленъ и большая часть другихъ молодыхъ дѣвушекъ
нѣсколько отступали отъ него, позволяя украшать свой мрачный
костюмъ кружевами, цвѣтными бантиками и живыми цвѣтами. По-
нятно, ничто изъ нихъ не старался нравиться, но всѣ желали быть

красивыми для самихъ себя; а высоко-опытная мистрисъ Оливеръ, съ чисто-материнскою снисходительностью, не препятствовала такому невинному кокетству молодости. Такъ и въ этотъ день на Эленъ было одѣто черное шелковое платье, съ кружевной косыночкой, заколотой брошкой съ сапфирами, и причесана она была по послѣдней модѣ. Свѣжая и блестящая красота ея еще рѣзче оттѣняла угловатость и худобу ея подруги.

Сѣвъ рядомъ съ Эленъ, Нелли крѣпко пожала ей руку.

— Я пришла серьезно поговорить съ тобой и обратить вниманіе на опасность, которой ты пренебрегаешь, или которую не замѣчаешь, — сказала она своимъ глубокимъ, металлическимъ голосомъ.

Замѣтивъ, что та покраснѣла, она прибавила:

— Ты меня уже поняла! Это ясно доказываетъ, что мое предупрежденіе далеко не лишнее. Позволь же мнѣ замѣтить тебѣ, что ты слишкомъ много разговариваешь и препираешься съ русскимъ барономъ, который внушаетъ мнѣ непреодолимое отвращеніе. Я люблю тебя, какъ сестру, и инстинктъ сердца подсказываетъ мнѣ, что этотъ появившійся на твоемъ пути человѣкъ представляетъ для тебя роковую опасность. Ты красива, а я уловила взгляды, краснорѣчиво говорящіе, что ты очень нравишься ему. Поэтому онъ будетъ подстерегать тебя, какъ коршунъ—свою добычу, а затѣмъ бросить, подобно изношенной перчаткѣ, когда прихоть будетъ удовлетворена. Но такъ какъ ты не принадлежишь къ числу тѣхъ женщинъ, которыя любовь обращаютъ въ забаву, то отдашь все свое сердце — и разобьешь его, потому что я считаю барона такимъ же себялюбивымъ кутилой и человѣкомъ безъ всякихъ принциповъ, каковъ и твой отецъ. Подумай объ этомъ, Эленъ, и будь осторожна! Уклоняйся отъ этихъ вредныхъ встрѣчъ, бѣги отъ опасности, такъ какъ инстинктъ природы влечетъ женщину къ любви!..

Эленъ опустила голову и мрачно задумалась: но послѣ недолгаго молчанія выпрямилась и рѣшительно сказала:

— Ты права, Нелли! Я сама чувствую, что этотъ человѣкъ можетъ сдѣлаться для меня опаснымъ. Слѣдуя твоему благоразумному совѣту, я буду избѣгать его, такъ какъ не хочу любить и страдать, какъ страдала моя мать.

— Отъ души радуюсь твоему рѣшенію, такъ какъ человѣкъ, подобный ему, не протянетъ руку къ женщинѣ иначе, какъ чтобы загрязнить и унизить ее. Да минетъ тебя чаша, которую я выпила до дна, когда должна была вырвать изъ сердца образъ жениха, такъ

жестоко давшаго мнѣ понять, что я была всего лишь привѣсокъ къ моему приданому! И тѣмъ не менѣе, я не могла сразу выкинуть изъ памяти недостойнаго, къ которому привязалась всѣми фибрами моего существа. Какъ глумливыя тѣни, преслѣдовали меня собственныя мечты о будущемъ и разбитыя надежды, и часто самоубійство казалось мнѣ единственнымъ спасеніемъ! Господь, по Своему милосердію, не допустилъ меня до этого преступленія! Насталъ часъ, когда мнѣ стало стыдно самой себя и моей недостойной слабости. Изъподъ обломковъ прошлаго я возстала совершенно новымъ человѣкомъ. Я уничтожила, вычеркнула изъ своихъ воспоминаній все, что касалось этого негодяя. Тогда только сдѣлалась я спокойной и, надѣюсь, неуязвимой. Но мнѣ хотѣлось бы избавить тебя отъ этой тяжелой борьбы и поэтому еще разъ повторяю: избѣгай барона!

Блѣдная и разстроенная Эленъ слушала молча. Печаль, горечь и смутная тоска наполнили ея душу.

— Конечно, Нелли, я постараюсь избѣгать и его, и другихъ мужчинъ, но боюсь, что роковая судьба снова поставитъ его на нашемъ пути. Онъ русскій, живетъ въ Петербургѣ и не далѣе, какъ сегодня утромъ, называлъ одну особу, къ которой у насъ есть рекомендательныя письма. Поэтому, очень вѣроятно, что мы встрѣтимся съ нимъ въ обществѣ. Впрочемъ, будь спокойна: я сумѣю удержать барона на приличномъ разстояніи. Меня гораздо больше занимаетъ другой вопросъ: встрѣчу ли я того... ужаснаго человѣка, о которомъ сохранила такое ясное и тяжелое воспоминаніе? Живъ ли онъ? Если — да, то свободенъ-ли онъ или женатъ? Есть-ли у него дѣти, для которыхъ онъ сдѣлался настоящимъ отцомъ? Вѣдь онъ считаетъ, что мы съ мамой умерли, какъ умерли его совѣсть и попранныя имъ обязанности. Развѣ онъ не лишилъ меня родительскаго крова, не осудилъ на горькое дѣтство и не отнялъ у меня обожаемую мать...

Слезы заглушили ея голосъ, и она умолкла. Со времени смерти Викторіи, Эленъ никогда еще не чувствовала себя столь одинокой и покинутой. Вся ея жизнь отдана на служеніе идеѣ, считаемой большинствомъ смѣшной, а сама она предоставлена собственнымъ силамъ въ борьбѣ и искушеніяхъ, которыя, можетъ быть, готовитъ ей будущее.

Съ участіемъ смотрѣвшая на нее Нелли привлекла ее къ себѣ и поцѣловала.

— Я понимаю тебя, бѣдняжка! Эта встрѣча — если только она состоится — будетъ весьма тяжела для тебя. Но, кто знаетъ? Возможно, что въ немъ проснется голосъ крови, онъ полюбитъ тебя

и захочетъ прижать дочь къ своей груди. Тогда пробьетъ часъ возмездія! Долго спавшая Немезида проснется и отомститъ за обѣихъ: и за тебя, и за твою мать.

Враждебный инстинктъ Нелли не обманулъ ее и ея суровое сужденіе о баронѣ тотъ вполнѣ заслужилъ.

Евгеній Равенсбургъ принадлежалъ къ родовитой семьѣ и обладалъ очень большимъ состояніемъ. Никогда никто не мѣшалъ его расточительнымъ вкусамъ, и воспитывался онъ въ привиллегированномъ заведеніи, гдѣ питомцы упражнялись не столько въ наукахъ, сколько въ безпутствѣ. Съ честью окончивъ тамъ курсъ, онъ занялъ въ одномъ изъ министерствъ мѣсто, болѣе почетное, чѣмъ выгодное, которое, однако, оставляло ему много свободнаго времени. Въ свою канцелярію онъ являлся часамъ къ двумъ и затѣмъ, въ пріятной бесѣдѣ съ товарищами, обсуждалъ всю скандальную хронику гостиныхъ и кулисъ, или строчилъ billets-doux, которые казенные курьеры усердно развозили по назначенію. Дѣламъ, собственно, да и то второпяхъ, посвящалось немного времени, а докучные посѣтители, осмѣливавшіеся являться за справками о поданныхъ прошеніяхъ, сухо выпроваживались... Видъ пріемной, постоянно полной ходатаями, ужасно надоѣдалъ бѣднымъ чиновникамъ. Это «отродье», которому зачастую, однако, не на что было пообѣдать, могло подождать, а не то бѣднягъ сплавляли стереотипной фразой:

— Канцелярія непремѣнно васъ увѣдомитъ, какъ только послѣдуетъ рѣшеніе относительно вашей просьбы.

Только что сказанное отнюдь не доказываетъ, что баронъ былъ золъ отъ природы. Нѣтъ, онъ просто былъ легкомысленный и эгоистичный человѣкъ, истый сынъ своего вѣка, продуктъ небрежнаго воспитанія, развращеннаго общества и женской лести. Страстный обожатель прекраснаго пола и до сихъ поръ не испытавъ истинной любви, баронъ ловко лавировалъ среди тысячи мимолетныхъ интригъ, пуская въ ходъ давно испытанныя уловки, шло ли дѣло о томъ, чтобы увлечь замужнюю женщину, отбить кокотку у пріятеля, или обольстить молодую дѣвушку, не смотря на опасность подобныхъ приключеній, а жестокосердыхъ и недоступныхъ онъ встрѣчалъ мало на своемъ пути. Красивый, изящный, любимый своими начальниками, съ которыми состоялъ почти на товарищеской ногѣ, онъ всюду былъ отлично принятъ и чувствовалъ себя вполнѣ довольнымъ. Просто ради своего удовольствія, съѣздилъ онъ въ Америку, и во время пребыванія въ Бостонѣ пошелъ изъ любопытства на лекцію Эленъ. Баронъ былъ очень удивленъ, найдя въ докладчицѣ не ка-

кую-нибудь смѣшную старуху, а очаровательную дѣвушку, которая очень понравилась ему и внушила желаніе съ ней познакомиться. Однако, за отсутствіемъ связей въ городѣ, ему пришлось отказаться отъ этого желанія.

Съ удивленіемъ и удовольствіемъ встрѣтилъ онъ затѣмъ красивую проповѣдницу на пароходѣ и, воспользовавшись своимъ знакомствомъ съ капитаномъ судна, представился ей.

Эленъ все больше и больше нравилась ему. Ея умъ, выдающееся образованіе и своеобразное мышленіе — все это очаровывало. Единственно съ цѣлью подразнить ее и позабавиться ея негодованіемъ, выдумалъ баронъ исторію съ убійствомъ мнимой жены.

Съ досадой, поэтому, замѣтилъ онъ, что со времени ихъ послѣдняго разговора, Эленъ стала его избѣгать. Она запиралась въ своей каютѣ и выходила только къ обѣду, да и то, сидя между мистриссъ Форестъ и Нелли, ограничивалась поклонами съ нимъ и капитаномъ. А такъ какъ погода была дождливая и непріятная, то часто дамы вовсе не выходили на палубу.

Наконецъ, наканунѣ прихода въ Бременъ, выдался чудный день. Чтобы подышать чистымъ воздухомъ, Эленъ и ея спутницы вышли на палубу, гдѣ уже собрались почти всѣ пассажиры, и сѣли на единственно свободныя мѣста у снастей.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стояла кучка мужчинъ весьма строгаго облика; всѣ одѣты они были во все черное, весьма изящное, но изысканно-простое. Эленъ еще раньше замѣтила ихъ и предположила, по ихъ сдержанному виду, что это офицеры «арміи спасенія». Въ настоящую минуту она тоже внимательно оглядывала странную группу, постоянно державшуюся въ сторонѣ отъ прочихъ пассажировъ.

Вдругъ Эленъ увидѣла, что одинъ изъ этихъ господъ направился прямо къ ней и, отвѣсивъ ей низкій поклонъ, освѣдомился, имѣетъ ли онъ честь говорить съ миссъ Рутерфордъ-Арди, знаменитой проповѣдницей?

Эленъ отвѣтила утвердительно и спросила, что ему было угодно.

— Я Тимофей Броунъ, и состою предсѣдателемъ клуба и общества «Цѣломудренныхъ мужчинъ, искупителей первороднаго грѣха»,—отвѣтилъ незнакомецъ.

— Не имѣя удовольствія знать цѣлей, преслѣдуемыхъ вашими организаціями, — сдержанно отвѣтила Эленъ, — должна сказать вамъ, мистеръ Броунъ, что я состою членомъ общины «Рай безъ

Адама», другими словами, я противница мужского пола и вѣкового ига, низводящаго женщину на степень рабы.

Тимофей Броунъ снова отвѣсилъ поклонъ.

— Я и явился сказать вамъ, что мы преклоняемся предъ вашими стремленіями и восхищаемся талантомъ, съ которымъ вы защищаете одно изъ самыхъ справедливыхъ дѣлъ. Издавна стали мы, мужчины, недостойными имѣть свой очагъ и семью, потому что наши братья угнетали прекрасную половину человѣческаго рода, и общество наше основано съ цѣлью сдѣлать мужчинъ достойными уваженія и любви женщинъ. Словами и своимъ примѣромъ мы проповѣдуемъ начала, провозглашенныя уважаемымъ Бьернсеномъ, котораго состоимъ учениками. Мы признаемъ полное равенство между мужчиной и женщиной, и хотимъ совершенно преобразить нравы. Жизнь молодого человѣка должна быть столь же безупречна, какъ и жизнь дѣвушки; любить въ первый разъ онъ долженъ исключительно подругу своей жизни, и считать супружескую вѣрность самымъ священнымъ долгомъ. Поэтому уставъ нашего клуба требуетъ отъ своихъ членовъ непорочности въ полномъ смыслѣ этого слова.

Крайне заинтересованная Эленъ, а за нею и ея подруга, крѣпко пожали руку мистеру Броуну, выразивъ ихъ глубокое уваженіе къ мужчинамъ, публично кающимся и подающимъ примѣръ преобразованію нравовъ, которое только и можетъ привести къ сліянію обѣихъ половинъ рода человѣческаго.

Завязался оживленный разговоръ, изъ котораго выяснилось, что мистеръ Броунъ и его товарищи ѣдутъ въ Швецію засвидѣтельствовать Бьернсену ихъ почтеніе и посовѣтоваться съ нимъ о лучшихъ способахъ распространять его идеи путемъ печати и лекцій. Узнавъ, что Эленъ предполагаетъ читать въ Россіи, мистеръ Броунъ объявилъ, что къ этому времени онъ не преминетъ пріѣхать съ братьями въ Петербургъ, чтобы послушать ее, а если возможно, то и самимъ устроить публичныя чтенія.

Подъ конецъ разговора дамы обмѣнялись даже съ собесѣдниками значками, присвоенными ихъ обществамъ. Взамѣнъ жетона съ ульемъ, окруженнымъ веселыми пчелами и перебитыми трутнями, онѣ получили красивыя серебряныя медали съ изображеніемъ Іосифа, вырывающагося изъ рукъ жены Потифара—какъ прототипа чистоты.

Едва мистеръ Броунъ и его товарищи отошли отъ дамъ, къ нимъ тотчасъ же подошелъ баронъ, не перестававшій издали наблюдать за ними, и спросилъ, не принадлежатъ ли эти забавные господа къ числу салютистовъ?

Оживленная Эленъ разсказала ему, съ какимъ удовольствіемъ она познакомилась съ членомъ общества мужского цѣломудрія и пояснила его цѣли. Затѣмъ она прибавила, что господа эти въ одно время съ ней будутъ въ Петербургѣ и прочтутъ тамъ лекціи, которыя дополнятъ ея сообщенія.

Равенсбургъ молча слушалъ, крутя усъ, но при послѣднихъ словахъ, насмѣшливо улыбнулся.

— Всѣ эти великіе проекты разлетятся въ прахъ, миссъ Руттерфордъ, — сказалъ онъ наконецъ, — и случится это по той простой причинѣ, что ни вамъ, ни имъ полиція не разрѣшитъ устраивать публичныя чтенія.

— Почему? Развѣ это до нея касается? — недовольнымъ тономъ спросила удивленная Эленъ.

— Потому, что въ нашей столицѣ общественная безопасность хорошо охраняется. Печать и рѣчи строго цензируются, а потому полиція можетъ найти ваши чтенія угрожающими общественному спокойствію.

— Какъ глупо со стороны полиціи совать носъ не въ свое дѣло! — съ негодованіемъ вскричала Эленъ. — Ея дѣло слѣдить за благополучіемъ, порядкомъ и чистотой города, а вовсе не быть какимъ-то цензоромъ нравовъ. Всякій можетъ имѣть свои убѣжденія и въ правѣ защищать ихъ.

— Въ Америкѣ — да, но не въ Россіи, гдѣ обывателямъ предлагается раздѣлять мнѣніе властей.

— Да развѣ мы собираемся идти противъ власти! Я сама поѣду къ вашему полицейскому минотавру и объясню ему, что мы вовсе не анархисты, дѣйствующіе динамитомъ, что мы не скажемъ ни слова противъ уважаемыхъ нами монархіи и правительства, и то, о чемъ мы будемъ говорить, это самыя безобидныя семейныя дѣла, никого не касающіяся. Если начальникъ полиціи — человѣкъ умный, онъ устыдится своей отсталости. Наконецъ, чтобы окончательно разувѣрить его, я покажу ему программы нашихъ чтеній, и вы увидите, что онъ утвердитъ ихъ.

— Желаю успѣха, хотя и не надѣюсь на него,—съ улыбкой отвѣтилъ баронъ. — Впрочемъ, поживемъ — увидимъ.

IV.

Стоялъ мглистый октябрьскій день. Въ изящномъ будуарѣ, передъ рѣзнымъ письменнымъ столомъ розоваго дерева, сидѣла дама средняго возраста. Но минуло-ли ей сорокъ, или пятьдесятъ лѣтъ опредѣлить было трудно, до такой степени цвѣтъ лица ея казался бѣлымъ и розовымъ подъ слоемъ пудры; черныя брови были артистически вырисованы смѣлой другой и рѣзко отдѣлялись отъ густого рыжаго шиньона, при маленькой кружевной наколкѣ.

Еще стройная и затянутая въ корсетъ, вырисовывавшій изящество ея стана, дама была одѣта въ синее, съ короткими рукавами плюшевое полуплатье, полу-капотъ, отдѣланное кружевами и подпоясанное чернымъ кушакомъ, заканчивавшимся широкимъ бантомъ съ длинными концами. Нѣсколько простыхъ, золотыхъ браслетъ украшали полуоткрытыя руки; а пальцы унизаны были дорогими кольцами.

Обстановка будуара была вполнѣ достойна своей щеголеватой хозяйки.

Полъ былъ покрытъ толстымъ смирнскимъ ковромъ, а стѣны обтянуты темной матеріей подъ бархатъ. Низкая и удобная кутаная мебель была обита золотистымъ атласомъ съ бѣлой вышитой шелковой полосой. Изобиліе рѣдкихъ цвѣтовъ и цѣнныхъ бездѣлушекъ придавало еще болѣе уютности.

Лидія Андреевна, баронесса Надлеръ, была вдовой генерала, занимавшаго въ Петербургѣ высокое служебное положеніе. Будучи очень богата, любя удовольствія и обладая живымъ характеромъ, она развлекала свое вдовство блестящими пріемами, покровительствомъ начинающимъ талантамъ и дѣятельнымъ участіемъ въ благотворительныхъ дѣлахъ. Баронесса имѣла двухъ дочерей: Кити и Марусю. Старшей было восемнадцать лѣтъ, а младшей—шестнадцать; но мать не допускала имъ больше шестнадцати для одной и четырнадцати для другой, не желая казаться старой въ присутствіи столь взрослыхъ дочерей.

Въ этотъ день баронесса съ утра занималась приведеніемъ въ порядокъ своей корреспонденціи и разборомъ прошеній, поданныхъ въ благотворительное общество, предсѣдательницей котораго она состояла.

Хотя было всего еще три часа, но на дворѣ было почти темно, и густой влажный туманъ окуталъ улицу, покрытую снѣгомъ, пополамъ съ грязью. Контрастъ наружнаго промозглаго холода съ роскошнымъ уютомъ будуара, пропитаннаго легкимъ запахомъ духовъ, возбуждалъ чувство глубокаго довольства. Въ будуарѣ, подлѣ бюро, только что зажгли лампу на высокой бронзовой подставкѣ. Свѣтъ, пробивавшійся изъ подъ краснаго абажура, отливалъ рубинами, на атласѣ портьеръ и креселъ.

Противъ баронессы, на низенькомъ креслѣ, сидѣла посѣтительница. Это была молодая еще, но уже нѣсколько увядшая барышня, съ блѣднымъ лицомъ и темными кругами подъ глазами. Одѣта она была съ притязаніями на шикъ, въ черное шелковое платье, пріятно шуршавшее при каждомъ движеніи; кромѣ того, на плечахъ былъ большой мѣховой воротникъ, излишній, казалось, въ натопленной комнатѣ, но съ которымъ обладательница его, довольная новымъ пріобрѣтеніемъ, очевидно, не могла разстаться. Бѣлокурые волосы ея, причесанные по-гречески, но страшно взбитые, украшала черная шапочка.

Манерничная, особа эта говорила съ большимъ увлеченіемъ о своихъ занятіяхъ и крайнемъ утомленіи, вызываемомъ ея службой, тѣмъ болѣе, что, возвращаясь съ баловъ и вечеровъ въ три или четыре часа утра и вставая въ семь, ей не хватало времени выспаться.

Баронесса разсѣянно слушала эту болтовню и думала о присланномъ ей утромъ письмѣ миссъ Рутерфордъ. Недѣли три тому назадъ получила она первое посланіе отъ Эленъ, къ которому было приложено рекомендательное письмо отъ дамы русскаго посольства въ Нью-Іоркѣ, въ которомъ та просила Лидію Андреевну оказать молодой американкѣ помощь и покровительство.

Баронесса Надлеръ была либеральна и интересовалась (теоретически) эмансипаціей женщинъ; но она боялась вмѣшаться въ какую-нибудь американскую спекуляцію, что могло бы причинить ей непріятности и расходы. Вслѣдствіе этого, она отвѣтила очень осторожно, справляясь, что отъ нея хотятъ. Полученный утромъ отвѣтъ разъяснялъ всѣ опасенія. Эленъ писала о пропагандѣ, о безплатной раздачѣ брошюръ (баронесса знала, какъ трудно помѣстить что бы то ни было, что не безплатно) и, наконецъ, просила подыскать подходящее помѣщеніе для четырехъ дамъ съ прислугой. Все доказывало, что миссъ Рутерфордъ или община, представительницей которой она состояла, обладаютъ состояніемъ и дѣйствительно нуждаются только въ нравственной поддержкѣ и истинномъ участіи, а въ этомъ случаѣ баронесса никогда не отказывала.

Вошедшій лакей приподнялъ портьеру и доложилъ о пріѣздѣ госпожи Обзоровой.

Хозяйка дома тотчасъ встала; но не успѣла она дойти до двери, какъ на порогѣ комнаты показалась красивая дама, лѣтъ тридцати. Эта была очень смуглая брюнетка, нарядно одѣтая въ шелковое платье бутылочнаго цвѣта и такую же бархатную шляпу, украшенную розами и лѣсомъ перьевъ.

Схвативъ баронессу за руки, гостья взволнованнымъ голосомъ вскричала:

— Ахъ, дорогая Лидія Андреевна! Я пріѣхала просить у васъ совѣта по чрезвычайно важному дѣлу.

Баронесса расцѣловала ее въ обѣ щеки и шепнула на ухо:

— Позже, дорогая, мы не одни.

Затѣмъ, она указала на первую посѣтительницу и представила ихъ другъ другу.

— Марья Александровна Загуляева. Варвара Аркадьевна Обзорова.

Дамы расcѣлись, а при этомъ Загуляева нѣсколько излишне возилась, усаживаясь, чтобы пошуршать своей шелковой юбкой. Разговоръ не клеился. Обзорова, видимо злясь на присутствіе докучной посѣтительницы, теребила золотую цѣпочку лорнета; затѣмъ, взявъ на письменномъ столѣ брошюру, въ синей обложкѣ, она стала перелистывать ее, и заинтересовалась.

— Что это за брошюра: «Долой иго мужчинъ»! Откуда вы взяли ее, Лидія Андреевна? Это, кажется, любопытно.

— Еще бы! Я положительно глотала эту брошюру. Авторъ ея—миссъ Рутерфордъ-Арди состоитъ проповѣдницей общины «Рай безъ Адама», т. е. общества покинутыхъ женъ, пострадавшихъ отъ дурного обращенія мужей, и пріѣхала въ Европу съ тремя сестрами. Въ Бременѣ и Берлинѣ она уже читала свои рефераты, имѣвшіе большой успѣхъ. Вотъ она прислала мнѣ отзывы лучшихъ газетъ: всѣ они благопріятны для нея. Должна признаться, что пишетъ она прекрасно и мое сердце было глубоко тронуто, когда я читала краснорѣчивое изложеніе нашихъ несчастій и возмутительной несправедливости по отношенію къ намъ. Она глубоко права, утверждая что женщина должна добиваться независимости, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгать любви и брака.

— По всей вѣроятности, это—старая дѣва, изливающая свою злобу на мужчинъ и отрицающая любовь потому, что ей не

удалось найти себѣ мужа, — замѣтила Обзорова, нервно перелистывая брошюру.

Баронесса расхохоталась, а затѣмъ, открыла ящикъ стола и достала портретъ Эленъ.

— Моя кузина, Нина Надлеръ, прислала изъ Нью-Іорка портретъ миссъ Рутерфордъ. Взгляните на него, Вава, и убѣдитесь, что не старость и не безобразіе сдѣлали ее проповѣдницей «Рая безъ Адама»!

— Да, она прехорошенькая! Стало быть, миссъ Рутерфордъ по убѣжденію проповѣдуетъ противъ брака. Впрочемъ, — Обзорова поднесла къ глазамъ кружевной платокъ, — она глубоко права. Кто изъ насъ вышелъ бы замужъ, если бы мы могли предвидѣть, что готовитъ намъ замужество?

Дамы обмѣнялись язвительными замѣчаніями по поводу мужей. Марья Александровна слушала ихъ съ сосредоточеннымъ видомъ. Ей хотѣлось вставить въ разговоръ свое слово, но она не знала, какъ ей это сдѣлать. Не будучи въ законномъ супружествѣ, она не могла жаловаться на «мужа» и, хотя у нея въ сердцѣ лежалъ длинный списокъ мерзостей, учиненныхъ ей мужчинами, она не могла сѣтовать на ихъ вѣроломство, не компрометируя себя. Наконецъ, она рѣшила стать на сторону Эленъ:

— О! Несомнѣнно, предпочтительнѣе жить своимъ трудомъ, чѣмъ продаться первому встрѣчному, ради титула «дамы», не думая объ ожидающихъ насъ разочарованіяхъ; особенно же въ настоящее время, когда мужчины такъ развращены и жадны, что ищутъ только приданаго, не придавая никакой цѣны личнымъ достоинствамъ женщины.

— Я вижу, что вы будете ярой сторонницей миссъ Рутерфордъ. Могу съ удовольствіемъ сообщить вамъ, что она скоро пріѣдетъ. Я уже наняла ей квартиру на Моховой, недалеко отъ меня.

Марья Александровна объявила, что непремѣнно хочетъ видѣть американку, внушающую ей живѣйшій интересъ. Затѣмъ, она принялась ораторствовать о трудовой жизни, дѣлающей ее независимой, о презрѣніи къ браку и, наконецъ, удалилась, къ великому удовольствію дамъ.

— Что это за особа? Она что-то ужъ много говоритъ о своемъ трудѣ и отличается шикомъ дурного тона, — спросила Варвара Аркадьевна по уходѣ «труженицы».

— Это дочь бывшаго подчиненнаго мужа, которую онъ имѣлъ несчастье крестить. Я принимаю ее, но не поощряю знакомства съ

дочерями, въ виду ея немного сомнительной репутаціи. Но такъ какъ семья ея бѣдна, то я доставила ей мѣсто въ театральной конторѣ, на тридцать пять рублей.

— Скажите на милость! И это за тридцать пять рублей въ мѣсяцъ, она носитъ платья на шелковой подкладкѣ и такіе мѣха? Ха, ха, ха!—Обзорова громко разсмѣялась.—Держу пари, что, несмотря на все ея презрѣніе, въ ея работѣ сотрудничаетъ какой-нибудь презрѣнный Адамъ.

— Ба! Si, dejà la recherche de la paternité est interdite—combien celle de l'origine d'un col de fourrure *),—улыбаясь, замѣтила баронесса.—Однако, оставимъ въ покоѣ Загуляеву. Скажите мнѣ, дорогая Вава, о какомъ дѣлѣ хотѣли вы поговорить со мной?

Обзорова усадила Лидію Андреевну рядомъ съ собой на диванѣ и пробормотала, крѣпко пожавъ ея руку:

— Я начинаю бояться, что мужъ догадывается о моихъ свиданіяхъ съ Вольдемаромъ. Онъ шпіонитъ за мной и преслѣдуетъ меня подозрительными взглядами. И это послѣ всего, что самъ позволяетъ себѣ!—добавила она, потрясая сжатымъ кулакомъ.

— Не слѣдуетъ принимать близко къ сердцу такіе пустяки: всѣ мужчины распущены,—примирительнымъ тономъ сказала баронесса.

— Хороши пустяки!! Вообразите себѣ, вчера я случайно встрѣтилась съ Вольдемаромъ на Невскомъ проспектѣ, и мы разговорились. Вдругъ я вижу мужа въ коляскѣ съ мадемуазель Жобардъ изъ Михайловскаго театра! Онъ поспѣшилъ откинуться назадъ, но она выставляла напоказъ такую соболью накидку, какой у меня никогда не бывало. Увѣряю васъ, дорогая, я до такой степени взволновалась, что мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Само собой понятно, что это была не ревность, а простое негодованіе. Кромѣ того, я подозрѣваю, что онъ хочетъ накрыть меня съ поличнымъ, чтобы развестись и жениться на актрисѣ. Хорошо, такъ я сыграю съ нимъ штуку! Сама накрою его! Тогда я съ нимъ разведусь и выйду замужъ за Вольдемара, который обожаетъ меня. Объ этомъ-то планѣ я и хотѣла посовѣтоваться съ вами и узнать ваше мнѣніе.

Баронесса неодобрительно покачала головой.

— Это очень рискованное дѣло, дорогая Вава.

— Почему? Я буду дѣйствовать только навѣрняка.

---

*) Ужъ если запрещается отыскивать отца, то тѣмъ паче возбраняется искать происхожденіе мѣхового воротника.

— Въ подобныхъ исторіяхъ никогда ни въ чемъ нельзя быть увѣренной. Вспомните Раису Львовну! Она развелась съ мужемъ, чтобы выйти замужъ за Луканова, который пять лѣтъ былъ ея возлюбленнымъ. И что же? Какъ только она была свободна, онъ отказался отъ нея и уѣхалъ въ Америку, а она осталась на бобахъ. Владиміръ Александровичъ—очаровательный мужчина, но очень легкомысленный и любитъ разсѣянную жизнь. Это старый холостякъ, который не такъ-то легко дастъ впречь себя въ супружескую колесницу. Много сѣтей разставлялось ему, но онъ никогда не попадался въ нихъ. Кромѣ того, вы, во всякомъ случаѣ, много потеряете въ денежномъ отношеніи. Владиміръ Александровичъ, конечно, богатъ, но далеко не такъ, какъ Георгій Адамовичъ—финансистъ и директоръ желѣзной дороги, получающій по пятьдесятъ тысячъ въ годъ.

— Какое мнѣ удовольствіе, что онъ получаетъ пятьдесятъ тысячъ и тратитъ ихъ на накидки госпожи Жобардъ!—горячо вскричала Вава, причемъ лицо ея покрылось красными пятнами. — Мнѣ онъ даетъ только три тысячи на булавки, а если бы онъ не прибавлялъ по тысячѣ рублей на Пасху и Рождество, я должна была бы, какъ нищая, щеголять въ лохмотьяхъ, такъ какъ трехсотъ рублей, которые онъ даритъ мнѣ въ именины и въ рожденіе, едва хватаетъ на перчатки и шляпки.

— Но Владиміръ Александровичъ, можетъ быть, будетъ давать вамъ еще меньше.

— Что за бѣда! Онъ мнѣ больше нравится. Онъ такой рыцарственный и очаровательный! А какъ онъ любитъ мою маленькую Лулу! Онъ осыпаетъ ее подарками и не можетъ безъ волненія цѣловать ее. Это будетъ въ высшей степени пріятный мужъ, а не такой грубіянъ, какъ Жоржъ.

Баронесса побарабанила пальцами по столу.

— Гмъ! Повѣрьте мнѣ, Вава, по возлюбленному никогда нельзя судить о мужѣ! Что же касается того, что Владиміръ Александровичъ балуетъ Лулу, то это еще ничего не доказываетъ. Всѣмъ извѣстно его влеченіе къ маленькимъ дѣвочкамъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ, и, по моему мнѣнію, на это есть какая-нибудь таинственная причина въ его жизни, такъ какъ къ мальчикамъ онъ относится совершенно равнодушно. Кто знаетъ? Можетъ быть, въ молодости, когда онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, у него тамъ былъ серьезный романъ, и онъ потерялъ любимаго ребенка, воспоминаніе о которомъ преслѣдуетъ его.

Лакей, доложившій о Владимірѣ Александровичѣ Артемьевѣ, прервалъ этотъ разговоръ. Вава вспыхнула, а баронесса лукаво улыбнулась и прошептала ей на ухо:

— Я начинаю вѣрить, что часъ его насталъ.

Недостойный супругъ бѣдной Викторіи мало измѣнился. Ему никто не далъ бы и сорока лѣтъ, хотя уже было за пятьдесятъ.

Одѣтъ онъ былъ съ изысканнымъ изяществомъ. Его высокій станъ не потерялъ своей гибкости; въ густыхъ каштановыхъ волосахъ не было ни сѣдинки, а большіе голубые глаза попрежнему были ясны и холодно презрительны. Съ дамами онъ раскланялся, какъ давнишній хорошій знакомый.

— Наконецъ-то вы явились! Я ужъ думала, что вы забыли мой адресъ,—сказала баронесса Надлеръ, подавая руку Артемьеву.

— Какое несправедливое обвиненіе! Я давно жаждалъ явиться къ вамъ выразить свое почтеніе, когда узналъ, что вы вернулись изъ деревни, но государственныя дѣла...

— Что вы тамъ разсказываете! Какъ будто я не знаю, что дѣла Эрота гораздо больше занимаютъ васъ, чѣмъ дѣла государственныя,—со смѣхомъ перебила его баронесса.

Владиміръ Александровичъ не противорѣчилъ, а съ улыбкой поглаживалъ шелковистую бороду рукой, на которой сверкалъ огромный солитеръ.

Между тѣмъ, Лидія Андреевна продолжала:

— Разъ вы у меня, я васъ арестую и оставляю обѣдать. А вы, Вава, можете составить намъ компанію?

— Съ удовольствіемъ! Мой мужъ обѣдаетъ у своего банковаго пріятеля.

— Отлично! Только, друзья мои, вы должны извинить меня, что я на минуту оставлю васъ. Я хочу посмотрѣть, не вернулись ли мои барышни, которыхъ я послала съ миссъ Соперъ за покупками. А вы, Вава, займите пока Владиміра Александровича!

Едва ушла хозяйка дома, такъ любезно давая возможность влюбленнымъ провести нѣсколько минутъ наединѣ, Владиміръ Александровичъ сталъ развязнѣе. Онъ пододвинулъ свое кресло къ Обзоровой поднесъ къ губамъ ея руку и сказалъ вполголоса:

— Мнѣ кажется, вы чѣмъ-то недовольны, дорогая! Скажите, кто наклеветалъ вамъ на меня? Что могло вызвать незаслуженную ревность?

Та покачала головой.

— Ошибаетесь; я не сержусь и не ревную, но меня безпо-

коитъ то, что у Жоржа зародились подозрѣнія. Намъ нужно быть очень осторожными.

Артемьевъ пожалъ плечами.

— Дорогая Вава! Вы даже днемъ видите призраки. Я пріѣхалъ прямо отъ вашего мужа, который пригласилъ меня поужинать съ нимъ сегодня у Контана.

— И вы согласились?

— Конечно! Вашъ мужъ — очень пріятный человѣкъ и кормитъ великолѣпными ужинами.

Варвара Аркадьевна разгнѣвалась.

— Вы очень наивны, если не понимаете, что онъ дѣлаетъ это съ цѣлью имѣть васъ на глазахъ и наблюдать за вами. А я-то хотѣла, чтобы вы пріѣхали въ мою ложу въ Маріинскомъ театрѣ. Потомъ вы проводили бы меня домой и мы вмѣстѣ напились бы чаю.

— Какая досада, что я лишенъ такого пріятнаго вечера! Но разъ принявъ приглашеніе вашего мужа, было бы неблагоразумно отказываться отъ него. Мое присутствіе разсѣетъ подозрѣнія, если, какъ вы говорите, они существуютъ.

Покраснѣвъ съ досады, Обзорова вырвала свою руку изъ рукъ Артемьева и быстро встала.

— А чтобы окончательно разувѣрить его, вы будете ухаживать за одной изъ негодницъ, которыя будутъ приглашены вмѣстѣ съ Жобаръ? О! Вы, мужчины, развращены до мозга костей!

Повернувшись къ нему спиной, она стремительно выскочила въ сосѣднюю гостиную.

Владиміръ Александровичъ слишкомъ привыкъ къ сценамъ подобнаго рода, чтобы онѣ могли волновать его; кромѣ того, ему начали докучать черезчуръ уже вулканическія чувства Варвары Аркадьевны. Поэтому ея бурный выходъ вызвалъ у него только презрительную усмѣшку. Минуту спустя, онъ лѣниво всталъ; но, прежде чѣмъ идти въ гостиную за своей прекрасной возлюбленной, онъ нагнулся и поднялъ брошюру съ карточкой Эленъ, которыя Обзорова сронила, проходя мимо письменнаго стола.

Брошюру онъ безъ вниманія бросилъ на столъ, но портретъ заинтересовалъ его, и онъ, наклонясь, поднесъ его къ лампѣ.

Взглядъ его, какъ очарованный точно, приросъ къ серьезному и обаятельному лицу. Онъ никогда не видѣлъ изображенной на портретѣ особы, а, тѣмъ не менѣе, въ ея большихъ ясныхъ глазахъ и выраженіи рта было что-то знакомое, напоминавшее ему кого-то, но кого—онъ не могъ сказать. Тогда онъ невольно сталъ искать,

указаній и замѣтилъ внизу карточки подпись карандашемъ: «Эленъ Рутерфордъ-Арди».

Артемьевъ нахмурился. Имя Елены всегда пробуждало въ немъ непріятное чувство, вызывая далекій образъ его обожаемой дѣвочки, большіе и невинные глазки которой нѣкогда улыбались ему, рученки обвивали его шею, а розовый ротикъ кричалъ съ дѣтскою нѣжностью:

— Папа, милый папа!

Не умри она, то была бы теперь такою же молодой дѣвушкой, какъ и эта англичанка, удивительно напоминавшая ему какую-то знакомую, имя которой онъ никакъ, однако, не могъ вспомнить. Мрачный и разсѣянный вышелъ Артемьевъ въ гостиную, когда почти въ ту же минуту явилась и баронесса.

Немного спустя, ихъ компанія увеличилась еще пожилымъ господиномъ, очень поношеннымъ и развинченнымъ, но разыгрывавшимъ изъ себя молодого человѣка. Баронесса приняла его съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ это былъ одинъ изъ претендентовъ. Господинъ этотъ былъ безъ ума отъ рыжихъ волосъ Лидіи Андреевны и жаждалъ создать себѣ подъ старость супружескій пріютъ; а она желала быть княгиней, женой камергера, и быть представленной ко двору. Изъ такихъ-то обоюдныхъ стремленій и родилась пріятная симпатія.

Обѣдъ прошелъ весело, несмотря на надутость Вавы и разсѣянность Артемьева. Баронесса разсказала все, что ей было извѣстно про «Рай безъ Адама», прибытіе проповѣдницы и ея лекціи противъ брака и невѣрности мужчинъ. Послѣдняя тема дала поводъ къ шутливой бесѣдѣ съ княземъ.

По окончаніи обѣда, Артемьевъ простился съ хозяйкой дома и Обзорова тоже заявила, что ей пора домой; такимъ образомъ, они вышли вмѣстѣ. Спускаясь съ лѣстницы, Варвара Аркадьевна неожиданно спросила съ нѣжной улыбкой:

— Какъ вы разсчитываете вернуться домой, Вольдемаръ? Меня ждетъ карета внизу. Хотите — отправимтесь въ Гостиный дворъ. Тамъ мы выйдемъ, и я отошлю экипажъ; а потомъ мы возьмемъ извозчика и поѣдемъ къ вамъ. Уже давно мнѣ хочется видѣть вашу квартиру, и сегодня, мнѣ кажется, мы можемъ провести вмѣстѣ часокъ, не возбуждая вниманія!

Лицо Артемьева выразило нѣжность и сожалѣніе.

— Мнѣ сегодня рѣшительно не везетъ, — отвѣтилъ онъ.— Несмотря на мое горячее желаніе, я не могу рискнуть везти васъ

къ себѣ. Пріѣхавшій изъ Москвы кузенъ остановился у меня, и въ данную минуту, можетъ быть дома. Вы понимаете сами, какому риску мы подвергались бы! А вотъ пріѣзжайте завтра на плодовую выставку, и я тамъ буду. Надѣюсь, оттуда намъ удастся убѣжать въ такое убѣжище, гдѣ насъ никто не потревожитъ.

Выраженіе неудовольствія и подозрѣнія скользнуло по лицу Варвары Аркадьевны. Но доводы возлюбленнаго были неоспоримы, и она должна была одна сѣсть въ карету.

Владиміръ Александровичъ позвалъ извозчика. Къ счастью, что она не видѣла выраженія насмѣшливаго презрѣнія, съ какимъ онъ подумалъ, закуривая папиросу:

— Спасибо! На сегодня съ меня довольно! Эта полуумная, того и гляди,—поставитъ меня въ неловкое положеніе. Но, стопъ, сударыня! Я воздержусь лишать Георгія Адамовича удовольствія обладать вами.

Артемьевъ жилъ на Большой Морской, въ великолѣпной квартирѣ, выходившей на улицу. Квартира эта состояла изъ кабинета, гостиной, столовой и спальни. Все было обставлено богато и со вкусомъ. Рядомъ же съ этой оффиціальной, такъ сказать, квартирой, дверь изъ спальни Артемьева вела въ сосѣднее помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ, корридора и кухни; причемъ обѣ лѣстницы второй квартиры выходили на дворъ. Это убѣжище представляло для Артемьева особенную привлекательность, такъ какъ изъ принципа онъ никогда не принималъ своихъ возлюбленныхъ по парадному ходу. Сюда-то многочисленныя посѣтительницы проникали со двора, и для пріема ихъ былъ устроенъ изящный будуаръ съ электрическимъ освѣщеніемъ, а толстыя шторы хранили отъ любопытныхъ взглядовъ тайны укромнаго уголка.

Вернувшись къ себѣ и узнавъ, что въ его отсутствіе никто не былъ, Владиміръ Александровичъ прошелъ въ спальню: Здѣсь онъ перемѣнилъ сюртукъ на тужурку и приказалъ подать стаканъ чаю съ коньякомъ. Артемьевъ чувствовалъ себя нервнымъ и былъ не въ духѣ. Онъ легъ на низкій и мягкій диванъ, взялъ журналъ и сталъ читать.

Не прошло и четверти часа, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался чей-то раздраженный голосъ, коверкавшій русскія мало изъ бранныя слова, а минуту спустя распахнулась дверь изъ будуара, и въ спальню ворвалась женщина въ бархатной, на бѣломъ мѣху, ротондѣ. За ней безстрастно и равнодушно шелъ лакей, какъ будто гнѣвъ гостьи относился вовсе не къ нему; а когда та нетерпѣливо

сбросила на полъ свою ротонду, лакей флегматично поднялъ ее и унесъ

Артемьевъ тотчасъ же всталъ.

— Какой пріятный сюрпризъ, дорогая Колетта!—вскричалъ онъ, подходя къ ней.—Но почему вы такъ раздражены?

— Поневолѣ будешь раздражена, когда у вашихъ людей весьма странное обыкновеніе принимать посѣщающихъ васъ дамъ. Швейцаръ—глупый мужикъ—подвергъ сперва настоящему допросу, и потомъ выпроводилъ меня; а дворникъ повелъ по грязному двору и заставилъ подняться по черной лѣстницѣ, узкой и безъ ковра, гдѣ я перепачкала, конечно, всѣ юбки.

Продолжая говорить, она подошла къ зеркалу и стала вытаскивать длинныя шпильки, державшія фетровую шляпу съ большимъ перомъ. Это была хорошенькая женщина, стройная и хорошо сложенная, несмотря на черезчуръ роскошный бюстъ. Тонкія черты лица были подвижны, большие каріе глаза смотрѣли смѣло, а улыбка чувственныхъ губъ пріоткрывала бѣлые и острые, какъ у кошки, зубы. Красивая актриса и была, въ сущности, хищнымъ животнымъ. На сценѣ она спеціально играла кокотокъ и играла ихъ хорошо, такъ какъ всегда была въ своей роли. Вышитое шелковое платье великолѣпно шло къ ней и было послѣднимъ словомъ моды.

— Колетта, дорогая моя, успокойтесь! Не портьте раздраженіемъ цвѣта лица, это—вредно!—уговаривалъ Артемьевъ, помогая гостьѣ разстегивать безконечныя пуговки длинныхъ шведскихъ перчатокъ.—Несомнѣнно, швейцаръ — дуракъ, которому я задамъ хорошую головомойку; но, вообще, вы несправедливы къ моей лѣстницѣ. Она опрятна, и я самъ часто пользуюсь ею, когда случается, что я поздно возвращаюсь домой и не желаю изнывать передъ дверью, пока швейцаръ совершитъ свой туалетъ. А черезъ дворъ я прохожу свободно, такъ какъ у меня всегда съ собой ключъ отъ квартиры. Для дамы я тоже считаю этотъ скрытый путь гораздо приличнѣе.

Колетта Легранъ вовсе злопамятна не была и, повидимому, удовлетворилась этимъ полуобъясненіемъ. Она мило согласилась выпить чашку чая и прошла за хозяиномъ дома въ будуаръ. Здѣсь, прихлебывая чай и грызя пирожное, она завязала оживленный разговоръ. Разсказавъ нѣсколько пикантныхъ сплетенъ о подругахъ по сценѣ она объявила, что получила изъ Парижа партію платьевъ, изъ которыхъ одно, изумрудное зеленое бархатное, было положи-

тельно великолѣпно, и что она разсчитываетъ одѣть его на балъ французской колоніи.

— Только для полноты костюма мнѣ не хватаетъ парюры изъ бриліантовъ, а у Фаберже я открыла такую, которая точно нарочно сдѣлана для этого случая. Я буду въ отчаяніи, если придется отказаться отъ этой вещи. Впрочемъ, я предчувствую, что найдется добрая душа, которая мнѣ ее поднесетъ. Какъ вы думаете, мой Вольдемаръ? — съ вызывающей улыбкой прибавила она, похлопавъ Артемьева по щекѣ.

— Думаю, что ваши предчувствія всегда пророческія, — со смѣхомъ отвѣтилъ тотъ.

Разговоръ становился все веселѣе. Съ необыкновеннымъ увлеченіемъ разсказала Колетта, что узнала отъ своей пріятельницы Сюзетты Жобардъ, любовницы Обзорова, что тотъ имѣлъ жестокую сцену съ женой по поводу браслета, заказаннаго для дамы сердца, а ювелиръ по ошибкѣ прислалъ его къ нему на домъ.

— Она чуть не выцарапала ему глаза и грозила разводомъ. Брр!.. Сюзеттъ говорила, что скандалъ вышелъ невѣроятный. Слава Богу, что ты не женатъ, милый; это разстраивало бы мнѣ нервы.

— Неужели, въ довершеніе несчастья, ты лишила бы меня при этомъ и своей любви, — не безъ ехидства спросилъ Артемьевъ.

— О, нѣтъ! Это было бы, досадно, конечно, но все таки терпимо! Моя любовь къ тебѣ, видишь-ли, — это неизлечимая болѣзнь, — и она звучно поцѣловала его. — А собственно говоря, мы гораздо стѣснительнѣе для женъ, чѣмъ онѣ для насъ. Изъ нихъ ни одна не можетъ похвастаться, что можетъ соперничать съ нами туалетами и бриліантами; а отъ любви мужа онѣ пользуются лишь тѣмъ, что мы имъ оставимъ.

И Колетта громко расхохоталась. Лицо Артемьева все больше и больше прояснялось; его заражала ея веселость и она отлично знала свое дѣло. Никто не умѣлъ такъ согнать заботу съ чела усталаго повѣсы, и нельзя было достаточно оплатить доставленныя ею веселыя минуты. Поэтому, когда часъ спустя Колетта простилась съ Артемьевымъ, она уносила съ собой сумму, необходимую для покупки парюры, такъ кстати открытой въ витринѣ Фаберже.

Оставшись одинъ, Владиміръ Александровичъ откинулся на спинку дивана и задумался. Мимолетное веселое настроеніе духа его упало и онъ усталымъ взглядомъ окинулъ роскошную обстановку съ ея зеркалами и пушистыми коврами.

Сколько женщинъ перебывало здѣсь, начиная съ кокотки низ-

шаго полета, какой-нибудь извѣстной «дамы» полу-свѣта, наивной крестьянской дѣвушки и кончая женщиной большого свѣта, павшей настолько, чтобы бѣгать на квартиру къ любовнику. И всѣ, въ этой комнатѣ, слушали отъ него тѣ же пошлыя увѣренія въ любви и наслаждались такъ же мимолетной лаской. Въ теченіе сколькихъ лѣтъ онъ неутомимо гонялся за наслажденіями, во чтобы то ни стало, и легкими побѣдами, смакуя развратъ во всевозможныхъ видахъ и оттѣнкахъ, постоянно ища и все не находя нѣчто новое, могущее освѣжить его истрепанные и притупившіяся чувства. И не смотря на всѣ усилія, онъ всюду тащилъ съ собою пресыщеніе, скуку и чувство неудовлетвореннаго желанія, цѣли котораго онъ не могъ опредѣлить.

И порою, какъ напримѣръ сегодня, въ часы одиночества, изъ глубины его совѣсти возставала докучная мысль, смущавшая его покой и не позволявшая заглушить себя никакимъ шумомъ оргіи, или залить потоками шампанскаго. Съ болѣзненною настойчивостью воображеніе рисовало ему двѣ далекихъ могилы: могилы эти не стѣсняли его, между ними и имъ лежалъ необъятный океанъ, а между тѣмъ, при воспоминаніи объ этихъ одинокихъ могилахъ дрожь пробѣгала по его тѣлу...

Проведя рукой по лбу, Артемьевъ старался энергично отогнать назойливыя думы, и сталъ думать о Колеттѣ — о веселой и очаровательной Колеттѣ. Но тщетно старался онъ оживить увлеченіе, возбужденное ею: имъ овладѣло глубокое отвращеніе къ прекрасной грѣшницѣ. Что ему эта женщина, почти случайно сдѣлавшаяся его любовницей — распутная тварь, которая продавалась и покупалась, какъ и всѣ, ей подобныя? Развѣ онъ не зналъ, что приведенная въ восторгъ вытянутой у него подачкой, потребовавшейся для удовлетворенія ея прихоти, она помчалась къ другому? Ему было извѣстно даже къ кому: къ молодому человѣку, который былъ гораздо бѣднѣе его, но котораго она больше любила.

Фу! Какъ все это было глупо и гадко, — такъ же отвратительно, какъ и любимые Колеттой, удушливые духи, которыми пропиталась вся комната и которыхъ Владиміръ Александровичъ не выносилъ, когда находился въ нервномъ состояніи. Вставъ съ дивана, онъ прошелъ въ кабинетъ, приказавъ предварительно лакею открыть въ будуарѣ окна.

Какъ лучшее средство отогнать надоѣдливыя мысли, Артемьевъ рѣшилъ написать нѣсколько давно отложенныхъ писемъ и, присѣвъ къ письменному столу, перечелъ переписку, требующую отвѣта.

Одно письмо, отъ управляющаго подмосковнымъ имѣніемъ, особенно было важно и требовало спѣшнаго разрѣшенія. Просматривая приложенные къ нему счета, Артемьевъ захотѣлъ сравнить ихъ съ болѣе старыми. Съ этою цѣлью онъ прошелъ въ спальню, гдѣ въ несгораемомъ шкапу хранились всѣ дѣловые документы.

Висячая лампа мягкимъ свѣтомъ озаряла большую комнату, оставляя въ полумракѣ дальніе углы и кровать, полузакрытую шелковой занавѣской. Владиміръ Александровичъ подошелъ къ стоявшему въ ногахъ кровати шкапу и готовился уже открыть его, какъ вдругъ въ его памяти съ болѣзненной ясностью возстало необъяснимое явленіе, случившееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этой же самой комнатѣ. И теперь, при воспоминаніи объ этомъ случаѣ, его охватилъ такой ужасъ, что холодный потъ выступилъ на лбу, а испуганный взглядъ скользнулъ по занавѣси, страшась видѣнія, которое являлось тогда.

Быстро повернувшись, онъ ушелъ обратно въ кабинетъ, не доставъ бумагъ, и сталъ ходить по комнатѣ. Каждая подробность далекаго случая оживала теперь.

Была ночь. Онъ вернулся съ попойки изъ моднаго загороднаго ресторана, гдѣ былъ съ Шарлоттой Симпсонъ, привезенной имъ изъ Америки возлюбленной, которая тогда была еще жива. Помнилъ онъ, что былъ веселъ, беззаботенъ и слушалъ съ хохотомъ забористыя шансонетки, которыя исполняла пѣвичка. И сейчасъ представилась ему она, какъ живая, съ ея разрумяненнымъ лицомъ и безстыднымъ взглядомъ. Проводивъ любовницу, онъ вернулся домой усталый, но въ наилучшемъ расположеніи духа. Сбросивъ платье, онъ открылъ несгораемый шкапъ и кинулъ туда нѣсколько бумагъ, а затѣмъ, со свѣчей въ рукѣ, подходилъ къ кровати, какъ вдругъ порывъ холоднаго вѣтра пахнулъ ему въ лицо; свѣча сразу погасла, оставивъ его въ полной темнотѣ, а онъ застылъ отъ ужаса, когда увидѣлъ, что у изголовья кровати появилась свѣтлая тѣнь, очертанія которой постепенно выяснялись и приняли обликъ женщины, въ широкомъ одѣяніи. Передъ нимъ была Викторія; голову ея окружало широкое, фосфорическое сіяніе, а на ослѣпительно свѣтломъ фонѣ отчетливо вырисовывались ея роскошные бѣлокурые волосы, нѣжное, смертельно блѣдное, страдальческое лицо и ея большіе темные глаза, смотрѣвшіе грозно и сурово. Вдругъ губы призрака зашевелились, и слабый, словно издалека доносившійся, голосъ отчетливо сказалъ:

— Привѣтствую тебя, палачъ! Твое дѣло закончено.

Съ глухимъ крикомъ упалъ тогда Артемьевъ на коверъ. Вбѣжалъ на минуту выходившій лакей, зажегъ свѣчу и нашелъ своего барина лежавшимъ безъ чувствъ около кровати.

Очнувшись, Артемьевъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, что означало это видѣнье? Викторію онъ считалъ уже давно умершей, а сердце не подсказало ему, что только въ эту ночь угасла въ объятіяхъ своего ребенка женщина, которую онъ такъ предательски бросилъ.

Воспоминаніе объ этомъ видѣніи нѣсколько недѣль его преслѣдовало и мучило, а затѣмъ онъ забылъ про него. Почему же именно сегодня оно снова нахлынуло, давя сердце тоской и угрызеніями совѣсти?

У него явилось непобѣдимое желаніе перечесть составленную имъ тогда же замѣтку съ точнымъ числомъ, когда произошелъ этотъ необъяснимый случай. Выдвинувъ ящикъ стола, онъ открылъ тайное отдѣленіе, гдѣ хранилъ обломки погибшаго прошлаго; туда же положилъ онъ и свою замѣтку.

Владиміръ Александровичъ разсѣянно перечелъ ее. Да. Викторія умерла лѣтъ за семь, почти, до этого видѣнія и онъ позабылъ только точное время ея кончины. Дрожащей рукой схватилъ онъ письмо, принесшее вѣсть о его вдовствѣ.

По мѣрѣ того, какъ Артемьевъ пробѣгалъ лаконическое посланіе, писанное каракулями старой Гарріеты, лихорадочный румянецъ разливался по его блѣдному лицу. У покинутаго имъ очага водворилась нищета, жена его, бѣгая по урокамъ, получила болѣзнь отъ которой умерла, нуждаясь можетъ быть въ хлѣбѣ и медицинской помощи; а вмѣстѣ съ собой она увлекла въ преждевременную могилу и ихъ ребенка. Онъ-же въ это время пировалъ! Въ нескончаемой сатурналіи, которую онъ называлъ своей «жизнью», у него все не хватало времени написать, или послать хоть ничтожную сумму. Со дня на день переносилось исполненіе этого долга, а покладливая совѣсть подсказывала извиненія. какъ потомъ она же утѣшила и успокоила его, при полученіи роковой вѣсти. Почему же теперь молчалъ этотъ снисходительный голосъ и, наоборотъ, другой — строгій и справедливый, — сурово осуждалъ его за жизнь и поступки?

Безотчетно, точно руководимый чужой волей, вынулъ онъ изъ потайного отдѣленія сафьяновый ящикъ и открылъ его. Въ этомъ футлярѣ хранился портретъ Викторіи, державшей на колѣняхъ Эленъ. Молодая женщина казалась грустной и унылой, а въ мечтательныхъ глазкахъ ребенка, казалось, читался упрекъ ему. Теперь

голубые глазки, горѣвшіе радостью при видѣ его, навсегда угасли; граціозная фигурка обратилась въ прахъ. Въ прахъ превратилось и любящее сердце чистой и терпѣливой жены. Теперь онъ одинокъ и, въ случаѣ болѣзни или несчастья, останется на наемныхъ рукахъ... У Артемьева холодный потъ выступилъ на лбу. Глубокая тишина, окружавшая его, показалась вдругъ ему невыносимой. Вспомнился ему другой кабинетъ, менѣе роскошный, чѣмъ этотъ, но до котораго доносился топотъ неутомимыхъ ножекъ и серебристый дѣтскій смѣхъ; затѣмъ, дверь тихо пріотворялась, пухленькая ручонка отодвигала портьеру, въ складкахъ которой появлялась кудрявая головка, а звонкій голосокъ спрашивалъ:

— Папа! Можно войти?

Съ глухимъ вздохомъ отбросилъ Владиміръ Александровичъ портретъ, вскочилъ съ кресла и провелъ рукой по волосамъ, а смущенный взглядъ его приросъ точно къ спущенной портьерѣ, какъ будто онъ ожидалъ, что изъ за нея появится личико ребенка. Но кругомъ стояла тишина, и только глумливый голосъ совѣсти шепталъ ему:

— Мертвые не возвращаются! Твое позднее раскаяніе напрасно. Какъ теперь, такъ и впредь ты останешься одинъ, одинъ и одинъ...

Артемьевъ тяжело поникъ головой. Въ эту минуту онъ, казалось, состарился. Лицо его потемнѣло, а станъ сгорбился, словно тяжелая глыба легла на его сильныя плечи. Но эта слабость была непродолжительна. Энергично выпрямившись, онъ провелъ рукой по лицу и подумалъ съ неудовольствіемъ:

— Кажется, я начинаю сходить съ ума! Положительно, мнѣ надо заняться своими нервами и избѣгалъ этого удручающаго одиночества.

Замкнувъ поспѣшно ящикъ стола, онъ нажалъ кнопку электрическаго звонка.

— Приготовь одѣваться и прикажи кучеру запречь экипажъ.— приказалъ онъ лакею.

Онъ рѣшилъ сейчасъ же заѣхать за пріятелемъ и вести его ужинать въ Самаркандъ къ цыганамъ. Онъ былъ увѣренъ, что вернется оттуда въ такомъ состояніи, которое не позволитъ ему предаваться глупымъ мечтаніямъ и пустымъ сожалѣніямъ.

V.

Извѣстіе о предстоящемъ пріѣздѣ въ Петербургъ молодой американки, лекціи которой противъ брака надѣлали много шума въ Берлинѣ, быстро облетѣло городъ. Нѣсколько журналовъ посвятили ей замѣтки, а хроникеръ газеты «Вѣстунья» отвелъ душу въ ядовитой статьѣ, позубоскаливъ надъ общиной «Рай безъ Адама» и надъ ея представительницей.

Общій интересъ былъ возбужденъ, но интересъ, конечно, разнообразный. Мало развитыя женщины, по укоренившейся привычкѣ смотрѣвшія на бракъ какъ на единственную цѣль въ жизни, какъ на золотыя врата, которыя откроютъ имъ удобный доступъ на веселый путь похожденій,—тѣ относились къ этому съ пошлымъ любопытствомъ. Болѣе развитая, но праздная часть женщинъ привилегированнаго слоя, по положенію или состоянію, предвидѣла въ этихъ лекціяхъ очень пикантную тему, а также чудный случай показать свои когти мужьямъ и возлюбленнымъ, которые, по ихъ мнѣнію, слишкомъ мало цѣнили ихъ, и потому рѣшили поддержать лекторшу. И только среди женщинъ обездоленныхъ, не надѣявшихся уже выйти замужъ, а томившихся въ разныхъ конторахъ, правленіяхъ, кассахъ и школахъ, пробудился истинный интересъ. Истомленныя труженицы, съ блѣдными лицами и покраснѣвшими отъ работы глазами, не ждавшія ничего хорошаго отъ жизни и не имѣвшія ни шелковыхъ юбокъ, ни нарядныхъ шляпъ, такъ какъ скудная плата за изнурительный трудъ едва обезпечивала лишь насущный хлѣбъ—тѣ безсознательно жаждали реакціи и живо интересовались смѣлой американкой, проповѣдующей гордость труда и свободу отъ предразсудковъ; она возвышала ихъ въ собственныхъ глазахъ, уча ихъ, что женщина можетъ и должна не разсчитывать на прихотливаго, безпечнаго мужчину, допускающаго только два сорта женщинъ: тѣхъ, на которыхъ женятся, и тѣхъ, съ которыми развлекаются, если онѣ красивыя, или достаточно развращены, чтобы замѣнить красоту безстыдствомъ.

Но если число этихъ убѣжденныхъ сторонницъ женской свободы и было велико, то онѣ были разсѣяны, придавлены зависимымъ положеніемъ, бѣдны и не играли никакой роли въ общественномъ порядкѣ. Зато много шумѣли и суетились восторженныя чудачки, которымъ дѣлать было нечего и которыя устроили почетную встрѣчу прекрасной поборницѣ женскаго дѣла. На вокзалѣ собрались представительницы дамскаго клуба и женскаго артистическаго общества, а также много «либеральныхъ» дамъ, изъ тѣхъ, что можно встрѣтить въ судѣ на всѣхъ скандальныхъ процессахъ, или изъ числа присяжныхъ обожательницъ оперныхъ и драматическихъ артистовъ; «милыя дамы» понимали вопросъ о раскрѣпощеніи женщины въ смыслѣ освобожденія отъ всякой нравственной и общественной узды.

Выйдя изъ вагона, Эленъ была пріятно поражена такимъ симпатичнымъ пріемомъ и польщена горячими, привѣтственными рѣчами и крѣпкими пожатіями рукъ, которыми обмѣнивались съ нею. Полная наилучшихъ надеждъ на успѣхъ и высокаго уваженія къ русскимъ женщинамъ, которыя такъ отважно высказывали свои убѣжденія и которыхъ такъ несправедливо оклеветали, сѣла она съ Нелли въ карету, присланную баронессой Надлеръ, чтобы доставить ихъ въ нанятое имъ помѣщеніе.

Эленъ душой и тѣломъ отдалась своему дѣлу, такъ какъ сама испытала всю горечь одиночества и выросла среди несчастныхъ, ожесточившихся женщинъ, которыя смотрѣли на мужчинъ, какъ на своихъ злѣйшихъ враговъ. Суровое, лишенное всякой мечтательности, воспитаніе ея среди дѣтей, узнавшихъ въ прошломъ много горя и страданій, еще болѣе закалило ея характеръ, энергичный отъ природы. Разумѣется, во всѣхъ большихъ городахъ на каждомъ шагу встрѣчаются подобныя разбитыя жизни, но, будучи разсѣяны въ массѣ, онѣ не замѣтны и въ счетъ не идутъ; всѣ привыкли къ такимъ частнымъ несчастьямъ. Но въ суровой и мрачной атмосферѣ убѣжища, эти разбитыя существованія, все это собраніе душъ, полныхъ желчи и горечи, принимало чудовищный и отвратительный видъ, а для молодой проповѣдницы вопросъ о поднятіи женщины трудомъ и независимостью ума былъ вопросомъ огромной важности, вопросомъ жизни, которому всѣ женщины должны сочувствовать и помогать.

Въ толпѣ, встрѣтившей ее на вокзалѣ, Эленъ наивно думала, что встрѣтила единомышленницъ, жаждущихъ стряхнуть съ себя унизительную зависимость мужского владычества и стремящихся заставить мужчинъ уважать себя, вмѣсто того, чтобы быть игрушкой ихъ прихоти. Эленъ даже не приходило на умъ, что проповѣдуемый ею «крестовый походъ», да и она сама будутъ смѣшны среди пресыщеннаго, скучающаго общества, не способнаго серьезно отнестись къ проповѣди; что ни одна изъ тѣхъ, которыя пожимали ей руки и говорили комплименты, ни за какую цѣну не согласилась бы покинуть вредную и безнравственную обстановку и серьезно посо-

риться съ мужчинами. Каждая молодая дѣвушка жаждетъ найти какого бы то ни было мужа, лишь бы онъ избавилъ ее отъ стѣснительнаго титула «барышни», а каждая молодая женщина мечтаетъ какъ бы получше воспользоваться такъ дорого пріобрѣтенной «свободой» и мѣнять возлюбленныхъ, какъ перчатки, сохраняя, при этомъ, обликъ честной женщины. Въ лекціяхъ Эленъ вся эта толпа женщинъ готова была видѣть только пріятное времяпровожденіе, блестящій случай завязать флиртъ, вдвойнѣ пикантный, такъ какъ онъ дастъ возможность бросить въ лицо кавалерамъ всѣ ихъ злодѣянія по отношенію къ слабому полу, и высказаться по поводу ихъ тиранніи и по самымъ щекотливымъ вопросамъ въ отношеніи обоихъ половъ.

Эленъ, какъ уже было сказано, ничего этого не подозрѣвала и сѣла въ карету подъ вліяніемъ перваго восторженнаго впечатлѣнія. Но по мѣрѣ того, какъ экипажъ быстро катился по оживленнымъ улицамъ столицы, радостное довѣріе это разсѣивалось и смѣнялось глухимъ безпокойствомъ и смутнымъ предчувствіемъ. Ея взглядъ съ загадочнымъ выраженіемъ скользилъ по длинному ряду домовъ, по озабоченнымъ пѣшеходамъ и по встрѣчавшимся имъ экипажамъ. Не здѣсь-ли живетъ тотъ, кто, по крови, ей ближе всѣхъ? Можетъ быть, онъ даже проѣхалъ мимо нея, не подозрѣвая, что его единственная дочь явилась сюда бороться одна, безъ поддержки, противъ мужчинъ, такихъ же подлыхъ и безсердечныхъ, какъ и онъ самъ...

Наблюдавшая за нею Нелли замѣтила, какъ лицо ея нахмурилось, а губы были сжаты съ горькимъ, суровымъ выраженіемъ. Она поняла отчасти, что происходило въ душѣ пріятельницы и почувствовала къ ней глубокое участіе. Нелли тоже была сиротой, одинокой и предоставленной собственнымъ средствамъ; но въ мрачномъ и безрадостномъ будущемъ, разстилавшемся передъ ней, она имѣла одно преимущество: свое безобразіе, которое избавляло ее отъ всякихъ искушеній. Но красивая и обаятельная Эленъ была создана, словно, чтобы любить и быть любимой; мимо нея мужчины не пройдутъ равнодушно. Сумѣетъ-ли она устоять противъ властнаго инстинкта природы, чтобы безтрепетно слѣдовать тернистымъ путемъ борьбы за идею?

Остановка кареты положила конецъ размышленіямъ Нелли. Обѣ онѣ вышли изъ экипажа и поднялись во второй этажъ, гдѣ была приготовлена для нихъ небольшая квартира и гдѣ ихъ встрѣтила англичанка, гувернантка барышенъ Надлеръ, сказавшая, что баронесса послала ее встрѣтить миссъ Рутерфордъ съ ея спутницами и дать имъ первыя указанія. Затѣмъ она прибавила, что баронесса Надлеръ завтра пріѣдетъ сама и подробно объяснитъ условія найма квартиры и прислуги, состоявшей изъ двухъ горничныхъ, двухъ лакеевъ, повара и кучера, нанятаго помѣсячно вмѣстѣ съ экипажемъ. Англичанка при этомъ объяснила, что рядомъ съ ихъ квартирой находится большая, вмѣщающая до трехсотъ человѣкъ, зала, которая служитъ для засѣданій Сельскохозяйственнаго общества, отдающаго ее въ наемъ, и этой залой миссъ Рутерфордъ могла бы воспользоваться для своихъ лекцій, если, конечно, онѣ будутъ разрѣшены.

Эленъ горячо поблагодарила молодую англичанку, блѣдное и усталое лицо которой краснорѣчиво говорило о пріятностяхъ жизни у баронессы; а когда та уѣхала, путешественницы стали устраиваться въ новомъ помѣщеніи.

Каждая выбрала себѣ отдѣльную спальню; гостиная же и столовая должны были быть общими. Кромѣ того, Эленъ взяла для себя и Нелли кабинетъ, предназначенный служить для пріема посѣтительницъ, которыя будутъ являться за совѣтами и различными справками. Нелли взяла на себя роль секретарши Эленъ; миссъ Эмми Робертсъ должна была быть ихъ помощницей, а мистрисъ Форестъ приняла исключительно хозяйственную часть и заботы о матеріальномъ благосостояніи ихъ маленькой общины.

Покончивъ съ этимъ, дамы принялись устраиваться въ своихъ комнатахъ, сообразно съ своими вкусами и привычками, придавая имъ индивидуальный обликъ.

Такъ, комната Нелли тотчасъ же приняла отпечатокъ пуританской, почти монашеской простоты, присущей самой хозяйкѣ. Картины, вышитыя подушки, ковры, разныя бездѣлушки—все это было строго изгнано; стѣну украсило одно только Распятіе чернаго дерева, на изящной этажеркѣ появились Библія и нѣсколько книгъ духовно-нравственнаго содержанія, а кровать покрылась бѣлымъ шерстянымъ одѣяломъ.

Совершенно обратное превращеніе произошло въ комнатѣ Эленъ, вдвое большей по размѣрамъ, чѣмъ комната Нелли. Прекрасная проповѣдница была не даромъ дочерью Артемьева; по природѣ она любила изящество, батистъ, кружева, цвѣты, брилліанты, тонкій столъ и развлеченія. Предметы роскоши, изгнанные Нелли, тотчасъ же нашли убѣжище у Эленъ. Туалетъ украсился кружевнымъ покрываломъ, флаконами и рѣзными серебряными ящичками; кровать задрапировалась бѣлыми вышитыми занавѣсками, а столы и

этажерки убрались цѣнными бездѣлушками и портретами въ художественныхъ рамкахъ. Когда, послѣ чая, Нелли пришла къ подругѣ, она застала ее въ роскошномъ и уютномъ будуарѣ, очень мало напоминавшемъ обычную непривѣтливость временнаго помѣщенія.

У Эленъ была способность всегда хорошо одѣваться и удобно устроиться. Въ этомъ отношеніи, наслѣдственность пересилила суровое воспитаніе и привитыя убѣжденія въ общинѣ. Кромѣ того, большое состояніе, которымъ она свободно располагала со времени своего совершеннолѣтія, давало ей возможность удовлетворять всѣ свои прихоти.

Въ настоящую минуту, закутанная въ широкій бѣлый кашемировый пенюаръ, Эленъ сидѣла передъ небольшимъ письменнымъ столомъ и перелистывала бумаги, вынутыя изъ открытаго портфеля.

— Ты хочешь еще работать сегодня? А я разсчитывала обсудить съ тобой нѣкоторыя подробности нашего хозяйства,—сказала Нелли, подходя къ столу.

— Садись. Я въ полномъ твоемъ распоряженіи. Такъ какъ мнѣ не хотѣлось спать, то я собиралась просмотрѣть нѣкоторыя замѣтки къ моей первой лекціи. Но это не къ спѣху. Итакъ, скажи, что волнуетъ тебя такъ въ нашемъ хозяйствѣ?

— Дѣло идетъ о личномъ составѣ нашей прислуги, а именно: о лакеяхъ, поварѣ и кучерѣ. Эти четверо мужчинъ совершенно лишніе въ отдѣленіи общества «Рай безъ Адама» и могутъ представить извѣстную опасность для Мэтъ и Арабеллы—младшихъ сестеръ, пріѣхавшихъ съ нами.

— Фи! Лакеи! Кто считается съ подобными людьми?—замѣтила Эленъ.

— Ни ты, ни я и ни Эмми, конечно; но Мэтъ и Арабелла остаются, все-таки, простыми дѣвушками, которыя легко могутъ забыть, какъ свое грустное прошлое, такъ и прошлое ихъ матерей. Нашъ долгъ предохранять ихъ, по мѣрѣ силъ, отъ искушенія. Кромѣ того, какъ тебѣ извѣстно, наши правила не допускаютъ мужчинъ въ помѣщеніе убѣжища.

— Мы могли бы сослаться на то, что находимся въ чужой странѣ и далеко отъ стѣнъ общины. Впрочемъ, если присутствіе этихъ мужчинъ коробитъ тебя и мистриссъ Форестъ, то отпустите ихъ; но кучера, по-моему, необходимо оставить. Вѣдь не можемъ же мы посадить на козлы женщину?

Послѣ краткаго объясненія, рѣшено было отпустить лакеевъ и повара, замѣнивъ ихъ горничными и кухаркой, кучера же оставить

и, кромѣ того, нанять маленькаго грума, который отворялъ бы двери и исполнялъ другія мелкія порученія.

Оставшись одна, Эленъ вынула изъ ящика портретъ своего отца и долго разсматривала его. Встрѣтитъ ли она его въ обществѣ? Пріѣдетъ ли онъ послушать ея лекціи? Сильно ли онъ измѣнился? Что онъ былъ живъ—въ этомъ она не сомнѣвалась, такъ какъ баронъ Евгеній, говоря о Петербургѣ, упомянулъ о своемъ другѣ Артемьевѣ, и по ея мнѣнію, это не могъ быть никто иной, какъ онъ. Эленъ овладѣло страстное желаніе увидѣть этого недостойнаго отца, смѣшанное съ боязнью этой встрѣчи. Встрѣтитъ-ли она также и барона? Съ того времени, какъ они разстались въ Бременѣ, она не имѣла о немъ никакихъ извѣстій: тогда онъ упомянулъ вскользь, что прежде чѣмъ вернуться въ столицу, намѣревается проѣхать въ Ревель, въ окрестностяхъ котораго находится его имѣніе. Почему то воспоминаніе о баронѣ вызвало на ея щекахъ яркій румянецъ, и досадуя сама на себя, Эленъ поспѣшила помолиться и лечь спать.

Первую ночь подъ свинцовымъ петербургскимъ небомъ Эленъ спала очень дурно и ее мучилъ кошмаръ.

Эленъ проснулась вся въ поту и потомъ нѣсколько часовъ не могла заснуть снова. На утро она чувствовала себя такой утомленной, что рѣшила отдохнуть нѣсколько дней прежде, чѣмъ предпринять что-либо.

Днемъ, какъ и обѣщала, пріѣхала баронесса Надлеръ. Выяснивъ дѣловые вопросы, она выразила горячее участье къ дѣлу, которое защищала Эленъ. Баронесса много говорила объ упадкѣ женщинъ, о подлости мужчинъ, о счастьи быть независимой, и о необходимости дѣятельной, полезной жизни внѣ давящихъ узъ брака. Однако, на этотъ разъ Эленъ не пришла въ восторгъ. Эта нарумяненная и разряженная баронесса, всячески молодившаяся, внушала ей недовѣріе и даже поселяла сомнѣніе въ искренности ея словъ. Тѣмъ не менѣе, наружно, обѣ онѣ почувствовали, казалось, другъ къ другу живѣйшую симпатію и Эленъ приняла приглашеніе черезъ три дня пріѣхать къ баронессѣ провести вечеръ.

— Въ вашу честь, миссъ Рутерфордъ, я соберу нѣсколько близкихъ друзей. Все это люди развитые, раздѣляющіе наши убѣжденія, а вамъ представится случай познакомиться съ вашей будущей публикой,—любезно прибавила Надлерша.

Вернувшись домой, баронесса встрѣтилась въ дверяхъ съ барономъ Равенсбургомъ, который, не заставъ ее, собирался уже уѣз-

жать. Лидія Андреевна не отпустила его, и они вмѣстѣ обратно вернулись къ ней.

— Знаете откуда я сейчасъ пріѣхала?—спросила баронесса, пока лакей снималъ съ нихъ шубы.—Отъ американской проповѣдницы, которая поразитъ васъ, господа «Адамы».

— Будемъ надѣяться, что мы переживемъ этотъ ударъ. Вѣдь мы такъ живучи!—со смѣхомъ отвѣтилъ баронъ.—Впрочемъ, миссъ Рутерфордъ очень краснорѣчива, а по логичности доводовъ и по увлекательности рѣчи принадлежитъ къ числу тѣхъ противниковъ, съ которыми нужно считаться.

— Можно подумать, что вы знаете ее, Евгеній Павловичъ?

— Именно! Я случайно познакомился съ миссъ Рутерфордъ на пароходѣ и мы вмѣстѣ совершили переѣздъ изъ Америки. Впрочемъ. еще въ Бостонѣ мнѣ случилось быть на одной ея лекціи. Увѣряю васъ, баронесса, что, послушавъ ее, я почувствовалъ себя чернѣе сажи и злѣе гориллы.

Баронесса весело разсмѣялась.

— И послѣ такого самоуниженія вы все-таки искали знакомства съ миссъ Эленъ?

— Но она очаровательна и такъ забавна по своей убѣжденности, будто на нее возложена божественная миссія положить конецъ человѣческому роду! Кромѣ того,—баронъ покрутилъ усы,—я предчувствую, что эта миссія рухнетъ въ ту минуту, когда нѣжное сердце миссъ Эленъ, побѣжденное какимъ-нибудь негодяемъ, навсегда откажется отъ рая безъ Адама.

— Не намѣреваетесь ли вы, баронъ, быть этимъ злодѣемъ? Въ такомъ случаѣ, можете въ будущую же среду начать осаду крѣпости. Миссъ Рутерфордъ пріѣдетъ ко мнѣ вечеромъ. Приглашаю васъ и Владиміра Александровича. Передайте ему мое приглашеніе.

— Непремѣнно, но... видите ли, Лидія Андреевна? Я нахожусь передъ миссъ Эленъ въ ложномъ положеніи вслѣдствіе придуманной мною лжи.

И онъ разсказалъ исторію своей мнимой жены, которую онъ будто бы задушилъ изъ ревности. Оба весело разсмѣялись, а затѣмъ баронесса, побранивъ его и назвавъ лгунишкой, обѣщала объяснить Эленъ, что эта выдумка была вызвана мужской злобой.

Въ назначенный день Эленъ и Нелли собрались ѣхать къ баронессѣ Надлеръ; мистриссъ Форестъ и Эмми предпочли отправиться къ пригласившей ихъ американкѣ. Эленъ и ея подруга ожи-

дали встрѣтить исключительно женское общество, состоящее изъ особъ, интересующихся ихъ дѣломъ, и были непріятно поражены, увидѣвъ, что большая гостиная баронессы, а также смежныя комнаты, были полны нарядной и шумной толпой, большая часть которой состояла изъ мужчинъ. Всѣ смѣялись, болтали, флиртовали,—а между «жертвами» и ихъ «угнетателями», царило, казалось, самое полное согласіе.

И дѣйствительно, баронесса Надлеръ выставила проповѣдницу приманкой вечера, и любопытное общество собралось позабавиться ею. «Рай безъ Адама», убѣжденія Эленъ и ея вражда къ мужскому полу уже служили темой оживленныхъ разговоровъ, задорныхъ пререканій, споровъ и разныхъ шуточекъ, когда лакей громко доложилъ:

— Миссъ Рутерфордъ-Арди и миссъ Синклэръ!

Артемьевъ, котораго особенно допекали передъ тѣмъ грозившимъ ему отлученіемъ въ виду множества жертвъ, лежавшихъ на его совѣсти, приблизился ко входу и прислонился къ піанино, чтобы лучше видѣть вновь прибывшихъ, но Равенсбургъ замѣшался въ толпу молодежи, не желая быть тотчасъ же замѣченнымъ.

Эленъ шла первою. Черное шелковое платье отлично обрисовывало ея высокій и стройный станъ, и оттѣняло ослѣпительную бѣлизну ея лица и роскошный, съ золотистымъ отливомъ цвѣтъ ея густыхъ волосъ. Брилліантовая брошка, въ видѣ вѣточки, одна разнообразила этотъ темный нарядъ. Но дамы сразу замѣтили, что матерія была великолѣпная, а кружева, украшавшія корсажъ и рукава, были большой цѣны. Нелли, какъ всегда, была просто одѣта въ черное шерстяное платье. Худая и строгая фигура ея была рѣзкой противоположностью изяществу и граціи подруги.

Взглядъ Артемьева точно впился въ очаровательную молодую дѣвушку, взоръ которой чуть омрачился при видѣ такой толпы и которая сдержанно раскланивалась съ хозяйкой дома. Снова эти гордыя и строгія черты лица, эти большіе сверкавшіе глаза показались ему удивительно знакомыми, но онъ тщетно ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, гдѣ могъ онъ видѣть ее.

Сначала онъ издали наблюдалъ, какъ обѣ американки знакомились съ различными лицами, и прислушивался къ разговорамъ. Онъ видѣлъ, какъ къ нимъ подошелъ баронъ и былъ принятъ довольно холодно; наконецъ и онъ рѣшился просить баронессу представить его.

Вся кровь прилила къ сердцу Эленъ, и холодная дрожь про-

бѣжала по тѣлу, когда баронесса назвала ей Владиміра Александровича Артемьева, а тотъ отвѣсилъ ей глубокій поклонъ. Эленъ достаточно было одного взгляда, чтобы тотчасъ же узнать оригиналъ хранившагося у нея портрета героя ея дѣтскихъ воспоминаній. Такъ вотъ—онъ, тотъ, который бросилъ ихъ и забылъ мать, и ее! Въ эту минуту онъ кланяется ей какъ чужой, и голосъ сердца не шепнулъ ему, что передъ нимъ стоитъ его дочь, та маленькая Лоло, которую онъ, однако, очень любилъ, казалось.

Артемьевъ былъ крайне удивленъ, замѣтивъ глубокую блѣдность молодой дѣвушки и ея странный, смущенный взглядъ. Но тщеславіе подсказало ему, что онъ одержалъ побѣду, тѣмъ болѣе лестную, что она была неожиданна и одержана надъ обаятельной противницей мужчинъ.

Послѣ чая общество разбилось на группы. Эленъ и Нелли, которая не покидала ее, хотя и мало вмѣшивалась въ разговоръ, сѣли у маленькаго стола вмѣстѣ съ молодой барышней, выказывавшей пылкую симпатію къ миссъ Рутерфордъ. Вскорѣ къ нимъ присоединились баронъ и Артемьевъ. Теперь въ гостиной было меньше народа, такъ какъ большая часть гостей усѣлась за карточные столы.

Эленъ совершенно овладѣла собой и съ живымъ любопытствомъ наблюдала окружавшее общество, весьма отличавшееся отъ того, въ которомъ она до сихъ поръ бывала. Своимъ гибкимъ умомъ она поняла, что находится совершенно въ иной средѣ, гдѣ будетъ очень трудно внѣдрить свои идеи. Это уже не были солидные янки, разсчетливые торгаши, нерѣдко грубые self-made man *), но твердые и спокойные, хотя такъ же мало привлекательные: словомъ, эта изящная, утонченная, пресыщенная жизнью и тунеядная знать, безпутно проматывавшая остатки наслѣдственныхъ состояній, была совсѣмъ особой расой. Изъ этой среды вышелъ ея отецъ, и теперь она лучше понимала его, хотя все-таки не находила для него извиненій. Дамы тоже крайне не понравились ей. Она спрашивала себя, не правъ-ли былъ баронъ, говоря, что страна еще не созрѣла для воспріятія идей «Рай безъ Адама».

Приходъ Артемьева съ барономъ прервалъ ея размышленія. Разговоръ зашелъ о лекціяхъ, и Эленъ разсказала, что почтенный генералъ, съ которымъ она передъ тѣмъ говорила, обѣщалъ похлопотать объ ея дѣлѣ, полагая, что лекціи будутъ разрѣшены, если

*) Всѣмъ себѣ обязанные люди.

имъ не придавать слишкомъ публичный характеръ и читать на французскомъ или англійскомъ языкахъ.

— А такъ какъ я не знаю ни слова по-русски, то могла смѣло увѣрить моего великодушнаго покровителя, что буду читать только на иностранныхъ языкахъ и передъ публикой, которая можетъ понимать меня,—смѣясь, закончила Эленъ.

— Какая опрометчивость со стороны Платона Ивановича, помогать вамъ противъ насъ!—вскричалъ баронъ.—Вѣдь это значитъ измѣнить собратьямъ, ради прекрасныхъ глазъ! Воображаю, какъ вы насъ распишете. Мы окажемся противнѣйшими въ мірѣ существами, отъ которыхъ всѣ побѣгутъ прочь, какъ отъ чумы.

Эленъ насмѣшливо улыбнулась.

— Я скажу лишь то, что считаю доказаннымъ: что вы, господа,—мало правдивые, безпечные, себялюбивые люди, а что союзъ съ вами опасенъ и вреденъ для женщины. Значитъ, дѣло въ томъ, чтобы убѣдить нашихъ сестеръ, что вовсе не такъ трудно, какъ это кажется, обходиться безъ васъ и нужно только поучиться зарабатывать самимъ свой хлѣбъ, привыкнуть къ мысли о жизни въ одиночку, да проникнуться убѣжденіемъ, что, оставаясь свободной, женщина только и будетъ избавлена отъ тысячи непріятностей, капризовъ и обидъ, которыя вы причиняете своимъ матерямъ, женамъ и даже возлюбленнымъ. Эти истины я разсчитываю проповѣдывать со всѣмъ краснорѣчіемъ, какимъ располагаю. И чѣмъ больше женщинъ откажется отъ удовольствія имѣть сыновей, мужей и поклонниковъ, тѣмъ я буду счастливѣе.

— Но вѣдь вы, миссъ Рутерфордъ, хотите проповѣдывать, просто на просто, конецъ человѣческаго рода,—замѣтилъ Артемьевъ, не спускавшій глазъ съ подвижнаго и оживленнаго лица собесѣдницы.

— Разъ на землѣ все, рано или поздно, кончится, то почему родъ людской долженъ быть исключеніемъ?—возразила Эленъ.—Да, и будетъ ли это столь большимъ несчастьемъ? Вѣдь, сколько же есть людей безполезныхъ и людей горемычныхъ, не имѣющихъ ни хлѣба, ни пристанища, для которыхъ было бы счастьемъ вовсе не родиться. Кромѣ того, астрономы предсказываютъ же разныя катаклизмы: роковое столкновеніе нашей планеты съ кометой, однимъ словомъ—конецъ свѣта. Въ такомъ случаѣ, не благоразумнѣе ли было бы избавить людей отъ такой ужасной смерти?

— Простите меня,—замѣтилъ Артемьевъ,—но я сомнѣваюсь, чтобы родъ людской былъ одного съ вами мнѣнія и согласился, не-

смотря на всѣ предвѣщанія астрономовъ, отказаться отъ семейныхъ радостей и родительскаго счастья.

Выраженіе горькой насмѣшки скользнуло по лицу Эленъ, и она съ такимъ страннымъ выраженіемъ взглянула въ усталые глаза Владиміра Александровича, что тому показалось, будто въ ея пламенномъ взорѣ блеснула ненависть.

— Я именно и хочу доказать, что эти пресловутыя «семейныя радости», въ сущности—только кажущіяся, и которыми очень мало, кто пользуется. Перечтите статистику разводовъ, разъѣздовъ, и если бы это было возможно, статистику супружескихъ невѣрностей или покинутыхъ семей. Какія ужасающія цифры дала бы она! Въ какомъ положеніи находятся жены и дѣти, брошенныя на произволъ судьбы «нѣжными» отцами и супругами, которые ради преступной прихоти вступали въ бракъ, и попирали затѣмъ священнѣйшія обязанности, обрекая на сиротство невинныхъ и беззащитныхъ крошекъ. Не лучше ли такимъ господамъ оставаться холостяками, а женщинамъ свободными, чѣмъ имѣть брошенныхъ и безвременно гибнущихъ отъ лишеній и нищеты дѣтей?

Артемьева непріятно поразилъ жестокій и металлическій тонъ голоса Эленъ, бывшій до этого такимъ нѣжнымъ и гармоничнымъ. Онъ тоже бросилъ жену и дочь. Теперь обѣ онѣ умерли, а онъ не знаетъ даже гдѣ и отчего. И глубокая складка сложилась на блѣдномъ челѣ Владиміра Александровича. Эленъ видѣла, какъ омрачилось его лицо, а глаза затуманились, и жестокая радость объяла ея душу.

— Понялъ ты меня, презрѣнный отецъ и безчестный мужъ,— подумала она.

Баронъ прервалъ ея размышленія.

— Слушая васъ, я поздравляю себя, что остался холостякомъ.

— И вы правы: не женитесь, баронъ. Кстати, баронесса Надлеръ сказала мнѣ, что вы посмѣялись надо мной.

— Что вы! Что вы!—запротестовалъ баронъ.—Какъ могли вы повѣрить этому? Я хотѣлъ только разсердить васъ и видѣть ваше негодованіе противъ подобнаго чудовища, гуляющаго на свободѣ.

— Все равно, оставайтесь холостякомъ! Если вы настолько ревнивы, то вамъ, можетъ быть, и дѣйствительно пришлось бы предпринять поѣздку въ Америку для успокоенія нервъ. Будучи же свободнымъ, вы безъ зазрѣнія совѣсти можете усыпать вашъ путь жертвами.

— Я!? Да, я самое безобидное существо! Если ужъ кто заслужилъ ваши стрѣлы, такъ это Владиміръ Александровичъ. Ужъ онъ-ли не надѣлалъ въ своей жизни жертвъ, всегда искусно избѣгая, однако, супружескихъ узъ.

— Можетъ быть, вкусивъ разъ «семейныхъ радостей», господинъ Артемьевъ получилъ отвращеніе къ такому обременительному игу?

— Вовсе нѣтъ! Это закоренелый холостякъ. Онъ флиртуетъ съ гименеемъ, никогда не давая поймать себя.

— А! Въ такомъ случаѣ, простите. Не знаю почему, мнѣ показалось, что вашъ пріятель вдовецъ.

Артемьевъ, слушавшій разговоръ не принимая въ немъ участья, поднялъ голову, и почти со страхомъ взглянулъ въ ясные и холодные глаза Эленъ, а та прибавила, обращаясь къ барону:

— Въ такомъ случаѣ, онъ обладаетъ только выносливой и широкой совѣстью, какъ и всѣ вы, господа. Моихъ же стрѣлъ ему бояться нечего, такъ какъ я обращаюсь къ женщинамъ, а отнюдь не къ мужчинамъ.

— Какъ хотите вы, миссъ Рутерфордъ, чтобы женщина повелѣвала своимъ сердцемъ и не любила, разъ она полюбитъ?—вмѣшался въ разговоръ Владиміръ Александровичъ.

Онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая отогнать назойливыя мысли.

Эленъ посмотрѣла на него холодно и строго, а затѣмъ отвѣтила медленно, отчеканивая каждое слово:

— Но если женщинѣ измѣняютъ и ее бросаютъ, если человѣкъ, внушившій ей любовь, стряхиваетъ ее, какъ безполезное и стѣснительное бремя? Въ такомъ случаѣ, не вынуждена ли она повелѣть сердцу забыть презрѣннаго, хотя бы даже она все еще любила его? Нѣтъ, нѣтъ! Пусть лучше, она никогда не пробуетъ упиваться отравленнымъ кубкомъ, на днѣ котораго таится горькое разочарованіе, мучительная борьба и часто даже смерть. А тотъ, изъ-за котораго она умираетъ, равнодушно перешагнетъ черезъ ея трупъ и наслаждается съ другой, нимало не заботясь, что по его винѣ, разбилось бѣдное истерзанное сердце. А несчастныя дѣти! Они вдвойнѣ сироты, будучи брошены на произволъ судьбы и на милость чужихъ людей. Развѣ не было бы для нихъ счастьемъ никогда не получать предательскаго дара—жизни? Если мужчина хочетъ быть выше женщины, если онъ требуетъ, чтобы та преклонялась передъ нимъ и ему повиновалась, то долженъ доказать это превосходство, и быть, въ полномъ смыслѣ слова, главою семьи, ея твердымъ и любящимъ

покровителемъ, предусмотрительность котораго ограждаетъ его жену и дѣтей магическимъ кругомъ, недоступнымъ для порока и безчестья. Пусть мужчина будетъ строгъ, и справедливъ, даже грозенъ для недостойной жены, если самъ безупреченъ. Но по какому праву судьей становится прожигатель жизни и мотъ, отрицающій всякій долгъ? Зачастую, это—два негодяя, которые сходятся, чтобы взаимно обманывать другъ друга. Онъ своей безнравственной жизнью толкаетъ жену въ грязь, а она ищетъ вовнѣ то, что не находитъ у домашняго очага, если только не погибаетъ жертвой грубаго угнетателя.

По мѣрѣ того какъ говорила Эленъ, смертельная блѣдность разливалась по лицу Артемьева. Онъ чувствовалъ себя, въ положеніи подсудимаго, и его виноватый видъ удивилъ бы того, кто бы сталъ за нимъ наблюдать. Но на него никто не обращалъ вниманія, такъ какъ глаза остальныхъ слушателей были обращены на Эленъ.

— Въ вашихъ словахъ есть доля правды,—сказалъ баронъ.— Изъ насъ воспитываютъ свѣтскихъ людей, готовятъ къ занятію какой-нибудь должности и даже развиваютъ въ насъ «пріятные» таланты, но никто не заботится, чтобы изъ насъ вышли хорошіе отцы и мужья. Что дѣлать? Нужно, чтобы женщины брали насъ такими, каковы мы въ дѣйствительности.

— Почему? Я вовсе не считаю это необходимымъ,—перебила Эленъ.

— А потому, что и дамы часто вносятъ въ семейную жизнь нѣчто иное, нежели доблести жены и матери. Вслѣдствіе этого, мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ свадьбы супруги поворачиваются другъ къ другу спиной и бѣгутъ въ разныя стороны.

— Это очаровательно! Конечно, и вы также предполагаете послѣдовать такому прекрасному примѣру?—со смѣхомъ возразила Эленъ.

— Вовсе нѣтъ! Я разсчитываю, наоборотъ, бывать всегда въ первомъ ряду на вашихъ лекціяхъ, такъ какъ хочу перевоспитать себя и сдѣлаться достойнымъ имѣть жену и дѣтей,—отпарировалъ баронъ, бросая на собесѣдницу взглядъ, который заставилъ ту ярко вспыхнуть.

— Въ такомъ случаѣ, поступайте въ братство мистера Броуна,— сказала она, отшучиваясь и скрывая свое смущеніе.—Сегодня я получила отъ него письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что «непорочники» прибудутъ въ Петербургъ въ концѣ этой недѣли.

Въ эту минуту подошло нѣсколько гостей и разговоръ принялъ другой оборотъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Владиміръ Александровичъ всталъ и уступилъ свое мѣсто баронессѣ Надлеръ. Онъ окончательно овладѣлъ собой, но настроеніе его было испорчено и онъ предпочелъ сѣсть за карточный столъ.

Разговоръ сталъ общимъ, а Эленъ скоро сдѣлалась центромъ собранія и очаровала всѣхъ. У нея явилось вдохновеніе и пробудилось врожденное дарованіе вращаться въ салонахъ. Нѣсколько дамъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ позвали къ себѣ молодую проповѣдницу. А ея тонкій и развитой умъ, необыкновенныя знанія, наконецъ, своеобразіе той идеи, представительницей которой она являлась—дѣлали ее вдвойнѣ интересной въ глазахъ мужчинъ, столпившихся вокругъ Эленъ.

Когда она и Нелли стали прощаться, баронъ во что бы то ни стало захотѣлъ проводить ихъ до кареты, ссылаясь на то, что онъ самый старый ихъ знакомый; а придравшись къ случаю, онъ попросилъ дозволенія явиться къ нимъ и къ мистриссъ Форестъ.

— Вы требуете невозможнаго, баронъ! По правиламъ нашей общины ни одинъ мужчина не имѣетъ права переступать порога нашего убѣжища, за исключеніемъ особыхъ и предвидѣнныхъ случаевъ,—смѣясь, объявила Эленъ.—Присутствіе нашихъ опасныхъ враговъ могло бы смутить сестеръ. Кромѣ того, разъ вы вошли бы въ убѣжище, оно перестало бы быть раемъ безъ Адама.— лукаво прибавила она, поднимая на него свои ясные глаза.

— А, а! Значитъ, вы все-таки боитесь «адамовъ!».

— Разумно. Но вѣдь вы же сами знатете: un danger connu està moitié évité *).

Баронъ провожалъ долгимъ взглядомъ удалявшуюся карету. Привлекательная и своеобразная молодая дѣвушка все больше и больше ему нравилась.

— Обаятельна чертовски,—проворчалъ онъ.—Подожди! Я разорвусь на части, а заставлю тебя отказаться отъ своего глупаго рая.

Не желая возвращаться въ гостиную, баронъ приказалъ швейцару подать себѣ шинель, и когда онъ уже собирался уходить, къ нему присоединился блѣдный и скучавшій Артемьевъ.

— Ты уже кончилъ партію?—спросилъ баронъ.

— Да, у меня разболѣлась голова и я хочу подышать свѣжимъ воздухомъ. А ты куда стремишься, Евгеній Павловичъ? Ужъ не ищешь ли уединенія, чтобы помечтать объ американкѣ? Опасно потерять сердце ради такой мужененавистницы.

*) Опасность, будучи извѣстна, наполовину избѣгнута.

— Ба! Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ. Оставлять же такое очаровательное существо въ этомъ совиномъ гнѣздѣ, было бы преступленіемъ. Надо указать ей на всѣ пріятности брака, хотя бы и украшеннаго кое-какими мелкими погрѣшностями.

— Съ ея или съ твоей стороны?—насмѣшливо спросилъ Артемьевъ.

— Понятно съ моей! Я сверну ей розовую шейку, если она только вздумаетъ отвѣтить мнѣ тѣмъ же,—весело отвѣтилъ баронъ.

Затѣмъ они разстались, смѣясь отъ души.

Откинувшись въ уголъ кареты, Эленъ раздумалась о проведенномъ вечерѣ и о многомъ другомъ, не имѣвшемъ прямого отношенія къ дѣлу, которое она защищала; но среди этихъ воспоминаній баронъ занималъ довольно выдающееся мѣсто. Происходило это потому, что Эленъ была наивна и несвѣдуща на жизненной сценѣ, а онъ былъ салоннымъ львомъ, опытнымъ во всѣхъ хитростяхъ и подходахъ, въ дѣлѣ искусства побѣждать женщинъ, хотя его растрепанные нервы и увялое сердце давно забыли, какъ звучитъ истинное и глубокое чувство.

— О чемъ ты задумалась, Эленъ?—спросила Нелли, съ безпокойствомъ наклонясь къ подругѣ и беря ее за руку.

— О вечерѣ баронессы, который сильно взволновалъ меня.

— Понимаю. Этотъ новый міръ долженъ былъ разстроить тебя. Берегись, Эленъ, чтобы тебя не ввелъ во искушеніе сатана въ образѣ этого пресыщеннаго и безнравственнаго человѣка, который настойчиво преслѣдуетъ тебя!

— Ты грезишь на яву, Нелли! Никогда не забуду, кто—я и за какое дѣло стою.

— Не будь такъ самоувѣрена, а помни, что гордость — смертный грѣхъ и ведетъ къ паденію. Ты не—монахиня; никакой обѣтъ не связываетъ тебя и ничто не можетъ помѣшать тебѣ покинуть общину, выйдя замужъ за понравившагося тебѣ человѣка. Свобода сердца — единственная твоя защита. Какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что баронъ представляетъ для тебя опасность; а если даже и не онъ, то здѣсь немало есть опасныхъ людей. Его другъ, напримѣръ, хотя и не такъ молодъ, но еще очень красивый мужчина. Онъ тоже бросаетъ на тебя очень странные взгляды.

Эленъ быстро выпрямилась и вскричала нервно смѣясь:

— О! Ужъ не онъ, во всякомъ случаѣ, заставитъ меня отказаться отъ святого дѣла и отъ основъ, на которыхъ я воспитана.

Его я ненавижу! Если даже когда-нибудь я пошатнусь, то одинъ видъ этого бездушнаго человѣка вернетъ меня на прямой путь...

— Ты его ненавидишь?! Но за что же? — пробормотала Нелли.

— Какъ за что? Развѣ ты не слыхала, что этого господина зовутъ Владиміръ Александровичъ Артемьевъ? Это убійца той, которую я любила и уважала больше всего на свѣтѣ. Это—мой отецъ!

Нелли вскрикнула отъ удивленія. Но отвѣтить она не успѣла, такъ какъ въ эту минуту карета остановилась передъ ихъ подъѣздомъ.

То, что она узнала, взволновало ее и отняло у нея желаніе спать. Поэтому, раздѣвшись, она и прошла къ Эленъ. Та сидѣла въ капотѣ на кушеткѣ и была погружена въ мрачныя думы.

— Я не обезпокою тебя? Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобой о странномъ случаѣ, поставившемъ тебя, при первомъ же появленіи въ свѣтѣ, лицомъ къ лицу съ роднымъ отцомъ.

— Да, случай странный! Я такъ мало была приготовлена къ нему, что видъ этого человѣка до такой степени взволновалъ меня, что я едва могла совладать съ собой.

— Вполнѣ понимаю твои чувства. Но скажи, — если это не будетъ нескромностью съ моей стороны,—ты не думаешь открыться отцу?

Мрачный огонь вспыхнулъ въ голубыхъ глазахъ Эленъ.

— Конечно! За этимъ только я и пріѣхала сюда. Я хочу бросить ему въ лицо его подлость, а потомъ сказать: я ваша дочь, но останусь для васъ чужой, какъ и была раньше.

— А если, тѣмъ не менѣе, онъ пожелаетъ заявить свои права?

— Пусть попробуетъ! У него нѣтъ никакихъ доказательствъ, что онъ мой отецъ. По своему непростительному легкомыслію, онъ не взялъ брачнаго свидѣтельства, какъ не позаботился вытребовать свидѣтельства о смерти жены и дочери. Кромѣ того, онъ не пожелаетъ, конечно, разоблачать передъ обществомъ, считающимъ его холостякомъ, эту старую исторію, чести ему не дѣлающую. Нѣтъ, нѣтъ! Американка, миссъ Рутерфордъ-Арди, составившая себѣ положеніе и обладающая большимъ состояніемъ, никогда не сдѣлается Артемьевой, но онъ долженъ знать истину.

— Ты говоришь, что я ему нравлюсь? Тѣмъ лучше! Въ своемъ себялюбивомъ великолѣпіи, въ торжественномъ шествіи отъ побѣды къ побѣдѣ, онъ ни на минуту не усумнится, что сможетъ унизить и погубить меня, какъ сгубилъ уже множество дуръ до меня. А я еще ободрю его и подамъ надежду на легкую побѣду. И вотъ, когда онъ

будетъ убѣжденъ, что достигаетъ цѣли, я скажу ему: я ваша дочь! Я наслажусь минутой, когда этотъ наглецъ покраснѣетъ отъ стыда, что пожелалъ сдѣлать своей любовницей родную дочь — ту маленькую Лоло, которую онъ нѣкогда носилъ на рукахъ и качалъ на колѣняхъ, а теперь, вмѣсто чистой отцовской ласки, готовился дать позорный поцѣлуй любовника. О! Я хочу унизить этого безсердечнаго человѣка, втоптать его въ грязь собственнаго позора и согнать съ его пресыщеннаго лица мнимую молодость. Я состарю его въ тотъ часъ, когда онъ вспомнитъ, что у него есть дочь, которой уже больше двадцати лѣтъ, и въ тотъ же часъ моя мать будетъ отомщена!..

Эленъ умолкла. Голосъ ея дрожалъ отъ волненія, она вся трепетала и крупныя слезы катились по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ, а пріятельница съ грустью и участіемъ смотрѣла на нее. Нелли понимала, что въ глубинѣ этого гнѣва звучала острая горечь пережитого одиночества и сожалѣніе, что она не можетъ броситься въ объятія любящаго отца, что въ сердцѣ обездоленной дѣвушки горитъ потребность любить и быть любимой, и что эта суровость легко можетъ перейти въ нѣжность и снисходительность, если негодный отецъ будетъ молить о прощеніи.

— Ты затѣваешь опасную игру, Эленъ! Если хочешь остаться намъ вѣрной, то не искушай судьбы и бойся слабости, вполнѣ естественной, впрочемъ, но которая заставитъ тебя простить, какъ это сдѣлала бы твоя мать, а ея милосердныя и христіанскія слова ты много разъ мнѣ повторяла.

Эленъ поблѣднѣла и вздрогнула. Съ мучительной ясностью вспомнилась ей ночь смерти Викторіи, когда мать впервые говорила съ ней не какъ съ ребенкомъ, а какъ съ своимъ другомъ. На ея суровое замѣчаніе объ Артемьевѣ и на выраженную надежду когда-нибудь отомстить ему за то, что онъ бросилъ ихъ обѣихъ, мать неодобрительно замѣтила:

— Ты не должна ненавидѣть своего отца, какъ бы недостоинъ онъ ни былъ. Не забывай никогда, что васъ связываютъ священныя узы. Тебѣ не пристало быть его судьей. Отецъ твой и такъ достаточно будетъ наказанъ въ тотъ день, когда, утомленный избыткомъ житейскихъ наслажденій и пресытясь безпутнымъ существованіемъ, онъ останется одинъ. Онъ самъ создастъ себѣ одинокую жизнь, полную лишь угрызеній совѣсти и лишенную истинной привязанности. Тайный голосъ говоритъ мнѣ, что хотя онъ и считаетъ меня умершею, но вторично не женится. Итакъ, когда придутъ старость и болѣзни, когда пробьетъ часъ перехода въ невидимый міръ, гдѣ Господь потребуетъ у него отчета въ его поступкахъ, онъ будетъ одинокъ. И если въ ту пору случай сведетъ васъ, то не для того, чтобы платить зломъ за зло, а для того, чтобы исполнить завѣтъ Божественнаго Искупителя: «И остави намъ долги наши, какъ и мы оставляемъ должникамъ нашимъ».

Съ минуту, подавленная воспоминаніями Эленъ сидѣла молча, опустивъ голову; но эта слабость была непродолжительна. Она выпрямилась и глаза ея заблестѣли, когда она сурово отвѣтила дрожавшими губами:

— Моя мать была святая женщина и, кромѣ того, она любила всей душей! Я же никогда никого не полюблю. Я отказалась отъ семейныхъ радостей, чтобы не испытать горькихъ разочарованій, и на всю жизнь останусь одна. Я потому не ослабну, что не хочу быть слабой, и не прощу никогда.

Нелли ничего не отвѣтила. Она молча встала, поцѣловала подругу и вышла изъ комнаты.

Эленъ легла спать, но сонъ былъ безпокоенъ и ее мучилъ кошмаръ. Она видѣла то отца, то барона, которые по очереди преслѣдовали ее. Проснувшись, она долго не могла заснуть, пытаясь привести въ порядокъ волновавшія ее безпорядочныя чувства. Среда, въ которую нынѣ попала Эленъ, такъ рѣзко отличалась отъ суровой общины, гдѣ она выросла, и даже отъ извѣстнаго ей бостонскаго общества, что она чувствовала себя выбитой изъ колеи и обвѣянной какими-то невѣдомыми чарами. Здѣсь напряженно кипѣла жизнь съ ея волненіями, иллюзіями, горестями и неудачами, и ключемъ било могучее, порабощающее человѣка, чувство, которое возноситъ его на небо или низвергаетъ въ адъ. При мысли о своей миссіи, ее охватило уныніе. Не окажется ли голосъ природы сильнѣе всѣхъ лекцій и бесѣдъ? Любовь, хотя и униженная, загрязненная, продажная и дурно понятая, все же существуетъ, управляя міромъ; ея же проповѣдь, хотя бы и основанная на истинѣ грустнаго опыта, можетъ упасть на неблагопріятную почву и мало дѣвушекъ пожелаютъ смотрѣть на жениха, какъ на врага и угнетателя, а тѣмъ болѣе не захотятъ отказаться отъ него.

Впервые почувствовала она разочарованіе въ дѣлѣ, которое защищала, а горячность и увѣренность къ себѣ потускнѣли.

VI.

Слѣдующіе дни принесли миссъ Рутерфордъ рядъ неожиданностей. Приступъ разочарованія и слабости, который она почувствовала послѣ вечера у баронессы Надлеръ, окончательно исчезъ. Она снова была полна мужества, довѣрія и чувствовала себя готовой къ борьбѣ. Хотя упомянутыя неожиданности слегка поколебали ее, но указали новыя точки зрѣнія на то положеніе, которое она готовилась защищать.

Однажды утромъ Эленъ доложили, что нѣкая дама желаетъ съ нею переговорить. Такъ какъ она передъ тѣмъ объявила, что ежедневно, отъ двѣнадцати до трехъ часовъ, будетъ принимать особъ, желающихъ побесѣдовать съ нею, то и предположила, что это пріѣхала ея первая кліентка. Молодая дѣвушка оживилась и прошла въ кабинетъ, куда приказала провести посѣтительницу. Но, по своему виду, та мало отвѣчала представленіямъ хозяйки дома и не походила на дамъ, которыхъ Эленъ принимала у себя въ Бостонѣ, а потому любезное настроеніе ея тотчасъ же перешло въ сдержанную вѣжливость.

Передъ ней стояла молодая и хорошенькая женщина, одѣтая съ утонченнымъ изяществомъ. Темное шелковое платье ея носило отпечатокъ отличной портнихи; великолѣпная шляпка, отдѣланная настоящими шантильи, красовалась на черныхъ, какъ смоль, волосахъ, и два чудныхъ солитера сверкали въ ушахъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, сударыня?—сказала Эленъ, задавая и себѣ внутренно тотъ же вопросъ,—что могло понадобиться отъ «Рая безъ Адама» этой богатой и красивой женщинѣ, все существо которой дышало здоровьемъ, спокойствіемъ и самодовольствомъ.

— Я узнала, миссъ, что вы будете читать лекціи объ эмансипаціи женщинъ. Чрезвычайно интересуясь этимъ вопросомъ, я пріѣхала поговорить съ вами и обратить ваше вниманіе на одну особенность супружескаго гнета, которою законъ пренебрегаетъ, а наши тираны пользуются противъ насъ съ возмутительной наглостью.

— Буду вамъ очень обязана. Потрудитесь объяснить!

Дама подошла къ Эленъ.

— Вѣдь вы проповѣдуете полное равенство между мужчиной и женщиной, не правда-ли?

— Несомнѣнно! Такое равенство я считаю основнымъ закономъ.

— Я была увѣрена въ этомъ!—горячо вскричала дама.—Теперь я не сомнѣваюсь, что вы обратите особенное вниманіе на слѣдующій важный вопросъ. Если мужъ обманываетъ, то жена также не обязана пребывать ему вѣрной. Съ той минуты, какъ жена имѣетъ доказательства его измѣны, отъ ея доброй воли зависитъ платить ему или нѣтъ тою же монетой; если же онъ откроетъ истину, то долженъ молчать и не дѣлать скандала. Опираясь на основной законъ о равенствѣ половъ, слѣдуетъ, что если мужчина считаетъ себя свободнымъ, то женщина также свободна и избавляется отъ всякихъ обязательствъ.

— Простите, но я не могу признать правильнымъ ваше разсужденіе,—сказала Эленъ, выслушавъ ее съ удивленіемъ.—Обманутая женщина,—по нашему мнѣнію,—можетъ разойтись съ невѣрнымъ мужемъ или простить ему, но не имѣетъ права требовать свободы вести безнравственную жизнь. Кромѣ того, съ той минуты, какъ обѣ стороны пользуются, по закону, одинаковой свободой—мужчина перестаетъ быть угнетателемъ, а женщина—жертвой. Вы совершенно заблуждаетесь относительно смысла и цѣли моихъ лекцій. Я не хочу доказывать, что женщина достойна сожалѣнія, если не найдетъ въ бракѣ ожидаемаго счастья; но чтобы избѣжать разочарованія, она должна, именно, создать себѣ трудомъ независимое положеніе. При этомъ, порядочность ея должна оставаться безупречной и она сама достойной уваженія дѣтей, каковы бы ни были проступки отца.

По мѣрѣ того, какъ Эленъ говорила, лицо красивой дамы покрывалось красными пятнами, а въ глазахъ вспыхнулъ злой огонекъ.

— И такую-то ерунду вы называете защитой угнетенныхъ женщинъ, «Раемъ безъ Адама»?—нетерпѣливо вскричала она.

— Именно, сударыня! «Рай безъ Адама»—это значитъ женщина безъ любовниковъ.

— А я вамъ скажу, миссъ, что вы сами ничего не понимаете въ томъ, что проповѣдуете! Какъ!? Негодяй мужъ измѣняетъ своей бѣдной женѣ, бросаетъ ее и обкрадываетъ ради какой-нибудь негодяйки, а она, какъ индюшка, будетъ гнить въ одиночествѣ, изъ боязни запятнать свою, такъ мало цѣнимую, добродѣтель или, что еще лучше, пойдетъ работать въ рубищѣ, въ полномъ пренебреженіи, тогда какъ онъ будетъ насмѣхаться надъ ней со своими разряженными любовницами! Да вы не свободу женщины, а ея униженіе хотите проповѣдывать, безысходное рабство! Предсказываю вамъ, что ни одна уважающая себя женщина, не пойдетъ на ваши лекціи!

Всякая здравомыслящая изъ насъ не уступитъ права мстить и платить измѣннику око за око, зубъ за зубъ, не глядя на то, позволяетъ это законъ или нѣтъ.

Бросивъ на нее презрительный взглядъ, дама повернулась и вышла, сильно хлопнувъ дверью.

Оставшись одна, Эленъ упала въ кресло и расхохоталась. Нелли, слушавшая разговоръ изъ сосѣдней комнаты, вошла въ пріемную, и тоже не могла удержаться отъ смѣха.

— Вотъ чудачка-то!—сказала она.—Предчувствую, что она не вступитъ въ наше общество.

— Еще бы! Она ищетъ рая, набитаго «адамами», а это вовсе не входитъ въ нашу программу,—отвѣтила Эленъ, платкомъ вытирая глаза.

Онѣ еще разговаривали, забавляясь страннымъ видомъ женской эмансипаціи, когда подали вторую визитную карточку.

— Еще посѣтительница!—сказала Эленъ, взглянувъ на карточку.—Примите! Надо же знать вкусы своей публики!—прибавила она насмѣшливо.

Минуту спустя, въ пріемную вошла высокая тучная женщина, съ недобрымъ, упрямымъ и чувственнымъ выраженіемъ на мясистомъ лицѣ. Она тоже была изыскано одѣта, но ей не хватало изящества и увѣренности манеръ первой посѣтительницы. Кромѣ того, она была безсовѣстно накрашена.

Сдѣлавшись осторожнѣе, Эленъ приняла ее очень сдержанно и спросила, что ей угодно?

Дама повела длинную рацею на плохомъ французскомъ языкѣ, да еще пересыпанную русскими словами, которыхъ Эленъ не понимала. Но общій смыслъ рѣчи былъ тотъ, что всѣ мужчины неблагодарные подлецы, и что если они бросаютъ дѣтей и женщинъ, всѣмъ для нихъ пожертвовавшихъ, то общественное мнѣніе,—если уже не законъ,—должно обязать ихъ исправить свою вину.

Думая, что передъ ней стоитъ такая же покинутая жена, какой была ея покойная мать, Эленъ почувствовала къ ней жалость и симпатію. Подавивъ отталкивающее чувство, внушенное ей въ первую минуту этой дамой, она отвѣтила, что защита такихъ именно невинныхъ и обиженныхъ существъ и составляетъ главный предметъ ея проповѣди, и что цѣль «Рая безъ Адама» состоитъ въ томъ, чтобы призрѣвать и поддерживать брошенныхъ женъ, а ихъ дѣтямъ обезпечивать честную и независимую жизнь.

Она старалась вкратцѣ объяснить посѣтительницѣ уставъ общины, но слушавшая внимательно дама перебила ее:

— Ахъ, миссъ! Вы совсѣмъ не поняли меня!—пылко вскричала она.—Моя участь гораздо трагичнѣе! Подлость, жертвой которой я сдѣлалась, гораздо возмутительнѣе, чѣмъ непріятные, конечно пустяки, о которыхъ вы говорите. Несомнѣнно достойно порицанія, если мужъ бросаетъ жену и дѣтей; но въ такомъ случаѣ, тѣ лишаются только матеріальной поддержки. Жена не только ничѣмъ не жертвуетъ для мужа, но часто всѣмъ бываетъ ему обязана, включая сюда часто приданое, или даже подвѣнечное платье. Къ тому же, она сама бываетъ виновата, если перестаетъ нравиться; дѣти же сохраняютъ фамилію отца, и, кромѣ того, законъ обязываетъ мужа содержать свою семью, для чего у него удерживается половина жалованья, если онъ гдѣ-нибудь служитъ. Но послушайте, что со мной случилось!

— Прежде всего, должна сказать вамъ, что я была очень молода, когда вышла замужъ за негодяя, который былъ вдвое старше меня, обладалъ отвратительнымъ характеромъ и отличался неимовѣрной скаредностью. Молодая, красивая, любящая жизнь, я чувствовала себя очень несчастной; но вотъ, на одномъ маскарадѣ, случай свелъ меня съ очаровательнымъ и умнымъ молодымъ человѣкомъ, который безумно влюбился въ меня и котораго я, въ свою очередь, полюбила со всею страстью первой истинной любви. Я была совершенно безкорыстна и отдалась лишь голосу сердца, такъ какъ Пьеръ былъ бѣденъ и его служба едва давала ему средства содержать себя.

Мой мужъ не подозрѣвалъ нашей связи, и когда у меня родился сынъ, онъ призналъ его за своего. Немного спустя, онъ умеръ; а я, сдѣлавшись свободной и богатой, была убѣждена, что человѣкъ, для котораго я всѣмъ пожертвовала и съ которымъ насъ соединяла живая, священная связь, немедленно женится на мнѣ, какъ только это позволятъ приличія. Онъ клялся мнѣ въ этомъ и навѣщалъ меня ежедневно, часто просиживая съ утра до вечера. Но когда кончился срокъ моего траура, онъ сослался на семейныя осложненія, чтобы оттянуть свадьбу; а такъ какъ я смотрѣла на него, какъ на своего жениха и, кромѣ того, была въ интересномъ положеніи, то и поселила его у себя. Я одѣвала его, кормила, поила и давала ему даже средства удовлетворять его прихоти.

Такъ прошло четыре года. Онъ все обманывалъ меня обѣщаніями; а я, ослѣпленная любовью, вѣрила ему и продолжала осы-

пать его благодѣяніями. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія на свѣтъ уже третьяго ребенка, Пьеръ объявилъ мнѣ, что уѣзжаетъ въ трехнедѣльный отпускъ, чтобы окончательно устранить препятствія, мѣшавшія нашему браку, и съ этою цѣлью занялъ у меня двѣ тысячи рублей. Представьте же себѣ мое положеніе, когда я вскорѣ получила отъ него уплату долга и письмо, въ которомъ онъ заявлялъ, что женился и прощался со мной, желая мнѣ всякаго благополучія! О!.. Если бы въ ту минуту онъ попался мнѣ подъ руки, я убила бы этого мерзавца, разбившаго мою жизнь, мое будущее и утопавшаго три года на мой счетъ въ удобствахъ и удовольствіяхъ, а потомъ бросившаго меня съ тремя сиротками, которымъ отказалъ даже въ имени!..

Она говорила, сильно жестикулируя и съ такимъ увлеченіемъ, что Эленъ не имѣла возможности вставить слова; хотя, впрочемъ, она и не пыталась сдѣлать это. Онѣмѣвъ отъ удивленія и омерзѣнія, слушала она безстыдную исповѣдь этой женщины, развязно выкладывавшей ей, для не чужой и незнакомой, весь свой позоръ и всю грязь, въ которой купалась, да еще при этомъ считавшей себя «жертвой».

Но дама ошибочно поняла молчаніе Эленъ. Она все болѣе увлекалась, повышала голосъ и раскраснѣлась отъ негодованія.

— Можете вы представить себѣ такую бездну хитрости, подлой двуличности и полное отсутствіе сердца! Опозорить несчастную женщину, жуировать на ея деньги и убаюкивать ее лживыми обѣщаніями, а затѣмъ, проживъ съ ней нѣсколько лѣтъ, выбросить ее за дверь, чтобы продаться другой, покинувъ двухъ несчастныхъ дѣтей-сиротъ безъ имени. Подобные поступки должны быть разоблачены, выставлены на общій позоръ. Вы, миссъ Рутерфордъ, пріѣхавшая открыто защищать угнетенныхъ женщинъ, вы—представительница «Рая безъ Адама», понятно такого «адама», какъ мой негодяй-обольститель, вы—обязаны громить подобныя грязныя продѣлки и требовать закона, который охранялъ бы беззащитныхъ и принудилъ мужчину исправить свою вину, если онъ не хочетъ сдѣлать этого добровольно!..

— Ради Бога, сударыня, умѣрьте свой пылъ! Васъ слышно даже въ прихожей, и я не думаю, чтобы вы желали сдѣлать прислугу повѣренной вашихъ... несчастій,—перебила, наконецъ, Эленъ, такъ какъ голосъ посѣтительницы достигъ высшаго напряженія и звучалъ, какъ труба.—Отъ защиты же такого дѣла, какъ ваше, я рѣшительно отказываюсь. Я стою за справедливость, а изъ того, что

я сейчасъ слышала, видно, что жертва—это вашъ покойный супругъ. Вы обманывали его съ возлюбленнымъ, вы предательски завладѣли его именемъ для своего незаконнаго сына, а затѣмъ опозорили его память, ведя открыто безнравственную жизнь. И все это вы продѣлывали вполнѣ сознательно. А поэтому, вы не должны удивляться, если вашъ любовникъ, не питая къ вамъ ни довѣрія, ни уваженія, избралъ себѣ другую супругу, чтобы не осквернять святость брака союзомъ съ женщиной, которая, въ теченіи многихъ лѣтъ была его любовницей. Вамъ, сударыня, я могу посовѣтовать только покаяться за прошлое и посвятить себя воспитанію дѣтей. Вы должны внушить своему сыну, что скверно обольщать замужнюю женщину, а дочери—не слѣдовать вашему примѣру и сдѣлаться честной и полезной женщиной.

Ясный голосъ Эленъ звучалъ сурово, а въ чистыхъ и строгихъ глазахъ ея свѣтилось не скрываемое презрѣніе и отвращеніе, которыя внушала ей посѣтительница. А та была сначала поражена неожиданной отповѣдью, но недоумѣніе это скоро смѣнилось безумнымъ гнѣвомъ. Толстое лицо ея стало багровымъ, что было замѣтно даже сквозь толстый слой штукатурки, а глаза налились кровью. Потрясая сжатыми кулаками, она бѣшенно вскричала:

— За мое довѣріе вы осмѣливаетесь оскорблять меня!.. Вы считаете меня безнравственной, защищаете стараго болвана, моего мужа, и оправдываете презрѣннаго негодяя, укравшаго мое счастье и мои деньги! Вотъ какъ вы защищаете женщинъ и ихъ наисвященныя права?! Шарлатанка! Американская авантюристка, пріѣхавшая сюда съ цѣлью поймать себѣ мужа...

Она остановилась, смущенная пылавшимъ взоромъ Эленъ, которая, не двигаясь съ кресла, смѣрила ее гордымъ и ледянымъ взглядомъ.

— Сударыня! Вы сами сознались въ невѣрности мужу, и признали своихъ дѣтей незаконными. Засимъ, прошу принять къ свѣдѣнію, что я не позволю оскорблять себя подъ собственнымъ кровомъ за то, что отказываюсь воспѣвать развратъ и защищать падшихъ женщинъ, которыя вопятъ о безчестіи, послѣ того, какъ сами вѣшались мужчинѣ на шею; онѣ только тогда замѣчаютъ, что опозорены и обмануты, когда ихъ выбросятъ изъ болота, гдѣ имъ было такъ уютно. Защита подобныхъ мерзостей не входитъ ни въ мою программу, ни въ кругъ дѣйствія нашей общины, которая занимается только честными и законными женами, или невинными молодыми дѣвушками, которыя, вслѣдствіе ложнаго несовершеннаго воспита-

нія, остаются беззащитными въ жизненной борьбѣ. А теперь, сударыня, имѣю честь вамъ кланяться!

Эленъ встала и слегка кивнувъ гостьѣ, вышла изъ комнаты. Блѣдная отъ волненія, она прошла къ Нелли, которая слышала разговоръ и замѣтила:

— Твоя публика хорошо рекомендуетъ себя! Великій Боже! Такихъ посѣтительницъ мы не видали ни въ Бостонѣ, ни въ Бременѣ, ни въ Берлинѣ. Я начинаю вѣрить, что баронъ былъ правъ, не совѣтуя намъ ѣхать сюда.

— Да, это просто неслыхано. И подобная негодяйка смѣетъ еще выставлять себя жертвой! Брр! Но на сегодня съ меня довольно. Позвони, Нелли, и скажи, что я сегодня не принимаю,—недовольнымъ тономъ сказала Эленъ, бросаясь въ кресло.

Прежде чѣмъ Нелли успѣла тронуть звонокъ, Эленъ подали завернутый въ шелковую бумагу пакетъ и письмо.

— Посыльный принесъ это и ушелъ, не дожидаясь отвѣта,— сказала горничная, кладя пакетъ на столъ.

Позабывъ испытанныя непріятности, Эленъ съ любопытствомъ сорвала бумагу. Въ ней была завернута чудная бронзовая вызолоченная корзиночка, наполненная розами и орхидеями. Въ цвѣты была засунута визитная карточка, на которой, подъ баронской короной, значилось: «Евгеній Равенсбургъ». На оборотной же сторонѣ было написано:

«Надѣюсь, что жестокій законъ, изгоняющій изъ рая бѣдныхъ адамовъ, не лишитъ ихъ все же утѣшенія въ печали—сложить къ ногамъ ихъ очаровательной противницы розы безъ шиповъ».

Эленъ расхохоталась и вспыхнула, а затѣмъ наклонилась къ цвѣтамъ и стала вдыхать ихъ ароматъ. Въ эту минуту Нелли, прочтя надпись на визитной карточкѣ, положила руку ей на плечо и сказала многозначительнымъ тономъ:

— Не упивайся слишкомъ запахомъ этихъ розъ: онъ очень вреденъ.

Эленъ съ недовольнымъ видомъ откинула голову.

— Тебѣ всюду чудятся призраки! Ты считаешь за нѣчто важное такую любезную шутку, которой самъ баронъ не придаетъ никакой цѣны.

Затѣмъ, желая, повидимому, перемѣнить разговоръ, она взяла письмо и распечатала его. Письмо было отъ баронессы Надлеръ. Она увѣдомляла, что хлопоты съ лекціями увѣнчались успѣхомъ и разрѣшеніе получено, а безкорыстіе проповѣдницы, пожертвовавшей

весь сборъ съ вечера на благотворительное дѣло, произвело хорошее впечатлѣніе. Баронесса прибавляла, что продажа билетовъ началась и шла такъ блестяще, что она думаетъ прибавить сотню мѣстъ, сдвинувъ немного ряды. Къ письму былъ приложенъ билетъ во французскій театръ. Такъ какъ на слѣдующій день было назначено собраніе комитета того богоугоднаго общества, предсѣдательницей котораго была баронесса, то она сама не могла быть на спектаклѣ, а потому предлагала свою ложу.

Не совѣтуясь ни съ кѣмъ, Эленъ тотчасъ же написала баронессѣ, что съ удовольствіемъ принимаетъ ея любезное предложеніе и искренне благодаритъ ее. Такое самовольное рѣшеніе возбудило неудовольствіе всей маленькой общины. Нелли воспротивилась первая, находя, что имъ неприлично рыскать по театрамъ, когда онѣ пріѣхали сюда по важному дѣлу и должны показывать примѣръ строгой жизни, чуждой свѣтскому легкомыслію; мистриссъ Форестъ, уже состарѣвшаяся и нелюдимка, а также миссъ Эми, обладавшая мрачнымъ и замкнутымъ характеромъ, наотрѣзъ отказались ѣхать въ театръ. Но Эленъ, обыкновенно сговорчивая, на этотъ разъ заупрямилась и объявила, что она не монахиня, и не желаетъ отказывать себѣ въ такомъ невинномъ удовольствіи, а потому поѣдетъ одна, если другія будутъ настаивать на своемъ отказѣ. Видя ея упорство и все возрастающее раздраженіе, Нелли уступила и согласилась скрѣпя сердце, сопровождать подругу.

На слѣдующій день Эленъ дѣятельно занялась своимъ туалетомъ. Рано по утру объѣхала она магазины и вернулась домой, навьюченная пакетами и картонками, къ великому неодобренію миссъ Синклэръ и миссъ Эми, добросовѣстно занятыхъ составленіемъ донесенія мистриссъ Оливеръ о своемъ путешествіи и лекціяхъ, читанныхъ въ Германіи.

Не смущаясь ихъ хмурыми взглядами, Эленъ собиралась уже распаковывать свои покупки, когда ей доложили, что какая-то дама желаетъ видѣть ее, и она не безъ досады вспомнила, что это былъ часъ, ею же назначенный для посѣтительницъ. Но, будучи воспитана въ строгой дисциплинѣ ума, она тотчасъ же обратилась къ тому, что считала первымъ долгомъ, и пять минутъ спустя, любезная и серьезная, входила въ свою пріемную.

Впрочемъ, на этотъ разъ бесѣда вполнѣ удовлетворила ее. Посѣтительница была, дѣйствительно, честная, сурово испытанная жизнью женщина, серьезно интересовавшаяся цѣлью и направленіемъ общины «Рай безъ Адама». Обезпеченная средствами и вполнѣ одино-

кая, она желала поступить на два или на три года въ общину, съ цѣлью основательно изучить ея устройство, чтобы затѣмъ попытаться основать въ Россіи подобное же учрежденіе, примѣняясь къ мѣстнымъ нуждамъ и обычаямъ. Эленъ обѣщалась тотчасъ же написать мистриссъ Оливеръ и сообщить отвѣтъ просительницѣ, не сомнѣваясь въ благопріятномъ отзывѣ. Тогда госпожа Смирнова, какъ звали гостью, могла ѣхать въ Америку вмѣстѣ съ представительницами общины. Уговорясь, гдѣ и когда видѣться, онѣ разстались въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Очень довольная Эленъ вернулась къ Нелли и передала ей свой разговоръ. Позабывъ недавнюю размолвку, пріятельницы дружески бесѣдовали о будущей «сестрѣ», какъ подали еще визитную карточку.

— Colette Legrand, artiste dramatique *),—не безъ удивленія прочла Эленъ.—Великій Боже! Что же этой-то нужно отъ меня? Я предчувствую, что это будетъ копія съ нашихъ вчерашнихъ кліентокъ.

— Въ такомъ случаѣ, откажи ей! Теперь—безъ четверти три, а слѣдовательно время, назначенное для пріема, прошло.

— Нѣтъ, я все-таки приму ее. Если это—«магдалина» на порогѣ покаянія, то не слѣдуетъ мѣшать ей обратиться на путь истинный, хотя и не въ наше убѣжище, конечно,—смѣясь закончила Эленъ.

Колетта ходила по пріемной. Разсматривая развѣшанные по стѣнамъ снимки, изображавшіе убѣжище, она пришла къ заключенію, что домъ, а главное внутреннее убранство его, очень «шикарны» и что въ немъ жить «можно». Затѣмъ она сѣла и стала перелистывать брошюры, напѣвая сквозь зубы мотивъ задорной шансонетки. Она читала—весьма разсѣянно, надо признаться—переводъ одной изъ лекцій миссъ Рутерфордъ, когда легкій шелестъ платья заставилъ ее поднять голову.

Вошла Эленъ, и съ минуту обѣ онѣ съ любопытствомъ разсматривали другъ друга. Въ богатомъ, но вычурномъ туалетѣ актрисы и въ ея смѣломъ взглядѣ было нѣчто такое, что покоробило молодую проповѣдницу, а развязность Колетты, которая шла съ протянутой рукой, весьма не понравилась ей.

— Садитесь, сударыня! Чему обязана я удовольствіемъ видѣть

*) Колетта Легранъ, драматическая артистка.

васъ у себя?—сказала Эленъ, указывая на кресло и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ протянутой руки посѣтительницы.

Она стѣснялась и была въ нерѣшительности, не зная, какой тонъ принять по отношенію къ этой дамѣ полу-свѣта. Но Колетта не угадала задней мысли въ забывчивости американки. Она приписала это восхищенію ея туалетомъ,—послѣднимъ «крикомъ» моды,—лишь наканунѣ прибывшимъ изъ Парижа.

Поэтому Колетта удобно разсѣлась въ кресло, сказавъ непринужденно весело:

— Дорогая миссъ! Я пріѣхала къ вамъ побесѣдовать о разныхъ разностяхъ и, прежде всего, хочу попросить у васъ билетъ на вашу лекцію, такъ какъ нигдѣ не могла достать его.

— Къ глубокому сожалѣнію, не могу удовлетворить вашу просьбу, потому что у меня нѣтъ билетовъ. Продажей ихъ завѣдуетъ баронесса Надлеръ и благотворительное общество, въ пользу котораго поступаетъ вырученная сумма. Туда вамъ и нужно обратиться.

— Баронесса Надлеръ!—Колетта скорчила презрительную гримасу.—Это старая притворщица устроитъ конечно такъ, что я останусь безъ мѣста, потому что она пожелаетъ, собрать только лицъ своего круга и патентованныя добродѣтели. Ха! ха! ха! Именно про нея и можно сказать: quand le diable devient vieux il se fait philantrope *).

— Подумайте, что вы говорите! Баронесса еще молода, а поведеніе ея выше всякихъ подозрѣній и сплетень.

— Правда? Вы такъ думаете? Видно, что вы пріѣхали изъ Америки и не знаете маленькой хроники Петербурга. Я много могла бы поразсказать объ этой недотрогѣ, которая не всегда была такой; но бросимъ это, такъ какъ разсказъ отнялъ бы слишкомъ много времени. Что баронесса и ей подобныя относятся къ намъ съ презрѣніемъ и, при всякомъ случаѣ, стараются доказать, что намъ нѣтъ мѣста въ ихъ «свѣтѣ», это не—новость и легко объясняется. Онѣ завидуютъ восхищенію, любви и поклоненію, которыми мужчины осыпаютъ насъ, артистокъ; онѣ не могутъ простить намъ нашихъ талантовъ и умственнаго превосходства, а потому всячески стараются унизить въ общественномъ мнѣніи. А если человѣкъ ихъ общества женится на артисткѣ, дамы эти тотчасъ же подымаютъ скандалъ.

— Опять не могу съ вами согласиться. Въ наше время актрисы столько сдѣлали блестящихъ партій, до принцевъ королевской крови

*) Чертъ становится филантропомъ, когда состарится.

включительно, что положительно нельзя говорить о предубѣжденіи противъ нихъ. Но не понимаю, что общаго можетъ имѣть все это съ моими бесѣдами и «Раемъ безъ Адама», представительницей котораго я являюсь здѣсь.

— Надо признаться, что представляете вы изрядную нелѣпость,—и Колетта подмигнула.—Поговорить бы съ вами объ этомъ, когда вы выйдете замужъ! Ха! ха! ха!.. Ради Бога не сердитесь! Я вижу, что въ настоящее время вы сердцемъ и душой отдались вашему дѣлу. Теперь я скажу вамъ, что меня привело къ вамъ и что общаго между моимъ визитомъ и вашими лекціями.

Изъ того, что мнѣ говорили и что я прочла здѣсь въ вашихъ брошюрахъ, я заключила, что вы проповѣдуете равенство и право всякой женщины на почетную и спокойную жизнь въ законномъ союзѣ, а этимъ артистка должна пользоваться такъ же, какъ мѣщанка и аристократка. Это азбука справедливости. Скажу больше: аристократки, которыя большею частью бываютъ богаты и некрасивы, отлично могли бы оставаться свободными, въ виду того, что мужчины женятся на нихъ только по разсчету или по необходимости: между тѣмъ, дѣйствительно любимая женщина, какъ это дѣлается теперь, должна прятаться и, въ девяти случаяхъ изъ десяти, союзъ сердецъ не бываетъ освященъ закономъ. Вотъ что вамъ слѣдовало бы поставить главнымъ положеніемъ вашихъ бесѣдъ. Теперь перехожу къ тому, что касается меня лично.

Мнѣ надоѣла суетливая, утомительная жизнь нервнаго труда, ради куска хлѣба и жалкаго комфорта. Наконецъ, я нашла человѣка, котораго настолько полюбила, что готова пожертвовать ради него своей свободой и похоронить свой талантъ въ тѣсныхъ стѣнахъ скромнаго супружескаго очага. Говорю: скромнаго, такъ какъ тотъ, котораго я люблю, хотя и богатъ, но не можетъ дать мнѣ то, чѣмъ я пользуюсь теперь. Но все равно! Я хочу пристроиться, жажду имѣть свой уголокъ и любящаго мужа, занимающаго хорошее положеніе въ свѣтѣ. Я удовольствуюсь немногимъ, и буду стоить ему гораздо дешевле, чѣмъ теперь...

— Но въ виду такого трогательнаго безкорыстія, что же еще мѣшаетъ вашему счастью?—насмѣшливо перебила Эленъ.

— Смѣшные предразсудки, дорогая миссъ. Владиміръ Артемьевъ—такъ зовутъ того, кого я считаю уже своимъ женихомъ, обожаетъ меня, какъ Ромео Джульетту, но по слабости боится общественнаго мнѣнія. Это отличный человѣкъ, еще очень красивый и,—

говоря между нами,—прекрасно сохранившійся, но, при всемъ этомъ, пустой, тщеславный и до крайности пресыщенный жизнью. Общественное мнѣніе—это для него главное. Такъ вотъ, если вы, защитница угнетенныхъ женщинъ, съ высоты своей каѳедры, признаете заслуги артистки, и докажите, что, будучи достойны любви, мы съ тѣмъ вмѣстѣ достойны быть и женами, то это произведетъ на него впечатлѣніе и побѣдитъ послѣднія колебанія.

При имени Артемьева Эленъ поблѣднѣла. Съ невыразимымъ чувствомъ отвращенія, стыда и любопытства смотрѣла она на сидѣвшую передъ ней женщину. Итакъ, вотъ—любовница ея отца, одна изъ тѣхъ, ради которыхъ онъ принесъ въ жертву ея мать,—женщину добрую и чистую. И эта откровенно безстыдная «жрица любви» собирается сдѣлаться ея мачихой, да еще проситъ помочь ея планамъ!

Поглощенная своими соображеніями и не замѣчая внезапнаго волненія собесѣдницы, Колетта продолжала:

— Будьте увѣрены, дорогая миссъ, что я васъ отблагодарю! Если вы будете говорить въ мою пользу, а затѣмъ съ вашею помощью устроится мой бракъ, я поднесу вамъ парюру, которая будетъ замѣтна даже въ Америкѣ. Должны же мы, женщины, помогать другъ другу, а для васъ—защитницы нашихъ правъ—это двойная обязанность.

Не смотря на кипѣвшую въ ней горечь, забавность положенія живо подѣйствовала на гибкій умъ Эленъ. Глупая и смѣшная выдумка этой падшей женщины, сулившей ей брилліанты, за которые несомнѣнно платилъ ея отецъ, чтобы она же принудила его жениться на ней, почти разсѣяла ея негодованіе. Едва подавляя смѣхъ, Эленъ отвѣтила съ легкой улыбкой:

— Нисколько не сомнѣваюсь въ вашей признательности: только мнѣ невозможно говорить въ вашу пользу, такъ какъ я проповѣдую противъ брака, а не за него. Я держусь мнѣнія, что такого рода союзъ приноситъ несчастье женщинѣ, такъ какъ онъ связываетъ только ее одну, отнимаетъ свободу и покой, а взамѣнъ ничего не даетъ. Наша община подбираетъ лишь несчастныхъ женщинъ, жизнь которыхъ разбило дурное поведеніе мужей, а молодыхъ дѣвушекъ воспитываетъ въ томъ убѣжденіи, что истинное счастье заключается въ независимости, даваемой трудомъ и свободнымъ сердцемъ, однимъ словомъ, пріучаетъ ихъ къ чистой, но одинокой жизни. Вы сами понимаете, что изъ этой программы ничто не подходитъ къ вамъ. Вы ведете веселую, привольную жизнь, а вашъ возлюбленный даетъ вамъ роскошь, которую вы такъ любите. По мо-

ему мнѣнію, вы только проиграете, выйдя за него замужъ; такъ какъ онъ скоро станетъ сожалѣть объ этомъ и выместитъ на васъ же свое къ вамъ неуваженіе, которое вы называете предубѣжденіемъ.

— Другими словами, вы хотите сказать, что онъ меня презираетъ? Вы ошибаетесь, дорогая миссъ! Я вижу, что вы очень плохо знаете мужчинъ. Они всегда чтутъ то, что ихъ забавляетъ, и чѣмъ дороже или труднѣе достижимо это развлеченіе, тѣмъ больше они цѣнятъ и ищутъ его. Я говорю по опыту. Ни одинъ мужчина,—а много ихъ перевидала я у своихъ ногъ, скажу не хвастаясь,—не презиралъ меня. Мы отлично развлекались вмѣстѣ, и они меня затѣмъ отдаривали, такъ какъ должна же я, наконецъ, на что-нибудь жить.

— Все это хорошо! Но изъ этого именно слѣдуетъ, что вы женщина, принадлежащая всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, достояніе каждаго, кто вамъ платитъ.

— Не достаетъ только, чтобы я жертвовала собой даромъ! Ффа!

— Вы сами видите, что наши точки зрѣнія діаметрально противоположны. По моему мнѣнію, надо честно зарабатывать свой хлѣбъ, не торгуя собой и не позволяя мужчинамъ презирать себя или обращаться какъ съ какимъ-нибудь животнымъ,—строго возразила Эленъ, начинавшая уже сердиться.

Колетта громко расхохоталась.

— Повидимому, вы крѣпко стоите за презрѣніе, и, вообще, вы легки на языкъ. Но я не обижаюсь, такъ какъ вижу, что вы рѣшительно ничего не смыслите въ жизни. Плевать мнѣ на уваженіе этихъ господъ! Когда послѣ хорошаго ужина мнѣ удастся выманить у кого-нибудь изъ нихъ солидный кушъ, то я сама ихъ презираю. Кромѣ того, любовь имѣетъ свое очарованіе, и женщина не можетъ жить безъ любви. Повторяю, что, выйдя замужъ, вы лучше поймете меня и найдете вашъ рай безъ адама очень скучнымъ и прѣснымъ. А теперь прощайте! Подумайте все-таки о томъ, что я вамъ предлагаю.

Колетта весело поклонилась и вышла, а Эленъ глубоко задумалась.

Странныя посѣтительницы послѣднихъ двухъ дней представили ей женскій вопросъ совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ «Рай безъ Адама». Какъ властно должно быть чувство любви, эта безотчетная потребность покориться супружескому игу, если всѣ женщины жаждутъ этого, а никакой примѣръ, никакое презрѣніе, никакая тиранія не могутъ удержать ихъ! Богатая дѣвушка и бѣдная, честная женщина и продажная, даже вдова, или разводка, какъ уже

отвѣдавшія горькой чаши—никто не хочетъ оставаться свободной. Неужели же женщины дѣйствительно представляютъ низшую расу, которая стремится къ рабству, какъ своей узаконенной, естественной сферѣ? Изъ любви или по разсчету, всѣ протягиваютъ шею въ ярмо. Какую же дѣйствительно устрашающую картину надо ей придумать, чтобы заставить ихъ образумиться?..

И въ памяти Эленъ вновь прошли всѣ ея посѣтительницы. Всѣ онѣ вынесли тяжкія обиды отъ мужчинъ, а между тѣмъ, всего одна искала спасенія въ гордой независимости и разумномъ трудѣ; другая мстила мужу, взявъ себѣ любовника, а третья, которую жестоко осмѣяли и унизили, только и жаждала, чтобы ее опять взялъ тотъ, кто плевалъ ей въ лицо... Наконецъ, только что ушедшая, простодушная, по своему, и забавная «веселящая дама», не догадывалась даже, какъ глубоко презирали ея человѣческое достоинство. Безпечная и ослѣпленная, она мечтала сдѣлаться богатой, убивала на тряпки и удовольствія свой жалкій, постыдный «заработокъ», и припѣвая, въ припляску, стремилась къ разверстой безднѣ—старости, нищетѣ и смерти въ больницѣ. Этотъ путь, уже пройденный столькими женщинами, не пугалъ ее, и она не ненавидѣла мужчинъ, которые, однако, непремѣнно бросятъ ее безъ сожалѣнія и участія, когда, увялая и состарившаяся, она не будетъ уже въ состояніи развлекать ихъ.

Все это представляло для Эленъ неразрѣшимую загадку. Однако, если врожденная низменность натуры и непобѣдимый инстинктъ неудержимо толкаютъ женщину къ подчиненію, то устоитъ ли она сама? Не поддастся ли и она, рано или поздно, превосходству мужчины, въ почетномъ видѣ, конечно? Однимъ словомъ, найдется ли и ей повелитель? Глумливымъ призракомъ встало передъ ней тонкое, породистое лицо и темные глаза барона Равенсбурга...

Эленъ вздрогнула, точно укушенная, и провела руками по лицу. Не сошла ли она съ ума, задаваясь такими глупыми размышленіями? Какъ можно сравнивать себя съ этими женщинами, которыя падаютъ именно потому, что имъ не достаетъ характера, самоуваженія и здраваго воспитанія. Она же, наоборотъ, вооружена на жизненную борьбу; глаза ея открыты, воля закалена, какъ сталь, а большое состояніе и умственное развитіе дѣлаютъ ее вдвойнѣ независимой. Нѣтъ, она хочетъ остаться свободной и останется! Не баронъ, этотъ кутила и повѣса, заставитъ ее перемѣнить убѣжденія!

Эленъ пришла снова въ хорошее настроеніе и гордо подняла свою красивую головку. Затѣмъ она прошла въ столовую, гдѣ всѣ

домашніе собрались къ обѣду, желая передать имъ въ общихъ чертахъ свой разговоръ съ Колеттой.

Эленъ довольно рано принялась за свой туалетъ. Она хотѣла быть красивой не для того, чтобы покорить чье-нибудь мужское сердце, а ради собственнаго художественнаго чувства. Она одѣла черное кружевное платье на шелковой такого же цвѣта подкладкѣ; вышитый бисеромъ, полуоткрытый спереди корсажъ, короткіе рукава, обнажавшіе руки до локтя, и море кружевъ чудно вырисовывали ея бѣлоснѣжный цвѣтъ лица и пышные съ золотистымъ отливомъ волосы, подхваченные брилліантовой гребенкой. На длинной черной перчаткѣ сверкалъ тоненькій золотой браслетъ, украшенный звѣздочкой съ рубиномъ и брилліантами. Роскошный вышитый кружевной вѣеръ довершалъ этотъ богатый и строгій нарядъ. Съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія оглядывала она свой очаровательный образъ въ зеркалѣ. Да, она красива! Если какой-нибудь мужчина влюбится въ нее, тѣмъ хуже для него! Она станетъ презирать и мучить его, вымещая на немъ всѣ обиды, какія вынесли ея сестры, не будучи въ состояніи отплатить ударомъ на ударъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла Нелли. Увидѣвъ пріятельницу, она на мигъ онѣмѣла отъ удивленія, а затѣмъ вдругъ вспыхнула и съ гнѣвомъ накинулась на нее:

— Эленъ!.. Ты хочешь въ такомъ причудливомъ костюмѣ ѣхать въ театръ? Ты,—представительница и проповѣдница нашей строгой общины, пріюта страданій и разочарованій—хочешь явиться въ кружевахъ и брилліантахъ?.. Развѣ ты забыла, кто ты?

Эленъ быстро обернулась и щеки ея также покрылись яркимъ румянцемъ.

— Нисколько не забыла! Взгляни! Вотъ знакъ нашей общины,—она указала на запутавшуюся въ кружевахъ и висѣвшую на голубомъ эмалевомъ бантѣ золотую медаль съ изображеніемъ улья.—Въ аудиторіи, я—лекторша, но въ театрѣ,—я просто женщина общества, и не хочу, чтобы на меня указывали пальцемъ. Да и ты, Нелли, не можешь ѣхать въ театръ такой чучелой. Это шерстяное платье, этотъ полотняный воротничекъ и рукавчики, безъ всякаго бантика, безъ всякаго украшенія, придаютъ тебѣ видъ квакерши, а не то монахини. Всякій скажетъ, что эта умышленная простота разсчитана на то, чтобы обратить на себя вниманіе и служить извѣстнаго рода рекламой. Я не думаю, чтобы ты желала этого. Позволь же мнѣ немного исправить твой нарядъ.

Усадивъ недовольную подругу, Эленъ быстро набросила

на нее изящную накидку, заколола воротникъ аметистовой брошкой и сунула ей въ руки вѣеръ изъ перьевъ.

— Теперь хорошо! На, бери этотъ плюшевый мѣшочекъ: тамъ лежитъ твой бинокль и носовой платокъ. А теперь намъ пора ѣхать.

Взявъ маленькій мѣшокъ изъ краснаго бархата, Эленъ закуталась въ нарядную sortie de bal и увлекла подругу.

Въ тотъ же день Владиміръ Александровичъ Артемьевъ былъ одинъ дома. По возвращеніи со службы, онъ запретилъ принимать постороннихъ, и, закутавшись въ халатъ, размышляя, лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ дней онъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, преслѣдовали его воспоминанія о далекомъ прошломъ, давно уже погребенномъ по ту сторону океана. Эти тяжелыя воспоминанія пробудились въ немъ при видѣ Эленъ. Что-то въ ней казалось Артемьеву знакомымъ, нравилось ему и привлекало, несмотря на раздраженіе, вызванное ея осужденіемъ его поведенія въ отношеніи жены съ ребенкомъ, хотя строгій приговоръ произнесенъ былъ, конечно, безотчетно, такъ какъ Эленъ не могла же знать его прошлое. Тѣмъ не менѣе, слова ея постоянно вспоминались ему, что портило настроеніе и дѣлало его нелюдимымъ. Онъ уже наканунѣ провелъ вечеръ одинъ и въ теченіе двухъ дней не былъ у Колетты. Его лакей считалъ его больнымъ и украдкой наблюдалъ за нимъ.

Чтобы отогнать назойливыя мысли, Артемьевъ взялъ журналъ и хотѣлъ заняться чтеніемъ, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались быстрые шаги и звучный голосъ весело спросилъ:

— Здравствуй, Володя! Что съ тобой? Отчего ты не былъ вчера у генерала Петрова? Всѣ удивлялись твоему отсутствію.

— Это ты, Евгеній? — лѣниво сказалъ Артемьевъ, пожимая пріятелю руку, и прибавилъ: — Вчера я былъ не расположенъ ѣхать на вечеръ. Но такъ какъ ты былъ тамъ, то разскажи новости.

Баронъ сѣлъ, вынулъ сигару и началъ весело разсказывать забавныя свѣтскія сплетни.

Они давно уже были дружны и, несмотря на разницу лѣтъ, пріязнь ихъ была искренняя, а сблизилъ ихъ случай на охотѣ.

Баронъ, въ то время двадцатилѣтній юноша и только что поступившій на службу, принялъ участіе въ медвѣжьей охотѣ, устроенной въ Финляндіи богатымъ помѣщикомъ-шведомъ. Когда медвѣдь былъ

выгнанъ загонщиками, баронъ, увлекаемый молодостью, неосторожно выдвинулся впередъ. Исполинскій звѣрь шелъ прямо на него съ протянутыми лапами и баронъ выстрѣлилъ, но ружье дало осѣчку. Онъ подвергался большой опасности, какъ вдругъ пуля, ловко направленная Артемьевымъ звѣрю между глазъ, убила того наповалъ и спасла слишкомъ смѣлаго охотника. Глубокая признательность привязала съ сего времени его къ Артемьеву; а тотъ сначала снисходительно относился къ дружбѣ юноши, считая его, въ глубинѣ души, «мальчишкой», а затѣмъ привыкъ, занялся имъ, и покровительствовалъ, направляя молодого человѣка по пути «пріятнаго существованія», по которому и самъ шелъ.

Съ годами, разница въ лѣтахъ сгладилась. Вкусы ихъ сходились, и они вмѣстѣ повѣсничали. Близость ихъ была такъ велика, что Равенсбургъ не только имѣлъ право во всякое время входить безъ доклада, но Артемьевъ вручилъ ему даже ключъ отъ черной лѣстницы и разрѣшилъ пользоваться пресловутой голубой комнатой для свиданій всякій разъ, какъ у барона останавливались, иногда на недѣли, пріѣзжавшія изъ Лифляндіи старая тетка и двѣ сестры, не подозрѣвавшія, что стѣсняютъ молодого человѣка; а тотъ былъ слишкомъ выдрессированъ въ дисциплинѣ нѣмецкаго семейства, чтобы чѣмъ-нибудь выдать скрытую досаду.

Окончивъ разсказъ про вечеръ, баронъ съ минуту молча кусалъ усы.

— Знаешь ты, Володя, что я вчера сдѣлалъ?

— Какую-нибудь глупость, вѣроятно,—лаконично отвѣтилъ Артемьевъ, предлагая барону спички.

— Вовсе нѣтъ! Послалъ миссъ Рутерфордъ корзину цвѣтовъ съ визитной карточкой.

— О, небо! И подношеніе это предназначалось всей общинѣ или ей одной?

— Понятно, только ей! Я прибавилъ, что кладу къ ея ногамъ розы безъ шиповъ.

Артемьевъ расхохотался.

— Ты, братъ, я вижу, большой хитрецъ. А шипы ты приберегаешь на случай, если она пожелаетъ поближе насладиться розами,—насмѣшливо сказалъ онъ.

— О, далеко кулику до Петрова дня,—вздохнулъ баронъ. — Барышня-то упорная и, прежде, чѣмъ мы будемъ вмѣстѣ наслаждаться розами, мнѣ придется, вѣроятно, пригласить тебя шаферомъ.

Артемьевъ приподнялся на локтѣ.

— Какъ?! Ты ужъ настолько созрѣлъ? Несчастный! Да ты умеръ до битвы, если говоришь съ такой покорностью о томъ, что тебя свезутъ въ церковь и свяжутъ на всю жизнь.

— Но если иначе нельзя?

— Ба! Отчаянныя рѣшенія всегда надо откладывать до послѣдней крайности. Попытайся иначе повести дѣло. Можетъ быть, американка, будучи противницей брака, согласится любить такъ. Тогда она вернется въ свой рай, убѣдясь на опытѣ въ непрочности увлеченій. Вѣдь назначеніе «Рая безъ Адама» служитить убѣжищемъ потерпѣвшимъ крушеніе въ любви. Чтобы быть пріятнымъ жестокой дѣвѣ, ты могъ бы предложить ей основать «Рай безъ Евы». Всѣ несчастные мужья присоединились бы къ тебѣ, и твое учрежденіе стало бы процвѣтать, тѣмъ болѣе, что у насъ теперь въ ходу всякія уродства. Послушай-ка!

Онъ взялъ нумеръ газеты и сталъ читать статью, въ которой говорилось о пріѣздѣ мистера Броуна съ товарищами, осмѣивалось ихъ направленіе и объявлялось, что чудаки янки получили разрѣшеніе читать по-англійски лекціи въ томъ же самомъ помѣщеніи, гдѣ, не менѣе забавная ихъ соотечественница, миссъ Рутерфордъ-Арди, будетъ толковать объ эмансипаціи женщинъ.

— Вотъ компанія болвановъ, не нашедшихъ ничего лучшаго, чтобы убить время, какъ болтать глупости, — замѣтилъ Артемьевъ, пожимая плечами и бросая газету.

— Попрошу говорить съ уваженіемъ о клубѣ «непорочныхъ». Съ сегодняшняго утра я состою членомъ общества мужского цѣломудрія,—принимая важный видъ, отвѣтилъ баронъ, стряхивая пепелъ сигары.

— Ты!? И ты не выдумываешь?—вскричалъ Владиміръ Александровичъ, смѣясь отъ души.

— Нисколько! Я продѣлалъ это, чтобы имѣть возможность ухаживать за миссъ Эленъ. Папа цѣломудренниковъ очень любезно принялъ меня, записалъ въ число членовъ и далъ мнѣ жетонъ общества. Взгляни—баронъ вынулъ изъ кармана довольно большую серебряную медаль на зеленой съ краснымъ розеткѣ.—Вотъ, госпожа Потифаръ и вырывающійся изъ ея когтей Іосифъ — какъ прототипъ чистоты.

— Очаровательно! А не знаешь ли, какой символъ украшаетъ жрицъ «Рая безъ Адама»? Можетъ быть, изображеніе госпожи По-

тифаръ, оплакивающей бѣгство Іосифа?—спросилъ Артемьевъ, вытирая глаза.

— Лучше того: улей, окруженный пчелами, избивающими безполезныхъ трутней.

— Поучительно и трогательно! Но скажи, Евгеній, какія обязательства налагаетъ на тебя новое званіе?

— Во-первыхъ, раскаяться въ прошлыхъ заблужденіяхъ и очиститься постомъ и молитвой; затѣмъ,—отказаться навсегда отъ моей безпутной жизни, и, наконецъ, избравъ себѣ въ жены добродѣтельную дѣву, имѣть ежегодно потомство и жить, какъ сурокъ въ норѣ, въ тѣсномъ кругу супружескаго блаженства.

— Картина заманчивая! Признаюсь, твоя хитрость изобрѣтательна. По всей вѣроятности, такіе достойные и добродѣтельные раскаявшіеся грѣшники будутъ допущены въ «Рай безъ Адама» для утѣшенія неутѣшныхъ. Но, воображаю, что за нелѣпости будутъ говориться на этихъ лекціяхъ!

— Во всякомъ случаѣ, онѣ будутъ любопытны, и я досталъ два билета: тебѣ и себѣ; хотя, долженъ признаться, это удалось мнѣ не безъ труда. У миссъ Эленъ одинъ мужской билетъ продаютъ на десять женскихъ, а у Броуна дамы приступомъ берутъ мѣста. Вѣдь ты поѣдешь, Владиміръ, не правда ли? Можетъ быть и у тебя явится желаніе поступить въ общество цѣломудренниковъ?

— Колетта воспротивится.

— А Варвара Аркадьевна и подавно. Однако, кто-то звонитъ на черной лѣстницѣ! По всей вѣроятности, это твоя нѣжная подруга, а потому я скрываюсь, чтобы не мѣшать вамъ ворковать.

— Пожалуйста, останься! Сегодня я не расположенъ любезничать, да и съ Коллетой это дѣлается, главнымъ образомъ, при помощи золотыхъ.

Это, дѣйствительно, была красивая актриса. Она вошла вся сіяющая, въ своемъ темно-голубомъ бархатномъ костюмѣ и въ огромной шляпѣ, осѣненной перьями.

— А! Друзья! Отлично, что я застала васъ вмѣстѣ,—сказала Колетта, протягивая руку барону.

— Ну, что мой котикъ?—фамильярно похлопавъ Артемьева по щекѣ, прибавила она.—Какъ поживаешь? Не видя тебя вѣчность, я думала, не умеръ-ли ты. Но такъ какъ ты еще живехонекъ, я предлагаю вамъ, господа, сдѣлать прогулку по Невскому. Погода чудная!

Артемьевъ не отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ, но предложилъ выпить

пока чашку кофе, на что Колетта съ удовольствіемъ согласилась. Прихлебывая мокка и грызя бисквиты, она продолжала трещать безъ умолку. Вдругъ, вспомнивъ что-то, она громко вскричала:

— Скажите, откуда я пріѣхала? Держу пари, что вамъ не угадать!

Но пріятели терялись въ догадкахъ и Колетта объявила съ торжествомъ:

— Я знала, что вамъ никогда не угадать! Я являюсь сюда прямо изъ «Рая безъ Адама».

— Чортъ возьми! Какъ это тебя угораздило? Ужъ не хочешь ли ты записаться въ ихъ общину?—спросилъ Владиміръ Александровичъ.

— Нѣтъ, я хотѣла поговорить съ миссъ Рутерфордъ и дать нѣсколько совѣтовъ по поводу ея лекцій. Но бѣдняжка глупа до жалости и, кажется, ничего не поняла изъ того, что я ей объясняла.

— Очень вѣроятно! Взгляды ваши и миссъ Рутерфордъ весьма разнятся другъ отъ друга,—насмѣшливо замѣтилъ баронъ.

— Именно! Она мнѣ проповѣдывала объ уваженіи мужчинъ и о необходимости трудиться, чтобы быть независимой, какъ будто я не тружусь именно для этого.

— Разумѣется, вы трудитесь!—усмѣхнулся баронъ.

— Конечно, тружусь! Или, думаете, что быть актрисой—простая синекура? Тутъ не надъ чѣмъ смѣяться,—съ досадой сказала Колетта.—Точно такъ же, какъ мнѣ не въ чемъ каяться, какъ говорила мнѣ эта американская болтунья. Въ чемъ я буду каяться? Въ томъ, что веду веселую жизнь и люблю Артемьева? Да это вовсе не грѣхъ.

Владиміръ Александровичъ поглаживалъ свою бѣлокурую бороду, и насмѣшливая улыбка блуждала на его губахъ.

— А не совѣтовала тебѣ миссъ Рутерфордъ быть постояннѣе въ твоихъ привязанностяхъ?

— Не будь злымъ, Вольдемаръ! Если заслужишь, я буду вѣрна тебѣ до гроба,—отвѣтила Колетта, обнимая его и звонко цѣлуя въ щеку.

— Какая ужасная угроза! — пошутилъ Артемьевъ, освобождаясь отъ объятій Колетты.—Я думаю, что прогулка разсѣетъ твои мрачныя идеи о вѣрности. Подождите меня, друзья мои, я сейчасъ одѣнусь, и мы пройдемся по Невскому, какъ предложила Колетта.

Вечеромъ друзья вмѣстѣ отправились въ Михайловскій театръ.

Увидя Эленъ и миссъ Синклэръ, они въ первый же антрактъ отправились къ нимъ въ ложу поздороваться.

— Можно войти въ рай?—скромно спросилъ баронъ.

— Войти можно, но оставаться нельзя,—отвѣтилъ смѣющійся голосъ Эленъ.

Они весело поболтали, а когда баронъ, столь же почтительно испросилъ разрѣшеніе отверженному предложить неумолимымъ евамъ конфетъ, это ему милостиво было разрѣшено. Въ слѣдующемъ антрактѣ пріятели снова пришли въ ложу. Даже Нелли оттаяла, казалось, и любезно разговорилась съ Артемьевымъ.

Присутствіе его раздражающе, однако, дѣйствовало на Эленъ. Взоръ ея постоянно возвращался къ нему: она изучала черты его лица, голосъ и старалась представить его такимъ, какимъ онъ остался въ ея дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Затѣмъ, рядомъ съ нимъ невольно появлялся образъ Колетты, и острое чувство ненависти сжимало сердце молодой дѣвушки. Эту негодную потаскуныю онъ любилъ, одѣвалъ въ бархатъ и брилліанты, а для нея и ея святой матери ему жаль было необходимаго, пока онъ не бросилъ и не забылъ ихъ...

Баронъ съ удивленіемъ замѣтилъ, съ какою настойчивостью Эленъ смотрѣла на его друга и какой странный огонекъ вспыхивалъ въ ея глазахъ. Все это возбудило въ немъ внезапную ревность, и онъ впервые почувствовалъ вражду къ Владиміру Александровичу. А тотъ также замѣтилъ лестное вниманіе къ себѣ Эленъ; но, будучи столь же далекъ отъ истинной причины, какъ и баронъ, Артемьевъ былъ пріятно тронутъ и вступилъ съ ней въ бесѣду.

Заговорили о лекціяхъ и о блестящей продажѣ билетовъ, а затѣмъ Артемьевъ замѣтилъ:

— Мнѣ тоже предстоитъ удовольствіе быть въ числѣ вашихъ слушателей. Но неужели вы, миссъ Рутерфордъ, такая умная, не понимаете, что вы представляете «гласъ вопіющаго въ пустынѣ», что, несмотря на все ваше краснорѣчіе, никто не пожелаетъ отречься отъ семейнаго счастья и любимаго существа, несмотря на мелкія непріятности.

Улыбавшіеся глаза Эленъ приняли тотчасъ же строгое и суровое выраженіе и впились въ глаза Владиміра Александровича, когда она отвѣтила глухимъ и металлическимъ голосомъ:

— Вы забываете, что я выросла въ домѣ, гдѣ эти «мелкія непріятности», скопляясь сотнями, представляютъ нѣчто вродѣ чудовищнаго склепа. Тамъ, среди брошенныхъ и униженныхъ женъ,

среди болѣзненныхъ и грустныхъ дѣтей, научилась я понимать, что для мужчины пресловутое «семейное счастье» представляетъ, въ большинствѣ случаевъ, ничто иное, какъ неудобное и стѣснительное ярмо; что по выходѣ изъ церкви, страстно любящій женихъ, которому уже нечего больше терять или выиграть, превращается въ непріятнаго властелина, жестоко вымещающаго на невинныхъ существахъ потерю своей свободы, хотя бы онъ утратилъ ее и добровольно. Не обязана ли я, которая видѣла вблизи всѣ эти несчастья, крикнуть своимъ сестрамъ: «На Бога надѣйся, а сама не плошай! Будь осторожна и независима! Завоюй сама мѣсто себѣ на жизненномъ пиру, но отнюдь не разсчитывай на себялюбивое существо, которое отнимаетъ у тебя сердце и будущее, а потомъ устранитъ со своего пути, какъ только ты станешь его стѣснять, и тебя вмѣстѣ съ дѣтьми осудитъ на нищету. Самъ же онъ будетъ пировать съ жрицами любви, и, забывъ про твое рубище, станетъ облачать ихъ въ бархатъ и осыпать брилліантами».

По мѣрѣ того, какъ говорила Эленъ, смертельная блѣдность разливалась по лицу Артемьева. Слова ея произвели на него такое тяжелое впечатлѣніе, что ему едва удалось скрыть это чувство, и истиннымъ облегченіемъ для него явилось вмѣшательство барона, пытавшагося разбить доводы Эленъ. Настроеніе духа Артемьева было окончательно испорчено. Публика и пьеса потеряли для него всякій интересъ, а потому, не дожидаясь конца представленія, онъ уѣхалъ изъ театра домой.

Долго ходилъ по кабинету Владиміръ Александровичъ, перебирая непріятныя воспоминанія, снова вызванныя словами Эленъ. Слова эти такъ удивительно подходили къ его прошлому, что она не могла бы говорить иначе, если бы знала и желала обличить его поведеніе въ отношеніи Викторіи и его дочери.

Что за странная и очаровательная молодая дѣвушка—съ дѣтскимъ личикомъ и съ мужскимъ умомъ! Она все болѣе и болѣе начинала интересовать его и этотъ интересъ, повидимому, былъ обоюдный, что доказывалъ упорно устремленный на него взглядъ Эленъ.

На его губахъ появилась усмѣшка гордаго самодовольства. Неужели онъ одержитъ побѣду надъ своимъ другомъ, тѣмъ болѣе, что тотъ гораздо моложе его? Тщеславное предвкушеніе торжества тотчасъ же заставило его позабыть мучившія его угрызенія совѣсти.

Да почему бы, наконецъ, не жениться ему на Эленъ, если она его любитъ? Не разъ уже у него являлось желаніе вторично жениться

и создать себѣ новую семью, чтобы заполнить угнетавшія его пустоту и скуку, которыя часто выгоняли его изъ дому.

Ему было сорокъ девять лѣтъ. Пора остепениться, а такая красивая и умная жена, какъ Эленъ, создастъ ему, конечно, пріятный семейный очагъ...

И вдругъ, пріятная улыбка, вызванная этой мечтой о будущемъ, угасла, и лицо Артемьева нахмурилось. Что за безуміе!.. Куда дѣвались его осторожность и его жизненная опытность, если ужъ допускать возможность брака съ женщиной, которую онъ такъ мало знаетъ.

Эленъ очаровательна; но она могла быть и авантюристкой, ищущей, во что бы то ни стало, «мужа», котораго бросить, какъ только пріобрѣтетъ имя и положеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ! — подумалъ онъ.—Я долженъ испытать эту женщину и убѣдиться, такъ-ли чиста ея нравственность, какъ истины, которыя она проповѣдуетъ. Спасибо за рога, хотя бы даже наставленные Евгеніемъ. Надо поухаживать за ней и попытаться завлечь ее къ себѣ. Во время маскированнаго бала у баронессы Надлеръ, она можетъ продѣлать это, не опасаясь быть открытой. Вотъ я и попробую. Если она согласится оставить балъ и провести часокъ у меня, то кончено! Она получитъ то, что заслужила, а затѣмъ можетъ возвратиться въ свой «рай», оплакивать свою судьбу и проповѣдывать. Евгенію же я окажу еще услугу, во время отрезвивъ его...

VII.

Наканунѣ дня, назначеннаго для лекціи, дамы общины дѣятельно занимались убранствомъ залы. Ряды стульевъ пришлось сдвинуть, въ виду значительнаго излишка проданныхъ билетовъ. Кромѣ того, Эленъ приказала устроить съ обѣихъ сторонъ, вдоль стѣнъ, два возвышенія, на которыя были поставлены кресла, предназначенныя для мужчинъ; для «цѣломудренниковъ» была оставлена особая ложа, слѣва отъ каѳедры ораторши. Стѣны позади, въ обѣ стороны, были украшены масляными картинами, привезенными изъ Америки. На одной изъ нихъ были изображены Адамъ съ Евой въ раю и Господь, вопрошавшій Адама, почему онъ ослушался Его? Адамъ же, съ пристыженнымъ видомъ, предательски указывалъ пальцемъ на Еву, а на лентѣ, выходившей изъ его рта, было написано: «Жена, которую Ты далъ мнѣ, она дала мнѣ отъ древа, и я ѣлъ».

На другихъ картинахъ были изображены виды убѣжища «Рай безъ Адама»: прекрасный бѣлый домъ, сады и террасы, библіотека, классы и мастерскія. Наконецъ, двѣ картины, укрѣпленныя по бокамъ каѳедры въ видѣ экрановъ, изображали: одна—женщину, побиваемую камнями за невѣрность: другая—мужа-англичанина, который велъ жену на веревкѣ для публичной продажи.

Уже оканчивали убранство залы, когда пріѣхала баронесса Надлеръ, въ сопровожденіи Равенсбурга.

— Чтобы до публики осмотрѣть залу, гдѣ будутъ казнить предательскую половину рода человѣческаго,—объявила она, смѣясь.

Эленъ привѣтливо встрѣтила ихъ и стала объяснять картины, забавляясь впечатлѣніями барона, который, полусердясь, полунасмѣшливо разглядывалъ все, крутя усы и сопровождая обозрѣніе несмолкаемыми «гм»! Наконецъ, онъ спросилъ, почему мужчинамъ отведены такія почетныя и видныя мѣста.

— Потому, что подсудимые должны быть на виду!—лукаво отвѣтила Эленъ.

Всѣ разсмѣялись и весело разстались до слѣдующаго дня.

Начало лекціи было назначено въ восемь часовъ, но публика гораздо раньше начала наполнять залу. Небольшое количество мужчинъ, допущенныхъ на лекцію, принадлежало къ избранному обществу; среди нихъ были штатскіе и военные, и всѣ, повидимому, казались очень заинтересованными, а на лицахъ большинства читалось насмѣшливое любопытство. Дамское же общество собралось самое разнообразное и всякаго возраста, отъ шестнадцати и до шестидесяти лѣтъ; по большей части, дамы были нарядны, но между ними виднѣлись также бѣдные и поношенные туалеты, и молодые, но блѣдныя, усталыя лица, увялыя до времени отъ суровой борьбы за существованіе. Глаза такихъ-то женщинъ съ нетерпѣніемъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ поглядывали на каѳедру и рѣже обращались къ эстрадѣ, гдѣ торжественно возсѣдали кавалеры. Между прочимъ, мистеръ Броунъ съ сочленами, одни изъ первыхъ, заняли отведенную имъ ложу и молчаливая, строгая ихъ группа возбудила общее любопытство, котораго «непорочники», казалось, не замѣчали.

Наконецъ, звонъ колокольчика возвѣстилъ начало лекціи и открылась боковая дверь. На эстраду вошла Эленъ и съ достоинствомъ поклонилась публикѣ.

На этотъ разъ ея костюмъ отличался пуританской простотой и, къ тому же, очень шелъ къ ней. Глухое, черное шелковое платье, безъ всякой отдѣлки, прекрасно обрисовывало стройный станъ, а

изъ пышнаго кружевного воротника гордо поднималась кудрявая головка.

Эленъ была очень блѣдна, и удивленные баронъ съ Артемьевымъ замѣтили полную перемѣну ея наружности. Отъ веселой простодушно-кокетливой дѣвушки не осталось и слѣда, а на каѳедрѣ стояла энергичная и увѣренная въ себѣ женщина, большіе глаза которой горѣли убѣжденностью и воинственнымъ пыломъ. Впервые видѣли они передъ собой фанатичную проповѣдницу общины «Рай безъ Адама».

Съ минуту глаза Эленъ блуждали по толпѣ, которая колыхалась у ея ногъ, какъ стоглавая гидра. Затѣмъ она заговорила своимъ гармоничнымъ съ металлическимъ отливомъ голосомъ, прочувствованные звуки котораго достигали послѣднихъ рядовъ.

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Предметъ, по которому я собралась говорить сегодня, не-новъ; но, такъ какъ онъ касается чудовищнаго явленія,—а именно рабства половины человѣческаго рода, отданной по закону и обычаю на произволъ другой,—то интересъ вопроса угаснетъ лишь тогда, когда будутъ уничтожены вызвавшія его злоупотребленія.

Исторія женщины, какъ члена человѣчества, представляетъ длинный мартирологъ. Объ этомъ много было говорено, но очень мало сдѣлано для измѣненія существующаго общественнаго порядка, который осуждается какъ разсудкомъ, такъ и чувствомъ справедливости. Происходитъ это потому, что мужчины совершенно не желаютъ выпустить изъ рукъ власть, льстящую ихъ тщеславію и удовлетворяющую ихъ эгоизмъ; а также потому, что до сихъ поръ женщины не были достаточно объединены, чтобы защитить свои человѣческія права.

Я только что употребила слово «рабство»—и это отнюдь не поэтическая метафора. Рабство женщины дѣйствительно существуетъ и является примѣненіемъ жестокаго обычая древности, дѣлавшаго человѣческое существо вещью своего господина,—обычая, уничтоженнаго всюду и сохраненнаго только въ отношеніи женщины, которая и въ нынѣшнемъ вѣкѣ такая же невольница и такая же вещь своего мужа, какими были древніе рабы или негры, освобожденные также только въ наше время. Англійскій законъ, уничтоженный еще не такъ давно, давалъ мужу право публично продать свою жену съ веревкой на шеѣ, какъ онъ продалъ бы корову или лошадь. Впрочемъ, почему бы и не такъ? Развѣ не сомнѣвались долгое время, есть ли у женщины душа? Да и въ наши дни мужчи-

ны, вѣнцы творенія, не допускаютъ, чтобы у женщины были нервы, терпѣніе, которое можетъ быть истощено, свои вкусы и наклонности, требующіе такого же удовлетворенія, какъ и ихъ собственные.

Въ доказательство же, что я говорю только то, что подтверждается фактами, укажу, какими законами устанавливаются отношенія между обоими полами, касающіяся имущества и пользованія соціальными правами.

Изложивъ точно, но въ краткихъ словахъ, законы главнѣйшихъ европейскихъ народовъ, опредѣляющіе права женщины, Эленъ продолжала:

— Сказаннаго мною достаточно, чтобы доказать возмутительную несправедливость, гнетущую женщину съ самаго дня ея рожденія. Но мнѣ трудно было бы въ одну лекцію основательно разобрать всѣ обострившіеся вопросы, болѣе обстоятельно разсмотрѣнные избранными умами, а потому перехожу къ темѣ, прямо касающейся цѣли, которую я себѣ поставила, и дѣла, представительницей котораго я здѣсь являюсь.

Весьма основательно спрашиваютъ себя многіе: чѣмъ объяснить, что женщины, молча и почти безъ жалобъ, терпятъ всѣ причиняемыя имъ несправедливости, и даже не ищутъ средствъ избавиться отъ нихъ? Есть много причинъ такой пассивности, которыя мы сейчасъ и разсмотримъ.

Законъ природы, такой же властный и жестокій, какъ и законы, установленные человѣкомъ, толкаетъ женщину къ любви и ея законному увѣнчанію—браку; но вмѣсто того, чтобы объяснить ей, какимъ случайностямъ она подвергается и какія разочарованія неизбѣжно ожидаютъ ее,—такъ какъ счастливые браки составляютъ весьма рѣдкія исключенія, подтверждающія только общее правило,—ей рисуютъ этотъ союзъ, какъ высшее счастье, какъ конечную цѣль и какъ единственное почетное, уважаемое существованіе для женщины.

Съ рожденія, на дѣвочку смотрятъ, какъ на существо, созданное только для брака. Чуть пробуждается ея самосознаніе, всѣ окружающіе внушаютъ ей, что нравиться и подчиняться—правило ея жизни, а удостоиться выбора мужчины—главная цѣль, къ которой она должна стремиться. И никто не заронитъ въ ней вопроса: достоинъ ли ея этотъ мужчина? Никто не объясняетъ ей, что будетъ-ли она замужемъ или нѣтъ, но, по достиженіи двадцати одного года, она обязана быть независимой по уму и знанію, и становится отвѣтствен-

ной за свои поступки, а не должна пребывать ничтожествомъ, ожидающемъ новой опеки.

Послѣдствій такого нелѣпаго женскаго воспитанія не долго приходится ждать. Какъ только молодая дѣвушка оканчиваетъ свое поверхностное образованіе, начинается бѣшеная скачка съ одного вечера на другой и изнурительная погоня за «мужемъ». Этой высшей цѣли подчинено все прочее, и въ сердцѣ юнаго существа впервые зарождаются сдѣлки съ совѣстью; страстное желаніе «пристроиться» атрофируетъ самыя нѣжныя чувства и молодая дѣвушка выходитъ замужъ не потому, что человѣкъ ей нравится или она его любитъ, а потому, что онъ пожелалъ ее взять. Тутъ открывается обширное поле для нечистоплотныхъ комбинацій. Мы видимъ, что юныя существа отдаются старикамъ потому только, что тѣ богаты или даже когда тѣ ничего особеннаго собой не представляютъ и имъ противны. Мужчина, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, располагаетъ однимъ безцѣннымъ благомъ: онъ можетъ дать титулъ «дамы»—тотъ титулъ, который выпускаетъ молодую дѣвушку на волю, освобождаетъ отъ стѣснительной обязанности навязывать себя и навсегда избавляетъ отъ ненавистной перспективы остаться «старой дѣвой».

Не мало соблазнительнаго искушенія для легкомысленнаго и слѣпого существа, какимъ дѣлаетъ женщину ея воспитаніе, представляютъ приданое, вѣнчальное платье и торжественный обрядъ, въ которомъ она играетъ главную роль. Великій мистическій актъ обращается для нея въ простую возможность надѣть блестящее шелковое платье, фату и вѣнокъ, которые такъ пойдутъ къ ней. Подруги уже раньше надѣвали все это и она тоже не хочетъ отъ нихъ отстать.

Если бы всѣ эти нарядныя и радостно идущія къ алтарю невѣсты пожелали заглянуть впередъ и воспользоваться примѣрами своихъ предшественницъ, то, конечно, онѣ зрѣло все обдумали бы, прежде чѣмъ произнести роковое «да», которое вычеркиваетъ ихъ изъ списка независимыхъ существъ. Увы! Женщины слишкомъ мало размышляютъ обо всемъ этомъ. Увлекаемыя внушеннымъ предразсудкомъ или ослѣпленныя любовью, которая розовымъ покрываломъ скрываетъ отъ нихъ шипы будущаго, онѣ безвозвратно связываютъ себя.

Наконецъ, по разсчету ли или по любви, рѣшительный шагъ сдѣланъ; празднества закончены, соблазнительное бѣлое платье снято, и начинается повседневная жизнь съ ея разочарованіями.

Счастье вянетъ, подобно подвѣнечнымъ померанцевымъ цвѣтамъ, видѣвшимъ лишь одно солнечное утро.

Такъ страстно желанная роль замужней женщины оказывается, однако, далеко не блестящей. Ни надъ кѣмъ въ мірѣ не проявляется такъ свободно жестокій мужской эгоизмъ и деспотизмъ. Если всюду, внѣ семьи, законы обуздываютъ грубыя страсти мужчины, то у себя онъ—полный властелинъ. Жена и дѣти,—его домашніе рабы,—должны расплачиваться за все и за всѣхъ. Просто невѣроятно, до какой, почти звѣрской, дикости доводитъ человѣка низшихъ классовъ это сознаніе своей безграничной власти. У насъ въ убѣжищѣ пріютилась жена рабочаго, который кулакомъ выбилъ ей зубы и повредилъ легкія, такъ что теперь она умираетъ отъ чахотки; а ребенка этой несчастной негодный отецъ такъ пнулъ ногой объ стѣну, что повредилъ ему позвоночникъ. Этотъ семилѣтній мальчуганъ сталъ горбатымъ идіотомъ и смерть его также близка.

Подобныя преступленія очень часты и остаются безнаказанными, потому, кто же станетъ вмѣшиваться въ семейную ссору или взыскивать съ мужа, который пользуется законнымъ правомъ наказывать жену, въ чемъ-либо виноватую, по его мнѣнію.

Конечно, въ семьяхъ высшихъ классовъ мужской гнетъ выражается въ менѣе грубыхъ формахъ. Тамъ, законной женѣ отводится прежде всего мѣсто *экономки*, и наилучшей прислуги. Если она хочетъ заслужить одобреніе своего «хозяина» и получить отъ него лестное прозваніе «доброй» жены, то должна тщательно заботиться, чтобы завтракъ и обѣдъ были хорошо приготовлены и поданы во-время, чтобы дѣти были спокойны и чисто одѣты, и, наконецъ, чтобы бюджетъ не хромалъ: такъ какъ домашній султанъ, обладающій утонченными вкусами и врожденной потребностью въ развлеченіяхъ, бережетъ свои сбереженія на личные расходы. Чтобы поддерживать свѣжее настроеніе, онъ долженъ быть членомъ всѣхъ модныхъ клубовъ; а въ доказательство того, что онъ—знатокъ искусства, онъ долженъ помогать зарождающимся артистическимъ талантамъ (женскимъ, разумѣется); наконецъ, чтобы не заплѣсневѣть окончательно въ домашней скукѣ, онъ долженъ посѣщать какую-нибудь задорную даму полусвѣта, какую-нибудь модную жрицу свободной любви. Это считается *шикомъ*, и онъ, конечно, никогда не откажетъ себѣ въ этомъ.

Супруга, это—существо, которое видятъ каждый день, которымъ владѣютъ для хозяйственныхъ надобностей; противъ супруги въ глубинѣ души таится извѣстная злоба за то, что она дерзаетъ имѣть

какія-то права на мужа, которыхъ тотъ не признаетъ, однако. Словомъ, жена скоро теряетъ всякую прелесть. Впрочемъ, ей предоставлена еще почетная обязанность, а именно: быть *громоотводомъ* всѣхъ внѣшнихъ непріятностей и всевозможнаго рода неудовольствій, не могущихъ быть излитыми на начальство, товарищей и, вообще, всѣхъ людей, которыхъ неудобно затрогивать. Буря разражается у домашняго очага и градъ сыплется на домашнюю рабу. Рѣзкій звонокъ уже возвѣщаетъ приближеніе урагана. Дверь отперли недостаточно скоро, а если, къ несчастью, обѣдъ—готовъ, мрачный взглядъ повелителя ищетъ на столѣ что-либо забытое или лишнее. Какое-нибудь блюдо окажется обязательно дурно приготовленнымъ, и упреки дождемъ посыпятся на хозяйку дома. Надо же, чтобы кто-нибудь былъ виноватъ! Хорошая кухарка можетъ обидѣться и уйти, а съ женой же нѣтъ никакого риска. Да и зачѣмъ тогда Господь далъ мужчинѣ такую горемыку, какъ не для того, чтобы ею помыкать?..

Въ залѣ и даже на «скамьѣ подсудимыхъ» послышался сдержанный смѣхъ. Одни «цѣломудренники» апплодировали съ серьезнымъ видомъ.

Бѣглая усмѣшка скользнула по лицу Эленъ, когда она встрѣтила блестящій взглядъ Равенсбурга, нѣсколько вызывающе смотрѣвшаго на нее. Но почти тотчасъ же она приняла серьезный видъ и продолжала:

— Понятно, что «царямъ творенія» нравится такое выгодное положеніе, и что добровольно никогда они не откажутся отъ него: да, можетъ быть, на ихъ мѣстѣ, и мы поступали бы такъ же. Судите сами: требовать отъ другого всевозможныхъ добродѣтелей, а самого себя считать свободнымъ отъ всякой, или налагать на другого исполненіе всевозможныхъ обязанностей, а съ себя скидывать малѣйшую—развѣ это не идеалъ личнаго эгоизма? Поэтому, чтобы сохранить навсегда цвѣтеніе права сильнаго, мужчины не пренебрегали ничѣмъ: устанавливая сами законы, они окружили женщину почти непреодолимыми препонами, закрывая ей путь даже къ ученію, обращаясь съ ней какъ съ врагомъ и унижая ея трудъ.

Но какъ ни прочно препятствіе, чинимое закономъ, если это—бьющій въ глаза анахронизмъ, то оно легче можетъ быть устранено, чѣмъ привитый обычай. Поэтому, наши повелители позаботились направить женское воспитаніе къ одной цѣли, а именно: дѣлаться ихъ подругами. Идеаломъ женской добродѣтели они выставили покорность, терпѣніе и самоотреченіе, а идеаломъ ихъ счастья—скромную жизнь, скрытую въ тѣни супружескаго крова. Что же касается ум-

ныхъ и энергичныхъ женщинъ, которыя избрали единственный открытый имъ путь къ независимости и отказались отъ брака, мужчины бичуютъ ихъ осмѣяніемъ.

Мужчина, изъ эгоизма, можетъ остаться холостякомъ, чтобы не обременять себя семьей, которая все-же, хотя только по виду, могла-бы стѣснить его, и чтобы на полной свободѣ наслаждаться легкими связями. Никто не осмѣетъ его за это. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что полигамія столь почетна, что уничтожаетъ порицаніе холостой жизни? Совсѣмъ иначе относятся къ женщинѣ.

Нѣтъ того глумленія, нѣтъ той насмѣшки и непристойной шутки, которыми не осыпали бы дѣвушку, не вышедшую замужъ, какъ бы чиста и честна ни была ея жизнь. Въ своемъ стремленіи къ угнетенію, мужчина забываетъ, что любая женщина, при нѣкоторомъ усиліи и сдѣлкѣ съ совѣстью, могла бы выйти замужъ; но, что она посмѣла остаться свободной, это ей не прощаютъ, а осмѣиваютъ, награждая прозвищемъ *старой дѣвы*. Мужчина скорѣе извинитъ и снисходительно окутаетъ поэтическимъ покровомъ похожденія какой-нибудь срамницы, измѣны распутной чужой жены или продѣлки дѣвушки, которая числится таковой лишь по паспорту, но которая нагло одѣваетъ фату и вѣнокъ—символы чистоты—если находитъ такого-же развратника, согласнаго прикрыть своимъ именемъ ея позорное прошлое. Для всѣхъ этихъ безстыдныхъ тварей мужчина находитъ снисхожденіе и смягчающія обстоятельства; онѣ служили для его услажденія—и это достаточно для ихъ извиненія. Но для старой дѣвы пощады нѣтъ. Она смѣшна, она служитъ мишенью глупыхъ прибаутокъ, она безполезное и лишнее существо.

Въ древности думали иначе, а весталокъ и друидессъ почитали и уважали именно за ихъ непорочность. Древніе понимали мистическій законъ, по которому отъ этихъ женщинъ, отказавшихся отъ тѣлесныхъ страстей, исходятъ чистыя излученія, а потому ихъ посвящали на служеніе божеству. Да и христіанство, развѣ не почитало монахинь? За что же презирать женщину, остающуюся чистой въ жизни?

Осмѣивая такъ незамужнюю женщину, мужчины пустили въ женскій станъ отравленную и смертоносную стрѣлу, такъ какъ насмѣшка—оружіе жестокое, и раны, наносимыя ею—больнѣе всѣхъ другихъ.

Только женщины особенно мужественныя и независимыя по духу становятся выше этого предразсудка. Зато прочія, полуумныя, помышляютъ лишь о томъ, какъ бы избѣжать этого несчастья, этого

мнимаго срама, и выйти замужъ, все равно какъ и за кого, лишь бы избавиться отъ пугала, отъ ненавистной клички «старая дѣва».

Грустное зрѣлище представляютъ эти несчастныя, которыя съ ранней юности до послѣднихъ предѣловъ зрѣлыхъ лѣтъ предаются унизительной погонѣ за *мужемъ*. Онѣ пресмыкаются передъ мужчиной,—достойнымъ или нѣтъ,—льстятъ его слабостямъ, приноравливаются къ его вкусамъ, выпрашиваютъ, какъ милость, чтобы ихъ только *взяли*, идя для этого нерѣдко по тернистому и грязному пути. И всѣ эти униженія приносятъ женщинѣ лишь язвительное глумленіе, придирки и презрѣніе мужчины, который только потѣшается унизительной, вызванной имъ вокругъ себя пляской.

Да, вообще, мужчина жестокъ къ женщинѣ, и рѣдко чувствуетъ къ ней истинную любовь, такъ какъ чувство, угасающее черезъ какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ, при первой случайности, нельзя назвать любовью. Но и къ тѣмъ несчастнымъ и погибшимъ созданьямъ, которыхъ мужчина заставляетъ служить для своего развлеченія, онъ не чувствуетъ ни любви, ни жалости. Правда, онъ наряжаетъ ихъ, лелѣетъ ихъ, пользуется ихъ молодостью и красотой; но едва эта красота увянетъ, а его прихоть пройдетъ, какъ проявляется, во всей своей наготѣ, то презрѣніе, которое неизбѣжно таится въ глубинѣ всякаго такого ухаживанія. Никто затѣмъ не интересуется судьбой этихъ изношенныхъ игрушекъ, которыя часто угасаютъ гдѣ-нибудь на чердакѣ, въ углу или въ больницѣ, мучимыя двойной агоніей, такъ какъ ихъ преслѣдуютъ воспоминанія о быломъ великолѣпіи...

Должна оговориться, что сортъ женщинъ, о которыхъ я только что упоминала, отнюдь не входитъ въ рамки моего реферата равно какъ и женщины, мстящія мужу-обманщику тѣмъ, что берутъ себѣ любовника. Ни передъ Богомъ, ни передъ ихъ собственной совѣстью грѣхъ мужа не можетъ служить имъ оправданіемъ. Онѣ такъ же презрѣнны, какъ и презираемыя ими ихъ соперницы. Такія женщины перестаютъ быть жертвами, и заниматься ими мы не станемъ.

Мы говоримъ о женщинѣ порядочной, объ угнетенной супругѣ, которая, не смотря на всѣ страданія и разочарованія, никогда не забываетъ, что честность и исполненіе долга есть единственное вѣчное благо, котораго никакой тиранъ не можетъ лишить ея. Если у нея есть дѣти, то она должна принадлежать имъ. Въ глазахъ дѣтей, образъ матери долженъ быть безъ пятенъ и тѣни; они должны одинаково уважать и любить ее. Потому что, если отецъ забываетъ, что онъ—*отецъ*, то хоть мать обязана помнить свой священный

завѣтъ, чтобы любовью и заботами восполнить въ покинутой семьѣ
пробѣлъ, сдѣланный тѣмъ, кто притязаетъ быть ея главою...

Произнося слова: «если отецъ забылъ, что онъ—отецъ», Эленъ
бросила взглядъ на Артемьева, который былъ очень блѣденъ и
нервно дрожавшей рукой теребилъ часовую цѣпочку, хотя былъ
убѣжденъ, что слова проповѣдницы были обращены вовсе не къ
нему; она не могла знать, что онъ былъ такимъ же, забывшимъ
долгъ, мужемъ и отцомъ. Но эта фраза произвела на него чрезвы-
чайно тягостное впечатлѣніе и вызвала на мигъ въ его памяти
кудрявую головку и улыбавшееся личико покинутаго ребенка.

Въ эту минуту среди слушателей послышались сперва сдержи-
ваемыя, а затѣмъ съ каждой минутой становившіяся все громче и
громче всхлипыванія. Эленъ умолкла. Головы всѣхъ съ любопыт-
ствомъ обратились въ ту сторону, откуда слышался плачъ, и вскорѣ
двѣ дамы поспѣшно повели къ выходу молодую женщину, одѣтую
въ черное платье, потрясаемую судорожными рыданіями.

Понадобилось нѣсколько минутъ, чтобы возстановилась ти-
шина, смолкли говоръ и перешептываніе, и Эленъ могла, наконецъ,
продолжать свою рѣчь.

— Только что происшедшій случай является живой иллюстра-
ціей къ темѣ моей рѣчи. По всей вѣроятности, слова мои коснулись
слишкомъ свѣжей раны, если она раскрылась передъ посторонними...

— Да,—продолжала она, и глубокая горечь звучала въ ея го-
лосѣ, — всякій мужчина, прежде чѣмъ занять какую-нибудь долж-
ность, обязанъ пройти курсъ наукъ и выдержать испытаніе, дабы
правительство было увѣрено, что довѣряетъ государственныя дѣла
не какому-нибудь невѣждѣ, и что чиновникъ, которому оно пере-
даетъ часть своей власти, способенъ пользоваться ею.

Только мѣсто супруга и отца можетъ быть занято безъ атте-
стата зрѣлости. Всякій считаетъ себя способнымъ быть главой
семьи и пользоваться самодержавной властью надъ себѣ подобными,
но, увы, не равными ему живыми существами. На послѣдствія та-
кого положенія вещей я и обращаю сегодня вниманіе моихъ слуша-
телей; а послѣдствія эти достаточно печальны, чтобы заставить при-
задуматься о нихъ, и приспѣло уже, кажется, время исправить все
это. Многіе признаки заставляютъ, какъ-будто, надѣяться, что
близка минута освобожденія женщины отъ многовѣковаго ига.

Въ слѣдующей лекціи я предполагаю говорить о средствахъ
ускорить приближеніе этого освобожденія и торжества справедливо-

сти, а также о тѣхъ способахъ, какіе, повидимому, употребляетъ Провидѣніе, чтобы поднять человѣчество на эту ступень прогресса.

Тщательно резюмировавъ еще разъ только что разобранный вопросъ и поблагодаривъ слушателей за высказанное вниманіе, Эленъ поклонилась и вышла подъ громъ рукоплесканій; но и затѣмъ настойчивыми вызовыми публика заставила ее появиться еще нѣсколько разъ. Наконецъ, блѣдная и усталая, она удалилась въ сосѣднюю комнату, куда пришли поздравить ее съ успѣхомъ пріятельницы, а за ними и баронесса Надлеръ.

Въ залѣ слышался громкій разговоръ о только что слышанномъ; направляясь къ выходу, одни смѣялись, другіе спорили.

Въ прихожей стояли Артемьевъ и баронъ, ожидая, пока немного разойдется публика, столпившаяся въ дверяхъ и у вѣшалокъ.

— Что ты думаешь объ этомъ чертенкѣ, Владиміръ? Она говоритъ хорошо, а главное, очень зло. Она взбунтуетъ дамъ, и ни одна изъ нихъ не пожелаетъ насъ, если... кто-нибудь не пожертвуетъ собой, не женится на миссъ Рутерфордъ и не запретитъ ей читать лекціи.—замѣтилъ, полусмѣясь, полусердясь, Равенсбургъ.

— Не очень-то увлекайся ролью миссіонера: это можетъ для тебя худо кончиться,—насмѣшливо отвѣтилъ Артемьевъ.—Что же касается дамскаго возмущенія, то твои опасенія совершенно напрасны. Благодаря Бога, наши «евы» слишкомъ цѣнятъ преимущества брака, если даже онъ омраченъ кое-какими грѣшками мужей, и, конечно, ужъ никакія лекціи, хотя бы ихъ читалъ самъ Демосѳенъ, не заставятъ ихъ измѣнить мнѣніе.

Въ эту минуту съ ними поздоровались двѣ знакомыя, вышедшія изъ залы. Одна изъ нихъ была среднихъ лѣтъ и очень нарядно одѣта, а другая—была еще совсѣмъ молодая дѣвушка, лѣтъ семнадцати. Лицо послѣдней разрумянилось, а блестѣвшіе глазки указывали на сильное волненіе.

— Ай, Инна Петровна, какъ вы раскраснѣлись! Я подозрѣваю, что у васъ каждый волосъ сталъ дыбомъ, до такой степени миссъ Рутерфордъ напугала васъ бракомъ,—лукаво замѣтилъ баронъ. — Но невѣста должна вѣрить ей только наполовину.

— Напротивъ я вѣрю ей вполнѣ. Все, что она говорила, — правда, — возразила молодая дѣвушка.—Я хочу записаться въ ихъ общину и никогда не выйду замужъ, потому что я не боюсь сдѣлаться старой дѣвой. Чѣмъ больше я думаю о Николаѣ Львовичѣ, тѣмъ больше нахожу въ немъ сходство съ мужчинами, описанными

миссъ Эленъ. Онъ нравится всѣмъ женщинамъ. Госпожа Мюллеръ
всегда о чемъ-то шушукается съ нимъ, а Вава Обзорова даже въ мо-
емъ присутствіи строитъ глазки. При всемъ этомъ онъ часто дуется
и безстыдно лжетъ. Въ прошлый понедѣльникъ, вечеромъ, онъ не
пришелъ къ намъ, ссылаясь на то, что занятъ службой, а между
тѣмъ, дядя Кириллъ видѣлъ его въ театрѣ Неметти, въ ложѣ гос-
пожи Мюллеръ. Эта лекція открыла мнѣ глаза. Если ужъ теперь
мною пренебрегаютъ, то что же будетъ послѣ? Нѣтъ, нѣтъ, я не
хочу выходить замужъ и возвращу ему его слово.

Въ голосѣ молодой дѣвушки звучали едва сдерживаемыя
слезы.

Въ эту минуту мать, не обращавшая на нее вниманія, и ви-
димо, искавшая кого-то глазами въ толпѣ, уловила послѣднія слова
дочери и, точно ужаленная, обернулась къ ней.

— Инна! Да ты съ ума сошла, говоря такія глупости! — съ
гнѣвомъ вскричала она.—Хорошо, что тебя слышали только наши
друзья, а не кто другой, который передалъ бы твои слова Николаю
Львовичу. Но тише! Вонъ идетъ твой женихъ,—повелительно при-
бавила она.

Готовившаяся отвѣчать Инна робко замолкла подъ гнѣвнымъ
взглядомъ матери. Она опустила голову и нервно кусала губы.

Въ эту минуту отъ толпы у вѣшалокъ отдѣлился изящный бѣ-
локурый молодой человѣкъ. Онъ только-что откланялся красивой
женщинѣ съ большими темными глазами, закутанной въ кружева,
которая отвѣтила ему на прощанье пылкимъ взглядомъ. Низко по-
клонясь дамѣ, молодой человѣкъ подошелъ къ Иннѣ и подалъ ей
руку. Это былъ красивый юноша, лѣтъ двадцати пяти; но его блѣд-
ное и преждевременно увялое лицо и усталый, равнодушный взглядъ
указывали, что прошелъ онъ мимо радостей жизни не простымъ
зрителемъ.

Всѣ направились къ вѣшалкамъ и начали одѣваться. Помо-
гая Иннѣ надѣть отороченное мѣхомъ пальто, Николай Львовичъ
случайно обратилъ вниманіе на разгоряченное, пылающее и взвол-
нованное лицо своей невѣсты.

Съ насмѣшливымъ «ахъ!», наклонился онъ къ ней и сказалъ:

— Какъ вы разстроены, Инна Петровна! Правда, миссъ Ру-
тефордъ постаралась разогрѣть предверіе рая, но отчего же не на-
дѣяться, что «рабство» ваше не будетъ слишкомъ суровымъ.

Инна ничего не отвѣтила. Не обращая на нее вниманія, Ни-
колай Львовичъ обернулся къ барону и къ Артемьеву.

— Какъ очаровательна американочка! Какіе глаза! Какая божественная талія! А ручки! Какъ у феи,—восторгался онъ.

— Гмъ! Эти ручки феи хлещутъ бичемъ, и при томъ безъ стѣсненія, что заставляетъ забывать ихъ классическую форму, — замѣтилъ Владиміръ Александровичъ.—Надо признаться, она не пожалѣла для насъ красокъ. Будь она стара и дурна собой, ее, конечно, забросали бы старыми селедками и гнилыми яблоками за бунтовщичью проповѣдь; но такъ какъ она очаровательна, то ее надо обуздать иначе и привести въ исполненіе проектъ Евгенія Павловича. Надо, чтобы нѣсколько кавалеровъ разыграло миссъ Рутерфордъ въ лоттерею, съ тѣмъ условіемъ, что выигравшій, во что бы то ни стало, долженъ жениться на ней, а затѣмъ навсегда запретить ей читать лекціи.

— Проектъ не дуренъ и заслуживаетъ того, чтобы объ немъ подумать,—отвѣтилъ смѣясь Николай Львовичъ, слѣдуя съ невѣстой къ выходу.

Инна не раскрыла рта. Холодно поклонясь жениху, она сѣла въ карету. Наблюдавшій за ней Артемьевъ остановился закурить папиросу и насмѣшливо сказалъ:

— Малютка серьезно взвинчена мудрыми рѣчами миссъ Рутерфордъ. Впрочемъ, Анна Ивановна получила только то, что заслужила за свою глупость. Развѣ можно семнадцатилѣтнюю дѣвченку возить слушать такія нелѣпости! Это самый опасный возрастъ, такъ какъ въ ея годы не страшно еще остаться «старой дѣвой».

— Ба! Анна Ивановна способна и выбить изъ головы дочери всякій намекъ на возмущеніе. Ей стоило слишкомъ много труда поймать этого жениха, чтобы она выпустила его изъ рукъ за двѣ недѣли до свадьбы. Но, между нами говоря, Николай Львовичъ будетъ пренепріятнымъ мужемъ, и малютка не совсѣмъ не права.

— Онъ еще слишкомъ молодъ и слишкомъ завертѣлся въ вихрѣ удовольствій, чтобы удовлетвориться такой наивной женой. Онъ ищетъ чего-нибудь болѣе остраго, щекочущаго нервы, а Инна, какъ она ни очаровательна, все-таки еще ребенокъ.

VIII.

Два дня, слѣдовавшіе за лекціей, Эленъ была такъ занята, что не могла даже побывать у баронессы Надлеръ, приглашавшей ее къ себѣ. Во-первыхъ, была получена лавина писемъ, въ которыхъ одни обсуждали ея рѣчь и требовали дополнительныхъ объясненій, а другіе желали знать подробности объ убѣжищѣ и жизни въ Америкѣ, а также требовали отвѣта на разные попутные вопросы. Кромѣ того, нахлынула толпа посѣтительницъ, такъ что часы пріемовъ весьма часто затягивались. Эленъ тѣмъ болѣе чувствовала себя утомленной, что проходившія мимо нея на бесѣдахъ женщины, являлись большею частью изъ простого любопытства, чтобы купить виды убѣжища или записаться въ члены общины, для полученія жетона. Серьезныхъ же кандидатокъ пока не являлось.

Было около шести часовъ вечера. Разбитая и усталая Эленъ отпустила послѣднюю гостью и собралась уже было немного отдохнуть, когда ей доложили, что какая-то дама умоляетъ принять ее. Рѣшивъ спровадить поскорѣе назойливую посѣтительницу, она вышла въ гостиную и во вновь пришедшей тотчасъ же узнала молодую женщину, которую рыданія заставили покинуть залу. Дурное настроеніе духа Эленъ тотчасъ же смѣнилось нѣжнымъ участіемъ, и между ними завязался оживленный разговоръ.

Гостья была далеко не красива, но оказалась очень умной и симпатичной. Явилась она узнать, возможно-ли ей будетъ пожить въ убѣжищѣ два или три года. Она не только была согласна платить ежегодно за свое содержаніе, но готова принести даръ общинѣ, если только сумма не превыситъ ея средствъ.

Объясненія Эленъ восхитили ее и, увлекаясь все болѣе и болѣе молодой проповѣдницей, она довѣрила ей свою грустную исторію.

Четыре года тому назадъ вышла она замужъ. Первое время жизнь ея, если и не была счастлива, то, по крайней мѣрѣ, сносна. Въ эти года умерла ея мать, и она приняла къ себѣ въ домъ младшую сестру; а та, пользуясь послѣдними мѣсяцами ея интереснаго положенія и затѣмъ продолжительной болѣзнью, влюбила въ себя ея мужа. Опьяненные страстью любовники уѣхали въ Сибирь, куда

перевелся ея мужъ, и проживали тамъ подъ видомъ супруговъ, въ полномъ довольствѣ, въ виду того, что своевременно озаботились захватить съ собой весьма значительный капиталъ, составлявшій ея наслѣдство.

Съ тѣхъ поръ покинутая женщина жила одиноко со своей дочерью, но неожиданный случай вернулъ ей отчасти ея состояніе: она выиграла семьдесятъ пять тысячъ на билетъ государственнаго займа. Капиталъ этотъ лежитъ въ банкѣ, и она можетъ взять его, когда угодно. Кромѣ того, близкихъ родственниковъ у нея нѣтъ, а нескромное любопытство и мнимое участіе друзей сдѣлались ей ненавистны, и она давно уже задумала покинуть отечество. Такимъ образомъ, лекція Эленъ была для нея какъ бы откровеніемъ. Теперь она рѣшила поселиться на нѣсколько лѣтъ въ убѣжищѣ, а затѣмъ окончательно устроиться тамъ, перемѣнивъ даже подданство, если только жизнь и климатъ не будутъ вредны для ея ребенка.

Разговоръ съ Эленъ, а потомъ съ мистриссъ Форестъ и Нелли, разсѣялъ послѣднія колебанія посѣтительницы. Было рѣшено, что если мистриссъ Оливеръ дастъ благопріятный отвѣтъ на телеграмму, которую пошлютъ ей въ тотъ же вечеръ, то Ефимова, какъ звали даму, черезъ три недѣли уѣдетъ, подъ видомъ леченья въ Ниццѣ, прямо въ Бостонъ.

На слѣдующій день у Эленъ выдался отдыхъ, и она могла, наконецъ, поѣхать на новое приглашеніе баронессы. Прибывъ къ обѣду, она застала уже въ сборѣ: сіятельнаго претендента на руку Лидіи Андреевны, Равенсбурга, Артемьева и молодую даму, кузину хозяйки дома, которая поселилась у нея на нѣсколько недѣль съ двумя дѣтьми. Шестилѣтній мальчикъ страдалъ болѣзнью глазъ и долженъ былъ лечиться у извѣстнаго окулиста, а четырехлѣтняя дѣвочка была очаровательна. Она весело играла съ Владиміромъ Александровичемъ, когда вошла Эленъ.

Видъ этихъ пріятельскихъ отношеній между ребенкомъ и ея отцомъ взволновалъ Эленъ. Острое, горькое и почти ненавистное чувство сдавило ея сердце и покрыло ея свѣжее лицо внезапною блѣдностью. Но, встрѣтивъ мрачный и пытливый взглядъ барона, она тотчасъ же овладѣла собой и поспѣшила весело вмѣшаться въ разговоръ, чего можетъ быть и не сдѣлала бы при иныхъ обстоятельствахъ.

Артемьевъ тотчасъ же подошелъ къ ней поздороваться. Онъ

не замѣтилъ передъ тѣмъ ея волненія, но обратилъ вниманіе на ея блѣдность. Сѣвъ рядомъ, онъ лукаво сказалъ:

— Какъ вы еще блѣдны и утомлены, миссъ Рутерфордъ. Это послѣ той лекціи, гдѣ вы такъ жестоко съ нами обошлись. Очевидно, тяжелая обязанность—обдирать за-живо кожу съ половины человѣческаго рода, и вы все еще не можете оправиться послѣ этой операціи.

— Но если всѣ ободранные, какъ вы говорите, мужчины чувствуютъ себя такъ же хорошо, какъ вы съ барономъ, то я напрасно тратила силы. Впрочемъ, успокойтесь! «Цари творенія» не при чемъ въ моей усталости и блѣдности. Виной этому безчисленныя посѣтительницы, и огромная переписка, которую я вела за послѣдніе дни.

— Ай! Изъ огня, да—въ полымя!—сказалъ Артемьевъ.—Отъ души жалѣю васъ, миссъ Рутерфордъ! Вы не только защищаете заранѣе проигранное дѣло, но еще берете на свою совѣсть вереницу разбитыхъ жизней, самоубійствъ, разводовъ и разошедшихся свадебъ, не считая уже обременительнаго труда, какъ выслушиваніе безчисленныхъ исповѣдей. Право, послушайтесь дружескаго совѣта и откажитесь отъ напрасной борьбы, такъ какъ мы всегда были и будемъ сильнѣе. Сдайтесь, положите оружіе и выбирайте себѣ въ рабы какого-нибудь презрѣннаго «адама», котораго вы обратите въ свою вѣру, а сыновей его воспитаете достойными мистера Броуна.

Эленъ такъ весело расхохоталась, что заразила веселостью собесѣдниковъ, но затѣмъ покачала головой и прибавила:

— Я думаю, ни одинъ благоразумный «адамъ» не пожелаетъ имѣть меня женой. Я такъ мало приготовлена обожать какого-либо властелина, потакать его слабостямъ, сносить его капризы и повиноваться ему, что мы ссорились бы съ утра до вечера.

— О! Не бойтесь ничего подобнаго и только выберите. Каждый «адамъ» съ радостью попытается внушить вамъ уваженіе и поклоненіе себѣ. Подумайте только, какъ это будетъ ново и интересно для васъ повиноваться кому-нибудь!—горячо замѣтилъ баронъ, восторженно глядя на ея оживленное лицо и большіе глаза, блестѣвшіе лукавымъ задоромъ.

При его послѣднихъ словахъ, Эленъ презрительно усмѣхнулась.

— Воображаю, какъ это будетъ занимательно! Съ моимъ ха-

рактеромъ мнѣ пришлось бы, рано или поздно, «путешествовать» для успокоенія нервовъ.

— Какъ такъ? Я не понимаю васъ,—сказалъ баронъ.

— А между тѣмъ это очень ясно. Я отъ природы весьма ревнива и не признаю за мужчинами никакихъ привилегій: а потому, если бы мой мужъ посмѣлъ измѣнить мнѣ, я задушила бы его, какъ и вы задушили свою жену. Затѣмъ, мнѣ предстояло бы развлекаться путешествіемъ, чтобы разсѣяться послѣ столь тяжелаго приключенія,—возразила Эленъ съ улыбкой, глядя на смущеннаго собесѣдника.

Лакей, доложившій, что поданъ обѣдъ, прервалъ этотъ разговоръ, сдѣлавшійся потомъ общимъ. Послѣ обѣда всѣ перешли въ будуаръ баронессы и разбились на маленькія группы. Евгеній Павловичъ снова очутился около Эленъ, къ которой его влекло чувство, становившееся все болѣе и болѣе властнымъ.

Разговоръ снова зашелъ о лекціи Эленъ и о рефератѣ, который собирался прочесть на слѣдовавшей недѣлѣ мистеръ Броунъ. Затѣмъ, баронъ заявилъ, что онъ ознакомился съ брошюрой миссъ Рутерфордъ: «Долой мужское иго»! и сталъ по пунктамъ разбирать поставленные авторомъ тезисы.

— Прежде всего, оспариваю то, что вы говорите о сотвореніи женщины. Не Ева была сотворена для Адама, и по его просьбѣ, а наоборотъ, Господъ создалъ Адама, чтобы избавиться отъ приставаній женщины!—весело вскричалъ баронъ.

— Скажите, пожалуйста! Вотъ — открытіе, къ которому всѣ христіанскія церкви отнесутся весьма враждебно. Я хочу только избавиться отъ владычества мужчинъ, а вы—вы покушаетесь ниспровергнуть священныя преданія.—возразила, смѣясь, Эленъ.

— Я пытаюсь только исправить ихъ. Нельзя не признать, что никто не присутствовалъ въ раю при сотвореніи человѣка; а разсказъ первородной четы могъ быть искаженъ въ теченіе вѣковъ. Чтобы попытаться возстановить истину, надо вернуться къ самому источнику. Между тѣмъ, современные ученые утверждаютъ, что повѣствованіе о сотвореніи міра происходитъ изъ Индіи.

— Богословы отвергаютъ это.

— Отвергать, не значитъ еще доказать что либо. Такъ какъ я нашелъ въ одной индусской легендѣ необыкновенно правдоподобный разсказъ о сотвореніи нашихъ прародителей, то и считаю его за правдивую передачу факта, пока не будетъ убѣдительно доказано противное.

— И эта легенда утверждаетъ, что Адамъ былъ созданъ для удовольствія Евы?

— Именно. Если позволите, я прочту вамъ эту легенду. Правдивость ея прямо бросается въ глаза.

— Внимательно васъ слушаю.

Баронъ досталъ изъ кармана тоненькую печатную тетрадку, оказавшуюся нумеромъ журнала, и приготовился уже начать, когда баронесса Надлеръ освѣдомилась, что онъ собирается читать?

— Совершенно новое открытіе о сотвореніи первыхъ людей.— отвѣтила со смѣхомъ Эленъ.

— О! Въ такомъ случаѣ мы тоже послушаемъ!—заинтересовалась баронесса.

Когда всѣ подсѣли ближе, баронъ развернулъ листъ и прочелъ:

«СОТВОРЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ».

(Индусская легенда).

«Однажды, всемогущій Магадэва спустился на землю, чтобы полюбоваться прекраснѣйшимъ изъ созданій своихъ — Индіей. Легкій, благоухающій вѣтерокъ сопровождалъ полетъ бога; гордыя пальмы склоняли передъ нимъ свои пышныя маковки, и куда ни падалъ взоръ Магадэвы, всюду зарождались и расцвѣтали бѣлыя лиліи, нѣжныя и благоухающія.

«Магадэва сорвалъ одинъ изъ цвѣтковъ и бросилъ его въ море.

«Вѣтеръ всколыхнулъ лазурныя воды, а волны покрыли чудную лилію серебристой пѣной, и мгновенно изъ цвѣтка возникла женщина. Она была нѣжна и ароматна, какъ лилія, легка—какъ дуновеніе зефира, подвижна—какъ волны, бѣла и блестяща—какъ пѣна морская, но, какъ море — коварна и непостоянна.

«Прежде всего, женщина посмотрѣла на себя въ хрустальную воду и воскликнула:

«—О! Какъ я красива!

«Затѣмъ, она оглядѣлась кругомъ и прибавила:

«—Какъ прекрасенъ міръ!

«Послѣ этого, она вышла совершенно сухою изъ воды и поднялась на берегъ. При видѣ ея распустились на землѣ цвѣты, и съ небеснаго свода милліарды восхищенныхъ взглядовъ смотрѣли на новое твореніе Магадэвы. Въ эту минуту на темной лазури неба зажглись звѣзды. Венера вспыхнула отъ зависти и съ той поры сіяетъ ярче другихъ планетъ.

«Восхищенная женщина гуляла по лугамъ, усѣяннымъ цвѣ-

тами, и по тѣнистымъ лѣсамъ. любуясь всѣмъ, что видѣла. Но окружавшая тишина скоро ей надоѣла и она воскликнула:

«—О, всемогущій Магадэва! Ты создалъ меня прекрасной; отчего же вокругъ меня все пусто и тихо, и нѣтъ никого, кто бы выразилъ мнѣ свое восхищеніе?

«Услышавъ ея жалобу. Магадэва создалъ безчисленныхъ птицъ, которыя наперерывъ воспѣвали обаятельную красоту женщины. А та сіяла и улыбалась, слушая хвалебные гимны, разносившіеся въ пространствѣ. Но не прошло и дня, какъ ей все это наскучило.

«—О, всемогущій Магадэва!—взывала вновь она.—Что мнѣ въ томъ, что птицы воспѣваютъ мои прелести, когда нѣтъ никого, кто бы обнялъ меня и нѣжно приласкалъ!

«Тогда Магадэва создалъ красивую змѣйку, которая обвила женщину, и ползала у ея ногъ.

Полдня женщина была довольна, но затѣмъ снова начала ворчать:

«— Если бы я была дѣйствительно такъ прекрасна, какъ утверждаютъ, то всѣ старались бы подражать мнѣ. Видно, мнѣ многаго не хватаетъ до совершенной красоты.

«Чтобы удовлетворить и это желаніе, Магадэва создалъ обезьяну, которая подражала всякому жесту, всякому движенію женщины. къ великому ея удовольствію. Но не прошло и шести часовъ, какъ она соскучилась.

«— Я красавица, всѣ наперерывъ воспѣваютъ меня. ласкаютъ, обнимаютъ и пресмыкаются у моихъ ногъ. мнѣ подражаютъ, дивятся и завидуютъ. Я начинаю бояться. Гдѣ же у меня защитникъ. если кто-нибудь изъ зависти обидитъ меня или захочетъ мнѣ повредить?—съ отчаяніемъ вздохнула она.

«Магодэва призналъ такой страхъ вполнѣ естественнымъ и сотворилъ могучаго льва. которому поручилъ охранять и защищать женщину.

«Только три часа была она довольна своимъ тѣлохранителемъ, а затѣмъ опять затосковала и даже заплакала.

«— Ну да, я красива! Всѣ восхищаются мною и обожаютъ меня. но сама я никого не люблю. Не могу же я любить этого страшнаго льва!

«Не успѣла она договорить. какъ увидѣла хорошенькую собачку. которая стала ласкаться къ ней.

«— О, какое очаровательное животное!—воскликнула женщина, беря собачку на руки и гладя ее.

«Теперь у нея было все, и просить больше было не о чемъ. Но это-то именно и разсердило женщину.

«Чтобы сорвать свою злость, она прибила собачку, которая съ визгомъ убѣжала, пнула ногой льва, который важно удалился, и наступила на хвостъ змѣи, которая юркнула въ траву и скрылась. Видя все это, обезьяна благоразумно ускакала. а птицы разлетѣлись. Женщина осталась одна...

«— Что я за несчастная!—вскричала она, ломая въ отчаяніи руки и заливаясь слезами.—Меня ласкаютъ и хвалятъ, когда я весела; но, какъ только мое настроеніе духа портится, всѣ бросаютъ меня, бѣгутъ и знать меня не хотятъ. О, всемогущій Магадэва! Умоляю тебя, услышь мою послѣднюю просьбу и исполни ее. Дай мнѣ существо, на которое я всегда могла бы изливать свой гнѣвъ, которое не бросало бы меня, не смотря на всѣ мои капризы, и было бы обязано терпѣливо сносить всѣ мои прихоти и требованія.

«Глубоко задумался всесильный Магадэва... и далъ ей мужа».

Общій смѣхъ покрылъ конецъ чтенія, а вслѣдъ затѣмъ завязался споръ. Одни защищали авторитетъ Библіи, другіе—большую вѣроятность индусской легенды. Живая тема вызвала массу остротъ и колкихъ намековъ.

Послѣ чая. Эленъ вернулась домой въ отличномъ расположеніи духа.

На слѣдующее утро, когда она позавтракала и уже готовилась выйти за покупками изъ дому, ей подали записку слѣдующаго содержанія:

«Ради Бога, удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ для разговора.

«Инна Андріанова».

Эленъ знала молодую дѣвушку, такъ какъ встрѣчалась съ ней у баронессы Надлеръ и еще въ знакомомъ домѣ. Вспомнивъ, что та помолвлена, она была крайне удивлена. Но такъ какъ Инна внушала ей большую симпатію, то она тотчасъ же прошла въ пріемную и приказала пригласить ее.

Блѣдная, съ покраснѣвшими и распухшими глазами, вбѣжала въ комнату Инна, схватила руки Эленъ и судорожно пожала ихъ; она такъ разволновалась, что въ первую минуту тщетно пыталась говорить.

— Успокойтесь, дорогая Инна! Скажите мнѣ, что доставило

мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя,—дружески сказала Эленъ, усаживая гостью.

— Я вырвалась изъ дому подъ предлогомъ, что иду въ церковь, и пришла къ вамъ же, миссъ Рутерфордъ, за помощью и совѣтомъ,— пробормотала Инна, стараясь подавить свое волненіе.—Видите-ли въ чемъ дѣло: въ будущій четвергъ назначена моя свадьба, а между тѣмъ, я хочу взять назадъ свое слово, такъ какъ убѣждена въ душѣ, что буду очень несчастна.

— Вы, слѣдовательно, не любите вашего жениха?

— Нѣтъ, я еще люблю его. Онъ—очень красивъ и бываетъ обворожителенъ, если захочетъ. Когда онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я была очень счастлива; но вотъ уже три недѣли, какъ я—невѣста, и съ каждымъ днемъ начинаю все больше и больше разочаровываться. Когда мы остаемся вдвоемъ, онъ становится удивительно холоденъ и скученъ; всегда находятся разныя препятствія, удерживающія его вдали отъ меня, и я начинаю подозрѣвать, что онъ нарочно выдумываетъ предлоги, чтобы развлекаться гдѣ-нибудь на сторонѣ. Наконецъ, я получаю анонимныя письма, въ которыхъ описываются разные ужасы, безнравственная жизнь и скандальныя связи Николая Львовича. Но если таковъ онъ уже теперь, то что же будетъ послѣ? Какая судьба ждетъ меня? Вчера я не могла сдержаться. Я видѣла, что онъ весь вечеръ ухаживалъ и переглядывался съ нашей знакомой дамой. Поэтому, когда она уѣхала, я прямо поставила ему вопросъ: любитъ онъ меня или нѣтъ? Посмотрѣли бы вы, какимъ удивленнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ онъ окинулъ меня! Затѣмъ, онъ отвѣтилъ холодно и небрежно:

«— Ради самого неба, Инна, не впадайте въ сентиментальность! Откровенно скажу вамъ: это ужасно скучно, особенно когда мы будемъ повѣнчаны. Кромѣ того, позволю себѣ замѣтить еще, что дѣло — лучше самыхъ прекрасныхъ словъ. Я женюсь на васъ, а слѣдовательно, даю вполнѣ безспорное доказательство моей любви къ вамъ».

— И что-то такое въ его голосѣ и взглядѣ невыразимо оскорбило меня. Видя, что онъ посматриваетъ на часы, собираясь поскорѣе исчезнуть, мнѣ хотѣлось крикнуть ему: Не хочу тебя! Ищи себѣ другую, менѣе сентиментальную жену.

— Но если таково положеніе, то отчего вы не довѣрите своей матушкѣ ваше желаніе порвать это обязательство? Она лучше устроила бы все это,—замѣтила Эленъ.

— Мамаша? Никогда! Когда я сказала ей, что не хочу вы-

ходить замужъ за Николая Львовича, она пришла въ страшный гнѣвъ! «Ты что, взбѣсилась или поглупѣла, если хочешь отказаться отъ такой блестящей партіи, которой завидуютъ всѣ твои подруги! И затѣвать подобный скандалъ за нѣсколько дней до свадьбы, когда приглашенія уже разосланы, а приданое готово, до подвѣнечнаго платья включительно»! О! какую сцену она мнѣ устроила. Нѣтъ, нѣтъ, на мамашу я не могу разсчитывать. Я надѣюсь только на вашу помощь и совѣтъ, такъ какъ ваша лекція уже раскрыла мнѣ глаза и внушила къ вамъ такую любовь и такое довѣріе, что я не въ состояніи даже выразить это словами.

Обвивъ вдругъ шею Эленъ, Инна прижалась головой къ ея плечу и залилась слезами.

Миссъ Рутерфордъ нѣжно поцѣловала ее, а затѣмъ стала утѣшать и осторожно разспрашивать, съ цѣлью узнать, сколько таится въ этой душѣ энергіи и степень ея развитія; словомъ, она хотѣла знать, какимъ матеріаломъ располагаетъ она, чтобы отважиться вступить въ борьбу и создать себѣ независимое положеніе. Но каждый отвѣтъ Инны доказывалъ, что молодая дѣвушка—безхарактерная, боязливая, восторженная, невѣжественная и лѣнивая,—была неспособна къ серьезной борьбѣ и необходимой настойчивости; а затѣмъ, по всей вѣроятности, она будетъ горько сожалѣть о своемъ крайнемъ рѣшеніи, принятомъ въ минуту возбужденія, и сама же еще обвинитъ Эленъ въ томъ, что она побудила ее разбить себѣ жизнь и отказаться отъ унылаго, но почетнаго и удобнаго будущаго, какое обезпечивало замужество.

Смѣлая американка вздохнула и съ глубокимъ участіемъ посмотрѣла на опущенную головку своей собесѣдницы: мнѣніе ея созрѣло. Чтобы эта вспышка, похожая на блуждающій огонекъ и на минуту лишь озарившая душу Инны, могла разгорѣться въ костеръ, который пробудитъ ея силы и закалитъ энергію, она должна прежде испить до дна горькую чашу разочарованій, пройти сквозь суровыя жизненныя испытанія и, послѣ борьбы, возродиться сознательной и энергичной женщиной, способной стряхнуть «ветхаго человѣка», чтобы начать новую жизнь.

— Благодарю васъ, дорогая Инна, за выказанное мнѣ довѣріе, которое обязываетъ меня къ полной откровенности. Но совѣсть не позволяетъ мнѣ совѣтывать вамъ принять какое-нибудь смѣлое рѣшеніе, о которомъ вы можетъ быть, пожалѣете послѣ, и увлечь васъ на иной путь, къ которому вы вовсе неподготовлены. Кромѣ того, вы слишкомъ молоды, чтобы рисковать разрывомъ со всѣмъ

вашимъ семействомъ; дочерняя же покорность предписываетъ вамъ согласоваться съ совѣтами вашей матушки.

— Но если у меня такія зловѣщія предчувствія!—пробормотала Инна.

— Не поддавайтесь имъ, хотя и въ нихъ есть доля хорошаго, такъ какъ они предохраняютъ отъ рокового ослѣпленія и указываютъ вамъ, что идете вы не на пиршество, а готовитесь принять на себя тяжелыя обязанности,—серьезно отвѣтила Эленъ.— Danger connu est à moitié évité *). Если вы сознаете, что полное безоблачное счастье не свалится вамъ въ ротъ, какъ готовая конфетка, то, можетъ быть, вамъ удастся пріобрѣсть это счастье въ силу такта, терпѣнія и благоразумнаго спокойствія.

Молодость проходитъ, всѣ развлеченія рано или поздно надоѣдаютъ и утомляютъ, и самый разнузданный повѣса начинаетъ, подъ конецъ, цѣнить пріятный покой семейнаго очага. И такъ, дорогая Инна, будьте покойны, мужественны и терпѣливы — и, можетъ быть, все устроится лучше, чѣмъ вы ожидаете. Мало-по-малу, вы пріобрѣтете сердце и уваженіе вашего мужа, и тогда ваше супружеское счастье создастся на единственномъ прочномъ и истинномъ основаніи.

По мѣрѣ того, какъ говорила Эленъ, лицо Инны прояснялось. Довѣріе и надежда свѣтились въ ея красивыхъ, по-дѣтски ясныхъ и невинныхъ глазкахъ.

— О, миссъ Эленъ, какъ вы добры и умны. Я свято послѣдую каждому вашему совѣту. Если бы вы пожелали быть моимъ другомъ, позволили мнѣ писать вамъ и высказывать вамъ все, если бы вы согласились руководить мною и быть моей поддержкой, когда моя жизнь окажется слишкомъ тяжелой! Я чувствую себя такой несчастной!

— Обѣщаю вамъ это, Инна! Мы будемъ переписываться. Если все вамъ опротивѣетъ и вы окажетесь не въ состояніи выносить больше совмѣстную жизнь, обращайтесь прямо ко мнѣ. Я помогу вамъ уѣхать въ Америку, буду вашей сестрой, а наша община вѣрнымъ убѣжищемъ. Вамъ не надо будетъ ничего вносить за себя, если васъ смущаетъ денежный вопросъ. Я богата, никогда не выйду замужъ и буду счастлива устроить въ нашей общинѣ пріятельницу, которую уже считаю сестрой. И такъ, дорогая Инна, вступайте въ

*) Кто знаетъ опасность, тотъ наполовину избѣжалъ ее.

новую жизнь безъ иллюзій, но не падайте и духомъ, такъ какъ у васъ всегда будетъ выходъ.

Сіяющая, полная надеждъ и добрыхъ, почти столь же восторженныхъ рѣшеній, на сколько прежнія были мрачны, Инна уѣхала домой, горячо простившись съ новой подругой.

На слѣдующій день, къ великому удивленію Эленъ, пріѣхала Анна Ивановна Андріанова и пригласила ее съ Нелли къ себѣ обѣдать. Пожимая руку молодой дѣвушки, она затѣмъ прибавила:

— Помимо желанія видѣть васъ у себя, дорогая миссъ Рутерфордъ, я хотѣла выразить вамъ свою признательность за благотворное вліяніе, оказанное вами на мою дочь, которая положительно преобразилась и вчера вечеромъ отлично держала себя съ женихомъ. Всѣмъ этимъ мы обязаны вамъ. Переданный Инночкой вашъ разговоръ убѣдилъ меня, что вы, дѣйствительно, выдающаяся женщина, а не ослѣпленная фанатичка своего дѣла, и что вы умѣете приноравливать ваши убѣжденія къ лицамъ, которыя къ вамъ обращаются. Вы поняли, что Инна не способна ни къ чему, кромѣ замужества. Повторяю, я безконечно благодарна вамъ, что вы не воспользовались ея возбужденіемъ, чтобы сдѣлать изъ нея громкую рекламу «Раю безъ Адама».

— Право, я не заслуживаю вашихъ похвалъ. Поступая такъ, а не иначе, я согласовалась только съ уставомъ моей общины. Наша цѣль — поддерживать женщинъ въ ихъ стремленіи создать себѣ умственную и матеріальную независимость, а не увлекать ихъ насильно на этотъ путь,—съ легкой улыбкой возразила Эленъ.

— О! Заурядная вербовщица прозелитокъ иначе бы истолковала вашъ уставъ. Впрочемъ, въ основѣ, я съ вами согласна: замужество далеко не р а й. Въ молодости я сама пережила цѣлый адъ, и хорошо знаю, что Инну въ супружеской жизни ожидаетъ много огорченій, но... дѣлать нечего: она должна поступать такъ же, какъ и множество другихъ.

— Однако, если вы предвидите для вашей дочери грустную судьбу, развѣ вамъ не страшно и не жалко самой обречь ее на эти непріятности?

— И да, и нѣтъ! Я глубоко сожалѣю, что Инну ожидаетъ борьба и горе. Тяжела — школа, которую ей нужно пройти, чтобы приспособиться къ нраву своего мужа; но я надѣюсь, что слѣдуя вашимъ совѣтамъ, ей удастся создать сносное существованіе. Женщины сами виноваты въ крушеніи своей жизни, такъ какъ нѣтъ человѣка безъ слабостей, а другой можетъ воспользоваться ими,

чтобы влiять на него. Что же касается того, чтобы позволить Иннѣ отказать жениху, ради удовлетворенiя ея фантазiи, я никогда не сдѣлала бы этого. Всѣ мы рабы предразсудковъ, а она — какъ и другiе. Если въ семнадцать лѣтъ она смотритъ равнодушно на возможность остаться старой дѣвой, то въ тридцать она будетъ думать иначе, и меня же упрекнетъ за то, что я уступила ея капризу. У васъ, въ Америкѣ, совсѣмъ иныя условiя. Напримѣръ, вы, миссъ Рутерфордъ, въ двадцать лѣтъ вполнѣ развитая, самостоятельная дѣвушка, докторъ правъ и, словомъ, независимая женщина. Вы всегда сумѣете создать себѣ положенiе въ жизни, но такой результатъ требуетъ и соотвѣтствующаго воспитанiя; насъ же воспитывали только для того, чтобы выдать замужъ, и... до установленiя новаго порядка, мы должны мириться, какъ съ преимуществами, такъ и съ непрiятностями супружескаго ига.

Эленъ съ улыбкой признавала, что Андрiанова права. Онѣ поговорили еще объ Иннѣ и ея характерѣ, а затѣмъ разстались въ самыхъ лучшихъ отношенiяхъ.

За обѣдомъ, кромѣ семьи жениха, присутствовалъ только Равенсбургъ и открыто ухаживалъ за прекрасной проповѣдницей женской независимости, а та принимала ухаживанiя его лукаво и насмѣшливо, что сердило и раздражало влюбленнаго барона.

Послѣ обѣда, когда пили кофе въ маленькой гостиной, Инна, съ обожанiемъ относившаяся къ миссъ Рутерфордъ, стала умолять ее, чтобы она прiѣхала къ ней на свадьбу. Эленъ отказалась, со смѣхомъ сказавъ, что присутствiе на свадьбѣ проповѣдницы «Рая безъ Адама было бы крайне смѣшно и неумѣстно. Но Андрiанова присоединилась къ просьбѣ дочери, а баронъ поддержалъ ихъ, замѣтивъ:

— Прiѣзжайте! Вы не можете себѣ представить, какъ величественна и красива брачная церемонiя по православному обряду! Я приглашенъ шаферомъ, и буду въ восхищенiи видѣть васъ въ бѣломъ. Этотъ цвѣтъ долженъ необыкновенно къ вамъ идти, — прибавилъ онъ, съ восторженнымъ взглядомъ.

— Вы будете шаферомъ? Въ чемъ же состоитъ ваша обязанность?

— Держать вѣнецъ надъ головой невѣсты.

— Терновый вѣнецъ? Да, это имѣетъ большое символическое значенiе.

Всѣ посмѣялись, а баронъ сказалъ многозначительно:

— Не глумитесь, миссъ Рутерфордъ, чтобы богъ любви не

отомстилъ вамъ за ваши насмѣшки, не подчинилъ васъ своей власти и не заставилъ васъ съ радостью надѣть такой же «терновый вѣнецъ». О! Какъ вы будете очаровательны въ тотъ день! Я думаю, что въ подвѣнечномъ платьѣ вы можете хоть святого соблазнить.

Баронъ наклонился и страстно взглянулъ ей въ глаза, а она покраснѣла и потупилась.

— Я не знала, что вы поэтъ, баронъ! Впрочемъ, ваше желанiе видѣть меня въ бѣломъ я могу удовлетворить. Такъ какъ милая Инна и ея уважаемая матушка желаютъ, чтобы я присутствовала на свадьбѣ, то я прiѣду, а для такихъ торжественныхъ случаевъ нашъ уставъ предписываетъ бѣлое платье. Что же касается мести Амура, то я его не боюсь. Вѣдь онъ — мужского пола, а мужчинамъ входъ въ «Рай безъ Адама» строжайше воспрещенъ.

— Будущее покажетъ, кто изъ насъ правъ. Прiѣзжайте только, и кто знаетъ? Можетъ быть вамъ понравится блестящiй обрядъ, и вы сами пожелаете быть героиней подобнаго рода.

Эленъ покачала головой.

— Kurz ist der Wahn und lang die Reue *), — насмѣшливо процитировала она стихи Шиллера. — Померанцовые цвѣты скоро вянутъ; а когда опадутъ лепестки и листья, то сухiя вѣтки дѣлаются очень похожи на украшенiе, растущее на головѣ оленя.

— Въ этомъ отношенiи рискъ обоюдный. Жена, какъ и мужъ, могутъ взаимно награждать другъ друга убранствомъ подобнаго рода, — возразилъ баронъ.

Дальнѣйшiе дни были очень оживлены. Эленъ много выѣзжала въ свѣтъ, такъ какъ со времени ея лекцiи она вошла «въ моду» и всѣ наперерывъ приглашали ее къ себѣ. Однако, чаще всего она бывала у баронессы Надлеръ и у Андрiановыхъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ домѣ, она почти всегда встрѣчалась съ Артемьевымъ.

Движимый чувствомъ, не понятнымъ ему самому, Владимiръ Александровичъ искалъ общества или даже просто встрѣчъ съ молодой американкой. Когда онъ замѣчалъ, что та блѣднѣетъ и смущается подъ его взглядомъ, гордое самодовольство наполняло его сердце. Что почувствовалъ бы онъ, если бы зналъ истинную причину волненiя молодой дѣвушки.

Эти почти ежедневныя встрѣчи дѣйствовали раздражающе на Эленъ. При видѣ Артемьева, ею овладѣвала лихорадочная тревога, а

*) Краткая мечта и долгое раскаянiе.

въ памяти съ болѣзненною ясностью вставали сцены дѣтства: то ея игры съ отцомъ, который осыпалъ ее ласками и, казалось, очень любилъ, то ея печальная и строгая жизнь въ убѣжищѣ, среди покинутыхъ дѣтей. При видѣ человѣка, близкаго ей по крови и, въ то же время, остававшагося чужимъ, горькое чувство сжимало ей сердце и взглядъ ея омрачался.

Однажды вечеромъ, Артемьевъ игралъ, по обыкновенію, у баронессы Надлеръ съ маленькой Лёлей, дочерью гостившей родственницы. Вдоволь набѣгавшись и наигравшись въ мячъ, Владиміръ Александровичъ посадилъ дѣвочку къ себѣ на колѣни и слушалъ ея веселый лепетъ.

Наблюдавшая за нимъ Эленъ, съ непріятнымъ волненіемъ, о которомъ мы говорили, подмѣтила вдругъ странное выраженіе, съ которымъ Артемьевъ смотрѣлъ на оживленное личико ребенка; горькая тоска проглядывала въ складкахъ его рта и туманила взглядъ. Сердце Эленъ усиленно забилось. Значитъ, въ суетной и себялюбивой душѣ этого кутилы все еще жила нѣжная память о чемъ-то, и ея образъ вызывалъ это смѣшанное съ горечью воспоминаніе. Да, она одна понимала, что значило волненіе Артемьева, и вдругъ ею овладѣло безумное желаніе броситься въ его объятія и крикнуть: «Я—твоя дочь! Мнѣ принадлежатъ ласки, которыя ты расточаешь чужой! Верни мнѣ часть любви, на которую я имѣю право!»

Словно подъ вліяніемъ таинственнаго невидимаго тока, Артемьевъ поднялъ въ эту минуту голову и взглянулъ на Эленъ. Губы ея нервно дрожали, а холодный и враждебный обыкновенно взглядъ, свѣтился такимъ невыразимо нѣжнымъ, дѣтскимъ, чистымъ и любящимъ выраженіемъ, что тотчасъ же вызвалъ у Владиміра Александровича воспоминаніе о кудрявой головкѣ, съ розовыми щечками и голубыми глазами, которая много лѣтъ тому назадъ смотрѣла на него такимъ же яснымъ взглядомъ, полнымъ простодушной привязанности.

Артемьевъ вздрогнулъ и почти съ ужасомъ смотрѣлъ на молодую американку. Но та уже овладѣла собой и выпрямилась съ равнодушнымъ видомъ. Вслѣдствіе сильнаго напряженія воли и быстрой реакціи, кровь прилила къ лицу, а на лбу выступилъ холодный потъ. Не безуміе ли было съ ея стороны, разнѣжиться отъ такихъ пустяковъ? Для него нѣтъ ни прощенія, ни забвенія. Между нею и отцомъ стоитъ блѣдная тѣнь матери и все то горькое прошлое, которое она пережила, оставшись почти круглой сиротой. Нѣтъ, она

не хочетъ запоздалой любви такого предателя, бросившаго и забывшаго ихъ! Кинуть ему въ лицо истину, насладиться его позоромъ и поздними сожалѣніями, а потомъ исчезнуть такъ же, какъ и появилась — вотъ что она желаетъ. При мысли объ этомъ часѣ мести, ее объяло чувство остраго удовлетворенія, а въ глазахъ вспыхнулъ мрачный огонь, смутившій и разстроившій Артемьева, который не спускалъ съ нея глазъ.

Эленъ задумчивой вернулась домой. Ей нужно было написать нѣсколько спѣшныхъ писемъ и приготовить текстъ для второй лекціи, но она тщетно пыталась приняться за работу. Мысли ея были далеко. Вспоминалась ей вечерняя сцена и открытіе, что ея образъ еще живетъ въ сердцѣ Артемьева—и тогда тоскливая грусть овладѣвала ею. Затѣмъ, она стала думать объ утреннемъ разговорѣ съ Инной и яркій румянецъ выступилъ на ея щекахъ, а странное, новое, смѣшанное чувство боязни и удовлетворенности наполнило ея душу.

Утромъ у Эленъ были дѣла въ городѣ. Пользуясь этимъ случаемъ, она и заѣхала къ Андріановой, чтобы передать той обѣщанную книгу, но застала одну Инну, которая сказала, что ея мать уѣхала присмотрѣть за послѣдними приготовленіями будущей квартиры новобрачныхъ. Инна казалась веселой и непремѣнно хотѣла увести Эленъ въ свою комнату, чтобы показать ей подвѣнечное платье. Свадьба предстояла черезъ день.

Въ спальнѣ и хорошенькомъ будуарѣ Инны былъ полнѣйшій безпорядокъ. Со стола и этажерокъ были убраны разныя бездѣлушки, со стѣнъ сняты виды и портреты, а на стульяхъ, диванѣ и даже на полу нагромождены разныя картонки, связанные тюки и большія корзины.

— Эти остатки моего приданаго увезутъ отсюда завтра,—объяснила Инна.—Ахъ! Мнѣ очень хотѣлось бы показать вамъ мои выѣздныя платья, и то, въ которомъ я буду на балу у дяди Николая, гофмейстера, но все это уже уложено. Впрочемъ, я могу еще достать пеньюаръ, который надѣну на другой день послѣ свадьбы,—въ тотъ день, когда я въ первый разъ сдѣлаюсь «*madame*». — прибавила она съ наивнымъ самодовольствомъ.

Эленъ тщательно осмотрѣла великолѣпный пеньюаръ, утопавшій въ кружевахъ, бѣлое атласное платье и другія украшенія мистическаго туалета новобрачной.

— Я съ удовольствіемъ вижу, дорогая Инна, что ваши предчувствія разсѣялись и что вы радостно дѣлаете рѣшительный

шагъ, — съ улыбкой замѣтила она, пока Инна осторожно укладывала въ картонку подвѣнечный нарядъ.

Личико Инны тотчасъ же сдѣлалось серьезнымъ. Отведя Эленъ на диванъ, она нѣжно обняла ее.

— Если я стала спокойнѣе и съ нѣкоторой надеждой смотрю на будущее, то всѣмъ этимъ я обязана вамъ. Ваши справедливыя и умныя слова возстановили мое душевное равновѣсіе. Тогда какъ болтовня моихъ, такъ называемыхъ, подругъ, предсказывавшихъ мнѣ всевозможныя бѣды и нашептывавшихъ мнѣ въ уши о Николаѣ невѣроятныя гадости, меня только раздражала и приводила въ отчаяніе. Между тѣмъ, обсудивъ хладнокровнѣе ихъ сплетни, я поняла, что всѣ ихъ «добрые совѣты»—на подкладкѣ недоброжелательства. Къ тому же, въ послѣднее время, Николай сдѣлался любезнѣе и предупредительнѣе ко мнѣ; онъ поздравилъ меня съ пріятной перемѣной, происшедшей въ моемъ настроеніи духа и образѣ дѣйствій. Все это доказываетъ, что я на хорошемъ пути; а кромѣ того, признаюсь, всѣ эти приготовленія, груда подарковъ, которыми осыпаютъ меня, и суета вокругъ, все это забавляетъ меня и приводитъ въ восхищеніе.

— Тѣмъ лучше! Будьте только мужественной и терпѣливой— и съ Божей помощью все пойдетъ хорошо, — ободряюще отвѣтила Эленъ.

Инна снова обняла ее и съ увлеченіемъ поцѣловала.

— О, миссъ Рутерфордъ! Если бы я могла всегда имѣть васъ подлѣ себя, совѣтоваться съ вами, повѣрять вамъ все, что будетъ мучить меня, и руководиться вашими указаніями,—я вѣрю, что все шло бы хорошо О, если бы вы совсѣмъ не уѣзжали!

— Это невозможно! Я должна — и даже скоро — вернуться въ Бостонъ, но мы будемъ переписываться. Тамъ, какъ и здѣсь, я буду вашей вѣрной пріятельницей.

— Благодарю васъ, я увѣрена въ этомъ. Но знаю я также, что есть средство удержать васъ здѣсь,—отвѣтила Инна, прижимаясь головой къ плечу Эленъ. — Существуетъ кто-то, обожающій васъ, и я убѣждена, что онъ сдѣлаетъ предложеніе до вашего отъѣзда.

Эленъ нервно вздрогнула и выпрямилась.

— Я догадываюсь, на кого вы намекаете, Инна, но, надѣюсь, что этотъ «нѣкто» будетъ настолько благоразуменъ, что избавитъ себя отъ отказа.

— Почему же бы вы ему отказали? Право, Евгеній Павловичъ вовсе не дурной человѣкъ. Я его знаю давно, и дядя Жоржъ —

его другъ и человѣкъ серьезный,—очень хвалитъ барона. Правда, онъ ведетъ немного разсѣянную жизнь; но, вѣдь, и всѣ дѣлаютъ такъ же. Кромѣ того, увѣряютъ, будто на него вредное вліяніе оказываетъ Владиміръ Александровичъ. Но близъ такой красивой и совершенной жены, какъ вы, онъ исправится, такъ какъ я навѣрное знаю, что баронъ васъ страстно любитъ.

— А я достаточно насмотрѣлась въ нашемъ убѣжищѣ на жертвы этихъ громкихъ словъ и обломки такихъ, гаснущихъ въ равнодушіи и слезахъ «великихъ» страстей», — чтобы вѣрить въ ихъ продолжительность,—съ горечью сказала Эленъ.—Кромѣ того, я не принадлежу себѣ. Вся моя жизнь и силы посвящены дѣлу, представительницей котораго я являюсь и которое не могу позорно бросить; не говоря уже о томъ, что я чувствовала бы себя въ высшей степени смѣшномъ положеніи, продѣлывая сама то, что отсовѣтываю другимъ. И такъ, оставимъ этотъ вопросъ, который вы затронули, не подумавъ.

— Нѣтъ. Мнѣ хотѣлось удержать васъ здѣсь, — сказала Инна. — Затѣмъ, какъ бы то ни было, мнѣ кажется, что жизнь безъ любви, безъ личной цѣли, должна быть страшно пуста; а въ вашемъ убѣжищѣ, среди всѣхъ этихъ разбитыхъ сердецъ или истерзанныхъ желчныхъ душъ, чувствуешь себя какъ бы подъ тяжестью кошмара.

— Это убѣжище потерпѣвшихъ крушеніе. Стараться залечить ихъ раны—задача благородная.

— Конечно, и благородная, и великая! Но достаточно ли ея, чтобы наполнить все существованіе? Ваша же жизнь не сокрушена, а вы — прекрасное и здоровое существо, въ сердцѣ котораго каждую минуту можетъ вспыхнуть любовь.

— Да, Инна. Лично, я не испытала предательства мужчинъ и никого не любила. Но я остерегаюсь этого чувства и недовѣряю ему, какъ своему злѣйшему врагу. На примѣрѣ моей матери я знаю, какія муки причиняетъ любовь и какъ страшно могущественно это чувство. Ради избранника сердца, покинула она родныхъ, богатство, все... Въ награду же за это ею пренебрегли и бросили со мной вмѣстѣ, на произволъ судьбы. Тѣмъ не менѣе, любовь пережила всѣ обиды и униженія и, въ минуту смерти, я нашла мать склоненной надъ портретомъ своего палача. Я была еще слишкомъ молода тогда, чтобы постичь это чувство; но потомъ я поняла, а дневникъ матери подтвердилъ, что ее убила тоска разлуки, и въ послѣдніе часы своей жизни, она жаждала видѣть этого человѣка, а появись онъ—она все простила бы ему.

— Да, это ужасно! Где же теперь вашъ отецъ?

— Умеръ, кажется. Для меня же, во всякомъ случаѣ, онъ мертвъ. Теперь вы понимаете, Инна, что послѣ такого примѣра я не хочу ни любви, ни замужества; тѣмъ болѣе, что мое воспитаніе и состояніе позволяютъ мнѣ оставаться свободной. Будь вы подобны мнѣ, я отсовѣтовала бы вамъ, конечно, выходить замужъ; но вы находитесь совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ, и я надѣюсь, что судьба надъ вами смилостивится.

— О! Я не очень-то предаюсь иллюзіямъ. Даже теперь ревность зачастую мучаетъ меня, и я, положительно, мѣста себѣ не нахожу видя, какъ Мюллерша строитъ Николаю глазки, или госпожа Образова такъ безсовѣстно флиртуетъ съ нимъ, что во мнѣ дрожитъ каждый фибръ. Въ глубинѣ души я боюсь, чтобы со мной не случилось, какъ съ кузиной Зизи, мужъ которой возвращается домой чаще всего на разсвѣтѣ, причемъ походитъ на привидѣніе, вышедшее изъ гроба, а не рѣдко заставляетъ ждать себя съ обѣдомъ до девяти часовъ вечера, а потомъ присылаетъ записку, что не будетъ «кушать» дома. Однажды, когда онъ вернулся домой совершенно пьяный, кузина плеснула ему въ лицо стаканъ воды, и у нихъ вышла потасовка. Когда бѣдная Зизи разсказывала мнѣ объ этомъ, у нея слезы ручьемъ лились изъ глазъ, и она хотѣла требовать развода, но мамаша и свекоръ помирили ихъ.

— И они теперь живутъ мирно?

— Да! Зизи утѣшаетъ ея двоюродный братъ, гусаръ. Она призналась, мнѣ, что тотъ безъ ума отъ нея и живетъ только для нея, а сама она такъ счастлива, что плюетъ на похожденія супруга, даже молитъ Бога, чтобы мужъ вовсе не возвращался домой.

— Фи! Какъ ей не стыдно повѣрять вамъ такія гадости! Нѣтъ, я предпочитаю «Рай безъ Адама» такому аду, полному униженія, интригъ и низкихъ страстей, позорящихъ только слово «любовь».

Объ этомъ разговорѣ и раздумывала Эленъ, а главное—о томъ, что сказала ей Инна про чувства къ ней барона и предложеніе, которое онъ вѣроятно скоро ей сдѣлаетъ. Въ памяти ея, какъ живой, возсталъ привлекательный образъ Евгенія Павловича и его горѣвшій страстью взглядъ, заставлявшій усиленно биться ея сердце отъ смѣшаннаго чувства тоски и счастья. Но Эленъ была хорошо умственно дисциплинирована, чтобы не отдаваться долго такимъ опаснымъ мечтамъ, и энергично заставила себя написать нѣсколько писемъ, а затѣмъ, помолясь, легла спать.

На слѣдующее утро, когда портниха примѣрила Эленъ платье,

которое та должна была надѣть на свадьбу Инны, въ комнату вошла Нелли и молча, но неодобрительно осмотрѣла подругу. Не смотря на мольбы Инны и на убѣжденія Эленъ, миссъ Синклэръ рѣшительно заявила, что считаетъ неприличнымъ для сестры общины «Рай безъ Адама» присутствовать на брачной церемоніи.

— Полно, Катонъ—ты! Не смотри такъ сурово,—съ улыбкой сказала Эленъ.—Надо быть немножко либеральной и понимать, что можно присутствовать на свадьбѣ, не выходя замужъ сама; точно такъ же, какъ можно сдѣлать завѣщаніе и не умереть черезъ недѣлю.

Говоря это, Эленъ сняла платье и надѣла пеньюаръ. Затѣмъ, сѣвъ на диванъ, она привлекла къ себѣ пріятельницу. Нелли покачала головой.

— Не нетерпимость, а осторожность побуждаетъ меня не одобрять твою фантазію присутствовать на этой свадьбѣ. Я боюсь за тебя, Эленъ,—потому что люблю тебя;—боюсь, что нравственное волненіе заставитъ тебя только страдать. По моему мнѣнію, надо избѣгать всего, что волнуетъ наше воображеніе и раздражаетъ наши чувства. Не забывай, что мы изъяты изъ обыкновенной жизни, и всѣ эти обряды, съ ихъ свѣтской пышностью и мистической символикой, дѣйствуютъ на умъ и сердце, могутъ возбудить желанія, которыя должны оставаться похороненными, и посѣять мечты о многомъ, отъ чего мы добровольно отказались. «Плоть немощна!» А ты, Эленъ, болѣе чѣмъ кто-либо, должна остерегаться искушенія, въ виду того, что почти ежедневно на этихъ свѣтскихъ собраніяхъ сталкиваешься съ опаснымъ человѣкомъ, который питаетъ къ тебѣ сильную страсть и стережетъ тебя, какъ коршунъ—добычу. Что бы ты ни говорила, этотъ человѣкъ нравится тебѣ; поэтому, берегись его, но не довѣряй и себѣ самой. А главное, бойся предательскихъ мыслей, которыя могутъ быть опаснѣе всего остальнаго.

Эленъ опустила голову и глубокая блѣдность разлилась по ея свѣжему личику.

— Ты права, Нелли! Признаю это и буду съ этимъ сообразоваться. Въ настоящую минуту я слишкомъ далеко зашла, чтобы отступать назадъ, но впредь сдѣлаюсь домосѣдкой и постараюсь сократить наше пребываніе здѣсь.

— Дай-то Богъ! Если бы я могла, то уѣхала бы завтра. Но въ такомъ случаѣ, Эленъ, тебѣ не придется переговорить съ отцомъ, такъ какъ у тебя нѣтъ никакой возможности объясниться съ нимъ безъ свидѣтелей.

— О, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ я не уѣду, пока не брошу

правду въ лицо этому старому развратнику, воображающему, что онъ мнѣ нравится, и забывшему, что онъ можетъ имѣть дочь моихъ лѣтъ. Возможность говорить съ нимъ я должна найти, Нелли! Въ худшемъ же случаѣ, вотъ что я придумала. Черезъ двѣ недѣли баронесса Надлеръ даетъ большой костюмированный балъ; я буду на немъ и, подъ маской, могу безъ помѣхи потолковать съ моимъ достойнымъ отцомъ.

— А что, если послѣ этого разговора, онъ удержитъ тебя при себѣ, узнавъ, что ты его дочь?

— По какому праву?—презрительно спросила Эленъ.—Я не ношу его имени; я—миссъ Рутерфордъ-Арди, американская гражданка, находящаяся подъ покровительствомъ законовъ моей страны. Онъ долженъ будетъ доказывать свои законныя права, что вызоветъ страшный скандалъ, а нравственныхъ правъ у него нѣтъ никакихъ. Онъ никогда не былъ для меня истиннымъ о т ц о м ъ, никогда онъ не подумалъ даже справиться, дѣйствительно ли мы съ матерью умерли, и потребовать удостовѣренія въ нашей смерти; никогда онъ не чувствовалъ нашего отсутствія. Теперь же, открывъ, что дочь его жива, я хочу навсегда остаться для него мертвой и чужой.

— Увѣрена ли ты въ себѣ?—спросила Нелли, пытливо на нее глядя. — Вчера вечеромъ я наблюдала за нимъ пока онъ игралъ съ дѣвочкой. Удивительная нѣжность, пополамъ съ горечью, свѣтилась въ его взглядѣ, и я убѣждена, что въ ту минуту онъ думалъ, именно, о тебѣ. Впрочемъ, ты сама видѣла его. Но былъ моментъ, когда я думала даже, что ты выдашь себя, до такой степени ты поблѣднѣла и волненіе ясно читалось на твоемъ лицѣ. Останешься ли ты тверда, если онъ прямо обратится къ тебѣ со словами любви и съ мольбой о прощеніи?..

Губы Эленъ нервно дрожали и двѣ слезы заблестѣли на ея длинныхъ рѣсницахъ. Но она энергично подавила свое волненіе и выпрямилась:

— Я надѣюсь остаться твердой, потому что хочу этого. Но я знаю также, что мнѣ понадобится вся моя энергія, такъ какъ сегодня поняла, что, не смотря на все, между нами существуютъ узы, и что невѣдомая, жестокая сила толкаетъ меня къ этому человѣку, котораго я ненавижу и презираю. Видя, какъ онъ ласкалъ ребенка, я почувствовала такую горечь одиночества, какую никогда до сихъ поръ не испытывала. О, Нелли! Къ чему служитъ наша проповѣдь

противъ любви, когда въ насъ самихъ таится эта адская сила, внушающая намъ потребность любить и быть любимой.

Сердце миссъ Сенклэръ сжалось и она подумала:

— Эленъ не понимаетъ себя! Она жаждетъ не только отцовской любви, а въ ея сердцѣ пробудилась жажда другого чувства. Ахъ! Если бы мы были уже далеко отсюда, далеко отъ Мефистофеля, который погубитъ ее!..

Затѣмъ, желая отвлечь пріятельницу отъ опасныхъ мыслей, она громко сказала:

— Оставимъ пока всѣ эти жгучіе вопросы! Я пришла къ тебѣ поговорить объ очень непріятномъ случаѣ.

— Въ чемъ дѣло?

— Рѣчь идетъ о нашей камеристкѣ Арабеллѣ. Эта негодная дѣвчонка заигрываетъ въ любовь съ кучеромъ; ихъ видѣли цѣлующимися на лѣстницѣ. А такой пагубный примѣръ уже подѣйствовалъ и на Мэтъ, которая тоже бѣгаетъ изъ гардеробной все по какимъ то дѣламъ къ швейцару, еще молодому отставному гвардейцу. Подумай только, какой скандалъ для общины подобное поведеніе. Арабелла же стала дерзка и наговорила кучу дерзостей, когда мистриссъ Форестъ сдѣлала ей замѣчаніе.

— Скажите пожалуйста! Я сейчасъ же такъ отчитаю ее, что пылъ остынетъ. Я пригрожу ей исключеніемъ изъ общины или немедленной отсылкой въ Бостонъ!—вскричала Эленъ, покраснѣвъ отъ негодованія и тотчасъ же забывая свои личныя мысли.

Она позвонила и приказала позвать Арабеллу, а нѣсколько минутъ спустя, та вошла въ комнату и спокойно спросила, что угодно миссъ?

Это была высокая и красивая блондинка, лѣтъ двадцати трехъ. Она была одѣта въ черное шерстяное платье и въ бѣлый батистовый передникъ; но на ней не было чепчика, который она обязана была носить, а на груди была прикрѣплена бутоньерка съ свѣжей розой.

Эленъ осмотрѣла ее холоднымъ и суровымъ взглядомъ.

— Почему вы безъ чепчика и зачѣмъ надѣли это праздничное платье? Община дала вамъ его не для того, чтобы вы кокетничали. И что значатъ эти цвѣты? Чтобы я не видѣла ихъ больше! Кромѣ того, предупреждаю васъ, Арабелла, что если вы позволите себѣ продолжать такое легкомысленное и неприличное поведеніе, то я немедленно же отошлю васъ въ Бостонъ. Поняли вы меня? А теперь ступайте и не смѣйте показываться безъ чепчика! Это же платье

вы можете одѣвать только по воскресеньямъ или когда идете въ церковь.

Арабелла покраснѣла, но, тѣмъ не менѣе, дерзко отвѣтила:

— Должна заявить вамъ, миссъ Рутерфордъ, что очень возможно, что я никогда не вернусь въ Бостонъ, такъ какъ рѣшила выйти замужъ за Кирилла Антоновича. Онъ мнѣ нравится и сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Что же касается того, что донесла вамъ шпіонка Мэтъ, такъ это правда: я цѣловалась съ Кирилломъ, такъ какъ считаю его своимъ женихомъ.

— Право? И вы полагаете, что можете принимать рѣшенія, ни у кого не спрашивая согласія?

— Въ чьемъ согласіи я нуждаюсь? Вѣдь я совершеннолѣтняя. Что же касается общины, то она не имѣетъ права удерживать меня, если я пожелаю остаться здѣсь. Убѣжище эксплоатируетъ мой трудъ, такъ какъ я служу безъ жалованья,—сказала Арабелла, видимо дѣлаясь смѣлѣе.

— Что ни дальше, то лучше! Слышишь, Нелли? Вотъ воспитанница, дѣлающая честь общинѣ,—презрительно замѣтила Эленъ.

Но, увлекаясь все болѣе, Арабелла злобно возразила:

— Вашъ «Рай безъ Адама»—просто шутовская забава! Вся прислуга громко смѣется надъ этимъ глупымъ заведеніемъ...

Холодный и гордый взглядъ Эленъ сразу остановилъ ее.

— Съ этой минуты вы не принадлежите больше къ общинѣ и сегодня же оставите это «глупое» убѣжище, подъ кровъ котораго никогда ужъ больше не вернетесь. Я исключаю васъ за ваше постыдное поведеніе.

Арабелла поблѣднѣла, пробормотала что-то въ родѣ извиненія, а затѣмъ попросила дать ей время на размышленіе.

— Ни одного часа! Соберите свои вещи и уѣзжайте. Вашъ Кириллъ Антоновичъ можетъ помѣщать васъ, гдѣ ему будетъ угодно. Вашей же матери я напишу, что вы исключены и навсегда потеряли право вернуться въ общину, разъ вы съ такимъ позоромъ ее оставляете,—объявила Эленъ.

Вынувъ изъ стола актовый листъ съ печатью учрежденія, она вписала причины исключенія изъ общины, Арабеллы Блоодъ, прочла документъ и потребовала, чтобы виновная подписала его. Та хотѣла еще протестовать, опираясь на право требовать время для размышленія, но, подъ угрозой быть въ тотъ же день отправленной въ Бостонъ, подписала бумагу.

Два часа спустя, Арабелла оставила домъ и поселилась у тетки

Кирилла, который торжественно обѣщалъ жениться на ней. Зато Мэтъ, напуганная участью подруги, поклялась со слезами на глазахъ никогда не смотрѣть даже на швейцара и, благодаря этому обѣщанію, получила прощеніе.

— Теперь, слава Богу, порядокъ возстановленъ, но ты сама убѣдилась, какъ опасны сношенія съ «адамами»,—насмѣшливо улыбаясь, замѣтила Нелли.

IX.

Гораздо болѣе взволнованная замѣчаніемъ подруги, чѣмъ хотѣла въ томъ сознаться, одѣвалась Эленъ, чтобы ѣхать на свадьбу. Простой и строгій, на первый взглядъ, костюмъ ея былъ, тѣмъ не менѣе, очень изященъ. На ней было закрытое бѣлое шелковое платье безъ всякой отдѣлки, если не считать кружевъ у воротника и на рукавахъ, и пояса изъ широкой ленты съ длинными концами. На шею она надѣла нитку крупнаго жемчуга, отъ которой свѣшивался на грудь родъ медальона, въ формѣ сердца, украшеннаго большимъ солитеромъ и тремя жемчужными грушевидными подвѣсками.

Эту великолѣпную и дорогой цѣны вещь она получила отъ покойнаго дяди.

— Я говорилъ нѣкогда это для твоей матери,—сказалъ Крауфордъ, вручая ей подарокъ.—Носи его и да принесетъ онъ тебѣ счастье.

Молча, съ мрачнымъ видомъ, смотрѣлась Эленъ въ зеркало. Вдругъ у нея мелькнула мысль, что не хватаетъ только фаты и вѣнка, чтобы стать очаровательной невѣстой. А что если отецъ не отпуститъ ее отъ себя, то баронъ Евгеній можетъ продолжать любоваться ею...

Какъ ужаленная, вздрогнула Эленъ и отшатнулась. Что это, съ ума она сходитъ или дѣйствительно здѣшній воздухъ вреденъ ей? Затѣмъ, охваченная внезапной досадой на Нелли, она подумала:

— Это ея нелѣпыя слова такъ подѣйствовали на меня и взбудоражили мой умъ.

По волѣ отца, Эленъ была крещена въ православіе старикомъ священникомъ русскаго посольства, который вскорѣ послѣ этого умеръ; но воспитана она была въ духѣ кальвинизма, всегда посѣщала протестантскую церковь и только по желанію Викторіи не конфирмовалась.

Впервые теперь попала она въ православный храмъ. Хотя баронесса Надлеръ и собиралась показать ей Исаакіевскій соборъ, но Эленъ, подъ вліяніемъ какого-то смутнаго чувства, всегда уклонялась отъ этого.

Пріѣхавъ изъ первыхъ, она очутилась почти одна въ изящной, роскошно освѣщенной церкви. Съ любопытствомъ и волненіемъ разсматривала она золотую рѣзьбу иконостаса, высокіе серебряные свѣщники уставленные горящими восковыми свѣчами и большіе, въ серебряныхъ ризахъ, образа, строгія византійскія лики которыхъ сурово, казалось, смотрѣли на нее, изъ подъ усыпанныхъ драгоцѣнными камнями вѣнчиковъ. Вдругъ чувство грусти и горечи наполнило ея душу. Даже отъ родной вѣры оторвана она бросившимъ ее отцомъ-предателемъ. Глотая подступавшія къ горлу слезы, она опустила голову.

Уйдя въ свои думы, Эленъ не замѣтила какъ съѣзжались многочисленные гости и очнулась лишь, когда подлѣ нея раздался сдержанный голосъ:

— Отчего вы такъ печальны, миссъ Рутерфордъ? Или раскаиваетесь, что добровольно лишаете себя возможности быть героиней подобной церемоніи? Увидите, какъ она красива и торжественна, и вовсе не такъ ужасна, какъ вы предполагаете.

Эленъ сразу узнала голосъ и, нѣсколько смущенная, обернулась къ барону, но не имѣла времени отвѣтить ему, такъ какъ въ эту минуту въ толпѣ приглашенныхъ пронесся шопотъ, а пѣвчіе запѣли встрѣчу жениху. Все вниманіе ея сосредоточилось на томъ, что дѣлается вокругъ, и на женихѣ, который въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея разговаривалъ съ шаферами и двумя родственницами.

Немного спустя появилась Инна, подъ руку съ генераломъ, увѣшаннымъ орденами. Невѣста была очень блѣдна, а въ подвѣнечномъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ и закрытая фатой, она походила на опечаленнаго и боязливаго ребенка. Повидимому, юное сердечко ея трепетало передъ ожидавшей ее невѣдомой судьбой.

По мѣрѣ того, какъ свершался священный обрядъ, смущеніе и лихорадочное волненіе Эленъ все возростали. Передъ ней впервые проходило торжественное, полное мистической глубины богослуженіе, которое такъ рѣзко отличалось отъ тощаго протестанскаго культа, показавшагося жалкимъ и холоднымъ. И служба эта произвела глубокое впечатлѣніе на пылкую и впечатлительную натуру Эленъ. Чудное пѣніе хора, благоуханіе ладана, пышное облаченіе причта. зажженыя восковыя свѣчи въ рукахъ брачущихся и глубокое ве-

личіе совершавшагося акта—все это сильно дѣйствовало и нервная дрожь потрясала ее. Въ ея возбужденномъ воображеніи возставала покойная мать, которая связала себя такимъ же обрядомъ. Правда, въ маленькой церкви русскаго посольства не было столь большой толпы, но женихъ имѣлъ, несомнѣнно, такое же безстрастное и равнодушное лицо свѣтскаго человѣка, который исполняетъ необходимую формальность—и больше ничего. Въ эту минуту священникъ соединилъ руки вѣнчавшихся и трижды обвелъ ихъ вокругъ налоя, а шафера несли надъ головами жениха и невѣсты металлическіе вѣнцы. Вдругъ Эленъ замѣтила на противоположной сторонѣ церкви Артемьева. Онъ былъ блѣденъ, казался усталымъ и задумчивымъ. Не думалъ ли онъ о бѣлокурой невѣстѣ, которая довѣрчиво и съ любовью вложила нѣкогда свою руку въ его, но которую онъ затѣмъ бросилъ и забылъ?

Наконецъ, церемонія была кончена, и всѣ окружили новобрачныхъ съ поздравленіями. Затѣмъ, часть приглашенныхъ разъѣхалась, а болѣе близкіе отправились къ Андріановой, гдѣ было подано шампанское, фрукты и сласти.

Блѣдность Инны смѣнилась лихорадочнымъ румянцемъ. Съ нервною веселостью взяла она букетъ, приколотый къ поясу, раздѣлила его на части и раздала подругамъ, цѣлуя ихъ и желая имъ скоро выйти замужъ. Видя эту раздачу цвѣтовъ, Эленъ отошла въ сторону и, присѣвъ къ столу, стала перелистывать альбомъ.

Наблюдавшій за ней Равенсбургъ подошелъ къ Иннѣ и что-то шепнулъ ей на ухо, а та кивнула въ знакъ согласія. Простясь затѣмъ съ уѣзжавшими дамами, она подошла къ Эленъ, сняла свой вѣнокъ и тихо положила его на темные волосы пріятельницы, прикрѣпивъ двумя длинными шпильками.

Эленъ до такой степени была погружена въ свои думы, что ничего не замѣтила и подняла голову лишь на слова барона, торжествующе провозгласившаго:

— Взгляните! Наша прекрасная противница побѣждена! Брачный вѣнокъ украшаетъ ея главу. Роковыя чары разрушены, и самая гордая изъ Валькирій признаетъ свое назначеніе быть супругой и матерью!

Стоявшее напротивъ зеркало отражало образъ Эленъ и барона, пылавшій страстью и восторгомъ взоръ котораго точно приросъ къ молодой дѣвушкѣ.

Эленъ встала, поблѣднѣвъ, какъ надѣтое на ней платье.

— Что за неумѣстная шутка, Инна, — сказала она, нахмуривъ тонкія брови.

Снявъ вѣнокъ и положивъ его на столъ, она обратилась къ барону, враждебно взглянувъ на него:

— Чары, о которыхъ вы говорите,—неразрушимы, потому что я все таки страшусь этихъ цвѣточныхъ узъ, въ которыхъ скрываются желѣзныя цѣпи, и предпочитаю всему личную свободу. Меня воспитали въ убѣжденіи — не имѣть иного владыки, помимо самой себя, и не признавать другого закона, кромѣ собственной воли. Новобрачнымъ я желаю всѣхъ благъ, но нисколько имъ не завидую, а остаюсь вѣрна своимъ воззрѣніямъ и своей миссіи—бороться съ мужчинами и ихъ тираніей.

Баронъ поблѣднѣлъ, понявъ, что суровое возраженіе относилось непосредственно къ нему и было косвеннымъ отвѣтомъ на чувство, которое онъ открыто выказывалъ ей. Его любовь, какъ и самолюбіе, были оскорблены, тѣмъ болѣе, что онъ замѣтилъ слабую усмѣшку на лицѣ подошедшаго къ нему Артемьева. Подавивъ бушевавшую въ немъ бурю, Евгеній Павловичъ постарался принять шутливый тонъ:

— О, мы несчастные! Мы безповоротно осуждены, очаровательнѣйшей изъ дочерей Евы, несправедливой и нелогичной, какъ истая женщина, не смотря даже на дипломъ доктора правъ. Да, миссъ Рутерфордъ: несправедливо и нелогично ненавидите вы невинныхъ и отомщаете на дѣтяхъ грѣхи ихъ отцовъ.

Эленъ замѣтила его блѣдность и волненіе, и сердце ея болѣзненно сжалось. Неужели онъ дѣйствительно любитъ ее? Вдругъ у нея явилось желаніе смягчить свою суровость.

— Я не ненавижу никого и ничего не отомщаю на невинныхъ,—тихо сказала она.—Мнѣ лично одинъ только человѣкъ сдѣлалъ зло: это былъ мой отецъ, бросившій насъ съ матерью. Мать моя умерла, а я боюсь встрѣтить мужа, похожаго на моего отца, и пережить тѣ душевныя муки, которыя убили мою мать.

Эленъ повернулась и хотѣла направиться къ хозяйкѣ дома, но тутъ остановилъ ее Артемьевъ. Слова ея удивительно почему то взволновали Владиміра Александровича и онъ глухимъ голосомъ спросилъ:

— Гдѣ, въ настоящее время, вашъ отецъ, миссъ?

— Онъ умеръ, исполнивъ свое дѣло палача,—отвѣтила Эленъ, пристально смотря суровымъ и острымъ, какъ стальной клинокъ, взглядомъ въ смущенные глаза собесѣдника.

— Если не сочтете нескромностью, то позвольте спросить— кто былъ вашъ отецъ?

— Презрѣнный человѣкъ безъ совѣсти и чести, смерть котораго не оставила слѣда въ моей жизни,—отвѣтила она съ ледянымъ презрѣніемъ.

Затѣмъ, простясь съ Артемьевымъ и остальнымъ обществомъ, Эленъ уѣхала.

Мрачной и грустной вернулась она домой. Когда Нелли спросила, хорошо ли она веселилась, Эленъ отвѣтила:

— Нѣтъ! Ты была права: мнѣ не слѣдовало ѣздить на эту свадьбу. Она произвела на меня сильное впечатлѣніе и разстроила мнѣ нервы. Кромѣ того, у меня произошло что-то въ родѣ боевой стычки съ отцомъ и барономъ.

И она описала все, что случилось, а потомъ прибавила:

— Артемьеву я съ истиннымъ удовольствіемъ высказала въ лицо, что онъ—негодяй, и онъ, повидимому, былъ очень взволнованъ. Что же касается барона, то онъ такъ разгорячился, что уже собирался какъ будто сдѣлать мнѣ предложеніе, а мой отвѣтъ, кажется, больно ударилъ его по сердцу.

— Можетъ быть, онъ и дѣйствительно любитъ тебя?—задумчиво замѣтила Нелли.

— Вѣроятно, эта *великая* любовь—скорѣе всего, просто тщеславіе, желаніе восторжествовать, оторвавъ меня отъ дѣла, которое я защищаю, и доказавъ, этимъ мою женскую слабость, сдающуюся при первомъ же нападеніи. А когда эта прихоть будетъ удовлетворена, я утрачу всякую прелесть новизны и буду въ пренебреженіи, какъ и другія,—раздраженно отвѣтила Эленъ, прощаясь съ подругой.

Придя въ свою комнату, она легла въ постель, но сонъ бѣжалъ ея глазъ. Она была нервна и безпокойна, и тысячи противорѣчивыхъ мыслей роились въ ея головѣ. Образъ Равенсбурга упорно ее преслѣдовалъ, лукаво нашептывая ей искусительныя мысли и привлекая ее, какъ огонь влечетъ бабочку. Тщетно убѣждала она себя, что этотъ пресыщенный жизнью кутила любитъ ее только чувственно, и что его сердце неспособно къ истинной любви, тѣмъ не менѣе, глухая душевная борьба продолжалась и успокоеніе не приходило. Не просыпался ли то инстинктъ, необходимость любить и быть любимой—этотъ змѣй-искуситель, губящій женщину и глядѣвшій теперь на нее жгучими глазами того человѣка? Да, рѣшительно здѣш-

ній воздухъ вреденъ ей. Надо бѣжать, пока еще есть время, пока ядъ не отравилъ ея душу.

Съ врожденной энергіей, Эленъ быстро рѣшилась. Она ограничится всего лишь одной лекціей, съ назначеніемъ которой поспѣшитъ, и тотчасъ же послѣ костюмированнаго бала уѣдетъ изъ Петербурга. Завтра же переговоритъ она съ мистриссъ Форестъ, и онѣ обсудятъ необходимыя мѣры къ ускоренію отъѣзда. Успокоенная этимъ рѣшеніемъ, она наконецъ заснула.

Бѣдная Эленъ—нѣжный, но гордый докторъ правъ и философіи,—забыла только спросить себя: можно ли бѣжать отъ судьбы?.. Слѣпымъ людямъ думается, что они управляютъ ею; а она—безстрастная и глумливая,—приводитъ въ дѣйствіе сокровенные законы, неуловимые токи, властныя влеченія забытаго прошлаго, и люди послушно стремятся по предначертанному пути, цѣль котораго—восхожденіе души въ невѣдомыя области. Убогое человѣчество движется впередъ, чтобы выполнить таинственный обмѣнъ космическихъ силъ, изъ которыхъ одна сожигаетъ другую, а изъ этого самаго пепла рождаются иныя силы и химическія комбинаціи, для новыхъ теченій. Человѣкъ же все идетъ, не вѣдая, разверзится ли подъ его ногами бездна, или же внезапно налетѣвшая волна отброситъ его далеко отъ цѣли, къ которой онъ стремится. Идетъ онъ, жалкій и слѣпой, не сознавая желѣзной руки, которая его направляетъ и держитъ все его физическое, нравственное и интелектуальное существо, мѣся изъ него какой-то всемірный «матеріалъ»...

Но Эленъ была еще полна людскаго самомнѣнія. Она забывала, что въ безконечности является меньше пылинки, и воображала, что распоряжается своей судьбой и можетъ сказать ей: хочу бѣжать отъ тебя, и намѣчаю моментъ, когда моя жизнь мирно потечетъ по пути, который я сама изберу.

На слѣдующее утро Эленъ прежде всего прошла къ подругѣ и сообщила ей о своемъ рѣшеніи покинуть Петербургъ тотчасъ же послѣ костюмированнаго бала.

— Слава Богу!—отвѣтила Нелли со вздохомъ облегченія.—Я бы желала, чтобы мы очутились по ту сторону границы, такъ какъ, признаюсь, никакъ не могу отдѣлаться отъ дурного предчувствія, что ты останешься здѣсь. Не думай, что это внушено мнѣ эгоизмомъ, или, что я завидую счастью, которое ты найдешь здѣсь; нѣтъ, но баронъ кажется мнѣ однимъ изъ тѣхъ неисправимыхъ повѣсъ, которые всегда дѣлаютъ женщину несчастной. Кромѣ того, я видѣла сонъ, касающійся тебя и не предвѣщающій ничего хорошаго.

Видя, что Эленъ расхохоталась отъ всего сердца, взволнованная миссъ Синклэръ прибавила:

— Не смѣйся надъ снами! У меня былъ одинъ, который излечилъ меня отъ невѣрія и убѣдилъ, что будущее иногда открывается намъ.

— Что же ты видѣла?

— Было это еще до нашего разоренія, и снилось мнѣ, что я гуляю въ нашемъ саду. Небо было черно и надвигалась гроза. Вдругъ въ меня ударила молнія, сопровождаемая ударомъ грома, а буйный вѣтеръ поднялъ меня и такъ швырнулъ на землю, что я лишилась сознанія. Открывъ глаза, я увидѣла, что отъ нашего дома остались однѣ только обуглившіяся развалины, и среди дымившагося пожарища лежалъ мой отецъ съ кровавой повязкой на головѣ, а Гарри вскочилъ на лошадь и исчезъ въ дали. Я проснулась въ холодномъ поту, но утѣшала себя, что это просто кошмаръ, а недѣли три спустя случился крахъ... Остальное ты знаешь.

— Что же ты видѣла во снѣ обо мнѣ?—спросила, внимательно слушавшая ее Эленъ, охваченная вдругъ тревогой.

— Видѣла я, что мы готовились сѣсть на пароходъ, какъ вдругъ страшный порывъ вѣтра унесъ тебя куда то, а я бросилась бѣжать, какъ безумная, вслѣдъ за тобой. Такимъ образомъ, выбѣжала я въ поле, усѣянное пнями и заросшее терновникомъ, а тамъ стояла ты и горько плакала. Когда я хотѣла увести тебя и спросила о причинѣ твоихъ слезъ, ты приподняла платье, и я увидѣла, что у тебя вмѣсто ногъ толстые корни, глубоко вросшіе въ землю и мѣшавшіе тебѣ двигаться. Я вскрикнула отъ ужаса, а ты сказала мнѣ:—«Это отецъ и Равенсбургъ такъ изувѣчили меня». Я уѣхала одна. Но затѣмъ сцена перемѣнилась. Мы были уже въ нашемъ убѣжищѣ, и вдругъ вижу, что входишь ты—блѣдная, грустная, больная, и говоришь «Нелли! Я оборвала корни, но если бы ты знала, какъ это больно»!..

— Это просто кошмаръ. Я надѣюсь, что бѣда, которую онъ сулитъ, никогда не случится, такъ какъ я хочу бѣжать и никогда не выйду замужъ за барона.

— А между тѣмъ, онъ тебѣ нравится... Скажи откровенно, могла ли бы ты его полюбить?

Эленъ вспыхнула.

— Не желаю и вдаваться въ обсужденіе этой возможности. Видишь ли, Нелли, ты любила, а я нѣтъ, и не хочу вызывать судьбу; я боюсь быть охваченной той ужасной силой, которая ослѣпляетъ

насъ, порабощаетъ нашу волю и смѣется надъ разумомъ. Изъ страха ослабѣть, я просто бѣгу!

Согласно принятому рѣшенію, Эленъ стала рѣдко выходить изъ дому, уклоняясь отъ приглашеній, и потому не встрѣчалась съ Равенсбургомъ. Въ день лекціи мистера Броуна, приславшаго билеты дамамъ общины, Эленъ уѣхала за покупками, а вернувшись узнала отъ Нелли, что предсѣдатель общества цѣломудренниковъ пріѣзжалъ приглашать лично и поднесъ дамамъ экземпляры изданной имъ книги, въ которой трактовалось о равноправіи половъ.

— Прекрасный человѣкъ,—прибавила миссъ Синклэръ.—Мы долго бесѣдовали съ нимъ, и онъ сказалъ, что принципы нашей общины ему такъ симпатичны, что если онъ когда-нибудь женится, то лишь на комъ-нибудь изъ нашей общины.

Эленъ, къ которой, за эти дни спокойствія, вернулось хорошее расположеніе духа, лукаво взглянула на подругу.

— Та, та, та! Да это почти равносильно предложенію! И кто знаетъ? Не придется-ли телеграфировать въ Бостонъ, что ты дезертировала.

— Какъ не стыдно говорить такія глупости!—отвѣтила, краснѣя, Нелли.—Не дезертируй только ты сама, а за меня не бойся. Что же касается мистера Броуна, то его желаніе имѣть жену, которая раздѣляла бы его взгляды,—очень естественно.

Вечеромъ представительницы «Рая безъ Адама» отправились на лекцію. Публика переполняла залу, которая была гораздо проще убрана, чѣмъ во время лекціи Эленъ, и ни одной аллегорической картины не украшало стѣнъ.

Баронъ, подстерегавшій пріѣздъ миссъ Рутерфордъ, тотчасъ же подошелъ здороваться съ ней. Тщетныя усилія встрѣтить ее раньше только еще больше раздражили его страсть и заставили позабыть полученную отповѣдь.

Эленъ приняла его съ чарующей улыбкой и, замѣтивъ на немъ жетонъ общества цѣломудренниковъ, спросила съ лукавымъ взглядомъ:

— Это вы насмѣхъ надѣли эту эмблему?

— Вовсе нѣтъ!—отвѣтилъ баронъ, которому ея привѣтливое отношеніе вернуло хорошее расположеніе духа.—Почему бы и мнѣ, подобно Іосифу—какъ прототипъ мужской чистоты—не вырваться изъ объятій госпожи Потифаръ, чтобы жениться на добродѣтельной дочери великаго жреца Геліополя? Я читалъ романъ, темой котораго былъ этотъ библейскій разсказъ, и тамъ говорится, что Іосифъ

жилъ съ Аснатъ примѣрною супружескою жизнью. Отчего же и я не могъ бы жить такъ же съ женщиной, которую изберу себѣ въ жены?

— Да потому, что въ глубинѣ души у васъ таится умыселъ задушить свою жену, если что либо въ ней вамъ не понравится. Читала и я этотъ романъ, и понимаю, почему вы берете за образецъ Іосифа, такъ какъ онъ въ концѣ отдѣлывается отъ своей жены и вступаетъ въ бракъ съ дочерью фараона. По вашему же мнѣнію, это—вполнѣ достойно примѣрнаго мужа?

Баронъ не имѣлъ времени отвѣтить, такъ какъ раздался звонокъ къ началу лекціи, но онъ пошептался съ знакомымъ генераломъ, толковавшимъ объ этомъ собраніи, и тотъ согласился уступить ему свое мѣсто, такъ что баронъ оказался за стуломъ избранницы своего сердца.

Въ это время на эстрадѣ, съ важнымъ, строгимъ и сосредоточеннымъ видомъ, появился мистеръ Броунъ. Взглянувъ на бывшую въ рукахъ памятную записку, онъ началъ свою рѣчь краткимъ историческимъ обзоромъ основанія ихъ общества, заявивъ, что возникновеніемъ своимъ оно обязано идеямъ, вложеннымъ въ произведенія Бьернсона.

— На порогѣ новаго столѣтія,—продолжалъ онъ,—родилась и великая мысль о равенствѣ мужчины съ женщиной въ ихъ обязанностяхъ, а также и отвѣтственности передъ Богомъ, обществомъ и потомствомъ. Три послѣдніе вѣка, столь плодотворные для науки, искусства и промышленности, были гибельны для нравственности и вызвали массу соціальныхъ вопросовъ, не рѣшивъ ни одного. И двадцатому вѣку, думается намъ, выпадетъ на долю слава привести къ благому окончанію все то, что намѣтилъ девятнадцатый.

Единичныя попытки, какъ-то: почтовый союзъ, уравненіе мѣръ вѣса и длины, установленіе одинаковаго тарифа, взаимное покровительство чужеземцамъ и много другихъ насущныхъ нуждъ, которыя долго перечислять, должны въ своемъ конечномъ развитіи привести къ братству народовъ; а религіи, имѣющія одну и ту же основу, должны слиться въ одно вѣроисповѣданіе, посвященное Единому Создателю—и тогда осуществятся слова Христа: «И будетъ едино стадо и единъ пастырь». Краеугольнымъ же камнемъ такого соціальнаго зданія должно служить возрожденіе человѣчества добродѣтелью и сознаніемъ истинныхъ великихъ обязанностей, наложенныхъ на насъ Господомъ.

Много различныхъ расъ населяютъ міръ, но существуетъ только два пола, причемъ одинъ считаетъ за собой право повелѣвать

другимъ. Изучивъ законы природы, Священное писаніе, а также ученіе мудрецовъ съ глубочайшей древности, мы найдемъ тамъ ясное указаніе на разрѣшеніе важной, занимающей насъ задачи.

Начнемъ съ сотворенія перваго человѣка. Богъ, по безконечному милосердію Своему, далъ ему подругу; но только о д н у, а не двухъ или трехъ, что Творцу легко было бы сдѣлать, если бы Онъ счелъ это нужнымъ. Когда, по приказанію Господа, Ной отбиралъ въ ковчегъ животныхъ, которымъ предназначено было пережить потопъ, онъ взялъ по самцу и самкѣ каждой породы, доказывая этимъ, что пары достаточно для исполненія закона любви и размноженія. Моисей, въ десяти, продиктованныхъ Господомъ, заповѣдяхъ, служащихъ основаніемъ нашей религіи и предписаннаго намъ нравственнаго закона, говоритъ: «Не желай жены ближняго твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближняго твоего».

— Въ этомъ я не грѣшенъ! Никогда не желалъ я ни коровы, ни осла моего ближняго,—насмѣшливо пробормоталъ баронъ Равенсбургъ.

— Можетъ быть, вы находите извинительнѣе лишить ближняго не осязаемыхъ благъ, какъ-то: чести и семейнаго спокойствія?—тѣмъ же тономъ отвѣтила Эленъ.

— Въ качествѣ еще примѣра изъ Священнаго писанія, я укажу на такой отрывокъ изъ Евангелія,—продолжалъ мистеръ Броунъ.— Жестокій и несправедливый законъ, установленный нами—мужчинами,—осуждалъ на побіеніе камнями всякую женщину, уличенную въ прелюбодѣяніи. И что же? Когда къ Спасителю привели преступную женщину, изобличенную въ этомъ грѣхѣ, а обвинители указывали на постановленіе закона Моисея, предписывавшаго побіеніе камнями, что сказалъ Онъ? «К т о и з ъ в а с ъ б е з ъ г р ѣ х а, п е р в ы й б р о с ь в ъ н е е к а м е н ь». Тогда, пристыженная совѣстью толпа молча разошлась.—«И д и и в п р е д ь н е г р ѣ ш и»!—сказалъ Христосъ грѣшницѣ, которую чудесно спасли Его слова. Этотъ высокій урокъ, преподанный Спасителемъ міру, ясно говоритъ, что законъ добродѣтели—одинаковъ, какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ, а они, взявшіе на себя роль судей, были столь же виновны, какъ и та женщина.

— Понятно, одной ей трудно было бы согрѣшить,—снова прошепталъ неисправимый Равенсбургъ.

— Итакъ, мы можемъ заключить, что Писаніе смотритъ на бракъ, какъ на священное установленіе, а на прелюбодѣяніе,—для обоихъ половъ,—какъ на смертный грѣхъ. Взглянемъ, что говорятъ

по этому же вопросу древнѣйшія книги, завѣщанныя намъ сѣдой человѣческой мудростью. Я говорю о Ведахъ и приведу нѣсколько заповѣдей священныхъ книгъ Индіи:

«Мужчина—сила, а женщина—красота; онъ—разумъ, повелѣвающій, а она—мудрость, умѣряющая. Они не могутъ существовать другъ безъ друга, а потому Господь и создалъ обоихъ для единой общей цѣли».

«Мужчина не полонъ безъ женщины. Всякій человѣкъ, достигшій возмужалости и не женившійся, долженъ быть заклейменъ безчестіемъ. Но, какъ добродѣтельная женщина должна имѣть одного только супруга, такъ и мужчина долженъ имѣть одну только жену».

— Да, равенство обязанностей должно господствовать между мужчиной и женщиной,—продолжалъ Броунъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь.—Мужчина обязанъ быть столь же чистъ, какъ то требуется отъ женщины, а не идти къ семейному очагу съ истрепаннымъ и пустымъ сердцемъ, расшатаннымъ безпутствами здоровьемъ и себялюбивыми привычками къ разгулу, осуждающими на нравственное мученичество честное и невинное существо, съ которымъ онъ соединяется.

Не обрекаемъ ли мы нашихъ женъ на тайную, неумолкаемую борьбу? Не подвергаемъ ли ихъ скрытымъ мукамъ ревности изъ-за постояннаго опасенія потерять любовь мужа, который никогда вполнѣ не принадлежитъ женѣ и всегда что то прячетъ отъ нея,—котораго любая кокотка можетъ отвлечь отъ нея и дѣтей, а постоянныя отлучки осуждаютъ ее на одиночество.

При такой пустой жизни, при такомъ мученіи и постоянномъ нравственномъ напряженіи расшатываются: жизнь, нервы и здоровье добродѣтельной женщины. А между тѣмъ, послушайте, что говоритъ въ Ведахъ древній законодатель, Ману, книга III, слока 55 и слѣдующія:

«Презирающій женщину—презираетъ свою мать.—Проклинающій женщину—проклятъ Господомъ».

«Женщины должны быть осыпаемы вниманіемъ и дарами со стороны отцовъ, братьевъ, мужей своихъ и даже братьевъ мужей, если тѣ желаютъ себѣ наибольшаго преуспѣянія».

«Всюду, гдѣ женщины живутъ въ обидѣ, семья угасаетъ; но если онѣ любимы и уважаемы, то семьи преумножаются и благоденствуютъ при всѣхъ обстоятельствахъ».

«Когда женщины почитаемы, божества бываютъ удовлетворены; когда же бываетъ наоборотъ, то всѣ дѣла благочестія—безплодны».

«Въ каждомъ домѣ, гдѣ мужъ и жена любятъ другъ друга, навсегда упрочено счастіе».

— Но какъ же выполняемъ мы обязанности, предписанныя мудростью людскою и заповѣданныя святыми пророками? Ради удовлетворенія легкомысленныхъ прихотей нашихъ и ради безудержнаго удовлетворенія нашихъ пороковъ, мы приносимъ въ жертву истинное счастье. Вмѣсто обузданія собственныхъ страстей, мы пользуемся слабостями женщины, а затѣмъ, осуждаемъ и презираемъ ее. Если бы развратъ не былъ щедро оплачиваемымъ промысломъ, хотя и позорнымъ, и не вознаграждался гораздо лучше, увы, чѣмъ усердный и честный трудъ, то проституція, явная и тайная, не приняли бы такихъ ужасающихъ размѣровъ, какіе раскрываетъ намъ статистика.

Затѣмъ, мистеръ Броунъ привелъ статистическія данныя всѣхъ европейскихъ странъ и Америки о все возрастающемъ развратѣ и числѣ незаконныхъ дѣтей.

— Указанныя мною цифры могутъ привести въ ужасъ всякаго честнаго человѣка, хотя онѣ далеко еще не полны,—продолжалъ ораторъ,—ибо, какъ опредѣлить количество женщинъ, продающихъ себя для удовлетворенія своей страсти къ нарядамъ, и число несчастныхъ дѣтей, прикрытыхъ именемъ мужа, но страдающихъ какъ отъ ненависти мнимаго отца, знающаго, что они не его, такъ и матери, которая видитъ въ ребенкѣ неудобное воспоминаніе и причину вѣчныхъ семейныхъ распрей.

Какъ мужчины, такъ и женщины, не должны бы никогда забывать, что послѣдствіемъ ихъ преступныхъ страстей является рожденіе человѣческаго существа, обрекаемаго несправедливымъ и жестокимъ, но тѣмъ не менѣе трудно избѣгаемымъ, обычаемъ на презрѣніе, одиночество и нищету. Потому, что законъ обязанъ оберегать законную семью, и регулировать какъ денежные, такъ и другіе вопросы, вытекающіе изъ семейнаго союза.

На насъ, мужчинахъ, лежитъ долгъ честно вернуться къ супружескому очагу, довольствоваться женой, даруемой намъ любовью и закономъ, и служить образцомъ честности для нашихъ дѣтей, чтобы сыновья и дочери наши насъ любили и уважали.

Такой примѣръ подѣйствуетъ и на женщинъ. Не находя больше покупателей, эти несчастныя, торгующія своимъ тѣломъ, должны будутъ искать другой заработокъ. Тогда не нуженъ будетъ «Рай безъ Адама»; грустныя картины, нарисованныя просвѣщенной проповѣдницей убѣжища, исчезнутъ, а вмѣстѣ съ ними падутъ и доводы, въ

силу которыхъ она—вполнѣ права, убѣждая женщинъ избѣгать насъ, какъ недостойныхъ ни ихъ привязанности, ни любви.

И такъ, вернемтесь къ чистотѣ первыхъ вѣковъ христіанства, къ единой и чистой любви, соединяющей супруговъ. Вернемся къ той любви, которая переживаетъ всѣ житейскія бури, красоту и молодость,—любви милосердной, терпѣливой и безсмертной, по своей живительной силѣ, такъ какъ она переживаетъ тѣлесную смерть;—къ той безкорыстной любви, которая облачаетъ любимую душу покровомъ нетлѣннымъ, сковывается съ нею нерасторжимыми узами, слѣдуетъ за нею изъ жизни въ жизнь, изъ міра въ міръ, изъ сферы въ сферу, служа взаимной поддержкой въ неизбѣжныхъ колебаніяхъ при восхожденіи души.

Таковъ истинный бракъ—союзъ гармоничный, основанный на единственномъ чувствѣ могущемъ уничтожить рабство между полами,—на чистой любви, которая одна лишь способна привести къ согласованному слiянію два могущественныхъ начала природы: мужское и женское, вѣчно борящихся между собой и, въ то же время, другъ друга привлекающихъ. Они пользуются обоюдными слабостями для подчиненія себѣ другого, даже ненавидятъ другъ друга, въ виду того, что чувствуютъ взаимную зависимость, совершаютъ несправедливости и грѣшатъ. Тамъ, гдѣ лишь чувственность управляютъ побужденіями этихъ двухъ силъ вселенной, онѣ подобны пожару, уничтожающему все и оставляющему по себѣ лишь пепелъ...

Итакъ, постараемся вернуться къ истинной любви, которая одна согрѣваетъ и утоляетъ жажду. Да поддержитъ милосердный Господь наши усилія и да направитъ насъ по стезѣ добра. Аминь!

— Аминь!—повторилъ баронъ, подъ взрывъ апплодисментовъ лектору.—Вотъ что называется глубоко прочувственная рѣчь, хотя и не практичная! Все, что говорилъ мистеръ Броунъ, прекрасно и высоко въ теоріи, но мало примѣнимо въ дѣйствительности.

— Да,—отвѣтила Эленъ, направляясь къ выходу,—для такого великаго Донъ-Жуана, каковъ вы, его ученіе, дѣйствительно, непримѣнимо. Потому, баронъ, вы сдѣлаете доброе дѣло, если никогда не женитесь. Какой адъ создадите вы женщинѣ, которая вышла бы за васъ замужъ съ сердцемъ, полнымъ иллюзій! Вы сожгли бы ее на медленномъ огнѣ. Ужь и то будетъ добродѣтелью и дѣломъ милосердія съ вашей стороны, если вы избавите какое-нибудь бѣдное человѣческое существо отъ пожизненной каторги.

— Какъ это любезно! Выйти за меня замужъ, значитъ осудить себя на пожизненную каторгу,—полусмѣясь, полуобиженно замѣтилъ

Равенсбургъ.—Нѣтъ, надо дѣйствительно пріѣхать изъ рая безъ Адама, чтобы говорить подобныя вещи прямо въ лицо людямъ. Но подождите, жестокая Ева, ваше искупленіе близко!

Баронъ наклонился и заглянулъ въ ясные глаза Эленъ тѣмъ огненнымъ взглядомъ, могущество котораго онъ уже испыталъ.

— Изъ какого тѣста должны быть вы сдѣланы,—продолжалъ онъ,—если въ васъ, молодой и цѣльной натурѣ не пробудится инстинктъ любви? Самая добродѣтельная и чистая женщина никогда не краснѣла за это божественное чувство, возносящее тѣхъ, кто его ощущаетъ, на верхи блаженства, превыше всѣхъ бѣдъ земныхъ. Или вы сомнѣваетесь въ справедливости того, что я говорю?

Эленъ слушала, поднявъ на него глаза, и ею овладѣвало что-то вродѣ боязни, а сердце пугливо билось подъ этимъ чарующимъ взоромъ. Подобно ребенку, который слушаетъ волшебную сказку, колебаясь между страхомъ и любопытствомъ, внимала она опаснымъ словамъ искуснаго побѣдителя женскихъ сердецъ, жаждавшаго сломить и покорить ея строптивую, нетронутую душу.

Впрочемъ, въ эту минуту Евгеній Павловичъ былъ искренно увлеченъ. Никогда еще Эленъ не казалась ему столь обаятельной. Ея гордая и классическая головка отчетливо выдѣлялась изъ широкаго, бѣлаго мѣхового воротника, а большіе волшебные глаза, таинственные и блестящіе, отражали новыя и разнообразныя, волновавшія ее, чувства.

Энергично стряхнувъ странное чувство, овладѣвшее ею, Эленъ отвернулась.

— Не сомнѣваюсь въ могуществѣ любви, но не признаю, чтобы она давала счастье,—отвѣтила она, поспѣшно слѣдуя за подругами въ карету.

Эленъ чувствовала себя подавленной, и вернулась домой въ нервномъ состояніи, мучимая смутнымъ безпокойствомъ. Воспоминаніе о баронѣ преслѣдовало ее, какъ кошмаръ, и она съ ужасомъ стояла передъ вопросомъ: неужели это незнакомое, острое и дразнящее чувство, дѣлавшее ее разсѣянной и раздражительной, было любовью—той роковой побѣдительницей, противъ которой она боролась въ рѣчахъ и печати, пытаясь изгнать ее изъ человѣческой души? Ею овладѣло желаніе бѣжать, но теперь уже не хватало обычной энергіи.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней не выходила она изъ дома, никого не принимала и сидѣла запершись въ своей комнатѣ, ссылаясь на подготовительную работу для новой своей лекціи.

Накануне дня этого, второго ея выступленія, передъ публикой.

одиночество показалось Эленъ особенно тяжелымъ, и она, приказавъ вечеромъ запречь экипажъ, поѣхала наудачу къ Иннѣ.

Противъ всякаго ожиданія, она застала новобрачную дома, и та очень обрадовалась ей. Но Эленъ съ перваго же взгляда замѣтила, что глазки Инны были красны, а очаровательное личико ея выражало тоску и разочарованіе.

— Вы однѣ, дорогая моя?—спросила Эленъ, здороваясь съ ней.

— Да,—коротко отвѣтила Инна.

Затѣмъ, желая какъ бы отвлечь гостью отъ разспросовъ, она повела ее показывать свою квартирку, нарядно устроенную ея матерью.

Но когда онѣ очутились въ будуарѣ—уютномъ гнѣздышкѣ, обитомъ зеленымъ атласомъ, съ розовой отдѣлкой, и уставленномъ цвѣтами и дорогими бездѣлушками,—Инна усадила Эленъ на диванчикъ и, прижавшись головой къ ея плечу, сказала сдавленнымъ голосомъ:

— Да, Эленъ, я все сижу одна въ теченіе уже недѣли, какъ вышла замужъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ вечеровъ и обѣдовъ, данныхъ въ нашу честь, мы никогда не бываемъ вмѣстѣ. Утромъ мужъ уѣзжаетъ на службу и пріѣзжаетъ обратно къ семи часамъ, а въ половинѣ десятаго его уже нѣтъ и возвращается онъ въ пять, шесть или семь часовъ утра. И какой у него бываетъ видъ!.. Похожъ онъ бываетъ на призракъ, подъ глазами у него темные круги. Разъ, вернувшись навеселѣ, онъ обронилъ около кровати батистовый носовой платокъ съ чужой мѣткой и записку съ приглашеніемъ кататься на тройкѣ... Бываютъ минуты, когда я чувствую къ нему ненависть и презрѣніе. Жить такъ всю жизнь, прозябая въ одиночествѣ, или ища на сторонѣ то, что не находишь у своего очага, мнѣ кажется выше моихъ силъ.

— Но вѣдь вы, Инна, предвидѣли все это и обѣщали мнѣ быть мужественной и терпѣливой.

— Я хочу покорно терпѣть, но все-таки страшно страдаю. Мнѣ кажется, будто меня неожиданно перенесли изъ залитаго солнцемъ сада въ унылую тундру, гдѣ дуетъ ледяной вѣтеръ. Сегодня утромъ я даже пререкалась съ мамой. Заставъ меня въ слезахъ, она хотѣла увезти меня, но я не имѣла ни малѣйшаго желанія куда-нибудь ѣхать и упрекнула ее за то, что она принесла меня въ жертву пошлому предразсудку, заставивъ выйти замужъ за человѣка, распутство котораго было хорошо всѣмъ извѣстно.

Эленъ вздохнула. Да, любовь и бракъ представляли ужасную западню. Страхъ, что и она можетъ попасть въ подобный капканъ, бросилъ ее въ дрожь.

Занятая собой, Инна не обратила вниманія ни на вздохъ пріятельницы, ни на ея внезапную блѣдность. и послѣ минутной передышки продолжала:

— Какъ вы совѣтывали, я хочу испробовать все, чтобы вернуть мужа къ правильной жизни и отвоевать его любовь. Но если мнѣ это не удастся, что весьма вѣроятно, то я подумаю также обезопасить себѣ выходъ изъ этого несноснаго положенія. На свадьбу мнѣ надарили денегъ и очень цѣнныхъ золотыхъ вещей. Все это я сберегу до той минуты, когда рѣшусь покинуть Европу. Мало по малу, я все приготовлю и явлюсь къ вамъ въ убѣжище.

Эленъ заинтересовалась этимъ планомъ, обѣщавъ свое содѣйствіе, и онѣ обсудили всѣ подробности. Тѣмъ не менѣе смутная грусть тяжело давила собесѣдницъ и онѣ разстались очень рано.

Вмѣсто того, чтобы развлечь или облегчить, посѣщеніе Инны только увеличило нервное раздраженіе Эленъ. Она тотчасъ же легла въ постель, но не могла заснуть, потому что нахлынули мрачныя мысли. Разстилавшаяся передъ ней жизнь показалась невыразимо пустой и безцѣльной. Постоянно читать лекціи, давать уроки въ убѣжищѣ и утѣшать потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни, не испытавъ всей горечи лично—было ужасно глупо, и въ душѣ ея зародилась зависть къ Иннѣ. У той были родные и близкіе, которые любили ее и принимали участіе въ ея радостяхъ и горѣ; она же, Эленъ, была одинока, не связанная съ кѣмъ-либо привязанностью. Перелетной птицей, воительницей за «Рай безъ Адама, ѣздитъ она по Европѣ и Америкѣ, служа своему дѣлу, и нигдѣ прочно не основываясь. Несмотря на свое богатство, красоту и знанія, она была очень бѣдна и одинока. О, зачѣмъ пріѣхала она въ Петербургъ! Только здѣсь поняла она свою нищету...

Ею овладѣла такая досада, полная отчаянія, что она уже думала уѣхать обратно, не дождавшись костюмированнаго бала и даже не объяснившись съ отцомъ. Но Эленъ быстро отвергла это намѣреніе. Нѣтъ, этотъ негодяй долженъ узнать, что его дочь живетъ, ненавидитъ его и бросаетъ навсегда!

Эленъ провела безпокойную ночь. Образы отца и барона преслѣдовали ее во снѣ, и проснулась она еще болѣе раздраженною.

Въ отвратительномъ настроеніи духа, внутренне бѣсясь на себя, отца, барона, и на всѣхъ имъ подобныхъ «адамовъ», взошла Эленъ

вечеромъ на каѳедру съ суровымъ выраженіемъ на лицѣ и просто одѣтая, она начала лекцію отрывистымъ и строгимъ тономъ.

Прежде всего изложила она усилія, повсюду проявленныя женщинами для своей эмансипаціи, и результаты, достигнутые ими по всѣмъ отраслямъ знанія, искусства и даже промышленности. Попутно, она зло описала препятствія и затрудненія со стороны мужчинъ, чтобы помѣшать женщинамъ добиться цѣли, и повсемѣстное недоброжелательство, какое встрѣчали скромныя и терпѣливыя труженицы. Послѣ этого она приступила къ подробному описанію убѣжища, его устава и цвѣтущаго состоянія. Убѣдительными цифрами доказала Эленъ, что для поддержки освободительнаго движенія женщинъ нѣтъ лучшаго способа, какъ учрежденія подобнаго рода, въ силу чего она приглашала богатыхъ и независимыхъ женщинъ сплотиться для основанія подобныхъ общинъ.

— Безъ сомнѣнія, — между прочимъ сказала она, — женскій полъ, въ полномъ своемъ составѣ, не можетъ укрыться въ убѣжищахъ, подобныхъ нашему, и всегда найдется достаточно женщинъ, которыя не пожелаютъ отказаться отъ счастья супружеской жизни. Но для тѣхъ изъ нихъ, которыя ни довольно богаты, ни достаточно красивы и не особенно искусны, чтобы уловить мужа,—для тѣхъ женщинъ, которыя сохранили свободу и потому именно терпятъ пренебреженіе,—для всѣхъ тѣхъ, наконецъ, которыя, будучи лишними въ «мужскомъ раю», прозябаютъ разсѣянныя по чужимъ семьямъ, гдѣ ихъ часто угнетаютъ и едва терпятъ—убѣжища, въ родѣ нашего, послужатъ подлинно тихою пристанью. Тамъ женщина найдетъ взаимную поддержку, независимость и обезпеченное трудомъ существованіе.

Наконецъ, замужнія женщины, которыхъ домашній развалъ, несогласіе, заброшенность и обиды мужа приведутъ въ такой пріютъ, найдутъ тамъ преимущество, которое вознаградитъ ихъ за многое. Такъ, онѣ будутъ избавлены отъ матери мужа—чудовища съ головой Медузы, которое до брака таится въ тѣни, и выростаетъ, какъ пугало, между супругами впослѣдствіи, зачастую обрушивая кровъ семейный. Этимъ злобнымъ и сварливымъ дамамъ, которыя въ свою очередь становятся угнетательницами, входъ въ «Рай безъ Адама» и, конечно, безъ его мамаши, долженъ быть строго воспрещенъ.

Громкій смѣхъ встрѣтилъ этотъ выпадъ. Затѣмъ присутствующіе съ живымъ интересомъ выслушали конецъ лекціи, гдѣ говорилось о спиритизмѣ, какъ о могущественномъ пособникѣ для рѣшенія женскаго вопроса, въ виду того новаго свѣта, который онъ ученіемъ своимъ проливаетъ на жизнь и природу души, доказывая полное

равенство. Такъ какъ духъ не имѣетъ пола и можетъ въ земной жизни
рождаться какъ мужчиной, такъ и женщиной, то поэтому великій за-
конъ перевоплощенія въ самомъ корнѣ подрываетъ пустое и тще-
славное претязаніе мужчинъ на мнимое превосходство ихъ естества.

— Съ минуты, когда наука уразумѣетъ истины спиритизма—
а это уже недалеко—для мужчинъ пройдетъ время играть первен-
ствующую роль, и они должны будутъ стать такими же скромными
и угодливыми, чтобы нравиться женщинамъ, какими тѣ бываютъ
теперь, чтобы заслужить милости со стороны гг. «адамовъ».

Это заключеніе снова вызвало взрывъ всеобщаго смѣха, и
Эленъ сошла съ каѳедры подъ громъ рукоплесканій.

Баронесса Надлеръ хотѣла везти ее къ себѣ ужинать, но та
сослалась на усталость и вернулась домой.

Эленъ такъ быстро исчезла, что баронъ, раскланявшійся съ
лекторшей только издали, не успѣлъ подойти къ ней. Вернулся онъ
домой также раздраженнымъ и озабоченнымъ, и сталъ задумчиво
ходить по комнатѣ. Ему показалось, что Эленъ измѣнилась, сдѣ-
лавшись холодною, суровою и враждебною. Что она избѣгала его—
это бросалось въ глаза. Неужели возможно, что онъ не нравится
ей? До сегодня онъ нравился всѣмъ женщинамъ, которыхъ хотѣлъ
плѣнять. Всѣ мамаши, жаждавшія «пристроить» дочекъ, сами ба-
рышни, вдовы и прочія существа женскаго рода, подыскивавшія
себѣ мужа или возлюбленнаго, такъ отчаянно охотились за нимъ,
что если ему и удалось пока избѣжать разставленныхъ западней и
ловушекъ, то только благодаря чудесамъ его стратегіи. А вдругъ
эта американка осмѣливается явно высказывать, что предпочитаетъ
свободу его любви, которой онъ гордился и не расточалъ... Развѣ
онъ подурнѣлъ?..

Евгеній Павловичъ остановился передъ зеркаломъ и долго раз-
глядывалъ себя.

Нѣтъ, онъ все такъ же красивъ, какъ и прежде. Темные глаза
его нисколько не утеряли блеска, густые волосы вились по пре-
жнему, а высокій и стройный станъ сохранилъ то-же породистое
изящество. Что же означала эта неудача? Или Эленъ, дѣйстви-
тельно, слѣплена изъ иного тѣста, чѣмъ другія женщины?..

Въ глазахъ барона, это предположеніе дѣлало еще болѣе же-
лательной ее—неуязвимую, смотрѣвшую на свободу, какъ на дра-
гоцѣннѣйшее благо, дозволявшую за собой ухаживать и заба-
влявшуюся словно личиной жестокой и безстрастной женщины. По-

забывъ всѣ преимущества своей, прекрасно исполняемой, роли.
Равенсбургъ уже страстно жаждалъ пожертвовать собственной до-
рого цѣнимой свободой, если еще тамъ пожелаютъ принять эту
«жертву». Одна мысль, что Эленъ уѣдетъ навсегда, приводила его
въ отчаяніе, а неожиданно встрѣченное имъ сопротивленіе разожгло
страсть, подчиняя его власти гордой дѣвушки, которую онъ началъ
обожать и желать такъ, какъ не желалъ еще ни одной женщины. И
вдругъ у него созрѣло рѣшеніе попытаться предложить свою руку
и сердце. Вѣдь, женщина-же она, наконецъ, и подчинена закону
любви, какъ и всѣ ея сестры! Подъ огнемъ страсти могла растаять
ледяная кора, въ которую она заключила свое сердечко; а если ее
будетъ удерживать ложный стыдъ измѣны своему дѣлу, то онъ,
конечно, разубѣдитъ ее. И такъ рѣшено: онъ сдѣлаетъ предложеніе.
Но гдѣ и когда? Добиться свиданія наединѣ съ прекрасной про-
тивницей мужчинъ не такъ-то было легко.

Послѣ зрѣлаго размышленія, онъ рѣшилъ довѣрить свое горе
Лидіи Андреевнѣ и просить ея содѣйствія. Она одна могла устроить
ему желаемое свиданіе, а въ ея скромности и доброжелательности
онъ не сомнѣвался, такъ какъ баронесса не имѣла на него видовъ
ни для себя, ни для дочерей.

На слѣдующій же день Евгеній Павловичъ отправился къ ба-
ронессѣ и та приняла его съ обычною привѣтливостью. Почтительно
поцѣловавъ ручку хозяйки, Равенсбургъ сказалъ:

— Я пріѣхалъ просить у васъ услуги, за которую останусь ва-
шимъ вѣчнымъ должникомъ.

На душѣ баронессы стало мрачно. Что могло означать такое
вступленіе? Неужели у богатаго молодого человѣка были долги, и
онъ хотѣлъ призанять у нея? А Лидія Андреевна терпѣть не могла
подобныя просьбы, портившія, по ея мнѣнію, отношенія. Тѣмъ не
менѣе, она отвѣтила безъ малѣйшаго колебанія:

— Говорите, Евгеній Павловичъ! Вы знаете, какую дружбу я
къ вамъ питаю, и вамъ также извѣстно, что я всегда рада быть вамъ
полезной.

— Благодарю васъ, Лидія Андреевна! Но... вы не станете смѣ-
яться надо мной и сохраните тайну, которую я хочу вамъ довѣрить?

— О, конечно! Я буду нѣма, какъ могила. И такъ, говорите
смѣло.

Евгеній Павловичъ вскочилъ съ кресла и провелъ рукой по во-
лосамъ, какъ бы для того, чтобы облегчить голову.

— Впрочемъ, смѣйтесь! Я заслуживаю этого, такъ какъ влю-

бленъ, какъ школьникъ, какъ послѣднiй дуракъ, никогда не видавшiй хорошенькой женщины! А прiѣхалъ я просить васъ, чтобы вы помогли мнѣ надѣть себѣ петлю на шею.

— Ахъ, бѣдный мальчикъ! Но я понимаю васъ, и мнѣ даже не нужно спрашивать въ кого вы влюбились!—сочувственно сказала баронесса, обрадованная тѣмъ, что ей не приходилось платить изъ своего кармана за изъявленiе своей дружбы. — Но, должна прибавить, что вы неудачно и опрометчиво отдали свое сердце. Красивая американка до фанатизма предана своему дѣлу. Говорятъ, что она очень богата, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, красота дѣлаетъ ее равнодушной къ побѣдамъ и заискиванiю передъ мужчинами. Кромѣ того, она такъ молода, что у нея много времени впереди, чтобы покаяться передъ обиженнымъ ею поломъ, который всегда проститъ ее за очаровательное личико.

— Увы! Я знаю все это. Но, наконецъ, она все же-таки существо, состоящее изъ плоти и костей! Невозможно, чтобы любовь не оказала на нее никакого влiянiя.

— Объ этомъ трудно что-нибудь сказать. Я положительно не могла замѣтить, произвели ли вы какое-нибудь впечатлѣнiе на это ледяное сердце? Кромѣ того, дѣтство ея было очень несчастливо. Отецъ бросилъ ихъ, что было причиной смерти матери. Все это ее озлобило и сдѣлало недовѣрчивой.

— Чтобы чортъ побралъ этого отца! Во всякомъ случаѣ, я не отвѣтственъ за причиненныя ей обиды. А, можетъ быть, во мнѣ таятся качества примѣрнаго мужа и отца!

Баронесса громко расхохоталась.

— Въ этомъ отношенiи, я полагаю, миссъ Рутерфордъ имѣетъ основанiе сомнѣваться въ вашей вѣрности, которая, конечно, будетъ хромать. Впрочемъ, не въ томъ дѣло! Если вы думаете, что мое краснорѣчiе можетъ переубѣдить ее, то я попытаюсь.

— Правда, всѣ мы грѣшны, — отвѣтилъ баронъ, невольно смѣясь и самъ, — но я хочу просить васъ о другомъ. Устройте мнѣ свиданiе съ «недотрогой»: я хочу лично поговорить съ ней.

— Все это очень хорошо! Но если она откажется?

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ останется только прибѣгнуть къ похищенiю, и съ пистолетомъ въ рукахъ принудить ее обвѣнчаться со мной въ какой-нибудь деревенской церкви, — насмѣшливо, но въ то же время и гнѣвно отвѣтилъ баронъ.

Лидiя Андреевна пожала плечами, и послѣ минутнаго размышленiя отвѣтила:

— Завтра же устрою вамъ желаемое свиданiе. Утромъ я получила письмо отъ Ольги. Вы знаете, какъ она эксцентрична, и, вѣроятно, увлеклась «Раемъ безъ Адама», такъ какъ проситъ меня дать ей возможность увидѣться съ Эленъ. Ссылаясь на это письмо, я попрошу миссъ Рутерфордъ прiѣхать ко мнѣ завтра, въ пять часовъ, давъ ей понять, что она можетъ прiобрѣсти горячую послѣдовательницу. Въ дѣйствительности же она найдетъ поклонника, а остальное уже дѣло ваше. Я прикажу никого не принимать, и, такимъ образомъ, вы будете пользоваться полной свободой.

Обрадованный Евгенiй Павловичъ горячо поблагодарилъ ее, но баронесса, покачавъ головой, замѣтила:

— Желаю вамъ успѣха, мой другъ! А все-таки, прежде чѣмъ вы скажете рѣшительное слово, я хотѣла бы сдѣлать вамъ нѣсколько указанiй.

— Говорите, Лидiя Андреевна! Будьте увѣрены, что я приму ваши замѣчанiя съ подобающимъ уваженiемъ и благодарностью.

— Дѣло въ томъ, что во всей этой исторiи есть два обстоятельства, заставляющiя меня призадуматься. Во-первыхъ, мнѣ кажется, что въ отношенiяхъ миссъ Рутерфордъ и Владимiра Александровича таится что-то неясное. Эленъ всегда волнуется въ его присутствiи, и я замѣтила, что она какъ-то странно поглядываетъ на Артемьева; а онъ также измѣнился за послѣднее время, сталъ нелюдимомъ, кажется утомленнымъ жизнью, и, повидимому, Владимiръ Александровичъ тоже питаетъ къ молодой дѣвушкѣ очень подозрительный интересъ. Какъ бы ни было невѣроятно предположенiе, что Эленъ предпочитаетъ вамъ такого зрѣлаго человѣка, хотя красиваго и интереснаго, но я все-таки совѣтую имѣть въ виду эту возможность.

Баронъ поблѣднѣлъ и нахмурился.

— Тѣмъ болѣе оснований поскорѣе увѣриться въ этомъ и объясниться съ ней. Но посмотримъ ваше второе сомнѣнiе.

— Оно касается вашей родни. Несомнѣнно, она будетъ недовольна, что вы женитесь на иностранкѣ, неизвѣстнаго и можетъ быть даже сомнительнаго происхожденiя: такъ какъ, въ сущности, мы вѣдь ничего положительнаго не знаемъ о миссъ Рутерфордъ. Что она красива и умна — это еще не исключаетъ возможности, что она просто авантюристка. Кромѣ того, я слышала отъ вашей тетки, что васъ хотятъ женить на княжнѣ Зоѣ.

— Что мнѣ за дѣло до ихъ проектовъ! У меня и въ мысляхъ даже не было жениться на этой дурѣ—Зоѣ, вѣчно конвоируемой

своей мамашей. Имѣть тещей такого драгуна въ юбкѣ? Покорно благодарю! Я помню еще мудрыя слова миссъ Элены о belle-mères.

— Во всякомъ случаѣ, надо будетъ сильно любить жену, чтобы оградить отъ огорченій и униженій, которыя неизбѣжно ожидаютъ ее. Всѣ возстанутъ противъ нея: и ваша родня, планы которой она разобьетъ, и мамаши, жаждущія имѣть васъ зятемъ, и влюбленныя въ васъ барышни, и ваши любовницы, которыя будутъ ревновать ее. Подумайте, вѣдь это будетъ подлинно междоусобная гражданская война!

— Ба! Я буду защищаться. Кромѣ того, Эленъ богата, а милая родня обрушивается, главнымъ образомъ, на бѣдныхъ невѣстъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы даже состояніе, цифра котораго намъ неизвѣстна, избавило ее отъ общей ненависти и самыхъ оскорбительныхъ обвиненій. Она окажется и прохожимкой, и особой подозрительной нравственности, и сумасбродкой, и самой низкой интриганкой. Насколько я знаю ея характеръ, миссъ Рутерфордъ не такова, чтобы долго переносить всевозможныя нападки и обиды, которыя посыплются на нее за то, что она осмѣлилась сдѣлаться вашей женой безъ милостиваго дозволенія всей семейки. Она отвернется отъ васъ и вернется въ свой «Рай безъ Адама», гдѣ для нея всегда готово мѣсто.

Евгеній Павловичъ ничего не отвѣтилъ. Откинувшись въ креслѣ, онъ нахмурилъ брови и задумался.

Все, что говорила баронесса Надлеръ, до такой степени было справедливо, что предвидѣніе будущаго вызвало въ немъ нервную дрожь. Только пылкая страсть къ Эленъ могла внушить ему смѣлость жениться безъ общаго благословенія всей семьи, вплоть до отдаленныхъ тетушекъ и кузеновъ включительно.

Такое важное дѣло, какъ его женитьба, бывало уже предметомъ столь ядовитыхъ пересудовъ, противорѣчивыхъ предположеній и плановъ, которые удовлетворили бы всѣмъ вкусамъ, за исключеніемъ его собственнаго, что баронъ рѣшилъ въ душѣ никогда не жениться, дабы, оставаясь холостымъ, избѣжать всѣхъ этихъ матримоніальныхъ комбинацій. Но онъ былъ молодъ, мечталъ еще объ идеальной любви и потому поддался страсти.

Однако, слова Лидіи Андреевны коснулись живой раны—Ахиллесовой пяты салоннаго льва. Въ его воображеніи вставала уже не одна, а цѣлая дюжина грозныхъ головъ Медузы и эта устрашающая картина почти поколебала его намѣреніе. Но нерѣшительность была непродолжительна: страсть побѣдила благоразуміе, и онъ безпово-

ротно рѣшилъ идти на все, лишь бы добиться Эленъ. Она должна ему принадлежать; а разъ дѣло будетъ сдѣлано, онъ сумѣетъ защитить и жену, и себя.

Поблагодаривъ хозяйку, онъ объявилъ, что завтра будетъ аккуратенъ, и уѣхалъ домой.

X.

Не подозрѣвая приготовленной ловушки, Эленъ прибыла къ баронессѣ въ назначенный часъ и была крайне удивлена, не найдя у нея горячей послѣдовательницы, которую она надѣялась окончательно пріобрѣсти для «Рая безъ Адама». Лидія Андреевна пояснила, что кузину что-нибудь задержало и по всей вѣроятности она запоздаетъ.

Пройдя въ будуаръ, баронесса сѣла за вышиваніе большого ковра, предназначеннаго для бѣдной деревенской церкви въ ея имѣніи.

Заговорили сначала о костюмированномъ балѣ. Лидія Андреевна сообщила, что даетъ его въ громадной квартирѣ перваго этажа, которая недавно освободилась изъ подъ правленія одной желѣзной дороги, что позволяло ей значительно увеличить число приглашенныхъ; а въ два часа, къ ужину, всѣ уже снимутъ маски.

— Какъ жаль, что вы уѣзжаете,—дружески прибавила баронесса. —Мнѣ будетъ недоставать вашего общества. Я все съ грустью думаю о томъ, что вы, — такая обаятельная и достойная любви,— отказались выходить замужъ. Повѣрьте мнѣ, дорогое дитя мое, это— чистое безуміе! Я знаю одного человѣка, который обожаетъ васъ, и ободри вы его хоть немножко, то остались бы здѣсь въ качествѣ прелестной баронессы.

Эленъ сильно покраснѣла.

— Вы очень добры! Но мнѣ почти невозможно вступать въ союзъ, который, по моему, бываетъ роковымъ для женщины, въ девяти случаяхъ изъ десяти. Я много и близко перевидала послѣдствій несчастныхъ браковъ, чтобы рисковать еще самой выйти замужъ.

— Дорогая миссъ Эленъ! Только бракъ даетъ женщинѣ серьезное положеніе въ свѣтѣ. Довѣрю вамъ, что хотя я вдова и уже не первой молодости, тѣмъ не менѣе выхожу замужъ за князя и наша помолвка будетъ объявлена въ день костюмированнаго бала. Я знаю, что меня ждетъ не одно огорченіе, и, все-таки, согласилась

вторично выйти замужъ, чтобы создать дочерямъ болѣе блестящее
положеніе и лучше выдать ихъ замужъ.

— Вы, баронесса, находитесь совсѣмъ въ другомъ положеніи.
и я понимаю, что материнская любовь побуждаетъ васъ пожертво-
вать собой. Я же богата, одинока, и сердце мое свободно, а потому
могу поступать, какъ мнѣ угодно.

Пріѣздъ барона прервалъ этотъ разговоръ, а десять минутъ
спустя всѣ сѣли обѣдать, такъ какъ баронесса объявила, что ку-
зину ея что-то задержало и она пріѣдетъ вѣроятно вечеромъ.

По окончаніи обѣда всѣ перешли въ библіотеку, куда были по-
даны дессертъ и кофе. Замѣтивъ на столѣ новый томъ художествен-
наго изданія, Эленъ занялась разсматриваніемъ гравюръ, иллюстри-
ровавшихъ раскопки Шлиманна на мѣстѣ древней Трои. Равенсбургъ
болталъ съ хозяйкой о разныхъ разностяхъ, но вошедшая горничная
доложила, что портниха проситъ на минуту Лидію Андреевну, чтобы
посовѣтоваться относительно отдѣлки платья.

Баронесса тотчасъ же встала.

— Простите, друзья мои, что я васъ оставлю не на долго.
А вы, Евгеній Павловичъ, займите мою милую гостью.

Эленъ было очень непріятно оставаться наединѣ съ барономъ,
и она тотчасъ же завела разговоръ о раскопкахъ Трои, но тотъ ни-
чего не отвѣчалъ. Онъ всталъ и, видимо, боролся самъ съ собой,
прежде чѣмъ произнести окончательное слово. Наконецъ, быстро рѣ-
шившись, онъ сказалъ глухимъ голосомъ:

— Миссъ Эленъ! Случай даетъ мнѣ счастье видѣть васъ одну—
и я хочу воспользоваться имъ, чтобы положить конецъ неизвѣстно-
сти, которая создаетъ мнѣ подлинный адъ.

Эленъ поблѣднѣла и тоже поднялась. Предстояло объясненіе,
котораго она такъ боялась и старалась избѣжать. Она почувство-
вала себя слабой и безоружной передъ любящимъ и страстнымъ взо-
ромъ, пытливо смотрѣвшимъ ей въ глаза. Почти съ умоляющимъ же-
стомъ подняла она руку, и пробормотала:

— Ради Бога, баронъ, не говорите ничего! Я не могу и не дол-
жна васъ слушать.

Равенсбургъ смотрѣлъ на нее, какъ опьяненный. Никогда еще
она не казалась ему такой обаятелньой, какъ въ эту минуту. Передъ
нимъ стояла не строптивая и гордая насмѣшница, а дѣвушка, серд-
це которой видимо трепетало, и она дрожала передъ собственной
слабостью. Въ большихъ дѣтскихъ глазахъ ея свѣтились только
страхъ и мольба не смущать ея покой.

Евгеній Павловичъ схватилъ протянутую къ нему ручку, и при-
жалъ къ губамъ.

— Я не могу молчать, Эленъ, потому что люблю васъ! Отъ этой
минуты зависитъ счастье всей моей жизни! Развѣ вы не замѣтили,
что, со времени нашей первой встрѣчи, мое сердце находится въ
рабствѣ у васъ. Я не могу жить безъ васъ и умоляю быть моей же-
ной. Я буду носить васъ на рукахъ и посвящу всю мою жизнь на
то, чтобы сдѣлать васъ счастливой и излечить вашу душу отъ огор-
ченій и привитыхъ нелѣпымъ воспитаніемъ безумныхъ страховъ,
внушающихъ избѣгать брака, который установленъ самимъ Богомъ
и который одинъ даетъ смыслъ жизни. Не отвергайте чувство, даю-
щее счастье, ради котораго только и стоитъ жить! Не отталкивайте
любви, Эленъ, не отвѣдавъ ее прежде! Не приносите наше взаимное
счастье въ жертву мелочному ложному стыду... Не отрицайте! Вамъ
стыдно отказаться отъ дѣла, которое вы защищаете. А, въ сущ-
ности, что вамъ до всѣхъ этихъ горемыкъ, которыхъ случай свелъ
въ одномъ убѣжищѣ? Онѣ жертвы, конечно, но на ряду съ этими
разбитыми жизнями существуютъ и будутъ всегда существовать
счастливыя и благословенныя семейства. Будьте увѣрены, что ваша
жизнь окажется безоблачной, и моя любовь разгонитъ всѣ тучи на
нашемъ небѣ.

Молча и дрожа, какъ во снѣ, слушала Эленъ этотъ дрожавшій
отъ страсти голосъ, эти искусительныя слова, вызывавшія тысячу
новыхъ чувствъ и покорявшія ея разсудокъ и энергію.

Послѣднимъ усиліемъ воли она вырвала свою руку и отвѣтила
тихимъ голосомъ:

— Вы обѣщаете больше, чѣмъ можете сдержать, баронъ. Въ
эту минуту я кажусь вамъ желанной, но будущее остается темнымъ
и неизвѣстнымъ. Самыя пылкія страсти угасаютъ—и женщина бы-
ваетъ брошена, какъ въ пустынѣ, тамъ, гдѣ клялись создать для
нея рай. Такова была участь моей матери, вышедшей замужъ за ино-
странца: а тутъ втирающаяся въ общество иностранка, это—я! Не
стойте-же на моей дорогѣ и не искушайте меня, такъ какъ я не могу
быть вашей женой. Я принадлежу общинѣ и привязана къ своему
дѣлу. Я не въ состояніи отказаться отъ свободы, въ которой выросла,
и отъ защищаемыхъ мною идей, которыя, въ результатѣ, создали бы
между нами дисгармонію. Моя жизнь имѣетъ совсѣмъ иное назна-
ченіе, и потому не смущайте моего покоя! Я уѣзжаю черезъ нѣ-
сколько дней, а вы скоро меня позабудете. Тѣмъ не менѣе позвольте
добавить, что, рѣшись я когда-нибудь выйти замужъ, мой выборъ

палъ бы на васъ, но я не могу этого сдѣлать! Я суевѣрна и убѣждена, что Немезида всегда поражаетъ отступниковъ.

— Эленъ! Вы не убѣждены въ томъ, что вы говорите! Сами же вы признаетесь, что я—единственный человѣкъ, котораго вы избрали бы въ мужья, и, въ то же время, требуете, чтобы я отказался отъ васъ и забылъ! — горячо отвѣтилъ Евгеній Павловичъ, колеблясь между отчаяніемъ и гнѣвомъ.—Не значитъ ли это принести наше общее счастье въ жертву утопіи и смѣшному упрямству? Нѣтъ, я не принимаю вашего отказа! Я рабъ вашъ, странная и очаровательная женщина, и никогда не откажусь отъ васъ. Я всюду буду слѣдовать за вами, и, такъ или иначе, вы будете моей!

Не смотря на сильное душевное смущеніе, Эленъ улыбнулась.

— Очень польщена подобною вѣрностью! Но, мнѣ кажется, баронъ, что вы сами заблуждаетесь относительно прочности вашихъ чувствъ. Разъ я исчезну съ горизонта и буду далеко — вы забудете меня.

— Я?! О, нѣтъ! А вы, миссъ Рутерфордъ, не насмѣхайтесь такъ надъ могущественнымъ пробудившимся въ васъ чувствомъ. Оно можетъ и привести васъ въ мои объятія измученною, но покорною.

При этихъ неосторожныхъ словахъ воспрянула вся гордость независимой Эленъ. Она отступила назадъ и въ глазахъ ея вспыхнулъ враждебный огонекъ.

— Я сумѣю наблюсти за своими чувствами, и всегда готова отвѣчать за свои поступки. Окончимъ этотъ тягостный разговоръ. Мой окончательный отвѣтъ, баронъ,—я не могу быть вашей женой!

Въ эту минуту въ дверяхъ библіотеки появилась баронесса. Видя волненіе Эленъ и разгоряченное лицо барона, она спросила:

— Ну, что? Какъ идутъ дѣла? Можно васъ поздравить?

— Боже сохрани! Миссъ Рутерфордъ больше нравится разъѣзжать въ качествѣ проповѣдницы своихъ утопій, чѣмъ принять мою любовь и мое имя,—отвѣтилъ Евгеній Павловичъ съ дрожью въ голосѣ отъ гнѣва и досады.

Затѣмъ онъ повернулся и, какъ ураганъ, вылетѣлъ изъ комнаты.

Эленъ хотя и поблѣднѣла, но осталась тверда и не вернула его. Лидія Андреевна посмотрѣла на нее и покачала головой.

— Вы жестоки, миссъ Эленъ, къ бѣдному барону, который искренне обожаетъ васъ; вы жестоки даже къ самой себѣ, такъ какъ ваше волненіе и полные слезъ глаза доказываютъ, что вы далеко

не равнодушны къ Евгенію Павловичу. Не отрицайте! Я—женщина, я любила, и понимаю васъ лучше, чѣмъ вы сами себя понимаете.

Она подвела свою гостью къ дивану, обняла ее и дала ей успокоительныхъ капель.

Когда волненіе Эленъ нѣсколько стихло, баронесса сказала, пожавъ ей руку:

— Позвольте мнѣ, дорогое дитя мое, говорить такъ, какъ говорила бы съ вами ваша мать, потому что я питаю къ вамъ глубокую симпатію. Я признаю величіе идеи и благодѣтельную пользу «Рая безъ Адама», но общество озлобленныхъ женщинъ, разочарованныхъ, ожесточенныхъ и полныхъ ненависти, вредно для здороваго и цѣльнаго молодого существа, полнаго естественныхъ стремленій къ счастью. Женщину нужно вообще вооружить для жизненной борьбы, не слѣдуетъ бракъ ставить единственною ея цѣлью въ жизни, но нельзя также запрещать ей любить и считать преступленіемъ, если она повинуется закону природы. Убѣжище можетъ пожалѣть объ утратѣ такой блестящей и полезной сотрудницы, но не вправѣ осудить васъ, если вы уступите голосу сердца. Очень жаль, что вы приносите въ жертву утопіи счастье двухъ человѣческихъ существъ. Баронъ любитъ васъ, и вы напрасно боитесь выйти за него замужъ. Онъ добрый малый, хотя слегка и повѣса, это правда. Но кто не шалилъ, будучи молодъ, красивъ, богатъ и испорченъ угодливостью женщинъ? Зато, сдѣлавшись мужемъ обожаемой женщины, онъ остепенится и забудетъ свои похожденія, давно уже надоѣвшія ему. Повѣрьте, вліяніе жены на мужа—громадно! И какъ мало женщинъ, которыя въ силахъ подчинить себѣ мужчину такъ, какъ можете вы! Вы хороши собой, высоко образованы, умны и... богаты, что никогда ничего не портитъ. Подумайте о томъ, что я сказала, а если измѣните свое жестокое рѣшеніе, намекните мнѣ только, и я живо все устрою.

Эленъ поблагодарила баронессу за участіе и затѣмъ, сославшись на усталость, уѣхала.

Вернулась она домой совершенно разбитой. На сердцѣ у нея было тяжело, горло сдавило, а голова сильно болѣла. Она поспѣшила раздѣться и отослала камеристку; затѣмъ, бросившись на кровать, она зарылась головой въ подушки, и хлынувшія наконецъ слезы облегчили ее. Эленъ перестала сама себя понимать. Въ душѣ кипѣлъ хаосъ, но относительно чувства, которое внушалъ ей Равенсбургъ, заблужденія быть не могло. Она любила его—это было несомнѣнно, и отъ нея одной зависѣло сдѣлаться его женой; а между тѣмъ, она

не хотѣла отказаться отъ своей свободы, и мысль, что она,—блестящая защитница дѣла «Рая безъ Адама»,—опозоритъ себя бѣгствомъ съ поля битвы, заглушала всякое другое чувство.

Судорожно рыдая, Эленъ вся отдалась своей внутренней борьбѣ, и не замѣтила, какъ вошла Нелли. Она подняла голову лишь въ моментъ, когда та опустилась около нея на колѣни и тихо сказала:

— Дорогая моя, что съ тобой?

Эленъ съ гнѣвомъ вскочила: Ей было невыносимо, что ее застали въ минуту нравственнаго разлада. Но встрѣтивъ добрый, грустный и любящій взглядъ Нелли, гнѣвъ ея сразу растаялъ; она даже почувствовала себя счастливой, что не одинока, что у нея есть преданное существо, которому она можетъ повѣрить свое горе, и которое не осудитъ, а пойметъ ее. Нелли сама любила и жестоко боролась, чтобы позабыть недостойнаго. Да и забыла ли она еще?..

Обнявъ подругу, Эленъ уже не сдерживала слезъ, и Нелли молча дала ей выплакаться. Когда же рыданія стихли и наступило нѣкоторое успокоеніе, Нелли подняла ее, усадила на диванъ и вытерла ей мокрымъ полотенцемъ горѣвшее лицо.

— Разъ ужъ ты была свидѣтельницей моей недостойной слабости, дорогая Нелли, я довѣрю тебѣ, что со мной случилось.

Передавъ свой разговоръ съ Равенсбургомъ, она прибавила:

— Это былъ самый тяжелый моментъ въ моей жизни. Когда онъ умолялъ меня и говорилъ о своей любви, я забыла все: и примѣръ матери, и свои принципы, и недовѣріе къ мужчинамъ! Мною овладѣло лишь безумное желаніе: принять его предложеніе, быть, хотя бы одинъ только день, счастливой и испытать, что такое значитъ любить и быть любимою... Я же осталась тверда и отказала, не смотря, на все, но сознаю, что это рѣшеніе будетъ дорого мнѣ стоить, такъ какъ люблю барона и принуждена забыть его. Ты сама любила Нелли, а потому и не осудишь меня.

— Сохрани меня Господь отъ безумія осуждать столь естественное и законное чувство! Я только жалѣю тебя, такъ какъ знаю по опыту, какъ тяжело побѣдить это чувство. И все-таки, Эленъ, благодари Бога, что ты должна его забыть по доброй волѣ, а не потому, что тебя бросилъ тотъ, кого ты любишь, и кого ты вынуждена презирать.

— Ты права, моя вѣрная Нелли! Обѣщаю тебѣ быть сильной и благоразумной въ будущемъ. Я не хочу измѣнить своему дѣлу и признаюсь тебѣ, что стыдъ быть опозоренной передъ общиной много содѣйствовалъ выказанной мною энергіи.

— Поэтому возрадуемся, что сегодняшній день былъ столь славнымъ для нашей общины, такъ какъ въ твое отсутствіе мнѣ тоже было сдѣлано предложеніе,—съ улыбкой замѣтила Нелли.

— Что ты говоришь? Вѣроятно у тебя былъ Броунъ?—спросила, оживляясь, Эленъ.

— Онъ самый! Признаюсь тебѣ, онъ говорилъ очень краснорѣчиво о той спокойной, чуждой всякихъ разочарованій, жизни, какую онъ мнѣ устроитъ, ввиду своихъ строгихъ принциповъ и убѣжденія въ святости брака.

— Почему же ты отказала ему? Онъ не повѣса и не развратникъ, какъ Равенсбургъ. Или ты все еще любишь своего негоднаго жениха?

— Нѣтъ, я не люблю больше Харри! Но, видишь ли, я ужъ больше и не вѣрю въ прекрасныя слова, зная, что практика частенько расходится съ теоріей. Кромѣ того, я не чувствую къ нему никакого сердечнаго влеченія.

— Вѣроятно, онъ былъ очень огорченъ?

— Трагическаго отчаянія онъ не выказалъ,—весело отвѣтила Нелли.—но зато онъ и не считалъ себя побѣжденнымъ, заявивъ, что такъ какъ я та именно женщина, какая ему нужна, то онъ повторитъ свое предложеніе по возвращеніи въ Бостонъ, а что я измѣню несомнѣнно свое рѣшеніе, когда увижу его красивый домъ съ большимъ садомъ и, вообще, ближе съ нимъ познакомлюсь.

Эленъ вздохнула.

— Боюсь, что и Равенсбургъ также не считаетъ себя побѣжденнымъ понявъ, что нравится мнѣ; кромѣ того, онъ далеко не такой покорный и терпѣливый, какъ мистеръ Броунъ. Было бы всего благоразумнѣе, если бы я тотчасъ же уѣхала; но я не могу на это рѣшиться, не переговоривъ раньше съ отцомъ. Завтра же я потолкую съ мистриссъ Форестъ и буду убѣждать ее уѣхать, безъ шума, на другой же день послѣ бала. Укладываться мы можемъ начать съ завтрашняго же дня и телеграфируемъ въ Берлинъ г-жѣ Мартинъ, чтобы она была готова присоединиться къ намъ. Оттуда мы уѣдемъ черезъ Бременъ, или черезъ Парижъ въ Англію, гдѣ сядемъ на пароходъ. Довольно съ меня просвѣщать Европу!

Все устроилось по желанію Эленъ. Мистриссъ Форестъ и сама жаждала вернуться въ ихъ мирное убѣжище, а потому дѣятельно занялась укладкой вещей. Скоро все было готово къ назначенному отъѣзду съ шести-часовымъ поѣздомъ на другой день послѣ бала.

Всѣ эти дни Эленъ избѣгала появляться въ свѣтѣ. Она не хо-

тѣла встрѣчаться съ барономъ, такъ какъ не совсѣмъ довѣряла себѣ. Однако, убѣжденіе, что онъ безумно любитъ ее, нѣсколько успокаивало и ей было бы тяжело, относись къ ней баронъ равнодушно.

По мѣрѣ приближенія бала баронессы Надлеръ, нервное напряженіе Эленъ все возростало, а наканунѣ маскарада это лихорадочное волненіе достигло своего апогея. Цѣлый день Эленъ была занята укладкой своихъ бумагъ и разныхъ оездѣлушекъ: а затѣмъ, сославшись на сильную усталость, она рано легла спать. Неизбѣжная разлука на вѣки съ любимымъ человѣкомъ наполняла ея душу мучительной горечью, но однако ей даже и въ голову не приходило уступить ему. Гордость и упрямство были сильнѣй любви.

Эленъ заснула только на разсвѣтѣ, и сонъ ея былъ безпокоенъ. Видя, что солнце просвѣчиваетъ сквозь занавѣси и озаряетъ обычную обстановку, Эленъ со вздохомъ облегченія провела носовымъ платкомъ по пылающему лицу.

Она встала и хотѣла позвонить, какъ въ комнату влетѣла видимо раздраженная Нелли.

— Представь себѣ! Сейчасъ пріѣхала эта безстыдная дѣвчонка, Арабелла, и умоляетъ, чтобы ее простили и приняли обратно!—вскричала она.

— Скажите пожалуйста! И это послѣ неслыханнаго скандала, какой она намъ устроила? Нѣтъ! Пусть она живетъ у своего милаго мужа или жениха, а насъ оставитъ въ покоѣ — сердито отвѣтила Эленъ.

— О! Она жестоко наказана за свою неблагодарность. Какой жалкій у нея видъ! Подъ глазомъ громадный синякъ, все тѣло исполосовано, и воетъ она, какъ бѣсноватая. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разсчитали Кирилла за нерадивость, онъ, кажется, пьетъ безъ просыпа. Вмѣстѣ съ любовникомъ тетки онъ укралъ у Арабеллы всѣ ея вещи, часы и шубу; а когда они захотѣли выманить у нея деньги, и она не отдала имъ жалкіе еще оставшіеся у нея рубли, Кириллъ избилъ ее до полу смерти, и это уже не въ первый разъ.

— Но, вѣдь, если она вышла замужъ, то мы не имѣемъ права взять ее?

— Нѣтъ, нѣтъ! Они не обвѣнчаны. Арабелла клянется, что теперь она предпочитаетъ на всегда «Рай безъ Адама»—раю съ колотушками, синяками и грубой руганью.

— Въ такомъ случаѣ придется ее простить, ради ея прекрасной матери. Арабелла здѣсь—чужая и не хорошо совсѣмъ бросить ее. Пойдемъ же къ мистриссъ Форестъ и выслушаемъ пострадавшую.

Скоро появилась Арабелла,—исхудавшая, покрытая синяками и царапинами. Волосы ея были растрепаны, а одежда грязна и изорвана.

Когда Арабелла разсказала всѣ постигшія ее бѣды и поклялась до самой смерти не довѣрять больше мужчинамъ, мистриссъ Форестъ объявила, что община прощаетъ ее, а Эленъ прибавила:

— Благодарите Бога, что успѣли раскаяться до нашего отъѣзда, который назначенъ на завтра! Я попрошу миссъ Эми, чтобы она купила вамъ все необходимое изъ моихъ личныхъ средствъ. Пусть этотъ жестокій урокъ и униженіе, ожидающее васъ въ убѣжищѣ послѣ скандала, удержатъ васъ въ будущемъ отъ новыхъ увлеченій!

Когда Арабелла ушла, заливаясь слезами, и пріятельницы остались однѣ, Нелли замѣтила съ легкой усмѣшкой:

— Мнѣ кажется, что существуетъ духъ-мститель, который карает тѣхъ, кто дезертируетъ изъ нашей общины, потому что приходится возвращаться туда со стыдомъ. Рѣшительно, лучше не испытывать своей судьбы!

Эленъ пропустила ея слова безъ отвѣта, а чтобы убить время, стала разсматривать костюмъ, тщательно приготовленный ею къ маскараду.

Она хотѣла быть особенно красивой на этомъ вечерѣ, чтобы оставить неизгладимое сожалѣніе въ душѣ Равенсбурга, который увидитъ ее въ послѣдній разъ.

День тянулся тяжело и томительно, а нервное раздраженіе, смут- ное и лихорадочное безпокойство Эленъ росло съ часу на часъ; что- то вродѣ предчувствія бѣды давило ее. Предстоящее объясненіе, которое она, во что бы то ни стало, хотѣла имѣть съ отцомъ, про- буждало въ сердцѣ гнѣвъ и горечь. Эленъ никому не говорила о своемъ костюмѣ и рѣшила не показывать его до ужина, когда всѣ снимутъ маски; она хотѣла вмѣшаться въ толпу и говорить съ Ар- темьевымъ, закутанная въ простое домино.

Нелли отказалась сопровождать пріятельницу, но дѣятельно по- могала ей наряжаться. Она вполнѣ сознавала, что никогда еще та не была столь божественно хороша, какъ въ этомъ волшебномъ ко- стюмѣ, при нѣжномъ румянцѣ, вызванномъ затаеннымъ волне- ніемъ, и съ лихорадочнымъ блескомъ большихъ, лучистыхъ глазъ, сверкавшихъ какъ два темныхъ сапфира.

Вѣрная правилу одѣваться на празднества и вечера только въ бѣлое, Эленъ выбрала костюмъ феи ледниковъ. Бѣлое атласное платье

было покрыто серебристымъ газомъ, усыпаннымъ блестками, словно алмазными каплями. Отдѣлка платья, поясъ и бахрома, окаймлявшая вырѣзъ корсажа, были изъ горнаго хрусталя, на подобіе льда. Фантастическая корона, сдѣланная также словно изо льда, придерживала покрывало изъ блестящаго газа, а на шеѣ было надѣто чудное бриліантовое ожерелье.

Этотъ бѣлоснѣжный нарядъ удивительно шелъ къ высокой, стройной фигурѣ и ослѣпительному цвѣту лица Эленъ. Оглядѣвъ себя на послѣдокъ въ зеркало, она накинула широкое черное атласное домино и спустила капюшонъ. Затѣмъ, подвязавъ маску, она уѣхала.

Будущая княгиня устроила все на-славу. Прихожая была уставлена растеніями, залитыя электрическимъ свѣтомъ гостиныя имѣли волшебный видъ, а одна изъ залъ преобразилась въ зимній садъ, съ высокими достигавшими потолка пальмами съ группами тропической зелени и съ фонтаномъ, серебристая струя котораго отливала разноцвѣтными огнями. Все это возбуждало общій восторгъ.

Эленъ умышленно пріѣхала попозже, когда всѣ залы были уже полны гостями, чтобы незамѣтно вмѣшаться въ шумную и пеструю толпу.

Одна хозяйка, въ роскошномъ средневѣковомъ нарядѣ, была безъ маски. Любезно улыбаясь, она привѣтливо обходила гостей подъ руку съ княземъ, котораго легко было узнать, несмотря на костюмъ.

Никто, казалось, не замѣтилъ и не узналъ Эленъ, за исключеніемъ Равенсбурга, который съ самаго начала бала нетерпѣливо искалъ ее. Къ барону очень шелъ его изящный костюмъ мушкетера временъ Генриха IV. Эленъ тоже узнала его, несмотря на маску; но въ эту минуту ей было не до него, и она искала Артемьева. Но напрасно обошла она всѣ комнаты—его нигдѣ не было. Нервное нетерпѣніе Эленъ было до крайности напряжено, какъ вдругъ неожиданный случай столкнулъ ее съ нимъ. Она увидѣла отца въ зимнемъ саду, куда онъ зашелъ, видимо, чтобы отдохнуть. Артемьевъ снялъ маску и отиралъ разгорѣвшееся лицо. На немъ, поверхъ фрака, было накинуто широкое черное домино. Когда Владиміръ Александровичъ вышелъ изъ зимняго сада, Эленъ пошла за нимъ вслѣдъ и спросила, измѣнивъ голосъ:

— Отчего жестокій Амадисъ одинокъ? Тебя ищетъ прекрасная цыганка, чтобы нагадать тебѣ успѣхъ.

Когда Эленъ обходила помѣщеніе, ей показалось, что она узнала Обзорову, одѣтую цыганой и смѣло интриговавшую мужчинъ.

Артемьевъ пытливо оглядѣлъ домино, и что-то, въ голосѣ и походкѣ, заставило его заподозрить въ немъ миссъ Рутерфордъ.

— Я одинъ потому, что ждалъ тебя. Я зналъ, что ты сыщешь меня,—отвѣтилъ онъ своимъ обычнымъ небрежнымъ тономъ.

— Очень лестно слышать, что ты ждалъ меня, даже не зная, кто — я.

— Ошибаешься! Я знаю тебя, обольстительная противница мужчинъ.

Эленъ слегка удивилась, но тѣмъ не менѣе, отвѣтила безъ малѣйшаго колебанія.

— Этого еще мало, ты все-таки не знаешь кто—я.

— Ты прекрасная и жестокая жрица «Рая безъ Адама»,—сказалъ Артемьевъ, склоняясь къ ней.

— И это еще ничего не значитъ! При всемъ томъ, ты все же не знаешь кто я,—повторила Эленъ.

— Такъ, открой мнѣ эту тайну.

— Не могу, такъ какъ здѣсь слишкомъ много народа.

— Эге! Прекрасная американка начинаетъ, кажется, себя обнаруживать,—подумалъ Артемьевъ.

Затѣмъ онъ отвѣтилъ громко:

— Хочешь, я отвезу тебя въ укромное мѣсто, гдѣ ты безбоязненно можешь сказать мнѣ истину?

Такъ какъ Эленъ ничего не отвѣтила, то онъ прибавилъ:

— То, что я предлагаю, очень легко сдѣлать. Мнѣ извѣстны здѣсь всѣ ходы и выходы. Вотъ этимъ корридоромъ, налѣво, мы можемъ выйти въ прихожую, а у подъѣзда ждетъ моя карета. Черезъ часъ мы вернемся, и никто не замѣтитъ наше отсутствіе.

Эленъ вздрогнула и подумала: куда хочетъ онъ вести ее? Къ себѣ или въ какой-нибудь модный кабакъ, гдѣ обычно угощаетъ кокотокъ?

— Въ ресторанъ я не поѣду,—рѣзко отвѣтила она, позабывъ даже измѣнить голосъ.

— Я и не помышлялъ предлагать тебѣ нѣчто подобное. Мы поѣдемъ ко мнѣ, обаятельная и скрытная дочь Евы. А тамъ, вдали отъ нескромныхъ глазъ и ушей, ты откроешь мнѣ свою тайну,—глухимъ голосомъ прошепталъ Владиміръ Александровичъ.

Съ минуту Эленъ молчала. Въ ней все дрожало и трепетало. Въ этотъ мигъ прорвалось наружу все нравственное напряженіе и лихорадочное волненіе, скоплявшіяся за послѣдніе дни. Въ видѣ урагана пронеслись въ умѣ воспоминанія о матери, ея унылое дѣтство и жгучее желаніе отомстить отцу, бросившему ихъ. Въ своемъ безумномъ воз-

бужденіи она забывала даже, чѣмъ рисковала. Гордая и независимая, она смѣло отдавалась властному искушенію перешагнуть отцовскій порогъ, отъ котораго была удалена. А въ сущности, вѣдь это свиданіе наединѣ было съ роднымъ о т ц о м ъ...

Поэтому она не сопротивлялась, когда Владиміръ Александровичъ взялъ ее подъ руку и повелъ въ корридоръ.

— Идемъ, идемъ скорѣй!—бормоталъ Артемьевъ, страстно прижимая руку Эленъ.

Гордость и самодовольство волновали сердце пресыщеннаго жизнью Артемьева; а въ душѣ шевельнулось даже что-то, похожее на болѣе теплое чувство, при такой неожиданной побѣдѣ. Значитъ, онъ былъ еще весьма обаятеленъ, если эта очаровательная дѣвушка такъ легко отдавалась ему, предпочитая его любовь честному замужеству и отталкивая красиваго молодого человѣка.

Но Владиміръ Александровичъ ошибался, однако, думая, что уѣзжалъ съ бала никѣмъ не замѣченный. Равенсбургъ сторожилъ прибытіе Эленъ. Замѣтивъ, что въ залу вошло одинокое домино, онъ сталъ слѣдить за нимъ и скоро, по наитію влюбленнаго, узналъ въ немъ Эленъ. Онъ видѣлъ, какъ это домино обошло всѣ гостиныя, какъ бы ища кого-то, а потомъ подошло къ Артемьеву, костюмъ котораго былъ извѣстенъ барону, и адская ревность овладѣла имъ. Спрятавшись за драпировками, онъ старался подслушать ихъ разговоръ, а когда Эленъ со своимъ кавалеромъ проходила мимо, ему удалось уловить нѣсколько словъ. Затѣмъ, они исчезли въ сосѣдней комнатѣ.

На минуту баронъ точно окаменѣлъ, но потомъ пустился по ихъ слѣдамъ, и нигдѣ не могъ найти ихъ. Наконецъ, онъ кинулся въ прихожую и, сунувъ швейцару пятирублевку, узналъ всѣ нужныя ему подробности. Оказалось, что нѣсколько минутъ тому назадъ, Артемьевъ уѣхалъ съ дамой въ черномъ домино, и швейцаръ слышалъ, какъ онъ приказалъ кучеру везти домой.

Сомнѣній не было. Эленъ уѣхала съ Артемьевымъ къ нему, какъ это сдѣлала бы Колетта или Жобаръ. Вотъ, значитъ, что таилось подъ ея яснымъ взглядомъ, невиннымъ видомъ и ненавистью къ мужчинамъ. Таковъ былъ отвѣтъ этой пошлой авантюристки на его благородное предложеніе?!. Но почему продается она этому перезрѣлому распутнику, а не ему,—болѣе молодому и красивому человѣку,—если ужъ она не желаетъ связывать себя и предпочитаетъ свободную любовь честному замужеству?

У него кружилась голова, горло сдавило и захватило дыханіе при мысли, что Эленъ очутится въ объятіяхъ этого негодяя, Артемьева, знавшаго, что онъ, его пріятель, любилъ эту женщину и хотѣлъ на

ней жениться. Кровь съ силой ударила барону въ голову, и ему показалось, что онъ теряетъ разсудокъ. Онъ зашатался и прислонился къ периламъ лѣстницы, отирая выступившій у него на лбу потъ.

Но тутъ быстро наступила реакція, и его отчаяніе смѣнилось такой страстной жаждой мести, что онъ убилъ бы виновныхъ, попадись они въ эту минуту ему подъ руку.

— Подожди, безстыдная искательница приключеній. Ты проповѣдуешь добродѣтель, а на дѣлѣ развратничаешь?! Вотъ я сорву съ тебя маску и втопчу въ грязь, а тамъ можешь величаться своей идейностью сколько угодно. Я накрою тебя съ поличнымъ. Клянусь, что ты никогда больше не надѣнешь личину благородства, которую съ такимъ искусствомъ до сей поры носила!!.

Баронъ вспомнилъ вдругъ, что у него имѣется ключъ отъ любовнаго гнѣздышка Артемьева. Нужно было только заѣхать за нимъ домой, а потомъ какъ можно скорѣе летѣть на Большую Морскую, и онъ поспѣетъ какъ разъ во-время, чтобы поймать на мѣстѣ преступленія достойную парочку.

Не теряя ни минуты, набросилъ онъ шубу, вскочилъ въ экипажъ и помчался.

Когда дверца захлопнулась и Эленъ очутилась наединѣ съ Артемьевымъ въ быстро мчавшейся каретѣ, возбужденіе ея сразу опало, уступивъ мѣсто сильному страху и раскаянію.

Что она надѣлала? Эта непростительная глупость покроетъ ея доброе имя неизгладимымъ позоромъ, если узнаютъ, что она ускакала съ бала съ этимъ старѣющимъ повѣсой. Кто повѣритъ, что у нея было иное намѣреніе, а не просто грязная любовная интрижка? Равенсбургъ будетъ презирать ее и разлюбитъ. Вѣдь то, что она скажетъ отцу, останется тайной для всѣхъ, и она уѣдетъ съ навсегда запятнанной честью. Сердце ея сильно билось и вся кровь прилила къ головѣ.

Въ эту минуту Артемьевъ обнялъ ее за талію и привлекъ къ себѣ, желая поцѣловать; но Эленъ быстро откинулась назадъ, а Владиміръ Александровичъ былъ слишкомъ деликатенъ, чтобы настаивать. Даже сквозь шубу онъ чувствовалъ охватившую Эленъ нервную дрожь, которую приписалъ борьбѣ между любовью и боязнью скомпрометировать себя. Повидимому, она ѣхала еще на первое свиданіе, а потому надлежало быть терпѣливымъ и осторожнымъ, чтобы не напугать ее.

Доѣхали они молча. Артемьевъ повелъ ее черезъ дворъ и они поднялись во второй этажъ по той самой лѣстницѣ, по которой лазили

къ ненасытному «шалуну» его возлюбленныя «дамы»,—притомъ, не только изъ «полу-свѣта», но и изъ «большого свѣта».

У Эленъ зубъ-на-зубъ не попадалъ. Въ эту рѣшительную минуту силы ее оставили и ею овладѣло желаніе бѣжать. Охваченная внезапною слабостью, она прислонилась къ стѣнѣ.

Артемьевъ вынулъ, между тѣмъ, изъ кармана ключъ, отперъ дверь и Эленъ, почти безотчетно, вошла по его приглашенію въ небольшую изящную прихожую, освѣщенную электрической лампой.

Сбросивъ шубу, Владиміръ Александровичъ помогъ раздѣться гостьѣ и ввелъ ее въ темный еще будуаръ. Но затѣмъ онъ повернулъ кнопку и мигомъ вспыхнувшія четыре лампы залили потоками свѣта уютный и сладостный пріютъ его мимолетныхъ любовныхъ утѣхъ.

Остановившись по срединѣ комнаты, Эленъ сняла только маску, желая остаться въ домино, но Артемьевъ растегнулъ его съ настойчивой любезностью.

— Здѣсь очень жарко, дорогая,—сказалъ онъ, бросая домино на кресло.

Но почти въ ту же минуту у него вырвались глухой крикъ восторга и упоенный взглядъ его точно впился въ Эленъ, стоявшую передъ нимъ, какъ нѣкое волшебное видѣніе; такъ была она стройна и воздушна въ своемъ серебристомъ нарядѣ. Электрическій свѣтъ сіялъ и переливался на бриліантахъ и кристаллахъ, окружая ее какъ бы разноцвѣтнымъ, сверкавшимъ ореоломъ; но лицо ея было такъ же бѣло, какъ и одѣяніе снѣговой феи. Губы Эленъ нервно дрожали, а большіе глаза, похожіе на два темныхъ сапфира, смотрѣли на Владиміра Александровича съ страннымъ, непонятнымъ ему выраженіемъ.

— Господи! Какъ вы прекрасны, миссъ Эленъ. Чѣмъ только заслужилъ я такой царскій даръ, какъ ваша любовь?—восторженно пробормоталъ, наконецъ, Артемьевъ, наклоняясь къ ней.

Его пылавшій взглядъ, полуоткрытыя губы и тяжелое дыханіе явно говорили о страстномъ, овладѣвшемъ имъ чувствѣ.

Трудно описать, что перечувствовала Эленъ. Отвращеніе, отчаяніе, стыдъ и бѣшеная ненависть кипѣли въ ея душѣ противъ этого жаждавшаго овладѣть ею грѣшника, которому внутренній голосъ не подсказывалъ въ эту минуту:

— Вѣдь ты дочь свою привелъ въ этотъ будуаръ, насквозь пропитанный порокомъ и развратомъ! Своего невиннаго ребенка ты завлекъ въ эту яму, чтобы безжалостно обезчестить!

Почти физическая боль сдавила сердце Эленъ, отнимая у нея дыханіе.

— Отчего ты дрожишь, дорогая Эленъ? Любовь все извиняетъ и все заглаживаетъ. Клянусь, я люблю тебя такъ, какъ еще никогда не любилъ!—вскричалъ Артемьевъ, привлекая къ себѣ ее и страстно цѣлуя.

Но Эленъ быстро вырвалась изъ его объятій и попятилась. Она смертельно поблѣднѣла, взоръ ея потухъ, а руки судорожно вытянулись впередъ, какъ бы для защиты отъ новаго нападенія. Не возстанетъ ли оскорбленная тѣнь матери, чтобы покарать этого измѣнника?..

— Погоди!.. Остановись, прежде чѣмъ ты дашь мнѣ еще любовный поцѣлуй!—отрывисто вскричала Эленъ.—Вѣдь ты все еще не знаешь, к т о—я!

— Да что означаетъ эта фраза? Я хочу знать, кто ты, наконецъ!—пробормоталъ недовольный Артемьевъ, отступая съ нахмуреннымъ видомъ и стараясь найти на разстроенномъ лицѣ молодой дѣвушки ключъ къ этой загадкѣ.

Блѣдность Эленъ сразу смѣнилась яркимъ румянцемъ. Сдѣлавъ шагъ къ Владиміру Александровичу, она отвѣтила съ негодующимъ взоромъ:

— Я Елена Артемьева, дочь Викторіи Гаррисонъ! Я твоя дочь, негодяй! Ты бросилъ меня, сдѣлалъ сиротой, оставилъ одинокой на свѣтѣ, и теперь только протягиваешь ко мнѣ руку, но чтобы уже обезчестить!

Артемьевъ онѣмѣлъ и смертельно поблѣднѣлъ, а глаза его широко открылись и взглядъ сталъ точно стекляннымъ. Онъ казался помѣшаннымъ.

— Моя дочь!.. Моя дочь!.. Викторія!..—бормоталъ онъ посинѣвшими губами.

Прижавъ одну руку къ сердцу, Артемьевъ искалъ, казалось, другой что-то въ пространствѣ. Вдругъ онъ зашатался и, какъ безжизненная масса, рухнулъ на коверъ.

Испуганная Эленъ не была въ состояніи шевельнуться, и съ минуту молча смотрѣла на него. Но затѣмъ, она бросилась на колѣни и пыталась приподнять его безжизненную голову и привести его въ чувство.

— Отецъ! Отецъ! Прости меня!.. Я не хотѣла этого!—съ тоской и страхомъ повторяла она.

Поглощенные своимъ волненіемъ, ни Эленъ, ни Владиміръ Александровичъ не слышали передъ тѣмъ, какъ дверь на черную лѣст-

ницу открылась и кто-то торопливыми шагами вошелъ въ прихожую. Это былъ взбѣшеный ревностью Евгеній Павловичъ. Услышавъ шумъ упавшаго тѣла, онъ сбросилъ на полъ шубу, однимъ прыжкомъ очутился у двери, открылъ ее и откинулъ портьеру. При видѣ неподвижно лежавшаго на коврѣ пріятеля и Эленъ, стоявшей около него на колѣняхъ и называвшей его отцомъ, онъ точно приросъ къ мѣсту. Что такое? Грезитъ онъ или она сошла съ ума?

— Что такое случилось?—вскричалъ онъ, бросаясь къ Эленъ и поднимая ее.

— О! Я убила отца!—пробормотала та, шатаясь и едва держась на ногахъ.

Баронъ подвелъ ее къ креслу.

— Вы бредите, бѣдняжка! Какимъ образомъ могли вы убить Артемьева?—съ участіемъ сказалъ онъ.

Вся его ревность испарилась, но ему никакъ не удавалось понять, что именно здѣсь произошло.

— Я сказала ему, что я его дочь, и онъ не перенесъ этого удара. Онъ умеръ!..—съ отчаяніемъ пробормотала Эленъ, закрывая руками лицо.

Евгеній Павловичъ сталъ на колѣни, пощупалъ у Владиміра Александровича пульсъ и приложилъ ухо къ его груди.

— Онъ живъ! Сердце еще бьется. Скорѣе, миссъ Эленъ, дайте мнѣ воды и позвоните лакея! Кнопка тамъ, налѣво.

Эленъ машинально позвонила, а затѣмъ смочила водой изъ графина свой носовой платокъ и подала его барону.

Въ эту минуту вошелъ слуга и въ недоумѣніи остановился, видя какую-то незнакомую даму и своего барина, неподвижно лежавшимъ на коврѣ.

По приказанію барона, лакей помогъ ему перенести Артемьева въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ альковѣ стояла постель, обитая голубымъ шелкомъ. Владиміру Александровичу сняли галстухъ и всячески пытались привести его въ чувство. Смачивая виски и растирая руки своего друга разными снадобьями и о-де-колономъ, баронъ не переставалъ думать о томъ, что необходимо удалить Эленъ и позвать докторовъ. Но, къ несчастью, Евгеній Павловичъ не имѣлъ времени привести въ исполненіе это благоразумное рѣшеніе.

Никто не замѣтилъ, что жена повара подкралась къ двери и съ любопытствомъ заглянула внутрь комнаты. Увидавъ что тамъ происходитъ, она, какъ ураганъ, помчалась къ мужу и передала ему эту новость, а тотъ, не теряя ни минуты, бросился къ жившему во дворѣ

молодому морскому врачу, который только что вернулся изъ гостей и не успѣлъ лечь спать.

Суетливая повариха сообщила впопыхахъ о происшествии швейцару, и онъ, отмѣнно уважавшій Артемьева за щедрые «чаи», тотчасъ же взбѣжалъ къ старику профессору, занимавшему квартиру по той же лѣстницѣ. Профессоръ этотъ былъ хорошо знакомъ съ Владиміромъ Александровичемъ и состоялъ годовымъ докторомъ баронессы Надлеръ.

Благодаря такому непрошенному усердію, въ ту именно минуту, когда баронъ Равенсбургъ собирался послать за врачемъ и отправить Эленъ домой въ своемъ экипажѣ, прибыли два доктора: одинъ—съ параднаго хода, а другой—съ чернаго.

Съ глубокимъ изумленіемъ посмотрѣли они на Эленъ, все еще безпомощно сидѣвшую въ креслѣ. Оба хорошо знали ее. Одинъ изъ нихъ часто встрѣчался съ ней у Лидіи Андреевны, а другой—видѣлъ ее какъ-то у Андріановой и присутствовалъ даже на ея лекціи. Что могла здѣсь дѣлать миссъ Рутерфордъ? Какимъ образомъ очутилась она въ этомъ прославленномъ «гнѣздышкѣ», да при томъ въ такомъ фантастическомъ блестящемъ, маскарадномъ нарядѣ?

Но, привыкнувъ по профессіи къ сдержанности и скромности, они удовольствовались поклономъ, а затѣмъ прошли къ больному, который еще не подавалъ признаковъ жизни.

Появленіе докторовъ вывело, словно, Эленъ изъ ея апатичнаго оцѣпенѣнія, но пробужденіе это было очень горькое. Она была слишкомъ женщина, чтобы не понять двусмысленности этихъ удивленныхъ взглядовъ и молчаливаго привѣтствія. Обрушившееся на нее позорящее подозрѣніе вызвало лихорадочный румянецъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

Великій Боже! Что она надѣлала! По непростительной безумной выходкѣ, она погубила свою репутацію. Отнынѣ всякій вправѣ спросить себя, въ какой сомнительной роли была она ночью у стараго повѣсы, въ его любовномъ уголкѣ, не уступавшемъ отдѣльному кабинету ресторана? А между тѣмъ, она готова была лучше все вынести, даже тѣнь, наброшенную на ея чистоту, чѣмъ крикнуть:

— Это мой отецъ! Онъ завезъ меня сюда, не предполагая, что совершаетъ преступленіе, и убила его собственная совѣсть.

Ея гордость и затаенная ненависть не были еще побѣждены. Лишь незаслуженное оскорбленіе, только что нанесенное ей, и предчувствіе того всеобщаго презрѣнія, которое ее покроетъ, точно тисками сдавили сердце Эленъ и бросили въ холодный потъ.

Въ эту минуту изъ алькова вышелъ Евгеній Павловичъ, чтобы приготовить докторамъ чернила и бумагу. Артемьевъ очнулся, но затѣмъ снова лишился чувствъ.

У Эленъ шумѣло въ ушахъ, и голова, казалось, готова была разорваться на части. Она прижала руки къ вискамъ и ея разстроенный видъ вызвалъ въ баронѣ сочувствіе и жалость. Онъ понималъ, что происходило въ гордой душѣ Эленъ, такъ неосторожно поставившей себя въ ложное положеніе подъ вліяніемъ какихъ-то неизвѣстныхъ побужденій.

Какая мрачная семейная драма разыгралась между ней и Артемьевымъ? Была ли она его незаконнымъ ребенкомъ, или онъ преступно бросилъ въ Америкѣ свою законную дочь? Во всякомъ случаѣ никогда Эленъ не казалась барону болѣе дорогой, какъ въ эту минуту нравственной муки.

Равенсбургъ молча влилъ вина въ стаканъ съ водой и, подойдя къ Эленъ, заставилъ ее сдѣлать нѣсколько глотковъ. Услыхавъ, какъ зубы стучали о стекло стакана, баронъ склонился къ ней и, съ горячимъ участіемъ смотря въ ея затуманенные глаза, ободряюще сказалъ:

— Ради Бога, успокойтесь и постарайтесь овладѣть собой! Сейчасъ придутъ доктора. Они должны найти васъ спокойной. За остальное я отвѣчаю!

Эленъ инстинктивно поняла, что онъ правъ. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, она выпрямилась и отерла лицо носовымъ платкомъ, который баронъ вложилъ ей въ руку; такъ что, когда вошли врачи, она наружно оказалась довольно спокойной.

Баронъ сталъ разспрашивать о положеніи больного, и доктора заявили, что пока ничего не могутъ сказать объ исходѣ болѣзни, но что, по всей вѣроятности, откроется нервная горячка или воспаленіе мозга. Старикъ профессоръ нашелъ, что необходимо пригласить сестру милосердія и что онъ беретъ это на себя; затѣмъ, онъ напишетъ необходимыя предписанія, а утромъ заѣдетъ навѣстить больного. Молодой же коллега его обѣщалъ остаться у Владиміра Александровича до прибытія сестры милосердія, чтобы дать ей необходимыя наставленія.

Баронъ поблагодарилъ обоихъ. Затѣмъ, взявъ за руку Эленъ, онъ прибавилъ:

— Я тѣмъ болѣе признателенъ вамъ, господа, что вы даете мнѣ возможность лично отвезти мою невѣсту домой. Правда, наша помолвка должна была быть оглашена позже; но, въ виду вашего законнаго удивленія, вызваннаго присутствіемъ здѣсь миссъ Рутерфордъ-

Арди, я рѣшилъ открыть вамъ нашу тайну. Все произошло очень просто. Эленъ почувствовала сильную нервную головную боль и пожелала вернуться домой, а я рѣшилъ проводить ее, но при выходѣ мы встрѣтили Артемьева. Онъ тоже чувствовалъ сильное недомоганіе и хотѣлъ уѣхать, но тщетно искалъ свой экипажъ; тогда моя невѣста предложила довезти его до дому. По пріѣздѣ сюда, Владиміръ Александровичъ почувствовалъ себя уже такъ худо, что едва могъ ходить, а Эленъ пожелала помочь мнѣ. Но едва дошли мы до будуара, какъ Артемьевъ лишился чувствъ. Остальное вамъ извѣстно. Глубоко сожалѣю, что позволилъ Эленъ ѣхать со мной, такъ какъ все, что случилось здѣсь, сильно подѣйствовало на нея нервы.

Доктора поклонились и поздравили молодую чету. Данное имъ объясненіе было возможно, а если и представляло кое-какіе пробѣлы или невѣроятности, то ужъ никакъ нельзя было допустить, чтобы богатый человѣкъ, по рожденію и связямъ принадлежавшій къ аристократіи, назвалъ невѣстой особу съ сомнительной репутаціей, явившуюся къ Артемьеву ради грязной интрижки.

Проводивъ профессора, Евгеній Павловичъ вернулся въ будуаръ и, поцѣловавъ руку Эленъ, не раскрывавшей рта, сказалъ:

— Пойдемте, дорогая моя! Вамъ необходимо какъ можно скорѣе вернуться домой. Вы страшно разстроены и вамъ нуженъ отдыхъ.

Когда они уже сидѣли въ каретѣ, баронъ вторично взялъ руку Эленъ и прижалъ къ губамъ.

— Простите, что я такъ воспользовался обстоятельствами,— сказалъ онъ дрожавшимъ голосомъ.—Мнѣ было невыносимо, что чужіе люди могутъ усумниться въ васъ. Вашъ отецъ—мой лучшій другъ. Будь онъ въ состояніи говорить, Артемьевъ не потерпѣлъ бы, чтобы малѣйшая тѣнь коснулась вашей чести. Своимъ именемъ и своей любовью я защитилъ его дочь. Примите же и то, и другое.

— Благодарю васъ,—глухо пробормотала Эленъ.

По пріѣздѣ, Евгеній Павловичъ проводилъ ее до самой прихожей, а когда сталъ прощаться, Эленъ, не обращая вниманія на удивленіе прислуги, удержала руку барона.

— Вы будете извѣщать меня о ходѣ его болѣзни, не правда ли?—сказала она, поднимая на него свои большіе, полные слезъ глаза.

— Какъ вы можете сомнѣваться въ этомъ? Съ завтрашняго же утра я буду доставлять вамъ бюллетени и вы будете все знать.

— Я вамъ буду очень благодарна!

Смертельно блѣдная, разстроенная, едва держась на дрожавшихъ

ногахъ, прошла Эленъ въ свою комнату, а пока горничная раздѣвала и перечесывала ее, она лишилась чувствъ.

Перепуганная Ленора бросилась предупредить Нелли; та тотчасъ же прибѣжала и также встревожилась, приводя въ чувство подругу.

Когда уложенная въ постель Эленъ открыла наконецъ глаза, Нелли отослала горничную и, наклонясь къ больной, спросила:

— Что такое случилось? Отчего ты такъ разстроена?

— О! Если бы ты знала, что я сдѣлала!

— Обручилась съ барономъ?—спросила, вздрогнувъ, Нелли.

— Да, и это! Но я сдѣлала еще болѣе ужасный поступокъ: я убила своего отца!..

Слезы заглушили голосъ Эленъ.

— Несчастная! Какъ могла ты, позабывъ кто онъ, позволить себѣ увлечься до такого преступленія!—вскричала Нелли, поблѣднѣвъ и съ ужасомъ отступая назадъ.—Но какъ могло это случиться? Вѣдь у тебя не было оружія.

— О, Нелли! Не оружіемъ, а жестокими словами я убила его. Увлеченная жаждой мести, я позволила ему увезти себя къ нему, какъ бы желая сдѣлаться его возлюбленной. И я допустила, чтобы онъ счелъ меня искательницей приключеній; я допустила, чтобы онъ цѣловалъ меня въ пылу страсти, и только тогда бросила ему въ лицо правду!.. Это произвело на него ошеломляющее впечатлѣніе, какъ если бы въ ушахъ его загремѣла труба послѣдняго суда. О, Нелли! Никогда не забуду я выраженія его лица, померкшихъ глазъ и жеста, съ какимъ онъ прижалъ руку къ сердцу! Затѣмъ онъ упалъ замертво.

Въ перемѣшку съ судорожными рыданіями, разсказала Эленъ подругѣ все, что произошло далѣе, а затѣмъ прибавила:

— Всѣ ухаживали за нимъ, и я одна лишь сидѣла безучастно. Это былъ мой отецъ, Нелли, и въ то же время совершенно чужой мнѣ человѣкъ, къ которому я не смѣла подойти, такъ какъ всѣ эти люди считали меня его любовницей... О! Что я перестрадала, читая въ ихъ глазахъ позорную догадку. Поэтому, разъ баронъ назвалъ меня передъ ними своей невѣстой и великодушно охранилъ меня отъ незаслуженнаго стыда, я могла только склонить голову, а потомъ и поблагодарить, когда онъ объяснилъ, что прикрывалъ своимъ именемъ и любовью дочь своего друга.

— И ты поступила хорошо! Ты не могла обвинять умирающаго отца,—сказала Нелли, цѣлуя пріятельницу.—Такова, вѣроятно, была

воля Господа, Который направлялъ твой путь и обратилъ твое дурное чувство въ наказаніе, поразившее сердце грѣшника.

— Какія ужасныя угрызенія совѣсти будутъ давить меня всю жизнь,—рыдала Эленъ.—О! Во что бы то ни стало, я хочу завтра уѣхать. Что мнѣ здѣсь дѣлать? Безъ сомнѣнія, теперь онъ уже умеръ и даже не звалъ меня.

— Мы всѣ останемся здѣсь, пока твое положеніе окончательно не выяснится. Развѣ можешь ты уѣхать, не проводивъ отца къ мѣсту его послѣдняго упокоенія или не примирившись съ нимъ передъ его смертью, если Господь даруетъ тебѣ такую милость. Наконецъ, у тебя—обязательства относительно барона, давшаго тебѣ такое блестящее доказательство искренности своей любви. Ты не можешь отплатить за его великодушіе такимъ страннымъ и оскорбительнымъ для него бѣгствомъ. А теперь спи! Тебѣ нужно отдохнуть и собраться съ силами.

Истощенная слезами Эленъ заснула только подъ утро, а Нелли осталась сидѣть у ея изголовья, съ грустью размышляя о случившихся осложненіяхъ. Она сообщила мистриссъ Форестъ о ночномъ происшествіи, и онѣ, съ общаго согласія, рѣшили отложить свой отъѣздъ до новаго распоряженія.

Когда баронъ вернулся къ Артемьеву, тотъ уже былъ перенесенъ въ его спальню. Пріѣхавшая сестра милосердія была занята въ сосѣдней комнатѣ приготовленіемъ компрессовъ и, въ то же время, выслушивала наставленія, которыя вполголоса давалъ ей докторъ.

Евгеній Павловичъ тотчасъ же пошелъ къ нимъ, и узналъ отъ доктора, что у больного шла горломъ кровь, и что онъ находится пока въ полномъ сознаніи, но что высокая температура заставляетъ ожидать сильной лихорадки и бреда.

Баронъ прошелъ затѣмъ въ спальню, слабо освѣщенную лампой подъ абажуромъ, и тихо сѣлъ у изголовья больного. Артемьевъ неподвижно лежалъ на подушкахъ: глаза его были закрыты и тяжелое, свистящее дыханіе вырывалось изъ его полуоткрытыхъ губъ. Казалось, онъ спалъ.

Евгеній Павловичъ съ тяжелымъ вздохомъ глядѣлъ на блѣдное, но все еще красивое лицо друга и размышлялъ о грустной семейной драмѣ, героемъ которой былъ Владиміръ Александровичъ. Какое преступленіе юности возстало изъ прошлаго, и жестоко поразило его? Обольстилъ ли онъ женщину или молодую дѣвушку, а затѣмъ бросилъ ее съ ребенкомъ? И теперь, спустя многихъ лѣтъ, эта дочь явилась отомстить за оскорбленіе матери?.. Да, должно быть это такъ!

Законная жена нашла бы измѣнника и отстояла бы права своего ребенка; а между тѣмъ, Эленъ при всѣхъ отзывалась объ отцѣ, какъ о н е г о д я ѣ, а о матери говорила не стѣсняясь и считала ее святой и невинной жертвой.

И какая чудная дѣвушка, достойная быть гордостью каждаго отца, вышла изъ этого брошеннаго ребенка, втиснутаго судьбой, къ тому же, въ уродливыя условія жизни, воспитаннаго среди покинутыхъ и озлобленныхъ существъ, которыя отравили сердце Эленъ и толкнули эту горячую головку на путь возмущенія!

Размышленія эти толпились въ головѣ барона, и всецѣло поглотили его, какъ вдругъ раздался слабый голосъ:

— Евгеній!

— Что скажешь, Володя? Какъ ты себя чувствуешь?—поспѣшно спросилъ баронъ, наклоняясь къ больному, который безпокойно зашевелился на подушкахъ.

— Гдѣ Эленъ? Всѣ видѣли ее въ этой проклятой комнатѣ... Что подумаютъ о ней.—тоскливо простоналъ больной.

— Она вернулась домой, и...

— Не подумай что-нибудь дурного объ ней! Она—моя единственная и законная дочь. Возьми ключъ отъ моего стола, и въ глубинѣ средняго ящика есть секретное отдѣленіе. Тамъ ты найдешь ея метрическое свидѣтельство и все, что осталось мнѣ отъ прошлаго.—пробормоталъ, видимо утомленный, Артемьевъ.

— Успокойся, другъ мой! Твоя дочь уѣхала отсюда въ качествѣ моей невѣсты, какъ я и представилъ ее докторамъ; а благодаря возможному, данному мною объясненію, это избавитъ ее отъ всѣхъ гнусныхъ подозрѣній. Итакъ, будь спокоенъ и не раздражайся напрасно.

— Благодарю,—едва слышно пробормоталъ Артемьевъ, слабо пожимая руку пріятелю.

Немного спустя, Владиміръ Александровичъ впалъ въ дремоту. Но температура все возвышалась: на разсвѣтѣ она достигла сорока градусовъ, и у больного открылся бредъ.

Горя какъ въ огнѣ, Артемьевъ метался на кровати и съ его высохшихъ губъ безпрестанно срывались имена Эленъ, Викторіи и Тома Крауфорда. Повидимому, въ его мозгу оживали картины прошлаго. То онъ спорилъ съ Крауфордомъ, то прощался съ женой, то игралъ съ дочерью и осыпалъ ее ласками.

Но пароксизмъ замѣтно усиливался, когда ему казалось, будто онъ читаетъ письмо, которымъ его извѣщали, что его жена и дочь умерли въ нуждѣ. Тогда, казалось, что призраки начинали преслѣдо-

вать его, а больной кричалъ, стоналъ и метался съ такой силой, что трое мужчинъ едва удерживали его въ постели. Такъ какъ въ бреду Артемьевъ говорилъ по-англійски, то ни сестра милосердія, ни прислуга не понимали его, но баронъ довольно точно возстановилъ на основаніи этихъ разоблаченій подробности пережитой драмы, которая взволновала его до глубины души.

Когда лихорадочный бредъ смѣнился, наконецъ, полнымъ изнеможеніемъ, Евгеній Павловичъ могъ снять съ себя костюмъ мушкетера и прилегъ отдохнуть въ гостиной, гдѣ ему на-скоро постлали на диванѣ.

Эленъ онъ извѣстилъ запиской, что у больного открылась нервная горячка, но что онъ не оставитъ пріятеля, пока участь того не будетъ рѣшена.

XI.

Прошло нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ Артемьевъ находился между жизнью и смертью. Это были страшные дни для Эленъ, которую мучили тоска и угрызенія совѣсти. Она не выходила изъ своей комнаты и никого не принимала, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидая извѣщеній о положеніи отца, присылавшихся барономъ три раза въ день.

Со времени костюмированнаго бала Эленъ не видалась съ Евгеніемъ Павловичемъ и не подозрѣвала, что извѣстіе о ея помолвкѣ облетѣло уже весь городъ и принесло барону цѣлую серію поздравительныхъ писемъ.

Тяжкая болѣзнь «интереснаго» Владиміра Александровича и таинственныя, вызвавшія ее обстоятельства пробудили горячее любопытство праздной толпы, убивавшей время пересудами дѣлъ ближняго. Поэтому оба доктора, имѣвшіе счастье быть очевидцами загадочнаго приключенія, служили приманкой великосвѣтскихъ гостиныхъ.

Молодой врачъ Марковъ сообщилъ извѣстіе о болѣзни Артемьева и о помолвкѣ Эленъ съ барономъ Андріановой и ея дочери; а почтеннѣйшій профессоръ Богданъ Карловичъ Швабе разгласилъ «пикантную» новость у баронессы Надлеръ, а затѣмъ и у всѣхъ своихъ любопытныхъ кліентовъ, число которыхъ было—легіонъ. Но такъ какъ героиня оставалась невидимкой, а женихъ не покидалъ квартиры больного друга и взялъ даже отпускъ на нѣ-

сколько дней, то на долю досужихъ языковъ остались лишь догадки и предположенія.

Но Лидія Андреевна была не такая женщина, чтобы долго безпокоиться впустую, и послала, наконецъ, Евгенію Павловичу записку, въ которой такъ умоляла его пріѣхать къ ней хоть на четверть часа, что блѣдный и утомленный безсонными ночами баронъ на слѣдующее же утро явился къ ней.

Баронесса тотчасъ увела его въ свой кабинетъ и упросила разсказать всю правду объ его странной помолвкѣ съ миссъ Рутерфордъ, а про неожиданную болѣзнь Артемьева и таинственное посѣщеніе Эленъ квартиры этого завѣдомаго развратника, вмѣстѣ съ которымъ та исчезла съ бала, Лидія Андреевна знала ужъ отъ швейцара.

— Я уже столько лѣтъ дружу съ Владиміромъ Александровичемъ и съ вами, что имѣю право знать истину, тѣмъ болѣе, что вы можете быть вполнѣ увѣрены въ моей скромности,—закончила баронесса.

Прижатый, такимъ образомъ, къ стѣнѣ, баронъ счелъ своимъ долгомъ дать нѣкоторыя объясненія по дѣлу, всѣмъ болѣе или менѣе уже извѣстному, но истолкованному вкривь и вкось.

— Вы требуете раскрытія чужой семейной тайны, Лидія Андреевна, — серьезно сказалъ баронъ. — Но такъ какъ въ настоящее время я положительно не знаю, чѣмъ кончатся всѣ эти осложненія, то попрошу васъ, до времени, хранить полное молчаніе о томъ, что я вамъ довѣрю. Эленъ Рутерфордъ—единственная и законная дочь Артемьева!

Баронесса вскочила съ кресла.

— Такъ вотъ въ чемъ тайна его прошлаго? О, мой Богъ! Мой Богъ! Я чуяла, что въ жизни этого человѣка должна быть темная страница. Понятно, онъ совершенно потерялъ изъ виду свою дочь, такъ какъ встрѣчался съ ней у меня, не подозрѣвая истины, и неоднократно называлъ ее ловкой авантюристкой. Какъ все это трагично! Только я, все-таки, не понимаю, зачѣмъ она поѣхала къ нему? А что онъ хотѣлъ завязать съ ней любовную интрижку—это было ясно.

— Не знаю подробностей, но предполагаю, что она хотѣла объясниться съ отцомъ до своего отъѣзда. Преслѣдуя планъ мести, она позволила увезти себя, и въ ту именно минуту, когда тотъ жаждалъ сдѣлать ее своей любовницей, она бросила ему въ лицо, что она его дочь. Повидимому, Артемьевъ не вынесъ такого жестокаго

удара, а угрызенія совѣсти, причину которыхъ онъ таилъ отъ всѣхъ, вызвали нервное потрясеніе. Я назвалъ Эленъ своей невѣстой, чтобы избавить любимую дѣвушку отъ гнусныхъ и незаслуженныхъ подозрѣній.

— И она согласилась?

— Въ ту минуту она не могла поступить иначе, но подтвердить ли и въ будущемъ эту ложь, вызванную необходимостью, на это я не смѣю еще надѣяться. Впрочемъ, я такъ люблю ее, что сдѣлаю все на свѣтѣ, лишь бы заставить ее рѣшиться на это. Я не знаю даже, согласится ли Эленъ, при ея гордости, принять имя Артемьева, которое она никогда не носила. Знаю только, что въ настоящую минуту состояніе ея души ужасно, такъ какъ Владиміръ боленъ опасно, и она упрекаетъ себя въ томъ, что убила отца.

— Что же сдѣлалось съ ея матерью?

— Умерла отъ горя въ убѣжищѣ «Рай безъ Адама», гдѣ была воспитана Эленъ. Но я долженъ проститься съ вами, баронесса, и спѣшить къ моему бѣдному другу. Сегодня у насъ, въ два часа, назначенъ консиліумъ и пріѣдутъ три медицинскія знаменитости.

На слѣдующій день послѣ этого разговора, Эленъ получила отъ барона записку, въ которой тотъ извѣщалъ ее, что Владиміру Александровичу становилось все хуже и хуже.

Поблѣднѣвъ, сложила она разстроившую ее записку и погрузилась въ свои думы, а горячія слезы тихо струились по щекамъ. Она растерялась въ хаосѣ чувствъ, терзаемая странными и мучительными противорѣчіями. Ей казалось, что она оторвана отъ самой себя и у нея нѣтъ твердой почвы подъ ногами. Порою смерть отца, по ея винѣ, казалась ей преступленіемъ, а нерѣдко она смотрѣла на нее, какъ на актъ божественнаго правосудія и жаждала выздоровленія Артемьева, чтобы тотъ могъ покаяться и начать новую жизнь.

Напряженно думая день и ночь то объ отцѣ, то о баронѣ, странныя отношенія котораго также ее мучили, Эленъ, съ каждымъ днемъ все блѣднѣла и худѣла.

— Отчего ты не молишься Богу? Гдѣ смущенный и слѣпой взоръ человѣка видитъ лишь тьму, тамъ мудрость и милосердіе Отца Нашего Небеснаго начертываютъ свѣтлый путь и даютъ силы и покорность, — замѣтила Нелли, съ грустью наблюдая за душевнымъ разладомъ пріятельницы.

— Ты права, Нелли! Я сейчасъ же поѣду въ Казанскій соборъ, гдѣ есть чудотворный образъ Пресвятой Дѣвы Маріи. Ее —

Матерь всѣхъ сирыхъ и несчастныхъ — буду я молить, чтобы Она наставила и просвѣтила меня, и вернула здоровье отцу. — рѣшила Эленъ, быстро вставая и вытирая слезы.

Со времени свадьбы Инны, Эленъ почувствовала непобѣдимое влеченіе къ религіи своего дѣтства. Въ ней внезапно воскресло воспоминаніе о маленькой церкви, гдѣ отецъ нѣкогда причащалъ ее. Точно это было вчера, видѣла она себя малюткой на рукахъ отца, въ бѣломъ платьицѣ, и причащавшаго ее старика-священника въ золотомъ облаченіи.

Со времени той же свадьбы, какъ было сказано, Эленъ начала посѣщать православные храмы, бывая у обѣдни и у всенощной. Помимо этого, она часто бесѣдовала съ Инной и ея матерью о догматахъ и обрядахъ православной церкви, и, наконецъ, объѣхала съ первой изъ нихъ главнѣйшіе храмы столицы.

Пылкую и полную мистицизма душу Эленъ не удовлетворяло холодно-разсудочное и сухое протестанство, а потому она съ неожиданнымъ жаромъ и вѣрою возвращалась къ религіи своего отца.

Нелли помогла ей одѣться.

— Поѣзжай, поѣзжай! — сказала она. — Помолись поусерднѣе, а потомъ навѣсти отца. Можетъ быть, ему принесетъ пользу, если онъ увидитъ тебя, когда очнется. Наконецъ, что тебѣ за дѣло до глупаго мнѣнія людей, до ихъ клеветы и злословія! Въ такую торжественную минуту вспомни только слова твоей святой матери: «Если Господь сведетъ тебя съ нимъ, не плати ему раной за рану». Ты слишкомъ скоро забыла ихъ.

Эленъ молча поцѣловала подругу, а затѣмъ приказала нанять извозчика и поѣхала въ Казанскій соборъ.

Когда она вошла въ громадный и чудный храмъ, погруженный въ таинственный сумракъ и полный торжественной тишины, сердце ея затрепетало. Наученная примѣромъ Инны, Эленъ купила свѣчу и, подойдя къ чудотворному образу, преклонила передъ нимъ колѣна. Она была почти одна. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея молилась, простершись на землѣ, какая-то старуха, и вдали стоялъ сторожъ, но ни тотъ, ни другая не смущали наполнившаго ея душу чувства уединенія и близости къ Божеству. Сложивъ руки, она полными слезъ глазами взирала на кроткій, но строгій ликъ Богоматери. Сколько слезъ, горя, тайныхъ страданій и надеждъ слагалось ежедневно къ стопамъ Царицы Небесной! Сколько слабыхъ и угнетенныхъ силою вѣры своей получало свыше то, въ чемъ имъ отказывали люди! Здѣсь была какая-то особая, удивительная

атмосфера свѣтлаго покоя, въ которой незамѣтно гасли всѣ волненія и страсти мірскія, и которая неудержимо влекла къ себѣ всякаго, кто приближался къ этому образу, точно покровомъ окутанному тысячами приносимыхъ здѣсь моленій.

Странная дрожь пробѣжала по тѣлу Эленъ. Она почувствовала присутствіе сокровенной и могущественной силы, вѣявшей изъ алтаря, — той силы, которая скопляетъ передъ Божествомъ потоки добра, исходящіе изъ человѣка, когда тотъ страдаетъ, молится, очищается и астрализуется въ этой атмосферѣ, подобно свѣтлой ткани или подобно пару, исходящему изъ души, а все житейское спадаетъ съ него...

Въ душѣ же Эленъ пробудился порывъ восторженной вѣры и страстной мольбы къ Матери Божьей, которая Сама вынесла всѣ страданія и, по милосердію Своему, облегчаетъ всѣ скорби. Отъ всего сердца молила она Пречистую просвѣтить ее и наставить, какъ должна была она держать себя въ отношеніи двухъ людей, поставленныхъ судьбой на ея жизненномъ пути. Горячо молила она также сохранить жизнь отца, а ее избавить отъ страшныхъ угрызеній совѣсти за то, что была причиной его смерти.

Этотъ страстный порывъ унесъ ее далеко отъ земли. Дѣвственная и восторженная душа Эленъ, сама не сознавая этого, перешла за рубежъ невидимаго и проникла въ таинственную, невѣдомую область экстаза. Ей представилось, что самъ Спаситель улыбался ей, и что глаза Его Божественной Матери съ неизреченной добротой взирали на нее. Вдругъ рядомъ съ ней встало, словно, какое-то воздушное существо въ свѣтломъ одѣяніи, а неясно очерченная, дивно прекрасная прозрачная голова видѣнія напомнила ей покойную мать. Затѣмъ, глухой и нѣжный, какъ легкое вѣяніе, голосъ прошепталъ ей на ухо:

— Люби и прощай! Слушай свою совѣсть—и ея неподкупный голосъ укажетъ тебѣ путь долга. Истинная и чистая любовь—посланница Неба. Открой же ей, не краснѣя, свое сердце! Люби отца и забудь всю горечь прошлаго; люби, позабывая о самой себѣ! Самоотреченіе—тоже небесный геній, переносящій черезъ глубочайшія бездны. На своихъ могучихъ крыльяхъ оно несетъ нечеловѣческое бремя и одаряетъ невѣдомою силою того, кто за нимъ слѣдуетъ. Чувство же къ избранному тобою человѣку,—котораго ты полюбила душою и сердцемъ, а не тѣломъ и чувственно,—истинная любовь, и ты съ мужествомъ и терпѣніемъ перенесешь всѣ испытанія въ жизни.

Очарованная Эленъ съ трепетомъ слушала эту вѣстницу потусторонняго міра, позабывъ землю, съ ея непроглядною тьмою и съ грубыми матеріальными стремленіями. Все ея существо какъ-то расширялось, возносилось и стремилось къ невѣдомой сферѣ, полной свѣта и гармоніи. Съ минуту она какъ бы предвкушала блаженный покой, какимъ наслаждаются тѣ, кто побѣдилъ всѣ желанія и страсти нашего несовершеннаго міра.

Въ это мгновеніе всѣмъ существомъ своимъ жаждала она усвоить то, что ощущала, и слѣдовать совѣтамъ, которые давало ей, казалось, само Небо. Этотъ могучій порывъ экстаза вознесъ душу Эленъ въ свѣтлыя области, гдѣ все дышетъ гармоніей, гдѣ духъ, стряхнувъ оковы плоти, однимъ взмахомъ переносится черезъ всѣ ступени, по которымъ онъ тяжело поднимается послѣдовательно въ своемъ медленномъ восхожденіи. Витая на этой умопомрачительной высотѣ, духъ любуется своей чистой красотой, позабывая въ этомъ морѣ свѣта тьму земную, жалкія влеченія, мелочное и смѣшное честолюбіе и пустыя желанія, дѣлающія его рабомъ матеріи. Но колеблющемуся духу не хватаетъ еще силы удержаться на такой выси, и онъ вдругъ замѣчаетъ разверстую у его ногъ бездну. Тогда головокруженіе охватываетъ его, экстазъ угасаетъ, и онъ падаетъ въ житейскую тину, изъ которой вырвался лишь на мигъ. Имъ снова овладѣваетъ земля, со всѣми ея всепожирающими страстями и острымъ горемъ...

Близкій шумъ заставилъ Эленъ вздрогнуть, вернувъ ее къ дѣйствительности, и она съ безпокойствомъ оглянулась. Не замѣтилъ ли кто-нибудь ея страннаго состоянія, забвенія окружающаго? Но нѣтъ, никто не наблюдалъ за ней. Лишь когда она поднялась съ колѣнъ, сторожъ молча подошелъ и снялъ стекло, закрывавшее образъ. Эленъ съ благоговѣніемъ приложилась къ иконѣ, сунула рубль сторожу и вышла изъ собора. Она чувствовала какую-то удивительную истому и настоятельную потребность въ отдыхѣ.

Короткій зимній день уже смѣнился туманнымъ сумракомъ, когда она очутилась на площади, а на Невскомъ проспектѣ горѣли уже фонари и электрическіе огни въ окнахъ. Дрожа отъ холоднаго вѣтра, Эленъ поспѣшно сѣла въ сани и уѣхала домой.

Однако ей не пришлось долго отдыхать. Не успѣла она вздремнуть и четверти часа, какъ ее разбудила, видимо взволнованная Нелли.

— Вставай скорѣе! Пріѣхалъ баронъ и желаетъ немедленно видѣть тебя.

Испуганная Эленъ поспѣшно прошла въ пріемную и, то блѣднѣя, то краснѣя, подала руку Равенсбургу, которую тотъ поцѣловалъ.

— Я пріѣхалъ за вами, миссъ Эленъ,—сказалъ онъ.—Вашему батюшкѣ очень плохо, и кризисъ неизбѣженъ, а доктора опасаются, что онъ не переживетъ ночь. Послѣ страшнаго бреда, онъ пришелъ въ сознаніе, выразивъ желаніе видѣть васъ и причаститься. Пріобщаться онъ будетъ въ первый разъ послѣ пятнадцати лѣтъ, и въ такую минуту вы не можете сердиться на него. Сейчасъ я былъ у священника, а оттуда заѣхалъ за вами.

Слушая барона, Эленъ поблѣднѣла.

— Конечно, я сейчасъ же ѣду съ вами! Не мнѣ, а Верховному Судьѣ отдастъ отецъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ,—отвѣтила она, надѣвая шляпу дрожавшими руками.—Какъ мнѣ отблагодарить за ваше самоотверженіе?—съ чувствомъ прибавила она.

— Снисходительно судя обо мнѣ и относясь ко мнѣ съ довѣріемъ,—тихо отвѣтилъ баронъ, помогая ей надѣть шубку.

До Большой Морской они доѣхали въ молчаніи. Гнетущія угрызенія совѣсти мучили Эленъ за сдѣланное отцу, въ порывѣ гнѣва, рѣзкое и жестокое открытіе. Она боялась не застать его въ живыхъ. Поэтому она почти вбѣжала по лѣстницѣ и лишь тогда вздохнула съ облегченіемъ, когда узнала отъ сестры милосердія, что никакой серьезной перемѣны къ худшему въ положеніи больного не произошло.

Съ трепетавшимъ сердцемъ и нервно дрожа, подошла она къ кровати и увидала блѣдное, исхудавшее лицо отца и его глубоко ввалившіеся глаза. Казалось, онъ дремалъ или впалъ въ тяжелое забытье, а дыханіе его было чуть замѣтно. Очевидно, передъ ней лежалъ умиравшій.

Сдерживая подступавшія къ горлу рыданія, Эленъ опустилась на колѣни у изголовья больного. Горячія слезы струились по лицу, и какое-то незнакомое ей, смягчающее чувство наполняло ея душу. Вдругъ, безотчетно вырвалось у нея дѣтское ласкающее слово:

— Папа!

Въ этомъ, столько лѣтъ позабытомъ, имени звучали и прощеніе, и забвеніе прошлаго, и возраждавшаяся любовь.

Какъ ни тихо произнесено было это слово, оно произвело, однако, волшебное дѣйствіе. Больной вздрогнулъ и открылъ глаза. Взглядъ его съ непередаваемымъ выраженіемъ любви, стыда и горя устремился на покинутаго нѣкогда ребенка.

— Эленъ... прости!..—прошепталъ онъ, задыхаясь.

Похолодѣвшими пальцами схватилъ онъ ея руку и прижалъ къ дрожавшимъ губамъ.

Тронутая и побѣжденная Эленъ обвила руками шею отца и со слезами прижалась головой къ его груди, но почти тотчасъ же вздрогнула и выпрямилась, испуганная судорожными рыданіями больного. Она приподняла голову Артемьева, уложила удобнѣе на подушки и вытерла слезы, струившіяся по его лицу. Эленъ поняла, что онъ оплакивалъ свой проступокъ, какъ она оплакивала свое тоскливое дѣтство. Наклонясь къ больному, она крѣпко поцѣловала его, и этотъ долгій, горячій поцѣлуй примирилъ отца съ дочерью, вычеркнувъ прошлое.

Владиміру Александровичу казалось, что онъ никогда не получалъ нѣжнѣе и пріятнѣе поцѣлуя, даннаго ему чистыми устами дочери. Съ глубокою признательностью пробормоталъ онъ усталымъ голосомъ:

— Какъ я счастливъ, дорогое дитя мое, что получилъ твое прощенье передъ смертью!

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты не долженъ умирать, не то я буду всю жизнь упрекать себя въ томъ, что убила тебя,—съ дрожью отвѣтила Эленъ.

Вмѣстѣ съ дочернею любовью возродилась также боязнь потерять отца.

— Не упрекай себя ни въ чемъ! Ты сдѣлала только то, что должна была сдѣлать! Меня поразило заслуженное наказаніе. Давно уже угрызенія совѣсти мучали меня, но я топилъ ихъ въ разныхъ безумствахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Живи ради меня! Я хочу любить тебя, заботиться о тебѣ, и мы никогда больше не разстанемся...—нѣжно цѣлуя руку отца, сказала Эленъ.

Въ эту минуту вошла сестра милосердія и сказала, что пріѣхалъ священникъ.

Во время долгой исповѣди Артемьева Эленъ не переставала плакать, сидя въ гостиной. Возбужденные нервы отказывались служить ей; а взволнованный Евгеній Павловичъ въ безпокойствѣ шагалъ по комнатѣ, давая молодой дѣвушкѣ свободу выплакаться. Онъ понималъ, что происходило у нея въ душѣ.

Когда священникъ открылъ дверь, всѣ вошли въ спальню, и Владиміръ Александровичъ съ вѣрою и смиреніемъ принялъ Св. Тайны.

По отъѣздѣ священника Эленъ снова заняла свое мѣсто у изго-

ловья больного. Онъ казался спокойнымъ и счастливымъ, но только былъ страшно истощенъ. Вскорѣ, однако, онъ закрылъ глаза и продолжалъ лежать неподвижно. Испуганная Эленъ жестомъ подозвала сестру милосердія, и та также со страхомъ наклонилась надъ больнымъ, но тотчасъ же прошептала:

— Спитъ!

Узнавъ, что Эленъ хочетъ провести ночь съ отцомъ и лично ухаживать за нимъ, Евгеній Павловичъ откланялся, ссылаясь на то, что ему необходимо побывать дома. Въ сущности же его угнетало странное въ отношеніи невѣсты положеніе, которое онъ не могъ выяснить при настоящихъ условіяхъ.

Эленъ всю ночь не смыкала глазъ. Сотни разъ наклонялась она къ больному, слабое дыханіе котораго, казалось, могло угаснуть всякую минуту. Подъ утро она задремала въ креслѣ и ее разбудилъ только приходъ доктора.

Осмотрѣвъ больного, докторъ замѣтилъ съ удивленіемъ:

— Что такое здѣсь случилось? Какое-то сильное волненіе вызвало спасительную реакцію и привело къ благопріятному кризису? Теперь, мнѣ кажется, я могу отвѣчать за жизнь больного. Его сильная натура восторжествовала надъ болѣзнью. Когда онъ проснется, дайте ему чашку бульону и рюмку мадеры. Кромѣ того, я пропишу ему укрѣпляющія капли.

Когда сестра милосердія подавала ему перо и бумагу, докторъ спросилъ ее потихоньку:

— Что дѣлаетъ здѣсь опять эта американка?

— Ахъ, Богданъ Карловичъ! Вѣдь, это же цѣлая семейная драма. Вообразите, что миссъ Рутерфордъ-Арди оказывается родной дочерью Владиміра Александровича!

— Вотъ такъ исторія! И пусть послѣ этого говорятъ, что въ жизни не разыгрываются самые невѣроятные романы!

Подойдя къ Эленъ проститься, докторъ прибавилъ:

— Будьте спокойны. Я отвѣчаю за жизнь и за полное выздоровленіе вашего батюшки. Нѣсколько недѣль покоя, да усиленное питаніе—и все пойдетъ хорошо!

Эленъ поблагодарила доктора за хорошую вѣсть; но она была такъ блѣдна и утомлена, что сестра милосердія почти насильно уложила ее на диванъ спать, обѣщая разбудить, когда будетъ нужно, въ виду ея желанія самой подать отцу его первый обѣдъ.

Она легла, но сразу заснуть не могла. Отъ всѣхъ этихъ событій у нея кружилась голова. Отецъ ея будетъ жить и родство ихъ болѣе

ни для кого не будетъ тайной, а она безмолвно приняла предложеніе Равенсбурга... Чѣмъ все это кончится? Если отецъ будетъ настаивать, чтобы она сдержала обѣщаніе остаться съ нимъ, ей предстоитъ измѣнить своимъ обязательствамъ въ отношеніи общины. Не будучи въ состояніи выяснить всѣ эти вопросы, Эленъ заснула, наконецъ, и было уже довольно поздно, когда ее разбудила сестра милосердія.

— Бульонъ и вино готовы, на подносѣ. Несите ихъ къ вашему батюшкѣ. Онъ уже проснулся и съ нимъ сидитъ Евгеній Павловичъ.

Пригладивъ поспѣшно волосы и вытеревъ мокрымъ полотенцемъ свое поблѣднѣвшее лицо, Эленъ взяла подносъ и вошла въ спальню. Несмотря на большую слабость, Артемьевъ выглядѣлъ гораздо лучше. Взоръ его былъ спокоенъ и свѣтелъ, а дочь онъ встрѣтилъ съ улыбкой и обнялъ ее. Когда та выразила ему свою радость видѣть его внѣ опасности, онъ весело отвѣтилъ:

— Да, дѣти мои! Кажется, старый грѣшникъ останется съ вами. Милосердый Господь ниспосылаетъ мнѣ незаслуженную милость, чтобы я успѣлъ покаяться и посвятилъ тебѣ всю мою любовь, которой столько лѣтъ лишалъ тебя! Благодарю, благодарю, дорогая! Я съ удовольствіемъ съѣмъ этотъ аппетитный завтракъ; но мнѣ хочется, чтобы ты прежде поздоровалась съ нимъ. Право, онъ заслуживаетъ большаго, чѣмъ простой церемонный поклонъ! Поцѣлуйтесь же, какъ слѣдуетъ жениху съ невѣстой.

Эленъ покраснѣла до ушей и не знала, что ей отвѣтить, боясь противорѣчіемъ взволновать отца. Впрочемъ, баронъ не далъ ей времени долго раздумывать и, смѣло обнявъ ее за талію, поцѣловалъ въ щеку.

Артемьевъ, котораго очень забавлялъ смущенный видъ дочери, поѣлъ съ большимъ аппетитомъ, и затѣмъ объявилъ, что хочетъ спать; а Эленъ, боясь остаться наединѣ съ барономъ, заявила, что воспользуется сномъ отца и съѣздить домой, чтобы переодѣться и сдѣлать необходимыя распоряженія.

Она застала Нелли одну дома и очень довольная этимъ обстоятельствомъ разсказала подругѣ все, что случилось и что угнетало ее.

— Мое будущее сдѣлалось совершенно смутнымъ! Я жажду снова идти по хорошо извѣстному назначенному пути проповѣдничества нашихъ идей, такъ какъ отецъ вѣдь жилъ же безъ меня и не чувствовалъ моего отсутствія,—но боюсь, какъ бы онъ не потребовалъ, чтобы я осталась; а между тѣмъ наше родство скоро для всѣхъ перестанетъ быть тайной, и мнѣ будетъ трудно отказать ему.

— По моему, ты не имѣешь даже права на это! Если твой

отецъ желаетъ исправить свои ошибки, если—что несомнѣнно—онъ привяжется къ тебѣ, какъ къ единственному близкому ему существу, развѣ ты будешь въ состояніи и пожелаешь оттолкнуть его? Нѣтъ, Эленъ, оставайся. Относительно этого мы вотъ что придумали съ мистриссъ Форестъ и рѣшили высказать тебѣ. Мы уѣдемъ изъ Петербурга въ Берлинъ, чтобы не стѣснять тебя, такъ какъ наше присутствіе только сковываетъ твою свободу.

— Я цѣню деликатность вашего предложенія, дорогая Нелли, но все-таки прошу васъ еще побыть здѣсь. Можетъ быть, мнѣ удастся освободиться!—неувѣренно сказала Эленъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это имѣло бы видъ, что мы ждемъ тебя. Въ Берлинѣ же мы пробудемъ нѣкоторое время, тѣмъ болѣе, что мистриссъ Форестъ, какъ тебѣ извѣстно, хочетъ полечиться тамъ у одного извѣстнаго доктора. Такимъ образомъ, если пожелаешь, ты можешь присоединиться къ намъ. Наконецъ, ты сама знаешь, что община всегда готова служить тебѣ убѣжищемъ, а мы остаемся тебѣ сестрами, и когда бы ты ни пріѣхала, всегда будешь встрѣчена съ распростертыми объятіями. Поэтому, какъ уже рѣшено, мы уѣдемъ послѣ завтра. Ты, по всей вѣроятности, переѣдешь къ отцу?

— О, нѣтъ! До новыхъ распоряженій я буду жить здѣсь или въ гостиницѣ. У отца я буду проводить только дни. Потомъ, Нелли, намъ нужно порѣшить много вопросовъ.

— Часть этихъ вопросовъ мы можемъ теперь же выяснить. Передай мнѣ всѣ бумаги, касающіяся лекцій, и твои начатыя брошюры. Я изучу весь этотъ матеріалъ, чтобы воспользоваться имъ вмѣсто тебя. Надѣюсь, ты останешься нашей сотрудницей?

— О, конечно, вы можете всегда располагать мной.

— Во всякомъ случаѣ, пиши обо всемъ, что ты рѣшишь относительно себя, а также и своего имущества. Совѣтую тебѣ оставить все состояніе въ своемъ распоряженіи, такъ какъ нельзя знать, что случится.

— О! Въ этомъ отношеніи, ты можешь быть совершенно спокойна. Я слишкомъ привыкла къ независимости, чтобы отказаться отъ подобнаго оружія.

Когда, въ долгой бесѣдѣ, всѣ вопросы были рѣшены, и Нелли получила нужныя бумаги, онѣ разстались.

Въ день отъѣзда подругъ, Эленъ рано пріѣхала къ нимъ. Много было переговорено и много пролито слезъ, такъ какъ всѣ въ глубинѣ души были убѣждены, что разлучаются навсегда. Подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ чувствъ, волновавшихъ Эленъ, она заговорила с

различныхъ дарахъ, которые хотѣла поднести общинѣ, но мистрисъ
Форестъ воспротивилась:

— Въ виду твоего вѣроятнаго замужества, ты не имѣешь права
расточать свое состояніе. И ты, и твоя мать уже много дали нашему
убѣжищу; кромѣ того, твое сотрудничество, даже анонимное, остается
большимъ подспорьемъ для общины.

— Ахъ! Не упоминайте постоянно объ этомъ бракѣ. Мной овла-
дѣваетъ паническій ужасъ при мысли принадлежать Равенсбургу.
Онъ такой же кутила и развратникъ, какъ и всѣ другіе, а у меня
далеко не такой характеръ, чтобы быть покорной жертвой. Кромѣ
того, мнѣ кажется въ высокой мѣрѣ смѣшнымъ, что я, — проповѣд-
ница «Рая безъ Адама», — добровольно подставляю шею подъ ярмо,
и схожу съ трибуны, чтобы сдѣлаться простой экономкой, вся жизнь
которой сводится къ одной цѣли: слѣдить за тѣмъ, чтобы моему
«пашѣ» подали хорошій обѣдъ и чтобы его сапоги были во-время
вычищены. Я буду несчастна, чувствуя себя затерянной среди тем-
наго стада ничтожныхъ, глупыхъ и безчестныхъ женщинъ, всѣ инте-
ресы которыхъ сосредоточиваются на любовникахъ или на тряпкахъ.
Ради Бога, не говорите мнѣ о замужествѣ, отъ котораго я разсчиты-
ваю избавиться!

— Не горячись заранѣе! Если ты вернешься къ намъ—тѣмъ
лучше; а если нѣтъ, то будешь присылать намъ еще болѣе мудрыя
и прочувственныя рѣчи, такъ какъ онѣ будутъ основаны на соб-
ственномъ опытѣ въ треволненіяхъ супружеской жизни, — сказала
Нелли, смѣясь сквозь слезы.

Часъ спустя, онѣ прощались на вокзалѣ. Глотая слезы, обняла
Эленъ всѣхъ, не исключая Арабеллы и Мэтъ, которыхъ увозили,
такъ какъ не имѣли права оставить. Только когда поѣздъ исчезъ
вдали, вернулась она къ себѣ, блѣдная, мрачная, съ тяжелымъ серд-
цемъ... Эленъ проплакала весь вечеръ и даже не вернулась къ отцу,
какъ хотѣла раньше.

Прошло нѣсколько дней, не принеся съ собой ничего выдаю-
щагося. Артемьевъ видимо поправлялся и силы его возвращались
быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать; онъ уже сидѣлъ въ постели,
поддерживаемый подушками.

Присутствіе дочери благотворно дѣйствовало на него. Онъ же-
лалъ имѣть ее постоянно и безъ устали разспрашивалъ о ея прошлой
жизни.

Эленъ старалась скрыть отъ отца переживаемое угнетенное со-
стояніе. Она смѣялась, разсказывала ему веселые и забавные слу-

чаи изъ своей жизни проповѣдницы; но присутствіе Евгенія Павло-
вича подавляюще дѣйствовало на нее, хотя тотъ и не требовалъ
больше и не похищалъ у нея поцѣлуевъ.

Въ первый день, когда Артемьевъ всталъ съ постели и пере-
шелъ въ кабинетъ, Эленъ объявила, что хочетъ съѣздить въ цер-
ковь помолиться Божіей Матери и поблагодарить Ее за возвращеніе
здоровья отцу.

Пока она усаживала его въ кресло и укутывала ему ноги плю-
шевымъ одѣяломъ, Артемьевъ съ любовью и отцовскою гордостью
слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Со дня на день отношенія его
къ дочери становились все откровеннѣе и дружественнѣе. Владиміръ
Александровичъ сильно измѣнился и постарѣлъ душой. Всякій разъ,
какъ взглядывала Эленъ на многочисленныя серебряныя нити, пе-
стрившія волосы и бороду отца, всего нѣсколько недѣль тому на-
задъ еще моложаваго, красиваго и гордаго, сердце ея наполнялось
участіемъ и жалостью.

Въ ту минуту, какъ она прощалась съ нимъ, чтобы ѣхать въ
церковь, прибылъ Евгеній Павловичъ. Эленъ подала ему руку и, по-
ручивъ развлекать отца во время своего отсутствія, поспѣшно за-
тѣмъ вышла. Баронъ съ видимымъ волненіемъ сталъ ходить по ком-
натѣ. Наконецъ онъ остановился передъ Артемьевымъ, который
молча наблюдалъ за нимъ, поглаживая свою бороду тонкой и исху-
давшей рукой, и отрывисто сказалъ:

— Володя! У меня до тебя большая просьба!

Артемьевъ улыбнулся.

— Догадываюсь, въ чемъ дѣло. Ты хочешь, чтобы я восполь-
зовался своей отцовскимъ авторитетомъ и понудилъ Эленъ выйти за
тебя замужъ?

— Ты угадалъ! У меня буквально не хватаетъ силъ выносить
дольше эту неизвѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ мое ложное и смѣш-
ное положеніе! Всюду меня допрашиваютъ и поздравляютъ, а я даже
не знаю, не откажутъ ли мнѣ завтра?

— Понимаю и жалѣю тебя, бѣдный мальчикъ! Если бы это отъ
меня зависѣло, Эленъ сдѣлалась бы твоей женой. У меня нѣтъ же-
ланія сильнѣе, какъ оторвать ее отъ ея дурацкой общины и отъ
вредныхъ неестественныхъ идей, будучи глубоко убѣжденъ, что
Эленъ не создана для аскетической жизни. Чѣмъ больше я наблю-
даю ее, тѣмъ сильнѣе крѣпнетъ убѣжденіе, что она наслѣдовала мой
темпераментъ. Она такъ же страстна, самовластна и, въ сущности,
столь же неуравновѣшена, какъ и я. Будь она похожа на свою мать,

кроткую, скромную и слабохарактерную, ее легко было бы убѣдить; но, имѣя дѣло съ такой независимой дѣвушкой, какъ она, я не очень-то разсчитываю на свой новый авторитетъ.

— Несомнѣнно Эленъ походитъ на мать; у нея только твои глаза и твое выраженіе рта.

— Викторія была красивѣе Эленъ, но она не умѣла заставить цѣнить свою красоту. Я сейчасъ покажу тебѣ ея портретъ. Открой средній ящикъ стола. Такъ. Теперь смотри: въ глубинѣ ящика, направо, найдешь пружину, которую нажми. Въ этомъ тайномъ отдѣленіи хранятся всѣ остатки моего далекаго прошлаго. Подай мнѣ все, что тамъ найдешь.

Баронъ вынулъ изъ ящика небольшой портретъ съ двумя футлярами и положилъ ихъ на столикъ около больного.

Артемьевъ взялъ одинъ изъ футляровъ и, тяжело вздохнувъ, открылъ его. Внутри находилась большая миніатюра, на которой Викторія была изображена молодой дѣвушкой въ бѣломъ бальномъ платьѣ, убранномъ розами; небольшой вѣнокъ изъ такихъ же цвѣтовъ былъ надѣтъ на головѣ, а шею украшали нѣсколько нитокъ крупнаго жемчуга. Ротикъ ея улыбался, а большие глаза темные, ясные и нѣжные, какъ у газели, отражали чистую душу.

Полюбовавшись съ минуту портретомъ, Артемьевъ молча подалъ его барону. Тотъ жадно схватилъ его и едва успѣлъ взглянуть, какъ у него вырвался крикъ восхищенія:

— Владиміръ! И ты могъ покинуть эту женщину, прекрасную какъ грёза, какъ фея? Да, вѣдь, ни одна изъ тѣхъ, кого ты любилъ, ей и въ подметки не годится. И она такъ любила тебя, что умерла! Какъ могло это случиться? Какъ могъ ты забыть ее?

Артемьевъ поникъ головой. Давно ужъ не смотрѣлъ онъ на этотъ портретъ, и теперь спрашивалъ себя, не безуміемъ-ли было тогда бросить такую жену ради пошлыхъ и порочныхъ женщинъ.

— Ты правъ, Евгеній! Мое преступленіе не имѣетъ оправданія. Слѣпой безумецъ! Я разбилъ это вѣрное сердце и осудилъ бѣдную Эленъ на грустное дѣтство. Но зато, какъ жестоко карающая рука судьбы сорвала съ моихъ глазъ повязку, за которой я скрывалъ собственное ничтожество! Найти въ женщинѣ, обладать которой я страстно желалъ и которую хотѣлъ безжалостно обезчестить, свою единственную дочь и услышать изъ ея же устъ свой приговоръ, это—ужасно...

Артемьевъ умолкъ и, взявъ портретъ, снова засмотрѣлся на него. Съ поразительною ясностью возсталъ въ его памяти образъ

Викторіи и пробуждались воспоминанія о годахъ ихъ совмѣстной жизни, на ряду съ тысячами веселыхъ и грустныхъ случаевъ ихъ супружества. Вспомнилъ онъ скромную жизнь молодой жены и терпѣливо переносимое одиночество, на которое онъ осудилъ ее. Далѣе, представилось рожденіе Эленъ, ея первая сознательная улыбка и ея дѣтская нѣжность; наконецъ, всплыла сцена прощанія. Викторія съ ребенкомъ стоитъ у окна, и бѣла—она, какъ надѣтый на ней пеньюаръ, а прекрасные глаза ея, которые онъ видѣлъ тогда въ послѣдній разъ,—затуманены и, словно, угасли. Владиміръ Александровичъ вспомнилъ раздирающее чувство, овладѣвшее имъ на лѣстницѣ. На минуту онъ остановился, точно охваченный головокруженіемъ. Ему хотѣлось даже вернуться, отложить на день свой отъѣздъ и увезти съ собой покидаемыхъ жену и ребенка. Вѣроятно его ангелъ-хранитель внушилъ ему эту спасительную мысль; но духъ злобы восторжествовалъ, шепнувъ ему:

— Онѣ только стѣснятъ тебя! Ихъ присутствіе создастъ тебѣ тысячи осложненій и сильно повредитъ твоему престижу.

И... онъ уѣхалъ.

По мѣрѣ того, какъ забытое прошлое вставало, заслоненное годами забвенія, кутежей, любовныхъ приключеній и эгоизма, чело Артемьева опускалось все ниже. Бремя пятидесяти лѣтъ тяжело давило его: мнимая молодость уже отлетѣла, а совѣсть глубоко запустила свои когти въ сердце. Женщина, которую онъ такъ жестоко оскорбилъ, умерла, и онъ не могъ ужъ получить ея прощеніе, не могъ ничего исправить. Раскаяніе явилось слишкомъ поздно... И нѣсколько горькихъ слезъ пали на медальонъ.

Баронъ Равенсбургъ съ участіемъ и сожалѣніемъ смотрѣлъ на него. Ему было ново и почти непонятно видѣть оплакивающимъ ошибки молодости человѣка, котораго онъ всегда зналъ за гордаго, холоднаго и глумливаго грѣшника, неспособнаго, казалось, ни на какой искренній душевный порывъ.

— Можетъ быть,—подумалъ онъ,—этотъ портретъ вызвалъ воспоминаніе объ одномъ изъ тѣхъ часовъ любви, которые никогда не забываются.

Подавивъ нахлынувшія чувства, Артемьевъ закрылъ футляръ и провелъ рукой по лбу. Затѣмъ онъ показалъ барону фотографію жены и дочери, а также письмо Гаріетты, въ которомъ та извѣщала его объ ихъ смерти. Но опасаясь, какъ бы слишкомъ сильное волненіе не повредило выздоравливающему, Евгеній Павловичъ поспѣ-

шилъ перевести разговоръ на собственные надежды и планы на будущее.

Впрочемъ, воскресшія воспоминанія о прошломъ нисколько не повредили больному, и онъ продолжалъ быстро поправляться.

Однажды утромъ, спустя нѣсколько дней послѣ описанной сцены, уже начавшій ходить Артемьевъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а Эленъ читала ему журналъ.

— Брось, Лоло! — сказалъ неожиданно Владиміръ Александровичъ, снова привыкшій называть ее прежнемъ уменьшительнымъ именемъ.—Политика меня не интересуетъ, и сегодня я предпочитаю поболтать съ тобой.

Она послушно закрыла книгу и улыбнулась отцу, а тотъ взялъ ее обѣими руками за голову и поцѣловалъ въ лобъ и розовыя губки.

— Ты еще не разсказала мнѣ о послѣднихъ часахъ твоей матери. Не проклинала она меня, умирая?—спросилъ онъ тихимъ неувѣреннымъ голосомъ.

На глазахъ Эленъ показались слезы.

— Нѣтъ, нѣтъ! Для этого она слишкомъ тебя любила. Судя по ея послѣднимъ словамъ, мама простила тебя, такъ какъ вотъ что она сказала, когда я стала слишкомъ сурово осуждать тебя.

Покраснѣвъ, Эленъ передала Артемьеву, какъ убѣждала ее покойная мать не воздавать зломъ за зло, если она когда-нибудь встрѣтитъ отца, и въ заключеніе прибавила:

— О, почему дядя Томъ не вызвалъ тебя! Можетъ быть вы бы примирились, и мама осталась жива. Я передамъ тебѣ ея дневникъ, гдѣ она описала всю жизнь съ перваго дня встрѣчи съ тобой. Послѣднія строчки дописаны ею въ день самой смерти.

Эленъ передала отцу свой послѣдній разговоръ съ матерью и разсказала, какъ заснула она, положивъ голову на ея колѣни, и какъ проснулась уже въ объятіяхъ трупа.

— Когда я вошла, мама разсматривала твой портретъ, а слѣдовательно, и она умирала съ мыслью о тебѣ. Я покажу тебѣ карточку, гдѣ она снята мертвой въ креслѣ. Ты самъ увидишь, какъ она была еще прекрасна! Съ этого портрета я сдѣлала ея бюстъ.

— Развѣ ты занимаешься скульптурой?

— Да, въ Бостонѣ у меня прекрасная мастерская.

Глубоко взволнованный Артемьевъ, опустивъ голову, мрачно и тоскливо задумался.

Послѣ продолжительнаго молчанія, нарушить которое Эленъ не рѣшалась, Владиміръ Александровичъ выпрямился и сказалъ:

— Знаешь ты, что мать явилась мнѣ въ часъ своей смерти.

Эленъ вскрикнула отъ удивленія и Артемьевъ разсказалъ свое видѣніе.

— Видишь, какое безспорное доказательство того, что душа продолжаетъ жить послѣ смерти дала тебѣ мама. Мы встрѣтимся съ ней въ потустороннемъ мірѣ и будемъ счастливы. Вѣдь ты бросишь разсѣянную жизнь, не правда ли?

— Да, дорогое дитя мое! Съ этимъ покончено и навсегда. Послѣднія недѣли состарили меня, и я краснѣю за прошлое. Принеси же мнѣ все, что осталось послѣ мамы, а также и ея дневникъ. Я хочу его прочесть и подумать надъ нимъ. А когда мы переѣдемъ на новую квартиру, я устрою тебѣ также мастерскую.

— Я уже слышала, что ты говорилъ объ этомъ съ барономъ. Но почему, ты хочешь бросить это красивое и уютное помѣщеніе, гдѣ ты такъ долго прожилъ?

— Эта квартира мнѣ годилась, какъ холостяку, а теперь, когда у меня есть дочь, я не могу вѣчно жить, какъ въ отелѣ, и пора устроиться прилично. Кромѣ того, мнѣ противны воспоминанія, связанныя съ этой квартирой, а въ комнатахъ, гдѣ я принималъ своихъ возлюбленныхъ, не можетъ жить моя невинная дочь.

Яркій румянецъ выступилъ на лицѣ Эленъ, и она пробормотала нерѣшительно:

— Ты забываешь, папа, что я себѣ не принадлежу и у меня есть обязанности въ отношеніи воспитавшаго меня убѣжища.

— А меня ты хочешь покинуть, несмотря на обѣщаніе остаться со мной, если я буду живъ? Неужели ты думаешь, что я перенесу эту утрату, послѣ того какъ едва тебя нашелъ?

Обезоруженная любящимъ и полнымъ упрека взглядомъ отца, Эленъ обвила его шею и пробормотала:

— Я останусь, папа, но... только ты всегда, всегда держи меня при себѣ! Вѣдь нѣтъ необходимости, чтобы я непремѣнно вышла замужъ за барона?

Артемьевъ улыбнулся и ласково откинулъ темныя кудри на челѣ Эленъ.

— Необходимости нѣтъ, конечно, хотя я и очень желаю этого. Сохрани меня Господь принуждать тебя, дорогая, къ какому бы то ни было браку, но позволь высказать нѣкоторыя мои соображенія.

— Я уважаю убѣжище, которое воспитало тебя и служило пріютомъ бѣдной Викторіи; признаю даже, что община «Рай безъ Адама» хороша для потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни, но нѣтъ

ничего, что было бы одинаково хорошо для всѣхъ. Ты стоишь еще
на порогѣ жизни, имѣешь право на всѣ ея наслажденія и подчинена
любви, какъ и всякая женщина создана для того, чтобы любить и
быть любимой! Въ твоихъ веселыхъ и огненныхъ глазкахъ, во всей
свѣтлой красотѣ твоей бьетъ ключемъ жизнь—и, конечно, ты горько
пожалѣешь когда-нибудь, что отказалась отъ самаго драгоцѣннаго
блага, не отвѣдавъ его. Но, если разъ тебѣ судьба предназначила
выйти замужъ, то отчего тебѣ не выйти за Евгенія? Онъ любитъ
тебя и доказалъ свою любовь въ самую критическую минуту. Я могъ
тогда скоропостижно умереть, и твое странное присутствіе въ этомъ
домѣ такъ и осталось бы необъяснимымъ, что бросило бы неизгла-
димое пятно на твою репутацію. Въ такую-то минуту Евгеній объ-
явилъ тебя своей невѣстой, и поэтому не годится отказываться отъ
этого обязательства, лишь только ты перестала въ немъ нуждаться.
Кромѣ того, Евгеній добрый, честный и благородный малый, хотя и
испорченный угодливостью нашихъ пустыхъ и податливыхъ дамъ.

— Не отрицаю, что онъ кутила; но мой примѣръ, повидимому,
глубоко подѣйствовалъ на него, и онъ можетъ исправиться. Отъ его
жены, главнымъ образомъ, будетъ зависѣть сдѣлать изъ него хоро-
шаго мужа и отца семейства, словомъ, человѣка серьезнаго.

— Ты не должна такъ сурово судить всѣхъ мужчинъ, дорогое
дитя мое! Среда, условія жизни и ложное воспитаніе, даваемое легко-
мысленными матерями и безнравственными отцами, часто портятъ
уже съ дѣтскаго возраста; затѣмъ общество распущенныхъ товари-
щей продолжаетъ заражать душу юноши, и вотъ молодой человѣкъ
вступаетъ въ свѣтъ эгоистомъ, циникомъ, человѣкомъ тщеславнымъ,
ненасытнымъ въ удовольствіяхъ. Въ женѣ онъ ищетъ только богатое
приданое, а въ женщинѣ—цѣнитъ лишь наслажденія. Многіе муж-
чины были бы совсѣмъ иными, если бы примѣръ, составъ товарищей
и дурно понятое тщеславіе не дѣлали бы ихъ шелопаями, лѣнтяями
и искателями выгодныхъ невѣстъ.

— Я понимаю, что примѣръ матери тебя пугаетъ. Но, во вся-
комъ случаѣ, твое замужество произойдетъ при совсѣмъ другихъ
условіяхъ и, можетъ быть, въ этой лотереѣ, называемой бракомъ, ты
вытянешь счастливый нумеръ. Мужчина также не знаетъ, какую
жену дастъ ему судьба: будетъ ли это геній хранитель или демонъ
разрушитель? Повторяю, вліяніе жены громад[illegible] часто кореннымъ
образомъ передѣлываетъ жизнь мужа.

— Извини папа, я хочу сдѣлать замѣчаніе. Только, прошу тебя,
не прими за упрекъ то, что я скажу тебѣ! Не мнѣ быть судьей между

тобой и покойной мамой. Вѣдь, фактъ остается, что, не смотря на
свою красоту, высокій умъ и безграничную любовь, мама не имѣла
никакого вліянія на тебя и не могла даже удержать тебя при насъ.

— Въ свою очередь, прошу тебя, дорогая, не сочти то, что я
скажу, обвиненіемъ твоей матери, чтобы обѣлить себя. Мое престу-
пленіе въ отношеніи васъ обѣихъ не имѣетъ оправданія. А между
тѣмъ, будь Викторія энергичнѣе, сколько горя было бы избѣгнуто!
Я былъ тогда молодъ, пылокъ и преступно безпеченъ; тѣмъ не менѣе,
потребуй твоя мать, чтобы я взялъ ее съ собой, на что имѣла неоспо-
римое право, отстаивай она рѣшительно свое и твое мѣсто, я усту-
пилъ бы, конечно, можетъ быть съ неудовольствіемъ, но все-таки,
разъ вы пріѣхали бы въ Россію, ваши права были бы обезпечены.

— Но, изъ скромности или гордости, она всегда молчала, сто-
ронилась отъ меня, и замыкалась въ себѣ самой. Послѣдствіемъ этого
было то, что, несмотря на свою красоту, чистоту и высокій умъ, она
изгладилась изъ моей жизни, подобно тѣни, тогда какъ глупыя и
продажныя женщины владѣли мной, и владѣли только потому, что
настойчиво отстаивали занятое мѣсто, цѣпляясь за меня, какъ за
свое законное добро.

Природа мужчины значительно разнится отъ природы жен-
щины. Будучи болѣе свободнымъ и независимымъ, мужчина легче
увлекается; а искушенія и удовольствія всюду сторожатъ его, пред-
лагая ему наслажденія безъ всякаго риска, угрожающаго женщинѣ.

— Для любящей и умной жены недостаточно быть только
честной: она должна умѣть, безъ шума и крика, подчинить себѣ
мужа, чтобы обезпечить права, какъ свои, такъ и права дѣтей. Ко-
нечно, если у мужа отъ природы есть задатки благородства, вслѣд-
ствіе которыхъ онъ можетъ сдѣлаться вполнѣ порядочнымъ, степен-
нымъ человѣкомъ.

— Я знаю здѣсь одну молодую даму, которую считаю образ-
цомъ, идеаломъ благоразумной жены. Я познакомлю тебя съ ней,
какъ только мы прилично устроимся.

Дама эта не такая ученая, какъ ты, не читаетъ лекцій и не
имѣетъ диплома доктора правъ. А между тѣмъ, она сумѣла тихонько,
безъ пререканій, разрѣшить великую загадку супружеской жизни.
Въ ея всегда спокойномъ обиходѣ между ней и мужемъ царитъ неиз-
мѣнно дружеское согласіе; хотя ея мужъ былъ большимъ повѣсой и
поклонникомъ женщинъ. Въ первые годы послѣ свадьбы, онъ поло-
жительно удивлялъ общество своими похожденіями и досужіе языки
предсказывали, что они разведутся или что жена, которая очень кра-

сива, отомстить ему измѣной. Но, къ огорченію великосвѣтскихъ сплетницъ, ничего подобнаго не случилось. Какъ она сдѣлала—не знаю, но только «левъ» былъ укрощенъ. Время отъ времени онъ выкидывалъ еще разныя штуки, но затѣмъ, смиренный и пристыженный, быстро возвращался къ домашнему очагу, гдѣ его не ждали ни упреки, ни сцены ревности.

— Забылъ сказать, что эта женщина поэтесса, и пишетъ очаровательныя, полныя возвышенныхъ мыслей, вещи, увлекающія читателя. Если, какъ я надѣюсь, ты подружишься съ этимъ умнымъ и энергичнымъ, обаятельнымъ существомъ, то ея опытность окажется тебѣ очень полезна въ твоемъ положеніи молодой женщины.

— Ты, кажется, очень стоишь за это, папа!

— Конечно. Да и ты, любя Евгенія въ глубинѣ твоего маленькаго сердечка, кончишь тѣмъ, что станешь думать, какъ и я.

Въ этотъ же вечеръ въ Берлинъ была передана телеграмма, слѣдующаго содержанія:

«Я остаюсь. Подробности письмомъ».

XII.

Артемьевъ сгоралъ отъ нетерпѣнія, какъ можно скорѣй покинуть домъ, ставшій ему ненавистнымъ. Но просьбѣ Владиміра Александровича, баронъ нашелъ нѣсколько подходящихъ помѣщеній, и какъ только доктора Артемьева выпустили, онъ посвятилъ одинъ изъ первыхъ своихъ выѣздовъ осмотру и окончательному выбору квартиры.

Время, нужное для ремонта и необходимыхъ передѣлокъ, было употреблено на покупки и на приготовленія къ переѣзду. Эленъ по прежнему жила въ отелѣ, но каждое утро пріѣзжала къ отцу и проводила у него весь день. Со времени маскированнаго бала она не была ни у кого изъ знакомыхъ, но Артемьевъ говорилъ, что имъ уже сдѣланы нѣкоторые шаги къ возстановленію ея общественнаго положенія и что онъ представитъ ее въ обществѣ, какъ свою дочь.

Разъ по утру, Артемьевъ вышелъ прогуляться, а Эленъ, опасаясь какъ бы не попортили при перевозкѣ очень цѣнныя вазы и древнюю группу, сама занималась въ его кабинетѣ ихъ укладкою. Вдругъ на черной лѣстницѣ раздалось нѣсколько сильныхъ звонковъ, а затѣмъ послышался шумный споръ между лакеемъ и какой-то

женщиной, употреблявшей въ своихъ пререканіяхъ не очень-то изысканныя выраженія, русскія и французскія вперемѣшку.

Эленъ съ удивленіемъ прислушивалась къ этой перебранкѣ, какъ вдругъ дверь кабинета распахнулась и въ комнату влетѣла, какъ ураганъ, красная отъ злости Колетта.

— А! Такъ и знала, что кто-нибудь занялъ мое мѣсто и отнялъ у меня сердце Вольдемара. Поэтому-то я и хотѣла на-чисто выяснить всѣ тѣ исторіи, которыя разсказываютъ въ городѣ.—вскричала она, останавливаясь передъ Эленъ и презрительно оглядывая ее.— Такъ, это вы, проповѣдница «Рая безъ Адама», противница мужчинъ, не стѣсняясь водворились у моего любовника! Чортъ возьми! Видать, что личина скромности вамъ не понутру. Только ошиблись въ разсчетѣ, наглая лицемѣрка, и Колетта Легранъ не позволитъ всякой нахалкѣ отнимать у себя возлюбленныхъ!

Эленъ покраснѣла до корней волосъ. Услыхавъ какую позорную роль въ этомъ домѣ приписывала ей актриса, а вмѣстѣ съ ней, по всей вѣроятности, и другіе, она онѣмѣла отъ стыда и негодованія. Но отвѣтить что-либо она не успѣла, такъ какъ въ эту минуту портьера быстро откинулась и на порогѣ кабинета появился Артемьевъ. Онъ былъ блѣденъ, и большіе, голубые глаза его гнѣвно и презрительно сверкали изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

— Кажется, сударыня, я не приглашалъ васъ къ себѣ и никогда не давалъ вамъ права устраивать у меня скандалы,—строго и отрывисто сказалъ Владиміръ Александровичъ.—Какъ смѣете вы оскорблять мою дочь—слышите, мою единственную и законную дочь—и коробить ея слухъ своими непристойными выраженіями! Здѣсь не мѣсто и не время сводить счеты за прошлое, навсегда поконченное, и вы очень обяжете меня, сокративъ вашъ... неожиданный визитъ. Вы меня поняли, не правда ли?—прибавилъ онъ вспыхнувъ, такъ какъ актриса не двигалась съ мѣста.

На мигъ багровый румянецъ, замѣтный даже сквозь слой румянъ, залилъ лицо Колетты, но почти тотчасъ же къ ней вернулся ея обычный апломбъ и она наивнѣйшимъ тономъ сказала:

— Да успокойтесь же, мой милый! Если эта барышня—ваша дочь, тѣмъ лучше. Значитъ, нѣтъ помѣхи нашей взаимной любви, такъ какъ дочь не станетъ ревновать отца, а я обожаю васъ, неблагодарный. Какъ я плакала о вашей болѣзни! О! Вы жестоки ко мнѣ, Вольдемаръ, жестоки и неблагодарны, прогоняя меня, словно какую-нибудь уличную дѣвку.

Упавъ въ кресло, Колетта прижала платокъ къ глазамъ и зарыдала.

Невольная презрительная усмѣшка скользнула по губамъ Артемьева, а Эленъ душилъ такой приступъ хохота, что весь гнѣвъ ея исчезъ. Наклонившись къ отцу, она шепнула ему на ухо:

— Не будь съ нею жестокъ, папа! Она вѣдь такъ глупа. Я уйду, а ты объяснись съ ней.

Не дожидаясь отвѣта, развеселившаяся, Эленъ выскользнула изъ кабинета.

Съ минуту Артемьевъ смотрѣлъ на все еще рыдавшую Колетту. Затѣмъ, подойдя къ ней, онъ добродушно насмѣшливо сказалъ:

— Полно! Вытрите слезы! Онѣ ничему не помогутъ и только испортятъ вамъ цвѣтъ лица. Довольно, много надѣлано глупостей въ жизни, а отцу такой взрослой дочери пора остепениться. Я уже старъ, а вы достаточно хороши, чтобы выбрать себѣ кого-нибудь по моложе. И такъ, разстанемся друзьями!

Подойдя къ бюро, онъ вырвалъ листокъ изъ чековой книжки и написалъ на немъ нѣсколько словъ.

— Вотъ, милая, примите эту сумму на память о пріятныхъ, проведенныхъ вмѣстѣ часахъ.

Колетта схватила чекъ и, пробѣжавъ его глазами, восторженно вскрикнула:

— Вы, великодушны, Вольдемаръ! Право, у меня разрывается сердце при мысли, что я должна разстаться съ такимъ очаровательнымъ и щедрымъ человѣкомъ! Но разъ вы хотите остепениться— дѣлать нечего. И такъ, прощайте! Я любила васъ очень искренно. Но я должна обнять васъ въ послѣдній разъ.

Колетта бросилась ему на шею, горячо его поцѣловала, и выбѣжала изъ комнаты. Артемьевъ сѣлъ у письменнаго стола, облокотился и задумался. Онъ покончилъ со своимъ бурнымъ прошлымъ. Спроваженная только что женщина была его послѣдней любовницей, и въ душѣ поднялся вопросъ: жалѣетъ ли онъ ее? «Нѣтъ и нѣтъ! — кричалъ ему его внутренній голосъ. Съ него было довольно: онъ чувствовалъ, что сытъ по горло.

Погруженный въ свои думы, онъ только тогда замѣтилъ Эленъ, когда та обняла его за шею и ласково пробормотала ему:

— Папа! Вѣдь ты свободенъ. Зачѣмъ прогналъ ты Колетту, если любишь ее? Мнѣ было бы тяжело служить тебѣ помѣхой!

Артемьевъ выпрямился и отвѣтилъ съ улыбкой:

— Любить подобную тварь, которая принадлежитъ всякому,

кто ей платитъ? Нѣтъ, дорогая, такихъ женщинъ любятъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

— Но, вѣдь, она любитъ тебя!

Артемьевъ расхохотался.

— Эта любовь не помѣшала ей, однако, уже запастись замѣстителемъ. Она — человѣкъ практичный... А что касается меня, то я довольно наслаждался и грѣшилъ. Я усталъ и мнѣ опротивѣло безпутство, а остатокъ моей жизни принадлежитъ твоей матери. Кстати, напоминаю тебѣ, что ты не дала мнѣ дневника моей покойной Викторіи и все, что ты сохранила послѣ нея.

— Я боялась сильно взволновать тебя пока ты оправлялся послѣ болѣзни. Но какъ только мы переѣдемъ, я вручу тебѣ все, о чемъ говорила.

Недѣлю спустя, они поселились на новой квартирѣ. Три уютно обставленныя комнаты, не считая мастерской, были отведены Эленъ. Артемьевъ ввелъ дочь въ новое помѣщеніе, какъ любимую невѣсту, окружая ее роскошью, цвѣтами и нѣжнымъ вниманіемъ. И признательная Эленъ была счастлива, поселясь въ устроенномъ ей отцомъ шелковомъ гнѣздышкѣ. Туда перевезла она свои цѣнныя бездѣлушки, и, кромѣ того, описавъ мистриссъ Оливеръ все происшедшее, просила ее прислать изъ убѣжища выбранную ею горничную, а также разныя вещи, портреты и прочее.

Однажды вечеромъ Эленъ собрала все, что хранила на память о матери, и отнесла въ спальню отца. Артемьевъ куда-то вышелъ, а она, желая сдѣлать ему сюрпризъ, пододвинула къ кушеткѣ столъ и разложила на немъ все, что принесла. Помимо дневника покойной, здѣсь были двѣ ея фотографіи въ рамкахъ чернаго плюша, и на одной Викторія была снята мертвою въ креслѣ, а другая изображала снимокъ съ надгробнаго памятника, поставленнаго Эленъ въ паркѣ убѣжища на томъ мѣстѣ, гдѣ покойная пожелала быть погребенною. Чудный монументъ представлялъ собою холмъ, увѣнчанный черной мраморной плитой, которую пріоткрывалъ закутанный геній, а изъ гробницы поднималась Викторія, бѣлая и воздушная, какъ видѣніе. За спиной у нея были крылышки бабочки, и она собиралась словно улетѣть въ небо, на которое геній указывалъ ей. На подножіи памятника было выгравировано только имя Викторіи и день ея смерти.

Передъ снимками Эленъ поставила шкатулку слоновой кости, въ которой хранились снятый съ шеи покойной медальонъ съ портретомъ Артемьева, ея обручальное кольцо и нѣсколько засохшихъ

цвѣтовъ, завернутыхъ въ шелковую бумагу съ надписью, что они были взяты съ гроба. Наконецъ, тутъ же она положила портфель съ нѣсколькими письмами къ мужу. Писаны они были въ часы слабости и отчаянія, и въ нихъ Викторія призывала Артемьева; послѣднее письмо писалось недѣль за шесть до ея смерти. Гордость всегда брала верхъ надъ слабостью и ни одно письмо не было окончено и отправлено. Затѣмъ, Эленъ зажгла двѣ свѣчи, чтобы лучше освѣтить портреты.

Она заканчивала свои приготовленія, какъ вошелъ Артемьевъ. При видѣ собранныхъ на столѣ реликвій, Владиміръ Александровичъ поблѣднѣлъ и опустилъ голову. Жалость и участіе сжали сердце Эленъ, и она пожалѣла, что собрала здѣсь эти венци, изъ которыхъ каждая служила отцу упрекомъ. Но, по присущей ей порывистости, соболѣзнованія ея быстро смѣнились горечью и почти жестокимъ чувствомъ. Не онъ ли самъ вырылъ эту преждевременную могилу своимъ гнуснымъ поведеніемъ и тѣмъ, что бросилъ ее? А если онъ проведетъ теперь нѣсколько мучительныхъ часовъ, то это будетъ еще очень слабымъ возмездіемъ за долгіе годы агоніи бѣдной женщины.

Эленъ покинула комнату, не сказавъ ни слова отцу. Когда она вышла позже къ чаю, лакей доложилъ, что баринъ желаетъ, чтобы ему подали стаканъ въ кабинетъ.

Лишь только ушелъ лакей, подававшій чай, какъ Артемьевъ заперся. Онъ хотѣлъ остаться наединѣ со своей жертвой и своимъ прошлымъ. Владиміръ Александровичъ погасилъ зажженныя Эленъ свѣчи и замѣнилъ ихъ лампой съ абажуромъ. Пододвинувъ кресло, онъ опустилъ голову на руки и глубоко задумался.

Спальня салоннаго льва значительно измѣнила свой наружный видъ, и казалась теперь болѣе мрачной и серьезной. Нѣсколько картинъ вольнаго содержанія и не менѣе двухсмысленныхъ статуэтокъ были изгнаны, зато на почетномъ мѣстѣ красовались семейные образа, долго бывшіе позабытыми и заброшенными ихъ владѣльцемъ — атеистомъ. Теперь передъ массивнымъ кіотомъ день и ночь горѣла лампада, и ея свѣтъ огнистымъ сіяніемъ игралъ на бриллiантахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ вокругъ потемнѣвшихъ строгихъ ликовъ.

Стояла тишина, и роскошная, чуть освѣщенная комната, казалось, была полна глубокаго покоя; а между тѣмъ, сердце Артемьева тоскливо билось и сумрачный взглядъ былъ прикованъ точно къ изображенію далекой, одинокой могилы, на которой не значилось даже его имя. Не призоветъ ли его для обвиненія пе-

редъ судилищемъ Божіимъ эта бѣлая и воздушная жертва, выходившая изъ гробницы — эта душа человѣческая, распустившая крылья Психеи, готовясь унестись въ безконечность?

Артемьевъ вытеръ лобъ и, подавивъ дрожь, взялъ другую фотографію. Жадно всматривался онъ въ черты покойной, ища перемѣны, произведенной годами душевной муки; но Викторія все такъ же была прекрасна. Неподвижное лицо ея, по чистотѣ линій и выраженія, походило на камею, а безжизненное тѣло граціозно покоилось, какъ сломленный цвѣтокъ. Лишь глубокая складка въ уголкахъ рта выдавала горечь и отвращеніе къ жизни.

Артемьевъ нерѣшительно пододвинулъ къ себѣ шкатулку и открылъ ее. Видъ медальона, — его подарокъ будучи женихомъ, — и обручальнаго кольца, заставилъ его вздрогнуть; но его дѣйствительно охватила нервная дрожь, когда онъ развернулъ неоконченныя письма. Послѣднее письмо, написанное дрожавшею рукой, содержало слѣдующія строки:

«Я чувствую, что умираю. Все чаще и чаще повторяющіеся приступы болѣзни сердца могутъ убить меня каждую минуту, и только будучи почти увѣрена, что ненавистная тебѣ цѣпь окончательно порвется, рѣшилась я писать и призывать тебя, Вольдемаръ.

«Не смотря на всѣ обиды и всѣ раны, нанесенныя тобой моей душѣ, умоляю я тебя вернуться. Пусть я умру близъ тебя. Желаніе еще разъ тебя видѣть гложетъ меня и отнимаетъ покой. Кромѣ того, я хотѣла бы передать на твои руки нашего ребенка. Ты, какъ будто, любилъ Эленъ, а ея судьба пугаетъ меня. Хорошо ли я сдѣлала, довѣривъ ее общинѣ? Ея характеръ и будущее не будутъ ли ложно...»

Рука Артемьева тяжело опустилась, словно этотъ пожелтѣвшій листокъ былъ изъ металла, и нѣсколько горячихъ слезъ скатились на поблѣднѣвшія буквы.

О!.. Зачѣмъ это письмо не попало къ нему? Оно стряхнуло бы съ него преступное его равнодушіе; онъ вернулся бы и, можетъ быть, жизнь Викторіи была бы спасена...

Просидѣвъ довольно долго въ подавленномъ состояніи, онъ взялъ толстую тетрадь и открылъ ее съ чувствомъ смутнаго страха. Ему знакома была эта тетрадь и много разъ видѣлъ онъ ее въ рукахъ Викторіи; но тогда ему было не до жены, и его ни мало не интересовало, что она думала и чувствовала. Въ настоящую минуту Артемьевъ весь погрузился въ чтеніе дневника и, по мѣрѣ

того, какъ онъ въ него вчитывался, на его лицѣ отражались стыдъ, сожалѣніе и отчаяніе.

Въ дневникѣ заключалась горестная эпопея разбитаго, исходившаго кровію, женскаго сердца, порою возмущавшагося, а порою смирявшагося, но постоянно терзаемаго роковою любовію, которая сковала его, словно цѣпью, какъ каторжника.

Много позабытыхъ, но теперь отчетливо выступившихъ случаевъ его жестокаго и грубаго эгоизма заставили содрогнуться и покраснѣть Артемьева. Въ то же время изъ пламени этого нравственнаго костра торжествующе вспыхивалъ свѣтлый образъ чистой и любящей Викторіи, своей материнской любовью побѣдившей всѣ слабости и всѣ искушенія мести.

Прочтя послѣднюю страницу, писанную женой въ самый день ея смерти, Артемьевъ опустилъ голову на руки.

— Бѣдная, бѣдная Викторія!—пробормоталъ онъ дрожащими губами, и судорожныя рыданія вырвались изъ его сдавленной груди.

Передъ нимъ возстала полная непоправимость совершеннаго имъ преступленія. Чѣмъ искупить всѣ мученія, причиненныя этому невинному и беззащитному существу, которое одно искренно любило его ради него самого, а онъ принесъ его въ жертву распутнымъ, продажнымъ тварямъ и животнымъ наслажденіямъ.

Люди не осудили его и человѣческіе законы его не покарали, но зато теперь надвинулось самое страшное правосудіе, а это правосудіе не нуждалось ни въ свидѣтеляхъ, ни въ обвинителяхъ. Въ тиши этой ночи судила его собственная совѣсть и постановляла свой суровый приговоръ, вычитывая всѣ его проступки, изобличая жестокій эгоизмъ и срывая отрепья прошлаго тщеславія и гордыни, въ которыя рядила его льстивая людская пошлость и самомнѣніе, въ свою очередь шептавшія лукавые, глушившіе чувство долга, совѣты.

Подъ тяжелой рукой этого невидимаго правосудія Артемьевъ терзался, какъ терзается ни одинъ обвиняемый въ залѣ суда подъ жесткими и любопытными взглядами праздной толпы.

Богъ, Котораго онъ забылъ въ вихрѣ наслажденій, и въ существованіи Котораго онъ усомнился, такъ какъ Онъ не поражалъ его, какъ бы слѣдовало, припомнился теперь, и Артемьевъ содрогнулся.

Онъ глумился надъ справедливостью, позволявшей ему пользоваться всѣми радостями жизни, уваженіемъ людей, и успѣхами въ

свѣтѣ, надѣлившей его желѣзнымъ здоровьемъ и громаднымъ состояніемъ — однимъ словомъ, надъ справедливостью, ставшей на сторону сильнаго противъ слабаго и беззащитнаго. Но въ эту минуту онъ понялъ, что есть сила тайная и неуловимая, но грозная и ужасная, которая захватила его, мучала его душу, заставляла дрожать, проклоняться и плакать слезами, горячѣе огня. Эта могучая сила была справедливостью небесной, истиннымъ и неподкупнымъ правосудіемъ, которое медленно, но неуклонно встаетъ на защиту невинныхъ жертвъ и отмщаетъ за преступныя эманаціи, обрушивая ихъ на того, кто ихъ вызвалъ...

Вдругъ въ душѣ Артемьева проснулась потребность молиться: его охватилъ порывъ вѣры и боязни забытаго, неяснаго и непонятаго Бога, всемогущество Котораго онъ чувствовалъ, однако, въ эту тяжелую минуту.

Нетвердыми шагами подошелъ онъ къ кіоту, упалъ на колѣни передъ образами и, ударившись головой о землю, прошепталъ только:

— Боже мой!.. Боже мой!..

Это не была строго выраженная молитва; но въ этихъ двухъ словахъ заключались и раскаяніе грѣшника, и мольба о прощеніи, просвѣщеніи и поддержкѣ. И таково было могущество этого призыва сердца, потрясеннаго до основанія, что оно обрушило непреодолимую стѣну, отдѣляющую земнаго человѣка отъ міра безтѣлеснаго,—той невидимой области, надъ которой люди смѣются потому, что не могутъ ощупать и смѣрить ее, ибо плотная завѣса, скрывающая тайны потусторонняго свѣта, не можетъ быть поднята любопытствующей рукой безвѣрнаго невѣжды...

Но отчаянный призывъ Артемьева открылъ эту завѣсу. Легкое потрескиваніе, сопровождаемое холоднымъ вѣяніемъ, заставило его подняться, и широко открытые глаза впились въ бѣловатую тѣнь, появившуюся передъ нимъ. Въ мерцавшемъ свѣтѣ зажженой передъ иконами лампады, передъ нимъ появился не Тотъ, къ Кому былъ обращенъ призывъ, нѣтъ, а Его созданіе—единственное существо, могущее облегчить его угрызенія, — Викторія!

Какъ и при первомъ появленіи, она была вся въ бѣломъ. Фосфорическій свѣтъ исходилъ, казалось, отъ ея существа и отъ распущенныхъ бѣлокурыхъ волосъ, ореоломъ осѣнявшихъ ея голову и терявшихся въ тѣни; а большие темные и лучистые глаза ея съ сожалѣніемъ и любовью смотрѣли на Артемьева. Она слишкомъ его любила, чтобы радоваться его страданіямъ въ этотъ часъ, отмщав-

шій за всѣ пошлыя утѣхи, ради которыхъ онъ пожертвовалъ ею. Духъ, освобожденный отъ плоти, зналъ, какая тяжкая искупительная работа ожидаетъ распростертаго здѣсь человѣка, съ его запоздалымъ раскаяніемъ; духъ зналъ, что даже прощеніе, исходящее изъ любящаго сердца, не можетъ загладить попраніе флюидическихъ законовъ — исконныхъ законовъ равновѣсія между добромъ и зломъ. Нарушеніе это могъ исправить только тотъ, кто совершилъ его, и въ эту минуту угнетатель былъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ его жертва.

Но вотъ раздался нѣжный голосъ, звучавшій глухо, точно гармоничный шепотъ:

— Твоя мысль и твое раскаяніе вызвали меня, но я — не судья тебѣ! Я давно уже тебя простила. Если бы отъ меня зависѣло загладить твое прошлое, очистить и снять съ тебя тяжесть всего тобою содѣяннаго, — я бы съ радостью сдѣлала это, такъ какъ истинной любви чужды злоба и мщеніе. Увы! Я могу лишь плакать надъ тобой. Я была для тебя непонятымъ тобою жизненнымъ испытаніемъ, пробнымъ камнемъ пріобрѣтенныхъ тобою силъ.

Тебѣ отмстятъ нарушенные тобой законы нравственной гармоніи; а послѣдствіемъ этого явится исправленіе и умерщвленіе возлюбленной тобою плоти, въ жертву которой ты приносилъ лучшія стремленія своей души. Помни, что гармонія возвышаетъ духъ и уноситъ его въ безконечность, а безпорядокъ обременяетъ крылья и влечетъ въ бездны искупленія.

Можно обмануть людей — несовершенное и слѣпое стадо, — но не строгіе и непреложные законы равновѣсія сферъ. А законы эти требуютъ отъ каждой крупицы матеріи соотвѣтствующаго долга, труда и свѣта. Безошибочно изслѣдуютъ они, взвѣшиваютъ и направляютъ всякій вращающійся въ кажущемся хаосѣ атомъ, который, смотря по своимъ свойствамъ, или будетъ подниматься въ эфирѣ, если онъ легокъ, или снова падать, чтобы быть заново перемолотымъ, если безошибочное равновѣсіе признаетъ его слишкомъ тяжелымъ. Сколькими безполезными знаніями обременяете вы свой умъ ради достиженія благъ земныхъ, но истиннымъ знаніемъ люди пренебрегаютъ. И вотъ, передъ слѣпымъ человѣкомъ неожиданно возстаютъ невѣдомые попираемые имъ законы, и осуждаютъ его на духовную каторгу!

О, молись, очищайся и искупай свою вину — совершенную не въ отношеніи меня, но въ отношеніи самого себя! Я тоже буду молиться и оберегать тебя.

Голосъ умолкъ. Видѣніе поблѣднѣло и расплылось въ воздухѣ. Ошеломленный Артемьевъ съ минуту еще стоялъ неподвижно, а затѣмъ рухнулъ безъ чувствъ на коверъ...

Придя въ сознаніе, онъ чувствовалъ себя разбитымъ, голова была тяжела, и сердце сдавлено. Медленно добрелъ онъ до стола, на которомъ лежали реликвіи прошлаго, безсильно опустился въ кресло и задумался.

Онъ ясно помнилъ видѣніе и каждое слово, сказанное гостьей изъ потусторонняго міра. Уже вторично невидимая область касалась его своимъ таинственнымъ крыломъ, и сомнѣніе было невозможно; явленіе Викторіи въ часъ ея кончины, когда онъ, считая ее давно умершей, возвращался безпечный и пьяный съ увеселительной попойки, — было однимъ изъ безспорныхъ доказательствъ. Эта ночь, изъ матеріалиста и кощунника-отрицателя, сдѣлала его вѣрующимъ и привела къ искреннему покаянію.

Артемьевъ снова осмотрѣлъ всѣ оставшіяся послѣ жены вещи. Ему казалось, что онѣ пропитаны излученіями прошлаго и что онѣ издаютъ стонъ, понятный только тому, къ кому онъ обращенъ. Дрожа и волнуясь, вынулъ онъ изъ шкатулки обручальное кольцо Викторіи, которое та носила до самой смерти, и надѣлъ его на свой палецъ, а затѣмъ досталъ изъ тайнаго отдѣленія собственное кольцо, которое спряталъ съ момента своего возвращенія въ Петербургъ. Надѣвая его, ему казалось, что онъ возобновляетъ прежнюю клятву. Теперь онъ рѣшилъ быть вѣрнымъ покойной, какъ никогда не былъ вѣренъ живой. Можетъ быть этимъ почитаніемъ ея памяти онъ искупитъ хоть отчасти пролитыя ею слезы?.. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Теплое, нѣжное и ласкающее, какъ поцѣлуй, вѣяніе коснулось его лба...

Артемьевъ поникъ головой, но на душу его снизошло нѣкоторое успокоеніе. Горячо помолясь, онъ легъ въ постель и заснулъ крѣпко.

Когда на слѣдующій день Владиміръ Александровичъ вышелъ къ завтраку, Эленъ съ горечью увидала перемѣну, происшедшую въ немъ за эту ночь. Пестрившія его волосы и бороду серебряныя нити, казалось, утроились, походка сдѣлалась вялой, а горѣвшій во взглядѣ огонь юности угасъ. Очевидно, дамскій угодникъ, блестящій салонный левъ въ немъ умеръ.

Артемьевъ молча привлекъ дочь въ свои объятія и крѣпко поцѣловалъ ее; Эленъ также молча обняла его и прижалась къ нему. Не было произнесено ни одного слова, но это безмолвное объятіе

отца съ дочерью ясно выразило, съ одной стороны—любовь и раскаяніе, а съ другой—нѣжность и обѣщаніе помочь нести тяжесть угрызеній, чтобы примирить его съ совѣстью.

Прошло нѣсколько дней. Артемьевъ оставался задумчивымъ, молчаливымъ и искалъ уединенія. Хотя нѣсколько разъ уже заходилъ разговоръ о необходимости сдѣлать нѣкоторые визиты и поѣхать на званный вечеръ, у баронессы Надлеръ, но эти планы оставались пока не приведенными въ исполненіе. Владиміру Александровичу было непріятно, видимо, появляться въ свѣтѣ; да и Эленъ раздѣляла это чувство, такъ какъ ее мучилъ вопросъ о помолвкѣ съ барономъ Равенсбургомъ, отъ которой или слѣдовало отказаться, или, наоборотъ, открыто объявить о ней въ обществѣ.

Евгеній Павловичъ, долго не появлявшійся въ домѣ Артемьева, въ послѣднее время сдѣлался тамъ ежедневнымъ гостемъ. Онъ искалъ, какъ будто, случая объясниться съ Эленъ, а ее боязнь рѣшительнаго разговора побуждала выдумывать тысячу предлоговъ, чтобы уклоняться отъ объясненія, всякій разъ, какъ она встрѣчала его мрачный и вопросительный взглядъ.

Эленъ перестала даже понимать сама себя, страшась порою собственной слабости, такъ какъ для нея не было сомнѣнія, что чувство, влекущее ее къ барону, съ каждымъ днемъ становилось все могущественнѣе. Такъ, избѣгая его, она нетерпѣливо, въ то же время, поджидала его пріѣзда, и сердце ея усиленно билось, слыша его шаги и голосъ, а когда онъ уѣзжалъ, все вдругъ казалось пустымъ и унылымъ. При одной мысли, что онъ могъ жениться на другой, въ ней пробуждалось невѣдомое, но до такой степени сильное и болѣзненное чувство, что она на мигъ забывала всѣ свои воззрѣнія и рѣшенія. Тѣмъ не менѣе, Эленъ мужественно боролась съ овладѣвшей ею и осуждаемой разсудкомъ любовью. Наконецъ, она рѣшила просить отца предпринять съ нею какое-нибудь путешествіе, что избавило бы ее отъ внутренняго разлада и возстановило потерянное душевное равновѣсіе.

Таково было положеніе, когда однажды утромъ пріѣхалъ баронъ и прошелъ прямо въ кабинетъ Артемьева. Не будучи въ состояніи дольше выносить эту раздражающую неизвѣстность, онъ хотѣлъ объясниться хоть съ нимъ.

Владиміръ Александровичъ читалъ, сидя у окна, и принялъ молодого пріятеля съ обычнымъ благодушіемъ, а когда Евгеній Павловичъ, безъ околичностей, излилъ то, что привело его къ нему,

и сталъ умолять его положить конецъ такому невыносимому положенію. Артемьевъ ничего не отвѣтилъ и глубоко задумался.

— Владиміръ! Твое молчаніе удивляетъ меня. Словно ты не желаешь уже, чтобы я женился на твоей дочери!—обиженнымъ тономъ вскричалъ раздраженный баронъ.

Артемьевъ выпрямился и, протянувъ ему руку, отвѣтилъ съ натянутой слегка улыбкой:

— Садись и успокойся! Иначе невозможно обсуждать занимающій насъ вопросъ. Мы давніе друзья и можемъ объясниться откровенно. Человѣкъ, видишь-ли, мѣняется. За послѣднія недѣли старый повѣса, Артемьевъ, твой собутыльникъ и сотрудникъ твоихъ сумасбродствъ—умеръ, а вмѣсто него возродился отецъ Эленъ. И если я по прежнему хотѣлъ бы выдать ее за тебя, то въ то же время, боюсь, что она будетъ несчастна. Ты добрый малый, Евгеній, но мы вмѣстѣ слишкомъ много куралесили, чтобъ я не понималъ, какъ трудно тебѣ будетъ измѣнить образъ жизни и сдѣлаться скромнымъ и степеннымъ отцомъ семейства.

Не возражай! Кто, въ родѣ насъ съ тобой, мѣнялъ любовницъ, какъ перчатки, тому очень тяжко оставаться вѣрнымъ одной женщинѣ, какъ бы прекрасна и добродѣтельна она ни была. Скажу больше: идеальная и чистая женщина насъ не трогаетъ, и мы холодны къ ней, такъ какъ она не издаетъ хмельного аромата какой-нибудь распутницы, играющей поэтому на нашей чувственности, какъ артистъ на роялѣ. Я самъ служу доказательствомъ того, что высказалъ. Ты видѣлъ портретъ Викторіи? Безъ всякаго сомнѣнія, она могла соперничать съ любой выдающейся красавицей: а между тѣмъ, она умерла одинокая и покинутая, тогда какъ я нѣжилъ, лелѣялъ, и наряжалъ здѣсь всякихъ негодныхъ бабъ, часто даже некрасивыхъ и уже увялыхъ, но взгляды, тѣлодвиженія и безстыдный задоръ которыхъ издавали тотъ запахъ сладострастія, который порабощаетъ кутилу и возбуждаетъ его притупленныя чувства.

Ты любишь Лоло, подобно мнѣ, любившему Викторію—какъ произведеніе искусства, обладать которымъ жаждетъ всякій цѣнитель прекраснаго: но, принадлежа тебѣ, она потеряетъ половину цѣны. Спокойное обладаніе ею вернетъ тебя къ твоимъ старымъ привычкамъ, а присутствіе жены начнетъ тебя стѣснять. Всюду, гдѣ ты привыкъ свободно бывать одинъ,—въ театрѣ или на прогулкѣ,—невинный взглядъ «очаровательнаго тюремщика» будетъ тебѣ несносенъ. Ты будешь чувствовать, что за тобой наблюдаютъ, и что ты долженъ вести себя сдержанно. Тебѣ нельзя будетъ сво-

бодно подходить къ женщинамъ, знакомымъ по маскараду или по отдѣльному кабинету ресторана; съ другой стороны, присутствіе жены будетъ вредить тебѣ въ глазахъ приглянувшихся «дамъ для легкаго чтенія».

Не подумай, что я осуждаю тебя за грѣшки, которые предвижу. Я по опыту знаю, какъ скользокъ путь наслажденія, и поэтому судить тебя я не имѣю права, сознавая свою страшную вину. Но въ данномъ случаѣ, видишь-ли, идетъ дѣло о счастьи и будущности моей дочери; а узнавъ ея характеръ, я предвижу большія осложненія. Я знаю, что Лоло любитъ тебя. Какъ всякая молодая дѣвушка, она будетъ искать въ тебѣ идеалъ, созданный ея сердцемъ, не смотря на всѣ уроки «Рая безъ Адама»; вмѣстѣ съ тѣмъ, ею трудно будетъ управлять, вслѣдствіе страннаго и анормальнаго ея воспитанія.

Чѣмъ больше я наблюдаю за ней, тѣмъ больше убѣждаюсь, съ сожалѣніемъ, что она унаслѣдовала весь мой характеръ и очень мало заимствовала отъ своей кроткой матери. Гордая, своевольная, увлекающаяся, склонная къ страстной ревности и безжалостному, въ минуту вспышки, обращенію. Эленъ—вполнѣ моя дочь. Будучи ея мужемъ, тебѣ трудно будетъ уравновѣсить роли друга и любовника. Одна дружба легко можетъ не удовлетворить ее: а страсть, если даже сначала и напугаетъ ее, то скоро сдѣлается пріятной привычкой, отъ которой она не пожелаетъ отказаться, требуя, чтобы ты обожалъ только ее одну. Если же ты вздумаешь наставить ей рожки,—что неизбѣжно случится, такъ какъ я тебя знаю,—то она тебя и поджаритъ на супружескомъ очагѣ. Подумай объ всемъ этомъ. Если же ты чувствуешь, что не въ силахъ остепениться, то лучше откажись отъ этого брака, который не принесетъ тебѣ счастья, а Эленъ, можетъ быть, толкнетъ на путь порока и обмана. Не одна пылкая женщина отдавалась любовнику, въ отместку мужу. Чтобы ей не погибнуть на этомъ пути, пусть лучше Эленъ останется со своими утопіями. Я увезу ее отсюда, и вы другъ друга позабудете.

По мѣрѣ того какъ говорилъ Артемьевъ, яркій румянецъ разливался по лицу барона. Затѣмъ Равенсбургъ всталъ и крѣпко пожалъ пріятелю руку.

— Все, что ты сказалъ,—правда. Поклясться, что никогда ни одна женщина не возбудитъ во мнѣ мимолетнаго желанія—я не могу. Но неужели же этой причины достаточно, чтобы ты отказалъ мнѣ въ рукѣ Елены Владиміровны. Я люблю ее честно, искренно,

и сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы дать полное счастье. Клянусь честью порвать до свадьбы всѣ мои любовныя связи и затѣмъ употребить всѣ силы, чтобы остепениться! Будучи такъ молода, красива и полна жизни, твоя дочь вовсе не создана быть монахиней, и ей могъ бы достаться мужъ гораздо хуже, чѣмъ я. Кромѣ того, она любитъ меня, и это одно уже является залогомъ для счастья.

Артемьевъ съ минуту раздумывалъ, а затѣмъ, проведя рукой по лбу, сказалъ:

— Да будетъ во всемъ воля Господня, знающаго и направляющаго судьбы людей по незыблемому Промыслу Своему! Мимолетныя земныя радости, какъ и разочарованія или огорченія, имѣютъ свою цѣль, отмѣченную Его премудростью. Итакъ, сходи и поговори съ Лоло! Если она согласится, то можетъ быть сумѣетъ сохранить и защитить свое счастье. У бѣдной Викторіи не хватило на это энергіи, и она предоставила меня самому себѣ.

— Гдѣ найти Елену Владиміровну?—спросилъ баронъ, еще разъ крѣпко пожимая ему руку.

— Въ ея кабинетѣ. Ступай—и да вдохновитъ васъ обоихъ Господь!

Эленъ была одна и взволнованно ходила по кабинету. Она знала, что баронъ сидитъ у отца и чутьемъ угадывала, что тамъ разговоръ идетъ о ея судьбѣ. И такъ, рѣшительная минута должна наступить! Устоитъ ли она передъ мольбой человѣка, взглядъ и голосъ котораго, казалось, обезсиливали ея волю? Отречется ли она отъ своихъ убѣжденій? Неужели она — смѣлая проповѣдница идеологіи «Рая безъ Адама», изберетъ себѣ господина? Какъ бы онъ ни любилъ ее, онъ все-таки окажется «властелиномъ», который предъявитъ на нее права и которому она обязана будетъ повиноваться, вмѣсто того, чтобы исполнять только свои прихоти...

Гордость, любовь, упрямство, страхъ и смѣшанное чувство ненависти и счастья боролись въ душѣ Эленъ, вызывая мучительное возбужденіе. Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ послышались торопливые шаги, и на порогѣ кабинета появилась высокая и стройная фигура Евгенія Павловича.

Эленъ поблѣднѣла, остановилась и взглянула на барона тоскливо и неувѣренно, а строптивое сердце сильно забилось въ груди.

На минуту баронъ молча впился глазами въ очаровательное лицо Эленъ, на которомъ ясно отражались разнообразныя, волно-

вавшія ее чувства, а затѣмъ быстро подошелъ и сказалъ дрожавшимъ отъ страсти голосомъ:

— Эленъ!! — и привлекъ ее въ свои объятія.

Въ одномъ этомъ словѣ прозвучала вся его душа. Подъ обаяніемъ же горячаго порыва, у Эленъ закружилась голова, она зашаталась, прижалась головой къ его груди и не противилась поцѣлуямъ. Какъ это случилось? Она не могла бы сказать. Жгучая волна нахлынула и захватила ея страстную душу. Всякія сомнѣнія, борьба и возмущеніе потонули въ чувствѣ безконечнаго счастья и радостнаго покоя, которые на мигъ заставили ее все забыть. Но забвеніе это было непродолжительно. Возбужденіе упало и быстрая реакція вызвала у Эленъ потоки слезъ.

Побѣжденная самой могущественной и таинственной силой природы, покоренная дѣйствительной жизнью, проповѣдница рая безъ Адама оплакивала разбитую надменную мечту о независимости безъ любви, оплакивала крушеніе гордаго сооруженія, возведеннаго измученными сердцами, воображавшими сдѣлать ее неуязвимой...

Евгеній Павловичъ понялъ, что происходило въ душѣ Эленъ. Подведя ее къ дивану, онъ сѣлъ рядомъ съ ней, обнялъ ее и нѣжно сказалъ:

— Надѣюсь, что эти слезы — послѣдняя дань прошлому, отъ котораго настоящая минута отдѣлитъ васъ навсегда. Забудьте, дорогая, свое грустное дѣтство и выбранное вами пустое, унылое существованіе, которое не могло бы долго удовлетворять васъ. Въ обществѣ отца, которому вы все простили, и обожающаго васъ мужа вы начнете новую жизнь — настоящую жизнь женщины. И такъ, вытрите ваши слезы и смотрите на будущее съ довѣріемъ и надеждой.

Эленъ выпрямилась и, стараясь подавить струившіяся по ея лицу слезы, тихо отвѣтила:

— Да, я пала жертвой жестокаго закона. Я знала этотъ законъ, опасалась его и должна была бы избѣжать его, но обстоятельства оказались противъ меня. Сознаю, что любовь — прекрасна, если бы она составляла все въ нашей жизни, если бы не являлись призраки сомнѣнія, разочарованія и ревности — неистовой противницы любви, ее уничтожающей. Я считаю васъ добрымъ, и вѣрю, что вы искренно любите меня, а между тѣмъ, кто знаетъ, не заставите ли вы меня горько пожалѣть о моей жизни, однообразной и пустой, но зато избавленной отъ всякой борьбы и мученій. Считаете ли вы себя достаточно сильнымъ, чтобы никогда не влить въ мое сердце

горечь и желчь, не заставить меня, — разбитой и несчастной, — вернуться въ тотъ рай, откуда я ушла?

— Эленъ! Я не святой, а потому не могу быть непогрѣшимымъ, — съ волненіемъ отвѣтилъ баронъ. — Но клянусь вамъ, употребить всѣ силы, чтобы сдѣлать васъ счастливой и побѣдить мои слабости. Если вы любите меня, вы будете снисходительны и терпѣливы ко мнѣ и поддержите въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ.

Глубоко взволнованная, колеблясь между счастьемъ и горечью, Эленъ склонила голову на его плечо.

Въ эту минуту на порогѣ комнаты появился Артемьевъ, приближеніе котораго женихъ съ невѣстой даже не слыхали.

— А! Поздравляю! Я вижу, что все кончено къ общему удовольствію,—весело сказалъ онъ.

Эленъ покраснѣла, какъ вишня. Вырвавшись изъ рукъ Евгенія Павловича, она бросилась на шею отца и залилась слезами.

— Полно! Успокойся, моя дорогая, и не создавай себѣ призраковъ, — со смѣхомъ замѣтилъ Артемьевъ, поднимая головку дочери. — Простись также со своими утопіями! Совершеннаго счастья на землѣ нѣтъ, и нужно мириться на меньшемъ. Для начала, возьми въ руки своего мотылька, чтобы онъ не началъ снова порхать. Будь строга, какъ и подобаетъ воспитанницѣ твоей общины, а своему презрѣнному «адаму» предоставь лишь внѣшній обликъ власти.

Всѣ разсмѣялись, а потомъ выпили шампанскаго. Остальной день прошелъ весело, такъ какъ Эленъ, несмотря на свои предчувствія, отдалась очарованію быть любимой, и радовалась, что не нужно скрывать свои чувства.

Было рѣшено, что на слѣдующій же день всѣ отправятся на вечеръ къ баронессѣ Надлеръ, гдѣ Артемьевъ объявитъ о помолвкѣ. Эленъ же еще утромъ побывала у баронессы съ Инной, и разсказала о всемъ происшедшемъ.

Лидія Андреевна, сдѣлавшаяся ангельски доброй отъ собственнаго счастья, по случаю выхода замужъ за князя, съ распростертыми объятіями приняла Эленъ, поздравила ее и взяла съ нея слово, что она будетъ на ея свадьбѣ, которая назначена черезъ недѣлю. Инна отнеслась не столь восторженно, но ея радость, что Эленъ остается въ Петербургѣ, была глубока и искренна.

Много любопытства, зависти и зложелательства было во взглядахъ, устремленныхъ на Эленъ, когда та вошла подъ руку съ отцомъ въ гостиную баронессы Надлеръ и была представлена обществу, какъ Елена Владиміровна Артемьева, невѣста барона Равенсбурга.

Среди наиболѣе недоброжелательныхъ была и Обзорова. Съ презрительнымъ любопытствомъ разглядывала она глубокую перемѣну, происшедшую въ наружности Артемьева. Затѣмъ, обернувшись къ сосѣдкѣ, она зло процѣдила:

— Да онъ совсѣмъ сталъ старикомъ, этотъ закоренѣлый грѣшникъ. А еще смѣлъ выдавать себя за холостяка и настойчиво ухаживалъ за женщинами однѣхъ лѣтъ съ его дочерью. Не на пользу ему пошла эта необходимость сознаться въ прежнихъ продѣлкахъ.

— Да, какъ-же! Онъ адски ухаживалъ за вами, Вава, и какое счастье, что вы благоразумно устояли противъ него. Вѣдь и теперь еще онъ красивый и обаятельный мужчина,—иронически отвѣтила пріятельница.

— Да, дорогая моя! Не будь у меня строгихъ правилъ и, вообще, ледяного сердца, я бы легко могла бы пасть, — самодовольно отвѣтила Обзорова, умалчивая благоразумно о томъ, что ради этого же самаго человѣка она собиралась добиваться развода и рисковать большимъ скандаломъ.

Она не замѣтила, что Артемьевъ подошелъ къ ней поздороваться и, такимъ образомъ, слышалъ послѣднія слова своей отставной возлюбленной. А та приняла его хотя дружески, но равнодушно. Для нея онъ не представлялъ ровно ничего. Въ глазахъ же Владиміра Александровича мелькнуло такое насмѣшливое презрѣніе, что Обзорова, несмотря на свою наглую самоувѣренность, смутилась, и готовое сорваться приглашеніе Артемьева съ дочерью къ себѣ, застряло въ горлѣ и все ограничилось церемоннымъ поклономъ. Затѣмъ Владиміръ Александровичъ съ гадливостью отвернулся отъ нея, дивясь, какъ могъ онъ раньше интересоваться этой продажной, распутной и пошлой тварью, которую лишь положеніе «свѣтской дамы» отличало отъ заправской кокотки.

XIII.

Вѣнчаніе баронессы Надлеръ назначено было въ церкви Адмиралтейства, куда Эленъ отправилась съ отцомъ и женихомъ. Тамъ уже съѣхалось много приглашенныхъ, и ожидали только пріѣзда невѣсты. Стоя недалеко отъ алтаря, Эленъ съ любопытствомъ разсматривала общество, о которомъ имѣла не особенно высокое мнѣніе.

Здѣсь собрались всѣ «сливки» столицы. Горѣвшія люстры заливали свѣтомъ роскошные дамскіе туалеты, сверкали въ изобиліи

брилліанты и сіяли расшитые мундиры; но на всей этой блестящей и нарядной толпѣ лежалъ какой-то отпечатокъ пошлости. На помятыхъ лицахъ, преждевременно состарившихся мужчинъ и жеманныхъ, разрумяненныхъ дамъ читались ихъ эгоизмъ, мелочное тщеславіе и то душевное ничтожество, всѣ интересы котораго сосредоточиваются на карьерныхъ вожделѣніяхъ или соперничествѣ въ нарядахъ, любовныхъ похожденіяхъ, интригахъ и злословіи.

Оглядывая и расцѣнивая въ душѣ этихъ салонныхъ лицедѣевъ, Эленъ замѣтила запоздавшую парочку, прокладывавшую себѣ дорогу сквозь толпу.

Онъ былъ кавалергардъ, замѣчательно красивый, высокій и стройный, съ темными бархатными глазами и почти бѣлокурыми волосами. Правильное лицо его было болѣзненно блѣдно и нѣчто чуть уловимое, — смѣсь скуки, пресыщенія и самодовольства, — указывало, что этотъ свѣтскій левъ, несмотря на свою молодость, уже имѣлъ за собой бурное прошлое.

Шедшая съ нимъ подъ руку молодая женщина не обладала безусловной, хотя нѣсколько слащавой красотой своего мужа, но весь ея обликъ дышалъ благородствомъ и изяществомъ; въ ней чувствовалось какое-то своеобразіе, рѣзко выдѣлявшее ее изъ среды прочихъ дамъ.

Она была средняго роста и такъ тонка, что казалась воздушной. Матовую бѣлизну лица оттѣняли густые и темные волосы, а большіе стального цвѣта глаза ея, очерченные длинными, пушистыми рѣсницами, фосфорически блестѣли, пронизывая, казалось, насквозь того, на кого смотрѣли. Лиловое бархатное платье, съ воротникомъ «медичи» изъ золотыхъ кружевъ, и бриллiантовый съ аметистами уборъ носили строгій характеръ и вполнѣ гармонировали съ гордой сдержанностью всей ея фигуры.

Эленъ не могла оторвать глазъ отъ этого подвижного лица, каждый нервъ котораго трепеталъ, казалось, подъ вліяніемъ дѣятельной души и высокаго ума, отражавшагося во взглядѣ. Эта была, несомнѣнно, художественная, поэтическая натура; но не подлежало сомнѣнію и то, что она счастлива не была. На это указывала суровая и холодная складка маленькаго рта, несмотря на спокойное выраженіе большихъ ясныхъ глазъ, вполнѣ равнодушно скользившихъ по толпѣ, сквозь которую она проходила, обмѣниваясь легкими поклонами съ знакомыми. Еще менѣе вниманія обращала она на своего, видимо очень довольнаго собой, красавца-мужа, который раскланивался направо и налѣво, обмѣниваясь рукопожатіями съ муж-

чинами и ласковыми взглядами — съ представительницами прекраснаго пола, расточавшими ему чарующія улыбки.

— Вотъ-то неподходящая пара, — подумала Эленъ, теоретическая опытность которой тотчасъ же почуяла затаенную драму. — Эта развитая и гордая женщина не можетъ быть счастлива съ этимъ надутымъ и тщеславнымъ манкеномъ, каждый взглядъ котораго дышетъ измѣной и обманомъ. Разумѣется, она выдержала тяжелую нравственную борьбу прежде, чѣмъ достигла такого холоднаго равнодушія. Надо узнать, кто она такая и познакомиться съ ней.

Размышленія ея были прерваны прибытіемъ невѣсты, и все вниманіе Эленъ поглотила священная церемонія, на которой она присутствовала уже второй разъ.

Но въ данномъ случаѣ ея волненіе было совсѣмъ другого рода. Она думала, что сама черезъ нѣсколько мѣсяцевъ также будетъ стоять передъ алтаремъ, откажется отъ личной воли и свободы, и навсегда свяжетъ себя съ человѣкомъ, котораго, правда, любитъ и любима имъ, но какова будетъ ея дѣйствительная жизнь, когда исчезнутъ иллюзіи?

Взглядъ Эленъ невольно сталъ искать молодую женщину, возбудившую ея интересъ. Та тоже слѣдила за брачнымъ обрядомъ съ мечтательно горькимъ выраженіемъ. Не вспомнилась ли ей собственная свадьба и то, что за нею послѣдовало: разбитыя мечты, оскорбленное самолюбіе и тяжелый душевный процессъ, который совлекъ съ любимаго человѣка все, чѣмъ его украшало ея дѣвичье воображеніе...

Сердце Эленъ пугливо сжалось. Развѣ эта женщина не была memento mori, которое судьба выдвинула на ея пути для предупрежденія, чтобы она не слишкомъ предавалась очарованію.

Въ ея большихъ стальнаго цвѣта глазахъ отражалась тоска неудовлетворенной души; а она, Эленъ, также искала въ жизни идеала, гармоніи душъ и соотвѣтствія вкусовъ, что одно лишь могло дать счастье. Она не принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя удовлетворяются кличкой «замужней женщины», а въ остальномъ утѣшаются подачками, за которыя платятъ любовники...

Когда церемонія кончилась и всѣ двинулись поздравлять новобрачныхъ, Эленъ потеряла изъ вида заинтересовавшую ее даму. Но очутившись въ каретѣ, она спросила тотчасъ отца, кто была молодая дама въ лиловомъ платьѣ, съ мужемъ кавалергардомъ?

— А! Ты ее замѣтила?—съ улыбкой отвѣтилъ Артемьевъ.— Это графиня Варатова—та идеальная жена, о которой я

однажды говорилъ тебѣ. Это—выдающаяся женщина, глубоко артистическая натура и къ тому же поэтесса: она великолѣпно рисуетъ и пишетъ мистическія поэмы, которыя я читалъ съ восхищеніемъ, несмотря на то, что былъ проказникомъ и матеріалистомъ. Я хочу тебя познакомить съ нею. Общество этой рѣдкой женщины лучше подойдетъ къ тебѣ, чѣмъ всѣ «эти дамы», жизнь которыхъ заключается либо въ тряпкахъ, либо въ любовныхъ интрижкахъ.

— Боже мой! Не понимаю, чѣмъ ты такъ восторгаешься?— съ гримасой вскричалъ Евгеній Павловичъ.—Мнѣ графиня антипатична ея ледянымъ безстрастіемъ и видомъ римской императрицы. Мнѣ кажется, обрушься рядомъ съ ней куполъ Исаакіевскаго собора, она и тогда не соизволила бы поднять голову, чтобы взглянуть, что такое случилось. Существуетъ-ли, вообще, что-нибудь на свѣтѣ, что интересовало бы эту женщину, помимо ея поэмъ? Не скажу, чтобы онѣ были плохи, но меня бѣситъ эта особа, мечтающая средь бѣла дня и повидимому призирающая весь міръ, словно это все какая-то тля, копошащаяся у ея ногъ. Поэтому меня нисколько не удивляетъ, что Всеволодъ Дмитріевичъ наставляетъ ей рожки; а графиня, кажется, даже и не замѣчаетъ этого. Да есть-ли ей время интересоваться, что дѣлаетъ мужъ, когда она постоянно занята только пріемомъ музъ и грацій?

Слова жениха произвели на Эленъ непріятное впечатлѣніе. Онъ порицалъ въ графинѣ именно то, что ставило ее выше всей толпы, которую она сама презирала.

— Вы слишкомъ строги и, мнѣ кажется, несправедливы къ графинѣ,—замѣтила она, краснѣя.—Развѣ можно считать недостаткомъ, если женщина сдержанна и не строитъ глазки всѣмъ встрѣчнымъ мужчинамъ? Душа, обладающая высшими стремленіями, не можетъ смѣшиваться съ массой, которая ее не поняла бы и ненавидѣла за ея именно превосходство. А можетъ быть она стала равнодушной потому, что много выстрадала? Впрочемъ, я вовсе не замѣтила въ ней безчувственности: съ мужемъ она говорила съ дружеской улыбкой, безъ малѣйшей холодности, а, въ общемъ, манеры ея полны врожденной граціи. Она вовсе не похожа на пошлыхъ дамъ, вродѣ Обзоровой, кривляющейся передъ каждымъ кавалеромъ и, словно, пожирающей ихъ глазами. Но вы, господа, всегда восторгаетесь безстыдными, плохо воспитанными дамами, а порядочныхъ женщинъ находите скучными.

— Ай, ай! Небо хмурится, а ревность навѣваетъ ссору! — вскричалъ, смѣясь, Артемьевъ.—Евгеній! Ты былъ слишкомъ лю-

безенъ съ Обзоровой. Берегись, мой мальчикъ! Эленъ косо взглянула на это.

— Да я только поздоровался съ ней. А этого я не могъ не сдѣлать,—со смѣхомъ защищался баронъ.

Но раздосадованная Эленъ съ живостью возразила:

— Что ты говоришь, папа! Пожалуйста, баронъ, не стѣсняйтесь и будьте увѣрены, что я презираю ревность. Будучи даже баронессой Равенсбургъ, я останусь душою въ общинѣ «Рай безъ Адама», которой будутъ принадлежать мои труды и наблюденія; а мое сотрудничество въ нашемъ журналѣ дастъ мнѣ достаточно занятій, чтобы предохранить отъ подобныхъ мелочныхъ слабостей.

Недовольная складка прорѣзала лобъ барона и на щекахъ выступилъ темный румянецъ, а въ устремленномъ на Эленъ взглядѣ восхищенія уже не было. Но, тотчасъ же поборовъ себя, онъ отвѣтилъ съ улыбкой:

— Все это только—дѣвичьи мечтанія, которыя потеряютъ всякій интересъ, когда вы сдѣлаетесь замужней женщиной. Визиты, пріемы, театры, балы, туалеты и прочее—все это даетъ столько занятій женщинѣ большого свѣта, что у нея не остается времени для сотрудничанія въ журналахъ. Я уже не говорю объ обязанностяхъ супруги и матери, которыя должны стоять у женщины на первомъ планѣ. Вы же, дорогая моя, надѣюсь, будете образцомъ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей и не откажетесь отъ своего истиннаго призванія ради того, чтобы продолжать быть журналисткой.

Тонъ былъ любезенъ и шутливъ; но, не смотря на это, въ его голосѣ звучала нота, которая подѣйствовала на Эленъ, какъ уколъ шпильки, и она подумала:

«Ага! Ты ждешь, лукавый «Адамъ», когда станешь господиномъ, чтобы запретить мнѣ писательство! Въ глубинѣ души ты ненавидишь мой независимый умъ и мое критическое отношеніе къ твоему полу. Но подожди! Я пропишу тебѣ такое лекарство, которое излечитъ отъ тщеславія».

И въ первый разъ холодкомъ повѣяло между женихомъ и невѣстой.

День спустя, на балу въ честь «молодой» княгини, Эленъ снова встрѣтилась съ графиней и Артемьевъ поспѣшилъ представить ей дочь. Варатова дружески отнеслась къ Эленъ и съ улыбкой замѣтила, что слушала ея лекцій.

— Моя дочь скоро исправитъ вредъ, наносимый ею нашему полу, сдѣлавшись баронессой Равенсбургъ,—сказалъ, смѣясь, Артемьевъ.

— Вы отрекаетесь?—спросила Варатова.

И Эленъ показалось, что въ глазахъ графини мелькнуло выраженіе сожалѣнія и участія, что произвело на нее глубокое впечатлѣніе.

Когда графиня увела ее и усадила въ тѣни группы цвѣтущей зелени, чтобы поговорить и познакомиться, какъ она выразилась, Эленъ спросила:

— Мнѣ показалось, графиня, что въ вашихъ глазахъ я прочла нѣчто вродѣ состраданія. Вы жалѣете меня за то, что я бросила дѣло, для котораго была воспитана, и считаете такое отпаденіе низостью?

Графиня серьезно и задумчиво взглянула на нее.

— Да, мнѣ жалко васъ! Не потому жалко, что вы покидаете дѣло, преграждающее вамъ путь къ законнѣйшему изъ правъ человѣческихъ, а именно—исканію счастья и любви. Всѣ мы носимъ въ нашемъ сердцѣ инстинктивное стремленіе къ этимъ двумъ великимъ факторамъ вселенной. Находимъ-ли мы ихъ, это—иной вопросъ, но искать ихъ—это наше право. Мнѣ жалко васъ за ту двойственность, которая наполняетъ вашу душу и неизбѣжно готовитъ вамъ борьбу; она смутитъ вашу жизнь, такъ какъ зрячій не можетъ уже сдѣлаться слѣпымъ. Порывая съ прошлымъ, вамъ предстоитъ очутиться въ положеніи отрекшагося отъ своихъ обѣтовъ жреца, который и смѣшавшись съ толпой, все носитъ въ глубинѣ души тоску по своему сану, наукѣ и тайнамъ посвященія...

Пораженная справедливостью этого замѣчанія, Эленъ съ минуту молчала. Непобѣдимое чувство симпатіи влекло ее къ блѣдной и спокойной молодой женщинѣ, которая преодолѣла, казалось, всѣ жизненныя бури. Подъ вліяніемъ этого чувства она сказала, краснѣя:

— Какъ была бы я счастлива, если бы вы, графиня, позволили мнѣ посѣтить какъ-нибудь васъ, чтобы поговорить по душѣ. Я вѣрю, что только вы однѣ можете разрѣшить сомнѣнія, терзающія мою душу, не смотря на любовь къ жениху. Ваша опытность поможетъ мнѣ перенести разочарованія, которыя я предчувствую.

Графиня пожала ей руку и отвѣтила съ добрымъ и открытымъ взглядомъ:

— Буду очень счастлива, если моя опытность можетъ быть полезна вамъ. И такъ, отбросивъ въ сторону пустыя церемоніи, пріѣзжайте ко мнѣ завтра вечеромъ. Я буду одна. Мы поговоримъ на свободѣ и, надѣюсь, подружимся.

Эленъ горячо поблагодарила графиню, но разговоръ больше не клеился, такъ какъ собесѣдницы были поглощены своими думами.

Сквозь широко открытую дверь гостиной, гдѣ онѣ сидѣли, видна была бальная зала. Вальсъ только что кончился и танцоры парами прогуливались по залѣ, весело болтая. Вдругъ разсѣянный взглядъ Эленъ замѣтилъ Инну, проходившую подъ руку съ молодымъ морякомъ, съ которымъ она громко разговаривала.

Инна еще болѣе поблѣднѣла и похудѣла за тѣ нѣсколько дней, какъ Эленъ не видѣла ее. Но въ эту минуту щеки ея горѣли, а глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ. Ея смѣхъ и ея жесты отзывались чѣмъ-то нервознымъ, и она, видимо, старалась выставить на видъ, какое торжество доставляло ей ухаживаніе ея кавалера.

— Боже! На что стала похожа Инна?—сказала, вздрогнувъ, Эленъ.

— Она, бѣдная, упивается удовольствіемъ, что не одна и не покинута, пока ея милый супругъ на пропалую ухаживаетъ за госпожей Мюллеръ, которая не стѣсняясь показываетъ, что онъ ей нравится, — со вздохомъ замѣтила графиня. — Этотъ красивый морякъ—кузенъ моего мужа. Онъ не преминетъ воспользоваться душевной смутой, толкающей Инну Петровну къ первому встрѣчному. А выходя замужъ, она отличалась строгими принципами.

— Несчастная! Ужели она надѣется пробудить ревность мужа своимъ паденіемъ?

Варатова съ минуту задумчиво молчала.

— Мнѣ кажется, что въ настоящую минуту Инна Петровна думаетъ только объ удовлетвореніи внутренней потребности доказать мужу, что равнодушна къ его поведенію, и что, помимо него, можетъ нравиться другимъ. Повѣрьте, что въ эту опасную фазу первыхъ разочарованій ни одна женщина не можетъ предвидѣть, какъ она поступитъ и что внушитъ ей оскорбленное самолюбіе. Часто, достаточно двусмысленной и насмѣшливой улыбки, дурного совѣта подруги—и роковой шагъ сдѣланъ.

Эленъ ничего не отвѣтила. Все вниманіе ея сосредоточилось на Евгеніи Павловичѣ, который разговаривалъ съ какою-то очень декольтированной и наштукатуренной дамой, весьма смѣлаго и легкомысленнаго вида. Дама эта кокетничала съ нимъ, не скупясь на улыбки и вызывающіе взгляды; а барону нравилась, повидимому, эта болтовня, судя по его любезному виду и довольному смѣху, который вызывали слова собесѣдницы.

Темный румянецъ выступилъ на щекахъ Эленъ. Крѣпко сжавъ губы, она такъ стиснула вѣеръ, что чуть не сломала тонкія пластинки слоновой кости.

— Дорогая моя,—сказала графиня гармоничнымъ и спокойнымъ голосомъ.—Вотъ вамъ мой первый совѣтъ: никогда не давайте мужу замѣтить, что вы его ревнуете, особенно же изъ-за пустяковъ. А теперь пойдемте! Но вотъ идетъ вашъ женихъ, а также и кавалеръ, пригласившій меня на кадриль.

Весь остальной вечеръ Эленъ не имѣла случая поговорить съ графиней, но мысль, что она нашла женщину, способную понять ее и дать добрый совѣтъ, вернула ей спокойствіе.

На слѣдующій день Эленъ получила вѣсточку отъ Нелли. Не смотря на общій веселый тонъ письма, замѣтно было, что миссъ Синклэръ грустила, чувствовала себя одинокой безъ пріятельницы и безпокоилась объ ея судьбѣ. Поздравляя Эленъ и выражая ей радостныя пожеланія счастья, какъ отъ себя, такъ и отъ пріятельницъ, Нелли просила извѣстить о днѣ и часѣ свадьбы, чтобы она могла помолиться за нее въ этотъ знаменательный часъ и просить Бога избавить ее отъ возвращенія въ убѣжище съ обломанными крыльями и разбитымъ сердцемъ.

Затѣмъ Нелли разсказывала новости общины и отдавала отчетъ въ денежныхъ дѣлахъ, порученныхъ ей Эленъ.

«Въ твоей квартирѣ я все устроила, какъ ты желала, и она готова къ твоему пріѣзду во всякое время,—писала миссъ Синклэръ.—Шесть квартиръ въ надворномъ флигелѣ, предназначенныхъ тобой для бѣдныхъ интеллигентныхъ труженицъ, заняты вдовами, обремененными многочисленными семействами. Ты не можешь представить себѣ радость и признательность этой бѣдноты, которой твое доброе дѣло обезпечиваетъ домашній кровъ, освобождая ихъ отъ самаго тяжелаго бремени—платы за квартиру.

«Столкнулась я съ мистеромъ Броуномъ, и мы обсуждали правила убѣжища для мальчиковъ сиротъ, для котораго ты обѣщала ему свою помощь. Представь себѣ: оказалось, что его мать приходится родственницей мистриссъ Оливеръ, которая разрѣшила ему иногда навѣщать ее. Дѣйствительно, это серьезный и почтенный человѣкъ. Наша добрѣйшая начальница говоритъ, что будь побольше такихъ людей, какъ онъ, то пріюты, вродѣ нашего, были бы совершенно излишни».

Далѣе слѣдовали многочисленные поклоны сестеръ убѣжища, а также толки въ обществѣ, особенно между знакомыми, бывшими

претендентами на руку Эленъ, по поводу перемѣны положенія и предстоящаго замужества.

Къ письму были приложены двѣ записки. Въ первой мистриссъ Оливеръ усердно ее просила содѣйствовать хотя перомъ дѣлу, которое Эленъ долго считала своимъ. Другая записка была отъ Броуна. Въ ней онъ излагалъ основную идею, которую при помощи настоятельницы общины хотѣлъ привести въ исполненіе относительно пріюта для сиротъ. Въ это заведеніе предполагалось принимать главнымъ образомъ сыновей тѣхъ матерей, которыя сами находятся въ убѣжищѣ и могутъ держать ихъ у себя только до семи лѣтъ.

Такая молодежь, воспитанная въ принципахъ цѣломудрія, пріученная къ строгому образу жизни и поддержанная, хотя бы на первыхъ порахъ, ихъ обществомъ, можетъ со временемъ жениться на дѣвушкахъ изъ убѣжища. Такимъ образомъ, не насилуя великаго врожденнаго каждому человѣку закона любви, являлась бы возможность соединять людей однихъ и тѣхъ же взглядовъ на честь и долгъ, вмѣсто того, чтобы отдавать порядочныхъ дѣвушекъ въ распоряженіе безнравственныхъ мужчинъ, или связывать скромнаго юношу съ распутнымъ созданіемъ.

Броунъ просилъ Эленъ подумать о его проектѣ, высказать свое о немъ мнѣніе и опредѣлить сумму, которую она желала бы пожертвовать на это доброе дѣло, чтобы онъ могъ сдѣлать предварительные шаги, зная, чѣмъ вообще будетъ располагать.

Нахмуривъ брови Эленъ облокотилась на столъ и задумалась. Прочитанное письмо сразу оживило въ ней все, что столько лѣтъ было главною цѣлью ея жизни. Эленъ вдругъ почувствовала, что здѣсь она—чужая, что она растеніе безъ корня, а что ея душа и интересы находятся тамъ, по ту сторону океана, въ бѣломъ домѣ, близъ покинутыхъ и сиротъ, среди которыхъ она выросла. Впервые еще почувствовала она ту двойственность души, о которой говорила ей графиня, и горячія слезы блеснули на ея длинныхъ рѣсницахъ.

Какъ могла она забыть написать Броуну и назначить обѣщанную сумму? Ей казалось, что она обкрадываетъ бѣдняковъ, ожидающихъ отъ нея помощи.

Эленъ нетерпѣливо выдвинула ящикъ, достала чековую книжку и, вырвавъ изъ нея листокъ, написала на немъ нѣсколько цифръ, а затѣмъ начала писать письмо. И перо летало по бумагѣ, такъ какъ Эленъ чувствовала потребность обсуждать вопросы и интересы, оставшіеся ей близкими и дорогими, не смотря на пропасть,

которая словно отдѣляла ее отъ прошлаго со времени катастрофы, измѣнившей ея судьбу.

Она совершенно была поглощена дѣломъ, которому такъ долго отдавала всю душу, какъ вдругъ горничная прервала ея писаніе докладомъ, что ее дожидается портниха, и Эленъ съ досадой бросила перо. Ее разсердила эта помѣха; но, такъ какъ она была приглашена на нѣсколько вечеровъ, даваемыхъ Лидіей Андреевной и друзьями отца въ честь ея помолвки, то необходимо было приготовить и подходящія къ случаю платья. Оставивъ на столѣ письма и бумаги, Эленъ поспѣшила къ портнихѣ.

Нѣсколько минутъ спустя, въ ея кабинетъ вошли Артемьевъ и баронъ. Въ ожиданіи молодой хозяйки, они сѣли на диванъ и продолжали начатый разговоръ.

Вдругъ Владиміръ Александровичъ замѣтилъ на столѣ начатое письмо и, прочитавъ обращеніе: «Уважаемый мистеръ Броунъ», громко расхохотался.

— Она пишетъ этому болвану-цѣломудреннику. Поздравляю тебя, Евгеній! Если твоя жена будетъ переписываться только съ адептами мужской непорочности, то у тебя не будетъ никакихъ поводовъ къ ревности.

— Но что она можетъ писать этому полуумному?—спросилъ Равенсбургъ съ любопытствомъ и недовѣріемъ.

Артемьевъ пробѣжалъ письмо, посмотрѣлъ чекъ и насмѣшливо сказалъ.

— Дѣло идетъ объ учрежденіи сиротскаго пріюта для мальчиковъ. Эленъ вкладываетъ въ это дѣло круглую сумму въ двадцать пять тысячъ долларовъ съ похвальнымъ намѣреніемъ подарить міру разсадникъ мужчинъ-дѣвственниковъ.

Лицо барона нахмурилось. Покрутивъ съ минуту усы, онъ отвѣтилъ съ затаеннымъ неудовольствіемъ:

— Послушай, Володя. Мнѣ кажется, твой долгъ ввести въ границы сумасбродство твоей дочери. Она кончитъ тѣмъ, что растратитъ все состояніе на разныя благоглупости, совершенно забывая, что у нея могутъ быть дѣти. Я надѣялся, что она окончательно порветъ всѣ отношенія съ этимъ обществомъ сумасшедшихъ; но оказывается, что дамы «Рая безъ Адама» очень хитры, особенно эта—противная жердь,—миссъ Синклэръ. Онѣ будутъ пользоваться прежней дружбой, чтобы грабить Эленъ. Лично, я не могу и заикнуться по этому поводу, такъ какъ Эленъ приписала бы мои слова насилію или, что хуже, грязнымъ корыстнымъ намѣре-

ніямъ; но тебѣ, какъ отцу, слѣдовало-бы дать понять Эленъ, что она можетъ лучше употребить свое состояніе. Затѣмъ, необходимо положить, рано или поздно, конецъ этой вредной перепискѣ, которая будетъ только тревожить воспоминанія о минувшей «славѣ».

— Порученіе, которое ты хочешь взвалить на меня, очень щекотливо,—помолчавъ, отвѣтилъ Артемьевъ, поглаживая бороду. — Въ теченіе долгаго времени Эленъ настолько привыкла къ независимости и полной свободѣ дѣйствій, что теперь крайне неудобно вмѣшиваться въ ея дѣла. До сихъ поръ между нами ни разу не возбуждался вопросъ о ея состояніи, цифру котораго я положительно не знаю. Она получила наслѣдство отъ Крауфорда, считавшагося архимилліонеромъ. У старика было нѣсколько хлопчатобумажныхъ фабрикъ, каменноугольныя шахты и семь домовъ въ Нью-Іоркѣ, изъ которыхъ наименьшій стоилъ по крайней мѣрѣ тысячъ пятисотъ долларовъ; а домъ, гдѣ онъ самъ жилъ, былъ настоящій дворецъ. Я догадываюсь, что для лучшаго сокрытія слѣдовъ Викторіи съ дочерью, онъ продалъ всю недвижимость и переселился въ Бостонъ; но мнѣ неизвѣстно какъ распорядился Крауфордъ состояніемъ. Судя же по безумнымъ филантропическимъ подачкамъ «Раю безъ Адама» и по той суммѣ, которую она посылаетъ мистеру Броуну, Эленъ должна располагать весьма значительными доходами, такъ какъ я считаю ее слишкомъ практичной, чтобы растрачивать капиталъ.

— Что же тебѣ извѣстно объ ея благотворительныхъ затѣяхъ?

— Между прочимъ—то, что въ принадлежащемъ ей домѣ она пріютила безплатно—шестьдесятъ бѣдныхъ семействъ; она же выдаетъ пособіе журналу общины; а кромѣ того, сохраняя за собой городскую квартиру, она оставила также въ убѣжищѣ и бывшее помѣщеніе моей жены, за хорошую, разумѣется, цѣну, и такъ далѣе. Словомъ, эти ея игрушки поглощаютъ громадныя суммы. Но какъ этому помѣшать? Мой отцовскій авторитетъ—еще слишкомъ юнъ, чтобы я могъ претендовать на распоряженіе состояніемъ миссъ Рутерфордъ, да и ты, берегись заявлять свои права! Въ этомъ отношеніи, ты долженъ быть очень остороженъ. По всей вѣроятности, нашей лучшей союзницей будетъ материнская любовь. Тѣмъ не менѣе, твое неудовольствіе справедливо; а я, при удобномъ случаѣ, поговорю съ Лоло и постараюсь выяснить денежный вопросъ.

Евгеній Павловичъ ничего не отвѣтилъ. Денежная независимость жены его бѣсила. Неужели она думаетъ, что будетъ всегда швырять суммы, сами по себѣ представляющія состоянія, не посо-

вѣтовавшись съ нимъ, будто это его нисколько не касается? А на случай смерти, она способна завѣщать свои милліоны этому нелѣпому «раю» вмѣсто того, чтобы они служили для вящшаго блеска его баронской короны...

Немного спустя вошла Эленъ, и сразу замѣтила, что баронъ чѣмъ-то недоволенъ. Взглянувъ на столъ, она замѣтила, что ея письма трогали, и это вызвало у нея презрительную усмѣшку.

Наружно она не выказала ничего и стала весело разговаривать съ отцомъ и женихомъ. Когда же надувшійся Равенсбургъ простился, ссылаясь на какое-то дѣло, подозрѣніе Эленъ, что женихъ не одобряетъ посылку денегъ мистеру Броуну, окрѣпло, и это ее позабавило.

Вечеромъ Эленъ отправилась къ Варатовой. Тамъ ее ждали, и лакей провелъ ее въ будуаръ графини, которая была одна и читала у письменнаго стола. Открытая тетрадь и лежащее на ней перо указывали, что она передъ тѣмъ писала.

Эленъ съ любопытствомъ окинула взглядомъ просторную комнату, служившую духовнымъ убѣжищемъ этой исключительной женщинѣ. Большая висячая бронзовая лампа и двѣ другихъ, на высокихъ подставкахъ, въ римскомъ стилѣ, затѣненныя шелковыми абажурами, разливали вокругъ мягкій, умѣренный свѣтъ. На темныхъ обояхъ стѣнъ висѣло нѣсколько картинъ извѣстныхъ мастеровъ. Два большихъ рѣзныхъ книжныхъ шкафа были полны книгъ, брошюръ и журналовъ всевозможныхъ размѣровъ, а на этажеркахъ стояли древности: греческія и этрусскія вазы, египетскія статуэтки, индійскіе идолы и другія вещи, принадлежавшія различнымъ народамъ и относившіяся ко всѣмъ историческимъ эпохамъ. Тѣмъ не менѣе, все это собраніе не казалось пестрымъ, да и вся комната, съ мягкимъ ковромъ, тяжелыми опущенными портьерами и строгой роскошью, дышала гармоніей и покоемъ.

При входѣ гостьи, графиня встала, обняла ее и сказала съ улыбкой:

— Вѣдь вы меня простите, что я безъ церемоній принимаю васъ въ своемъ любимомъ уголкѣ. Здѣсь—мой рабочій кабинетъ, и будуаръ, и библіотека—однимъ словомъ, весь мой міръ, гдѣ я работаю и живу мыслью, забывая то, что мнѣ не по душѣ.

— Завидное убѣжище! Какъ бы я хотѣла имѣть такое же, такъ какъ тоже люблю древности и все, что до нихъ относится. Вѣроятно, вы много работаете, графиня?—прибавила Эленъ, взглянувъ на открытую тетрадь.

— Да,—просто отвѣтила Варатова.—Надо же чѣмъ-нибудь занять время, а у меня много его свободнаго, потому что общество я не люблю и, по мѣрѣ возможности, стараюсь избѣгать толпы, которая не понимаетъ меня, а я не раздѣляю ея вкусовъ и взглядовъ. Мнѣ достаточно міра, который окружаетъ меня здѣсь,—прибавила графиня, усаживая Эленъ на диванъ.—Вы хорошо сдѣлаете, если устроитесь подобнымъ-же образомъ, такъ какъ по вашимъ лекціямъ я знаю, что вы привыкли къ умственному труду. Зная отчасти подробности вашего трагическаго дѣтства, я поняла, почему вы съ жаромъ работаете надъ раскрѣпощеніемъ женщины. Это доброе и святое дѣло, хотя оно и не избавило васъ отъ испытанія...

— Вы говорите испытанія? А можетъ быть мое будущее будетъ не испытаніемъ, а сплошнымъ, безоблачнымъ счастьемъ,—ѣдко замѣтила Эленъ.

Большіе, лучистые глаза Варатовой взглянули на Эленъ съ выраженіемъ сожалѣнія, которое та подмѣчала уже не разъ.

— Вы заранѣе уже иронизируете надъ своей судьбой, мой другъ, а это дурной знакъ! На вещи надо смотрѣть съ истинной точки зрѣнія. Всякая обязанность въ жизни служитъ испытаніемъ, болѣе или менѣе тяжелымъ, а долгъ жены—одинъ изъ самыхъ сложныхъ и наиболѣе трудныхъ, чтобы выполнить его съ достоинствомъ. Бракъ, по моему, это—школа нравственной дисциплины, гдѣ должны примѣняться на практикѣ и любовь, и снисхожденіе, и прощеніе обидъ, и вѣрность, и терпѣніе и милосердіе.

— Да, въ такомъ случаѣ, надо перестать быть человѣкомъ и обладать крыльями серафима,—вскричала Эленъ.

— О, нѣтъ!—съ улыбкой отвѣтила графиня.—Достаточно обладать одной только добродѣтелью, и въ ней заключаются всѣ остальныя, а именно—любовью, которая милосердна и терпѣлива, непобѣдима и безсмертна. Но, разумѣется, такая любовь должна быть не грубой и чувственной, а—чистой эманаціей души, чувствомъ безкорыстнымъ, котораго не можетъ погасить плоть. Поэтому-то Господь, вѣдая несовершенство созданій своихъ, и положилъ великій законъ любви въ основу вселенной.

— Этотъ законъ, можетъ быть, и великолѣпенъ, но чтобы выполнить его на практикѣ, а особенно въ замужествѣ, надо передѣлать до основанія свой характеръ и свою душу.

— Не отрицаю этого! Бракъ—это зданіе, которое возводится сообща, и ничего не подѣлаешь, если одинъ изъ работниковъ—трудолюбивъ, а другой—лѣнивъ и небреженъ. Какъ бы то ни было, а

сооруженіе подвигается впередъ и, когда-нибудь, предстанетъ Господу, свидѣтельствуя объ усердіи трудившихся.

Въ эту минуту донеслись дѣтскіе голоса и въ комнату затѣмъ вбѣжали, держась за руки, очаровательный четырехлѣтній мальчуганъ и двухлѣтняя дѣвочка, въ сопровожденіи гувернантки. Дѣти простились съ матерью, на сонъ грядущій, и, мило давъ себя поцѣловать Эленъ, вышли изъ комнаты.

— Какія восхитительныя крошки, и сколько счастья должны они доставлять вамъ!—вскричала Эленъ, какъ только дѣти скрылись.

— Да, они моя радость, моя путеводная звѣзда и моя поддержка на тернистомъ пути жизни,—взволнованно отвѣтила Варатова.—Безъ нихъ не стоило бы и жить. Съ тѣхъ поръ, какъ эти невинные глазки взглянули на свѣтъ Божій, я уже не чувствую себя больше лишней и стала снова интересоваться жизнью. Они — мой якорь спасенія среди обломковъ многихъ иллюзій.

Лицо Эленъ нахмурилось.

— Если я вѣрно поняла васъ, графиня,—нерѣшительно сказала она,—то, выходя замужъ, надо отказаться отъ всякой личной жизни, ища свои радости и надежды исключительно въ материнствѣ. Но не всѣ способны на подобное самоотреченіе. Я бы возненавидѣла разрушителя моихъ мечтаній и отомстила ему.

Графиня покачала головой.

— Въ такомъ случаѣ, вы поступили бы очень непрактично: ни ненависть, ни мщеніе не вернутъ вамъ утраченнаго покоя. Ненависть обостряетъ только любовь и усугубляетъ мученія; а месть повергнетъ васъ въ униженіе и вызоветъ презрѣніе въ томъ, кого вы хотѣли наказать. Единственное для этого средство,—если нельзя загасить страсть,—переработать ее въ снисходительное дружелюбіе.

— Нѣтъ, я чувствую, что была бы неспособна на подобную сдѣлку. Я люблю Евгенія Павловича, но хочу, чтобы и меня любили такъ же, а потому не потерплю съ его стороны ни измѣны, ни униженія!—горячо возразила Эленъ, и глаза ея вызывающе заблестѣли.

Затѣмъ, схвативъ руку графини, она съ увлеченіемъ продолжала:

— Не сочтите нескромностью мой вопросъ: были-ли вы въ силахъ простить и примѣнить на практикѣ ту безличную любовь, о которой говорили? Въ вашихъ прекрасныхъ, грустныхъ глазахъ я читаю, что вы пережили много разочарованій.

— Это правда! Многія мои мечты развѣяны, — просто и откровенно отвѣтила Варатова.—Только я не могу никого винить и мнѣ некому мстить. Чья вина, если я предавалась мечтамъ и создавала себѣ иллюзіи, несбыточныя въ дѣйствительной жизни? Въ этомъ отношеніи, человѣкъ, котораго я избрала, не обманулъ меня: онъ всегда былъ тѣмъ, чѣмъ остался и понынѣ, только я перекраивала его по-своему и украшала всѣми атрибутами моего идеала. Издали, въ своей средѣ, Всеволодъ представлялся мнѣ совсѣмъ другимъ, чѣмъ оказался вблизи. Подобно тому, какъ чистый шелкъ и шелкъ съ примѣсью бумаги или шерсти почти одинаковы по блеску и мягкости, и только наощупь чувствуешь разницу,—равнымъ образомъ и слабости мужа распознаются лишь въ совмѣстной жизни, но отнюдь не въ гостиныхъ. Тѣмъ не менѣе, я не считаю свое счастье совершенно погибшимъ; наоборотъ, оно у меня въ рукахъ, и я надѣюсь, что мнѣ удастся, наконецъ, переткать полубумажную ткань въ чистую шелковую, золотую парчу,—весело закончила графиня.

Но Эленъ была слишкомъ взволнована въ эту минуту, чтобы смѣяться, и отвѣтила съ горькой насмѣшкой:

— Признаю справедливость вашихъ доводовъ, графиня; только я утратила всякое довѣріе къ самой себѣ и не считаю себя способной на такое самообладаніе. Судите сами, насколько мое паденіе оказалось жалкимъ. Я была вооружена съ головы до ногъ, чтобы защищать другихъ и мое дѣло—и вдругъ сама сдалась почти безъ боя; предостерегая противъ опасностей замужества — я кидаюсь въ него, очертя голову, и воспѣвая свободу—избираю себѣ рабство. Право, я чувствую что-то вродѣ презрѣнія къ самой себѣ! Я отступница, и заслуживаю, чтобы на меня обрушились всѣ бѣды, которыя я описывала другимъ!

— Та, та, та! Не увлекайтесь. Несомнѣнно, гораздо легче проповѣдывать «рай безъ Адама», чѣмъ самой царить «въ раю съ Адамомъ». Всего добьешься хладнокровіемъ и доброй волей, и въ совмѣстной жизни можно всегда приспособляться, уступая кстати; кромѣ какого-нибудь особо рѣдкаго случая. Прежде всего, еще до брака, сведите-ка барона съ пьедестала, на который вы его водрузили, и поставьте въ ряды обыкновенныхъ людей,—добрыхъ, но подверженныхъ всѣмъ, свойственнымъ мужчинамъ, слабостямъ. Вы такъ хорошо описали это въ вашихъ лекціяхъ, что вамъ не трудно будетъ приложить теорію къ практикѣ. Затѣмъ, возможно менѣе прибѣгайте къ Моисееву закону: «о к о — з а о к о, з у б ъ — з а з у б ъ»! Не будьте злопамятны къ слабостямъ мужа и старайтесь

ихъ не замѣчать, или, самое большее—подшучивайте надъ ними. Мужъ будетъ благодаренъ вамъ за такую деликатность, такъ какъ мужчины не любятъ, когда имъ въ глаза говорятъ, что они ничего не стоятъ, а слишкомъ частые скандалы теряютъ даже всякій эффектъ. Это вродѣ полу-грозъ, которыя вмѣсто того, чтобы очистить воздухъ, только удручаютъ атмосферу. И такъ, никогда не знайте совершенныхъ продѣлокъ, какъ будто ихъ и не было,—и вы заслужите молчаливую благодарность.

— Какъ? Притворяться, что я не знаю гадостей и измѣнъ мужа?—возмутилась Эленъ, покраснѣвъ, какъ піонъ.—Но тогда онъ вообразитъ, что я безумно влюбленная въ него дура!

— Пусть думаетъ лучше это, чѣмъ другое. Впрочемъ, еще будетъ время поговорить объ этомъ съ вами по выходѣ замужъ; тогда вы лучше поймете меня. А теперь напьемся чаю! Успокойтесь! Вы очень разгорячились. Потомъ я покажу вамъ только что полученныя книги, которыя, надѣюсь, заинтересуютъ васъ.

Эленъ вернулась домой очень взволнованная и озабоченная. Долго не могла она заснуть, передумывая все, что слышала отъ графини; но любовь, овладѣвшая ея страстной и восторженной, но долго сдерживаемой душой, была слишкомъ горяча и эгоистична, чтобы допускать подобные компромиссы. Эленъ заключила, что у Варатовой не было нервовъ, или что ея гордость совершенно атрофирована. Вотъ, если баронъ посмѣетъ ей измѣнить—она заставитъ его дорого заплатить за это; что же касается до его возлюбленныхъ, то, въ данную минуту, она даже не могла представить себѣ, что бы она сдѣлала съ ними.

Прошло около двухъ недѣль, не принеся съ собой ничего выдающагося. Между женихомъ и невѣстой царило полное согласіе и они много выѣзжали. Баронъ давалъ будущей женѣ уроки русскаго языка и нерѣдко ея забавное произношеніе вызывало веселый смѣхъ у Артемьева съ Равенсбургомъ, и даже у самой Эленъ.

Однажды, въ видѣ исключенія, отецъ и дочь случайно остались одни. Артемьевъ курилъ за чашкой кофе, а Эленъ перелистывала только что полученный модный журналъ, какъ вдругъ Владиміръ Александровичъ сказалъ:

— Если ты не очень поглощена модами, Лоло, то я хотѣлъ бы поговорить съ тобой по одному вопросу, который очень занимаетъ меня.

Эленъ тотчасъ же бросила журналъ и, пересѣвъ на диванъ, весело сказала:

— Говори, папа! Я вся превратилась въ слухъ.

Артемьевъ ласково провелъ рукой по темнымъ волосамъ дочери и съ улыбкой сказалъ:

— То, что я скажу, можетъ быть, очень не понравится тебѣ, вольнодумка, а, между тѣмъ, моя любовь внушаетъ сдѣлать тебѣ нѣсколько замѣчаній. Недавно и совершенно случайно видѣлъ я на твоемъ столѣ письмо къ мистеру Броуну. Дѣло шло о вкладѣ, который ты сдѣлала въ одно богоугодное дѣло, основываемое этимъ господиномъ, а сумма была очень и очень значительная. Хотя я и не знаю размѣровъ твоего состоянія и всегда избѣгалъ касаться денежныхъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе боюсь, что ты поступаешь нѣсколько легкомысленно, распоряжаясь такимъ образомъ своимъ капиталомъ. Ты выходишь замужъ и у тебя могутъ быть дѣти, даже много дѣтей, такъ какъ вы съ мужемъ оба молоды. Въ такомъ случаѣ, твой первый долгъ, прежде всего, вполнѣ обезпечить свою семью, не правда-ли? Евгеній богатъ, но образъ жизни, который вы вынуждены будете вести, не позволитъ ему дѣлать большихъ сбереженій. Супруги, мнѣ кажется, должны съ полнымъ довѣріемъ относиться другъ къ другу и сообща рѣшать всѣ денежныя дѣла. Поэтому, тебѣ слѣдовало бы посовѣтоваться съ Евгеніемъ прежде, чѣмъ дѣлать такія подарки. Ты еще слишкомъ молода, дорогая моя, а твое воспитаніе носило особый характеръ. Идеи, которыя такъ долго тебѣ были дороги, еще увлекаютъ тебя, но бракъ все измѣнитъ. Какъ мать семейства, ты можешь горько пожалѣть впослѣдствіи, что слишкомъ много жертвовала на свои дѣвичьи причуды.

Эленъ внимательно слушала, не перебивая отца ни однимъ словомъ. Когда онъ умолкъ, она просидѣла нѣсколько минутъ задумчиво.

— То, что ты сказалъ, дорогой папа, можетъ быть и было бы справедливо, но только при иныхъ условіяхъ,—спокойно, но рѣшительно отвѣтила она. — Что же касается меня, то я была почти независима съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Передъ своей смертью, мама сообщила мнѣ положеніе, въ какомъ находится мое состояніе, а также распоряженія, какъ свои, такъ и дяди Тома.

Со времени ея кончины, всѣ доходы копились, за исключеніемъ маминой части, которую покойная предназначила убѣжищу, какъ плату за мое содержаніе. Въ восемнадцать лѣтъ я уже распоряжалась моими доходами, а въ двадцать одинъ годъ вступила во владѣніе всѣмъ капиталомъ. Я оказалась настолько богатой, что могла широко удовлетворять всѣ свои «благотворительныя причуды», какъ

ты называешь ту идеалогію, въ которой и ради которой я была воспитана. Я рѣшила никогда не выходить замужъ; теперь роковая судьба вынудила меня отказаться отъ свободы, но... это еще не—причина, чтобы я отказалась также и отъ распоряженія своимъ имуществомъ. Признаюсь откровенно, что я никогда не допущу чьего-либо вмѣшательства въ мои денежныя дѣла, даже со стороны мужа. Русскій законъ ограждаетъ меня, въ этомъ отношеніи, и я позабочусь выполнить всѣ нужныя формальности.

Зная, что я богата, мой мужъ вправѣ требовать, чтобы я приняла участіе въ веденіи хозяйства суммой равной той, какую и онъ самъ назначаетъ на это; я согласна даже дать вдвое и положить на каждаго ребенка капиталъ, вполнѣ обезпечивающій его будущее. Мало того, я готова избавить отца отъ всѣхъ расходовъ по воспитанію, но за всѣмъ тѣмъ, хочу остаться полной хозяйкой своего состоянія, принадлежащаго миссъ Рутерфордъ-Арди. Состояніе это находится въ Америкѣ и останется тамъ, гдѣ у меня есть свой банкиръ, нотаріусъ, отличное помѣщеніе капитала, и... дорогой папа, я хорошо знаю ариѳметику.

И такъ, Евгенію Павловичу нечего опасаться моей неопытности. Сообщать же ему точную цифру моего состоянія я считаю совершенно излишнимъ, и даже тебѣ не скажу этого, такъ какъ знаю, что ты завелъ этотъ разговоръ по наущенію барона. Нѣсколько дней тому назадъ онъ видѣлъ мое письмо къ мистеру Броуну, и я отлично замѣтила, какъ онъ бѣсился въ душѣ, рѣшивъ, что я, по его мнѣнію, растрачиваю безумныя суммы. Вотъ если бы мое состояніе пошло на приданіе блеска имени Равенсбургъ—онъ нашелъ бы это, конечно, вполнѣ благоразумнымъ. Вообще, ему очень не нравится, что я хочу сохранить за собой свободу распоряжаться моимъ состояніемъ по собственному усмотрѣнію. Но такъ какъ я никогда въ этомъ вопросѣ не уступлю, то ты хорошо сдѣлаешь, папа, если дашь понять барону, что мы вѣдь еще свободны, и что если онъ находить мои взгляды не соотвѣтствующими своимъ, то можно и нарушить наше обязательство.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, Эленъ все больше и больше увлекалась. Ея голосъ и жесты сдѣлались порывистыми, а большіе голубые глаза сверкали гордостью и мрачнымъ недовѣріемъ.

— И ты не стыдишься своихъ словъ, Эленъ! А еще увѣряешь, что любишь Евгенія,—неодобрительно вскричалъ Артемьевъ.— Изъ за оскорбительнаго и ни на чемъ не основаннаго подозрѣнія, ты готова уже сдѣлать скандалъ и разойтись. Равенсбургъ никогда

не разсчитывалъ ни на твое, ни на мое состояніе. Но, если онъ желалъ бы пользоваться твоимъ довѣріемъ, хотя въ такой же степени, какъ и чужіе люди, вродѣ миссъ Синклэръ, напримѣръ, то всякій найдетъ это справедливымъ и признаетъ его правымъ. Берегись, Эленъ! Твое американское чванство долларами можетъ быть и годится для Бостона, но мало примѣнимо въ твоемъ настоящемъ положеніи. Ты вступаешь въ бракъ, а не заключаешь коммерческую сдѣлку, и твой капиталъ можетъ не оказать никакого давленія на твоего мужа.

— Въ поясненіе добавлю,—и яркій румянецъ залилъ щеки Артемьева,—что именно эта грубая спесь янки и была первой причиной нашего общаго несчастья. Согласись Крауфордъ на мой бракъ съ Викторіей, избѣгнуты были бы всѣ неблагопріятныя условія, толкнувшія меня на путь грѣха. Но нѣтъ! Гордый мѣшками съ золотомъ н а б о б ъ, обиженный за свое самовластіе, предпочелъ оттолкнуть и бросить единственное близкое ему существо, вмѣсто того, чтобы уступить и протянуть руку человѣку, который на бѣду свою ему не понравился. Впослѣдствіи, увидавъ твою мать изнывавшей отъ горя, онъ предпочелъ дать ей умереть, а не призвалъ меня и не устроилъ примиреніе.

Крауфордъ судилъ меня, и осудилъ безъ всякаго снисхожденія. А развѣ самъ онъ былъ безъ слабостей? Онъ провелъ бурную молодость, а объ его скандальномъ романѣ съ нѣкой балериной, на которой онъ женился бы, не умри она, говорилъ весь Нью-Іоркъ.

Будь же благоразумна, дитя мое, и не рискуй личнымъ счастьемъ изъ-за пустого упрямства и неумѣстной гордости. Евгеній—дворянинъ; онъ—гордъ и ревниво охраняетъ свое достоинство. Его нельзя подавлять набитымъ долларами карманомъ.

— Я и не желаю вовсе вліять на барона моими долларами,—отвѣтила Эленъ, нахмуривъ брови,—а хочу только тратить ихъ по своему усмотрѣнію, и буду дѣлать это не спрашивая ни его согласія, ни его дозволенія. Между нами не было разговора о моемъ личномъ состояніи, такъ какъ онъ увѣряетъ, что женится на мнѣ по любви; поэтому надѣюсь, что и въ будущемъ онъ будетъ настолько деликатенъ, что не станетъ вмѣшиваться въ денежныя дѣла, которыя его не касаются.

Артемьевъ ничего не отвѣтилъ, пожалъ плечами и взялъ журналъ, понимая, что въ данную минуту ему все равно ничего не добиться.

Вечеромъ, разговаривая съ барономъ, Владиміръ Александровичъ передалъ тому, конечно съ нѣкоторыми выпусками, свой разговоръ съ дочерью, насмѣшливо упомянувъ, что Эленъ предполагаетъ взять на себя равную часть въ расходахъ по веденію хозяйства, но что она упорно умалчиваетъ о размѣрахъ своего состоянія.

Евгеній Павловичъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія и только презрительно усмѣхнулся. Но въ глубинѣ души онъ былъ взбѣшенъ и думалъ:

— Подожди! Когда можно будетъ, я съ тобой расправлюсь и задушу твою гордость.

Этотъ случай создалъ глухую размолвку между женихомъ и невѣстой. Изъ союзниковъ они превратились въ противниковъ, при чемъ каждый только и думалъ о томъ, какъ бы охранить свои права.

Какъ обѣ стороны ни скрывали свои чувства, посѣянное недружелюбіе вырывалось наружу иногда по самому пустому поводу, предвѣщая не особенно-то пріятное будущее. Въ такія минуты Эленъ съ тоской думала, что для нея вступать въ бракъ—безуміе; а между тѣмъ, сила, болѣе могучая чѣмъ ея воля и разсудокъ, все-таки толкала ее выйти замужъ за барона, и она содрогалась при одной мысли отказаться отъ него. Страсть, сотканная изъ ревности и эгоизма, овладѣла властолюбивымъ, отъ отца унаслѣдованнымъ, сердцемъ Эленъ. Поэтому, человѣкъ, котораго она любила, долженъ былъ душой и тѣломъ принадлежать ей, и никому она не уступила бы его, а сама, между тѣмъ, не желала пожертвовать ему хоть чуточку своихъ прихотей.

Не менѣе сложны были чувства и Евгенія Павловича. Онъ былъ безумно влюбленъ въ свою очаровательную невѣсту и ни за что на свѣтѣ не отказался бы отъ нея; но его мужское самолюбіе было задѣто денежнымъ превосходствомъ Эленъ, а къ этому примѣшивалась и затаенная злоба ко всему тому, что она проповѣдывала противъ брака и мужчинъ. Какъ умный человѣкъ, баронъ понималъ, что такая гордая и независимая натура не легко подчинится супружескому послушанію, къ которому онъ и хотѣлъ привести ее; но эта именно трудность и манила его, и онъ заранѣе предвкушалъ всю сложность строгаго воспитанія, которое онъ намѣренъ былъ дать спесивой «амазонкѣ». Прежде всего, онъ запретитъ ей всякое сотрудничество въ глупомъ журналѣ общины, гдѣ она могла бы печатать всякій могущій случиться между ними пустякъ и осрамить его.

И такъ, обѣ стороны находились въ воинственномъ настроеніи и, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, подсмѣивались другъ

надъ другомъ. Такъ, при наймѣ квартиры, Эленъ нашла ее немного скромной, но баронъ дружески замѣтилъ, что его средства не позволяютъ ему взять болѣе обширное помѣщеніе, а нанимать дворецъ на средства жены онъ не хочетъ.

Эленъ закусила губы и не настаивала, но сдѣлала себѣ пышное приданое и тратила безумныя суммы на произведенія искусства и брилліанты. Кромѣ того, изъ Америки пріѣхала горничная, которая весьма не понравилась Евгенію Павловичу; а увидавъ такую массу дорогихъ вещей, онъ насмѣшливо спросилъ Эленъ, не думаетъ ли она принанять и обставить еще вторую квартиру.

XIV.

Приближался день свадьбы, а скрытый разладъ между женихомъ и невѣстой, вмѣсто того чтобы сгладиться, становился все глубже и острѣе.

По мѣрѣ того, какъ истекали послѣдніе дни свободы, душевная тоска и страхъ Эленъ передъ будущимъ все увеличивалась. Порою ей казалось, что у нея не хватитъ силъ отказаться отъ своей безграничной свободы и подчиниться, хотя бы отчасти, властелину, котораго она сама себѣ избрала; а въ возбужденномъ воображеніи, любимый человѣкъ, готовившійся стать преградой на привычномъ пути, превращался почти во врага.

Послѣдніе три дня она заперлась у себя въ комнатѣ, сказавшись больной. Эленъ до такой степени была разстроена, что ей тяжело было видѣть барона. Даже отцу, когда тотъ хотѣлъ поговорить съ ней о кое-какихъ подробностяхъ предстоящей церемоніи, она отказала, сказавъ умоляющимъ тономъ:

— Пощади, папа, и оставь меня въ покоѣ! Мысль измѣнить всему, во что я вѣрила и что проповѣдывала, и упадокъ воли, побуждающій меня сдѣлаться нравственной рабой другого, приводятъ меня въ такое ужасное состояніе, что я не могу даже высказать это.

— Развѣ возможно рабство тамъ, гдѣ любятъ другъ друга? Эленъ, Эленъ! Ты на дурной дорогѣ. Ты любишь Евгенія, а между тѣмъ, сама же создаешь себѣ душевный адъ, какъ будто тебя силой влекутъ подъ вѣнецъ,—почти сурово замѣтилъ Артемьевъ.

Затѣмъ онъ съ горечью прибавилъ:

— Твой видъ, въ настоящую минуту, служитъ мнѣ новымъ осужденіемъ. Горько упрекаю я себя, что былъ причиной твоего

неестественнаго воспитанія и твоего удаленія изъ среды, въ которой ты должна была бы рости, такъ какъ съ болью въ сердцѣ вижу, что «Рай безъ Адама» сдѣлалъ тебя несчастною на всю жизнь.

Схвативъ руку отца, Эленъ прижала ее къ своимъ губамъ, но ничего ему не отвѣтила, а когда Владиміръ Александровичъ вышелъ изъ комнаты, она разрыдалась.

Наконецъ, насталъ «роковой» день, какъ втайнѣ называла его Эленъ. Задолго до назначеннаго часа стала она одѣваться; а въ виду ея нежеланія имѣть свадебныхъ подругъ, двѣ горничныя молча одѣли ее въ бѣлое атласное платье, прикололи фату съ вѣнкомъ и удалились.

Оставшись одна, Эленъ взглянула въ зеркало на свое смертельно блѣдное лицо, на которомъ только одни глаза казались живыми. Сердце ея сильно билось, и руки нервно дрожали. Стыдъ и злость охватили ее. Неужели это гордая проповѣдница «Рая безъ Адама» сидитъ здѣсь, убранная цвѣтами, готовясь идти къ алтарю? Не крикнутъ ли бывшіе слушатели ея лекцій и вся собравшаяся въ церкви публика, какъ св. Ремигій Хлодвичу: «Сожги то, чему поклонялась, и преклонись передъ тѣмъ, что сожжешь»!..

Эленъ отвернулась и, съ презрительнымъ смѣхомъ, опустилась въ кресло. Въ эту минуту она чувствовала лишь горечь полнаго нравственнаго пораженія. Душу ея наполняло такое жесткое и дурное чувство, что она съ тоской спрашивала себя: дѣйствительно ли любила она человѣка, за котораго выходила замужъ?.. Въ такомъ случаѣ, еще есть время отказаться... Но этого умственнаго вопроса было достаточно, чтобы совершенно измѣнить теченіе ея мыслей и возбудить въ ней острую ревность.

Отказаться?.. Значитъ, вернуть Евгенію свободу, чтобы другая женщина заняла ея мѣсто и онъ этой другой клялся въ любви и вѣрности?.. Нѣтъ, никогда.

Эленъ рѣшительно встала, оправила фату и вышла въ гостиную, такъ какъ въ эту минуту у подъѣзда остановилась карета. По всей вѣроятности, это пріѣхали ея посаженные отецъ и мать.

Время до свадьбы не лучше прошло и для барона. Онъ отлично понялъ состояніе души невѣсты и былъ обиженъ этимъ.

Испорченный женскимъ заискиваніемъ Евгеній Павловичъ считалъ личною обидой странное отчаяніе своей нареченной, и по его мнѣнію, можно было безъ всякаго сожалѣнія покинуть «Рай безъ Адама», чтобы принадлежать ему.

И та именно женщина, которой онъ принесъ въ жертву свою

свободу, любила его меньше тѣхъ, которыхъ онъ бросалъ ради нея; такъ какъ онъ, съ нѣмецкою аккуратностью, прикончилъ свои холостыя дѣла и разстался со всѣми своими возлюбленными, а одна изъ нихъ, красивая полька, устроила даже ему трагическую сцену при разставаніи.

Противоположность этой пылкости молчаливому сопротивленію Эленъ ужасно злила барона. Бывали минуты, когда досада порождала въ душѣ его сомнѣніе: благоразумно ли заключать бракъ, сулившій такъ мало счастья и такъ много непріятностей. Въ жилахъ Евгенія Павловича текла, вѣдь, тевтонская кровь; другими словами, онъ былъ пропитанъ идеями о мужскомъ превосходствѣ и потому твердо рѣшилъ перевоспитать Эленъ, принудивъ ее повиноваться себѣ, какіе бы скандалы это ни вызвало. Въ глубинѣ души онъ ненавидѣлъ всякія «сцены», и будь его невѣста менѣе красива, онъ, конечно, бросилъ бы ее. Но красота Эленъ и ея необыкновенно развитой, тонкій умъ чарующе дѣйствовали на него и приковывали его къ ней.

Желая отвлечь себя отъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ мыслей, Евгеній Павловичъ рѣшилъ проститься со своей холостой жизнью блестящимъ мальчишникомъ; а прощаніе это было настолько добросовѣстное, что будущіе шафера барона доставили его домой въ отчаянномъ положеніи, близкомъ къ полному безчувствію.

Вслѣдствіе такого шумнаго вечера, всталъ онъ очень поздно, а когда, послѣ ванны, позавтракалъ, то оказалось, что уже время облачаться въ церковь.

Молча одѣлся Евгеній Павловичъ. Онъ также чувствовалъ какую-то тяжесть. Предстоявшая новая жизнь, взваливаемая на себя отвѣтственность и неизвѣстное будущее—все это давило его душу,—въ сущности, добрую и благородную, но развращенную окружавшими примѣрами, пресыщенную и тщеславную, благодаря «успѣхамъ» у дамъ.

Со вздохомъ подошелъ онъ къ стоявшему на столѣ большому портрету Эленъ, который не успѣли еще перенести на новую квартиру. Взявъ въ руки фотографію, баронъ долго смотрѣлъ на тонкое, обаятельное лицо той, которая черезъ нѣсколько часовъ сдѣлается подругой его жизни—и его сердце смягчилось.

Можно-ли такъ строго къ ней относиться? Справедливо-ли осуждать ее за то, что она была совсѣмъ иной, чѣмъ общая масса заурядныхъ великосвѣтскихъ дѣвицъ? Развѣ не выросла она въ

анормальныхъ условіяхъ? Не одиночество-ли и богатство толкали ее на всякія чудачества и нелѣпыя причуды?

Виноватъ въ этомъ былъ Артемьевъ, бросившій своего ребенка. И вотъ, вина отца отомщается на бѣдной Эленъ, жившей и росшей, какъ дикое растеніе. Теперь, на долю его, барона, выпала обязанность съ терпѣніемъ и любовью выпрямить этотъ съ искривленнымъ стеблемъ цвѣтокъ, поставить въ нормальныя условія жизни.

Въ будуарѣ, предшествовавшемъ большой гостиной, Эленъ встрѣтила отца. Когда тотъ, испуганный ея блѣдностью, привлекъ въ свои объятія, она прижалась головкой къ его груди и тихо прошептала:

— О, папа! Зачѣмъ я осталась здѣсь? Вѣдь я слѣпо стремилась къ своей гибели, будучи не такъ воспитана, чтобы быть чьей бы то ни было женой...

— Преступно говорить это въ такой торжественный часъ, дорогая моя! Исполняй только свой долгъ, ищи счастіе не въ удовлетвореніи гордости, а въ любви—и задача покажется тебѣ легкой,— отвѣтилъ Артемьевъ, нѣжно цѣлуя ее.

Но слова его не произвели на Эленъ желаннаго впечатлѣнія.

— И онъ говоритъ о **любви**. А между тѣмъ, какое значеніе имѣетъ это слово для него, бросившаго насъ съ матерью?—какъ молнія, пронеслось въ ея наболѣвшемъ мозгу.

Но она ничего не отвѣтила, такъ какъ въ эту минуту вошли посаженные отецъ съ матерью и пора было ѣхать въ церковь.

Вѣнчаніе еще болѣе подѣйствовало на возбужденные уже нервы Эленъ. Какъ автоматъ вышла она и сѣла въ карету, а когда пріѣхали въ церковь, ея волненіе достигло своего апогея. Говоръ нарядной толпы, блестящее освѣщеніе, чарующее пѣніе и что-то такое торжественно-мистическое, носившееся словно въ воздухѣ,— все это подавляло Эленъ. Ей казалось, что глаза застлало туманомъ, и она, какъ во снѣ, очутилась передъ аналоемъ рядомъ съ женихомъ, но даже не подняла на него глазъ. Ее охватило полное ко всему равнодушіе и истома, такъ что она безотчетно слѣдила за священнымъ обрядомъ.

Евгеній Павловичъ былъ пораженъ смертельною блѣдностью невѣсты. Съ сожалѣніемъ и участіемъ смотрѣлъ онъ на опущенные глаза Эленъ, понимая, что та порывала со своимъ прошлымъ, со своими принципами и взглядами, словомъ, со всѣмъ сложившимся въ ней внутреннимъ міромъ. Здѣсь не простая, наивная и довѣрчивая дѣвушка произносила обѣтъ любви, а гордая проповѣдница

извѣстной идеологіи публично отрекалась отъ своего міровоззрѣнія, произнеся «да», которое, подобно трепетному дуновенію, слетѣло съ ея устъ.

Когда священникъ соединилъ руки брачущихся, баронъ крѣпко сжалъ похолодѣвшіе пальчики своей горячей рукой, и ободряюще взглянулъ на Эленъ, но глаза той оставались попрежнему опущенными.

Наконецъ, вѣнчаніе совершилось, и принявъ первыя поздравленія, Эленъ очутилась въ каретѣ рядомъ съ мужемъ. И такъ, все безповоротно было кончено, и она стала баронессой Равенсбургъ...

— Что съ тобой, Эленъ?—спросилъ Евгеній Павловичъ, наклоняясь къ ней.—У тебя такой убитый видъ, что можно подумать, будто тебя обвѣнчали противъ воли. Ободрись же, дорогая моя! Забудь свой нелѣпый «рай» и повѣрь, что я искренно желаю сдѣлать твое «рабство» менѣе суровымъ, чѣмъ ты себѣ воображаешь.

Въ первый разъ Эленъ подняла на него глаза, но встрѣтивъ его взглядъ, въ которомъ свѣтилась любовь и шутка, окончательно смутилась. Она сознавала, что ея поведеніе обидно для мужа и что нужно сказать что-нибудь примирительное, нѣсколько словъ въ свое извиненіе, но мысли ея мѣшались, и она не могла подыскать выраженій. Наконецъ, она съ усиліемъ пробормотала:

— Я постараюсь забыть... Но съ такимъ прошлымъ, какъ мое, нельзя безнаказанно порвать. Простите меня, баронъ, и не сердитесь...

— Что это за титулованіе? Не называть-ли и мнѣ тебя баронессой?—невольно разсмѣявшись, сказалъ Евгеній Павловичъ.

— Ахъ! Простите! Я забыла,— отвѣтила Еленъ, краснѣя.

— Какъ? Забыла, что я ужъ больше для тебя не баронъ? Ха, ха, ха! Нѣтъ, это просто классически. Рѣшительно тебѣ нужно лечить свои нервы: ты совсѣмъ больна, дорогая моя. Впрочемъ, это— заслуженное тобой наказаніе. Если бы ты, вмѣсто того чтобы избѣгать своего жениха и замыкаться въ свою гордость и свои утопіи, откровенно приняла мою любовь и отдала мнѣ свою—то въ настоящую минуту мы были бы менѣе чужды другъ другу. А теперь успокойся! Всѣ эти мелкія ошибки поправимы.

Онъ наклонился и поцѣловалъ жену, а Эленъ, устало, опустила голову на его плечо. Когда же онъ прижалъ ее къ себѣ, она въ этотъ мигъ ощутила такое счастье и глубокое успокоеніе, что забыла и угрызенія и предчувствія.

Артемьевъ собралъ у себя всѣхъ наиболѣе близкихъ знакомыхъ, и послѣ вечерняго чая молодые должны были отправиться къ себѣ.

Усиліемъ воли Эленъ вернула себѣ наружное спокойствіе. Любезно улыбаясь, она оживленно болтала съ гостями и весело отражала нѣкоторыя, слегка рискованныя шутки. Все шло прекрасно, къ великому удовольствію Евгенія Павловича и Артемьева, какъ вдругъ неожиданный случай все испортилъ.

За фруктами и конфектами лакей подалъ новобрачной только что полученную телеграмму. Та поспѣшно распечатала ее и депеша оказалась изъ убѣжища «Рай безъ Адама».

Община посылала молодымъ супругамъ привѣтствія и лучшія пожеланія всякаго благополучія, а ихъ бывшей проповѣдницѣ особливо желала быть такой же мужественной въ исполненіи своихъ новыхъ обязанностей, какой она была въ защитѣ ихъ дѣла.

Эленъ потрясло это поздравленіе. Весь душевный, едва затихшій, разладъ пробудился съ новой силой. Прошлое столкнулось съ настоящимъ, и этотъ ударъ былъ слишкомъ силенъ для ея нервъ, истощенныхъ и возбужденныхъ всѣми волненіями дня. Не смотря на почти нечеловѣческія усилія не потерять присутствіе духа, она чувствовала, что слабѣетъ. Голова у нея кружилась, все вокругъ нея, казалось, съ трескомъ рушится, а она сама падаетъ въ мрачную, холодную бездну...

Видя, что новобрачная лишилась чувствъ, всѣ присутствующіе, съ Евгеніемъ во главѣ, бросились къ ней. Баронъ поднялъ молодую жену и, съ помощью Артемьева, перенесъ въ ея дѣвичью комнату, а между тѣмъ успѣлъ взглянуть на злополучную телеграмму.

— Дурачье! И кто нуждается здѣсь въ ихъ поздравленіяхъ!— съ бѣшенствомъ проворчалъ онъ, а затѣмъ, обернувшись къ Артемьеву, прибавилъ:—Идіотская телеграмма сразила ее; но какъ только она придетъ въ себя, мы уѣдемъ. Нѣтъ надобности служить больше зрѣлищемъ для постороннихъ.

Когда они оба вернулись въ гостиную, Артемьевъ пояснилъ въ шутливомъ тонѣ:

— Это было поздравленіе изъ общины «Рай безъ Адама». А такъ какъ моя дочь не можетъ еще забыть, что она «дезертировала» изъ этого чуднаго учрежденія, то телеграмма подавляюще подѣйствовала на нее.

Баронъ ничего не сказалъ. Онъ бѣсился, уловивъ нѣсколько насмѣшливыхъ и двусмысленныхъ улыбокъ. Какъ смѣла Эленъ до такой степени распустить свои нервы и осрамить его своей нело

стойной и неприличной слабостью! Она поставила его въ забавное положеніе, придавъ ему этимъ обморокомъ видъ похитителя, силой тащившаго ее къ алтарю. Это не была пристойная свадьба, а сцена изъ мелодрамы, какое-то посмѣшище...

Задѣтая гордость заставляла его страдать, а кромѣ того онъ еще и самъ взвинчивалъ себя разными дразнившими его самолюбіе соображеніями.

Единственно, кто съ искреннимъ сочувствіемъ наблюдалъ случившееся, это была графиня Варатова. Она прочла на омраченномъ лицѣ барона предвѣщаніе первой супружеской бури и жалѣла неуравновѣшенную, неопытную молодую женщину, брошенную, какъ челнъ безъ руля, на произволъ бурныхъ волнъ моря житейскаго Графиня понимала состояніе души Эленъ, безпорядокъ въ ея чувствахъ и подавляющее униженіе, вслѣдствіе своей непослѣдовательности. Она подошла къ Артемьеву и выразила желаніе пойти къ Эленъ, чтобы поговорить съ ней.

— Ахъ, графиня, какъ я признателенъ вамъ за вашу добрую мысль! — сказалъ тотъ, цѣлуя руку Варатовой. — Бѣдная Эленъ очень нуждается въ дружескомъ совѣтѣ. Я боюсь, что съ ея характеромъ и нелѣпыми убѣжденіями, она сдѣлала глупость, выйдя замужъ. Дай-то Богъ, чтобы она позаимствовала хотя бы частицу мудрости отъ васъ, которую всѣ, начиная съ вашего мужа, считаютъ идеаломъ жены.

Чуть замѣтная усмѣшка скользнула по губамъ Варатовой. Графиня отлично знала, что она была у д о б н о й женой и заслужила восхищеніе мужа.

Когда графиня вошла въ комнату Эленъ, та уже пришла въ себя, а горничная приводила въ порядокъ прическу и платье. Очевидно, она собиралась вернуться въ залу. При видѣ Варатовой, Эленъ покраснѣла и, протянувъ ей руку, тихо пробормотала:

— Вы пришли побранить меня, Ираида Антоновна? Я чувствую, что вполнѣ заслуживаю это. Я сдѣлала непростительную глупость, но мои нервы зло посмѣялись надо мной.

— Вы угадали, дорогая моя! Я пришла пожурить васъ, потому что въ такихъ то именно обстоятельствахъ вы и должны были владѣть своими нервами, чтобы не задѣвать самолюбіе вашего мужа,—отвѣтила, садясь, графиня.—Вы знаете не хуже меня, что въ жизни прежде всего необходимо владѣть собой, если желаешь чего-нибудь достигнуть, а первые часы, дни и мѣсяцы замужества служатъ основаніемъ всей вашей будущей жизни. Здѣсь всякое

слово должно быть взвѣшено, каждый поступокъ разсчитанъ, такъ какъ наши г о с п о д а—непостоянны и капризны, будучи избалованы угодливой лестью не слишкомъ застѣнчивыхъ «дамъ». Болѣе чѣмъ кто-либо, честная жена обязана быть мудрой, какъ змій, и нѣжной, какъ голубь. Искусно согласуя собственное достоинство съ снисходительностью и избѣгая сценъ, должна она перевоспитывать мужа такъ, чтобы онъ этого не подозрѣвалъ и, на видъ, не имѣть иной воли, помимо воли супруга, всегда поступая, тѣмъ не менѣе, по своему. Поцѣлуемъ и шуткой, лаской и дружескимъ словомъ можно приручить даже тигра.

Молча слушавшая Эленъ барабанила пальцами по туалету. Въ эту минуту она чувствовала досаду и почти презрѣніе къ этой красивой, умной и ученой женщинѣ, набрасывавшей ей цѣлую программу притворства, униженія и мелочныхъ уловокъ. Ужели она и сама примѣняла подобную двуличность? Въ такомъ случаѣ женское рабство изъ поколѣнія въ поколѣніе вытравило въ ней всякое стремленіе къ борьбѣ за независимость. Нѣтъ, она, Эленъ, очень благодарна ей за такую систему, но никогда не унизится до того, чтобы потакать прихотямъ своего «тирана», или ловить счастливую минуту, когда тотъ дозволитъ ей имѣть свое личное желаніе...

Казалось, графиня прочла эти мысли на впечатлительномъ лицѣ собесѣдницы, и улыбнувшись, словно ей въ отвѣтъ, затѣмъ спокойно замѣтила:

— Вижу, что вы не раздѣляете моихъ взглядовъ на то, что я высказала, и хотите затѣять тщетную борьбу карлика съ великаномъ. Не отваживайтесь на это, дорогая моя! Вы только оттолкнете отъ себя человѣка, за котораго вышли замужъ, а себя обречете на одиночество и позднія сожалѣнія. Позвольте добавить, что вы не правы, пренебрегая и считая унизительной работу надъ созданіемъ супружескаго счастья. Это почетная и достойная всякаго уваженія задача, потому что она служитъ основой общественной нравственности.

Вашъ «Рай безъ Адама»—благородное, полезное учрежденіе, такъ какъ даетъ пріютъ существамъ, потерпѣвшимъ крушеніе въ жизни, утѣшаетъ несчастныхъ женщинъ и возвращаетъ имъ нѣкоторый интересъ къ существованію, но убѣжища подобнаго рода не могутъ поглотить цѣликомъ весь женскій родъ. Противъ этого возстаютъ исконные законы, которыхъ не уничтожить никакое воспитаніе. Да, вы сами—живое доказательство этого. Безсмертная и непобѣдимая сила,—л ю б о в ь—побудила васъ заключить этотъ

бракъ, и никто не вправѣ презирать васъ за это, какъ никто не долженъ былъ бы презирать и глумиться надъ женщиной, остающейся свободной и одинокой. Сообразно своимъ силамъ, каждый долженъ достойно занимать въ мірѣ то мѣсто, которое предназначено ему Богомъ. Много женщинъ пренебрегаетъ изученіемъ таинственной пентаграммы, которую судьба дала имъ въ руки въ видѣ мужа только потому, чтобы имѣть предлогъ уклониться отъ возложеннаго на нихъ долга. Я знаю, что вы считаете потеряннымъ временемъ мою тяжелую работу надъ поддержаніемъ мира въ моемъ внутреннемъ обиходѣ. А я возражу вамъ: нѣтъ, это не напрасный трудъ. Я любима и очень любима мужемъ, не смотря на всѣ его слабости. Умри я и онъ испыталъ бы глубокое горе, а въ его жизни образовалась бы пустота, которую ему было бы трудно восполнить. Я не жалѣю...

Графиню прервалъ приходъ Артемьева, который справился о здоровьѣ дочери и сказалъ, что мужъ желаетъ ѣхать домой.

Варатова тотчасъ же вышла и отецъ съ дочерью на минуту остались одни.

— Дорогое дитя мое!—сказалъ Владиміръ Александровичъ прижимая Эленъ къ своей груди.—Какъ я хотѣлъ бы видѣть тебя счастливой и быть увѣреннымъ, что совершенное мною зло не падетъ на тебя! Евгеній лучше меня. Люби же его, какъ твоя святая мать любила меня, не смотря на мои недостатки; люби его со всѣми его слабостями и достоинствами, такъ какъ любовь—величайшій талисманъ супружеской жизни. Мой примѣръ доказываетъ тебѣ, что любовь побѣждаетъ даже изъ-за могилы.

Эленъ поцѣловала его, ничего не отвѣтивъ. Она сознавала, что отецъ правъ, какъ и графиня, каждое слово которой было подсказано ея опытностью и дружбой, но строптивая душа ея не хотѣла преклониться.

Въ залѣ къ ней тотчасъ же подошелъ баронъ. Онъ былъ блѣденъ и холоденъ, но съ безукоризненною вѣжливостью освѣдомился о здоровьѣ молодой жены, а затѣмъ помогъ ей надѣть шубу.

Нѣсколько минутъ спустя молодые супруги сидѣли въ каретѣ, но между ними водрузился уже призракъ раздора и смыкалъ ихъ уста.

Эленъ прижалась въ уголъ, держа въ рукахъ большой свадебный букетъ, а Евгеній Павловичъ смотрѣлъ въ окно. Оба молчали и украдкою слѣдили другъ за другомъ, какъ два противника. Баронъ обратилъ вниманіе на ея испуганный, но упрямый видъ, а она замѣтила его нахмуренныя брови и, вообще, мужъ показался ей мрач-

нымъ и недовольнымъ. Неужели онъ уже жалѣлъ о своей потерянной свободѣ?..

Такъ, пока карета не остановилась, они не обмѣнялись ни единымъ словомъ. Острая тоска объяла душу Эленъ и сердце ея сильно билось, когда, подъ руку съ мужемъ, поднималась она по лѣстницѣ, убранной цвѣтами, и проходила по освѣщеннымъ à giorno комнатамъ, кивая на поздравленіе встрѣчавшей ихъ прислуги.

У дверей спальни баронъ слегка поклонился и ушелъ. Эленъ встрѣтила камеристка-американка, высокая и сухопарая женщина, съ суровымъ и угрюмымъ видомъ, неизмѣнно одѣтая въ черное, съ бѣлоснѣжнымъ чепчикомъ, воротничкомъ и передникомъ.

Впрочемъ, Сара Витчель была лучше своей наружности. Несчастное существо, подобранное на чердакѣ одною изъ сотрудницъ общины, она сочла пріютившее ее убѣжище настоящимъ раемъ. Ея мужъ, живописецъ вывѣсокъ, оказался горькимъ пьяницей; принеся въ жертву виски все, что имѣлъ, включая сюда приданое и сбереженія жены, онъ затѣмъ бросилъ ее съ дочерью.

Эленъ заинтересовалась этой горемыкой, которая въ то время была серьезно больна; когда же та выздоровѣла, она взяла ее къ себѣ горничной, а дочь ее обезпечила небольшимъ капиталомъ.

Сара привязалась къ Эленъ какъ собака, и безъ малѣйшаго колебанія, поѣхала на ея зовъ въ Россію. Она знала, что дочери будетъ хорошо въ убѣжищѣ; а, кромѣ того, ей обѣщали, что дѣвочку тоже выпишутъ. Такъ какъ пять лѣтъ ея супружества, ознаменованныя больше побоями, чѣмъ ласками, служили для нея пугаломъ, то Сара сдѣлалась пламенной сторонницей идеи «Рая безъ Адама», и на замужество Эленъ смотрѣла какъ на большое несчастье, а Равенсбурга считала злѣйшимъ врагомъ своей барыни. Враждебность ея къ барону и Артемьеву была очевидна, но и тѣ ненавидѣли ее, прозвавъ надгробной статуей «Рая безъ Адама».

Минувшій день былъ очень тяжелъ для Сары; глаза ея покраснѣли и опухли. Блѣдность и разстроенный видъ Эленъ глубоко огорчили ее, но въ то же время служили ей и утѣшеніемъ, такъ какъ доказывали, что молодая женщина не безъ сожалѣнія покинула ихъ дѣло.

Пробормотавъ нѣсколько поздравительныхъ словъ, на которыя Эленъ ничего не отвѣтила, Сара раздѣла ее, заплела въ косу пышные волосы и подала роскошный бѣлый пенюаръ, весь покрытый тонкими, серебристыми вышивками.

Когда горничная вышла, Эленъ облокотилась на туалетъ и за-

думалась. Буря самыхъ противорѣчивыхъ чувствъ кипѣла въ ней. Не было сомнѣнія, что Евгеній взбѣшенъ и оскорбленъ. Можетъ быть онъ останется у себя? Это было бы хорошо, а если нѣтъ?.. Чѣмъ все это кончится? Великій Боже, въ какое ужасное положеніе она попала!

Предположеніе, что мужъ останется въ своей комнатѣ, было совершенно ошибочно. Наоборотъ, тотъ жаждалъ излить свою желчь и дать понять женѣ все неприличіе ея поведенія; словомъ, поставить ее на свое мѣсто.

Быстро переодѣвшись, баронъ сталъ въ волненіи ходить по комнатѣ. Весь гнѣвъ, подавляемый цѣлый вечеръ, и вся горечь оскорбленнаго самолюбія бушевали теперь въ его душѣ, совершенно заслонивъ его благія намѣренія быть любящимъ и снисходительнымъ. Въ настоящую минуту это былъ только оскорбленный мужъ, считавшій своимъ долгомъ окончательно разочаровать жену относительно величія ея прошлаго и дать ей почувствовать всѣ «выгоды» ея настоящаго положенія. А чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ сильнѣе раздражался. Когда баронъ открылъ дверь спальни, онъ былъ именно въ такомъ расположеніи духа, которое необходимо для первой супружеской сцены и для того, чтобы дать Эленъ настоящее понятіе о раѣ «съ Адамомъ».

Отчаянная поза молодой жены, все еще сидѣвшей у туалета съ опущенной на руки головой, далеко не была способна успокоить барона. Взбѣшенный, онъ съ минуту насмѣшливо смотрѣлъ на нее, а затѣмъ подошелъ и сказалъ безъ предисловій:

— Подними голову, дорогая, и выслушай внимательно то, что я хочу сказать тебѣ.

Эленъ вздрогнула и выпрямилась. Вызывающій и насмѣшливый тонъ мужа не ускользнулъ отъ нея и возбудилъ въ ней глухое неудовольствіе, но она овладѣла собой и отвѣтила ему:

— Оставимъ сегодня этотъ разговоръ. Я очень утомлена. Кромѣ того, мнѣ кажется, мы оба не въ такомъ настроеніи, чтобы говорить серьезно.

Вмѣсто того, чтобы уйти, какъ она ожидала, баронъ пододвинулъ кресло и, къ ея великому негодованію, спокойно усѣлся въ немъ.

— Я совершенно спокоенъ, а судя по твоей сегодняшней выходкѣ, нельзя быть увѣреннымъ, что ты будешь благоразумнѣе завтра. И такъ, все равно, объяснимся сейчасъ, въ виду того, что ты, какъ будто, совершенно ошибаешься относительно нашего взаимнаго положенія и роли, которая тебѣ подобаетъ.

— По крайней мѣрѣ вы не теряете время, чтобы снять маску и доказать мнѣ, что я горько ошиблась, считая васъ за настоящаго джентльмена,—возразила Эленъ, и въ глазахъ ея вспыхнулъ презрительный огонекъ.

— Ради Бога, не выхвати еще кинжалъ и не убей меня въ пылу твоего негодованія!.. Ты глубоко заблуждаешься, думая устрашить меня и помѣшать откровенно выяснить тебѣ обязанности жены. Для этого я и пришелъ.

— Въ такомъ случаѣ, я тоже буду откровенна,—отвѣтила Эленъ, которой казалось, что она задохнется.—Я сознаю, что нашъ бракъ—плачевное безуміе, за которое главная вина падаетъ на меня. Я не создана для роли такой жены, какъ вы понимаете. Я не хочу быть безвольной рабой, которая смиренно сторожитъ благосклонность своего владыки. Поэтому разстанемся: это будетъ лучше для насъ обоихъ.

Евгеній Павловичъ расхохотался.

— Развестись? Ха, ха, ха!.. Нѣтъ, милая: теперь ужъ поздно. Еще сегодня утромъ ты была свободна и могла не выходить за меня замужъ, а теперь ты—моя жена и останешься ею. Да и почему это ты не создана быть такой женой, какъ я понимаю? Сдѣлана ты изъ такого же тѣста, какъ и остальныя женщины, и тебѣ достаточно будетъ только войти въ свою роль, чтобы все пошло какъ по маслу. На этотъ счетъ ты можешь быть покойна. Что же касается воли и свободы, то ты ими достаточно пользовалась и злоупотребляла, будучи дѣвушкой. Для замужней женщины не должно существовать иной воли, кромѣ воли ея мужа. Впрочемъ, предоставлю тебѣ полную свободу пить утромъ чай или шоколадъ, выходить пѣшкомъ или выѣзжать въ каретѣ, носить шелковыя или шерстяныя платья, распоряжаться прислугой и вообще...

— Довольно!.. Довольно насмѣшекъ и оскорбленій!—въ негодованіи перебила Эленъ.—Ужъ не думаете ли вы, что имѣете дѣло съ идіоткой или рабой? Ни одного часа не останусь я подъ вашей кровлей! Сію же минуту я вернусь къ отцу, а завтра уѣду въ Бостонъ.

И она бросилась къ звонку. Но, прежде чѣмъ Эленъ успѣла нажать кнопку, мужъ схватилъ ее за руку.

Багровый румянецъ залилъ лицо барона и голосъ сталъ глухимъ отъ гнѣва:

— Довольно скандаловъ! Къ счастью, ты не имѣешь возможности привести въ исполненіе свои угрозы. Я не шучу: ты или нервно больна, или сошла съ ума, если не сознаешь, что, покидая этотъ домъ въ ночь послѣ свадьбы, ты даешь всякому право предположить, что «Рай безъ Адама» далеко не пріютъ цѣломудренной добродѣтели. Изъ дружбы и уваженія къ твоему отцу я тебѣ не позволю себя опозорить. Ты не уѣдешь ни къ отцу, ни въ Америку. Гдѣ бы ты ни была, если я потребую, власти водворятъ тебя въ моемъ домѣ. Не вынуждай меня дать тебѣ почувствовать мою власть и добровольно подчинись тому, что я отъ тебя требую. Съ этого дня на твоемъ прошломъ поставленъ крестъ, и я запрещаю тебѣ всякія сношенія съ этой общиной или сотрудничество въ ея нелѣпомъ журналѣ. Твой міръ, это—твое хозяйство, твой домъ, и ты будешь жить сообразно съ м о и м и, а не со своими средствами. Съ твоимъ же состояніемъ ты можешь дѣлать, что тебѣ угодно. Мнѣ рѣшительно все равно: будешь ли ты мостить своими долларами дворъ «Рая безъ Адама» или улицы Бостона, но у себя я не хочу знать и видѣть твои милліоны. Ты не пожелала, чтобы у насъ все было общее? Пусть будетъ такъ, и я устроюсь сообразно твоему желанію, но не воображай, что я преклонюсь передъ твоимъ богатствомъ, допущу предписывать себѣ законы и буду терпѣть твои выходки.

Нѣмая отъ гнѣва, но дрожа всѣмъ тѣломъ, слушала его Эленъ, а горѣвшіе гордостью и упорствомъ ея глаза, и пренебрежительная усмѣшка пріоткрытыхъ губъ доказывали, что она отнюдь не побѣждена. Зато, никогда не казалась она ему столь прекрасной, какъ въ эту минуту возбужденія, да еще и въ этомъ домашнемъ нарядѣ, въ которомъ баронъ видѣлъ ее впервые.

И порывъ страсти вспыхнулъ въ сердцѣ Евгенія Павловича, заглушивъ на половину его гнѣвъ. Опьяненный взоръ его восторженно блуждалъ по фигурѣ жены, такой нѣжной и граціозной въ своемъ мягкомъ шелковомъ пенюарѣ и окруженной облакомъ кружевъ, которыя такъ чудно шли къ ея изящной и породистой красотѣ.

Но Эленъ не замѣчала восхищенія мужа. Бушевавшая въ ней буря путала ея мысли и отнимала дыханіе.

— Вы... вы осмѣливаетесь угрожать мнѣ и оскорблять меня, какъ прислугу, которой указываютъ ея мѣсто! Хорошо же! Я сейчасъ докажу вамъ, какъ отношусь къ вашимъ приказаніямъ. Я уѣзжаю, и уѣзжаю сію минуту! Попробуйте-ка удержать меня!—отрывисто проговорила она, себя не помня отъ негодованія.

Эленъ хотѣла позвонить, но баронъ опять остановилъ ее. Онъ

быстро рѣшилъ положить конецъ этой сценѣ. Отступать было уже нельзя, не пошатнувъ навсегда своего авторитета, а толкнуть своеобразную молодую женщину на какую-нибудь крайность тоже было опасно. Надо было однако сломить ее однимъ ударомъ, и, готовясь нанести этотъ рѣшительный ударъ, баронъ разсчитывалъ на женскую слабость.

— Хорошо! Уѣзжайте!—холодно сказалъ онъ, нахмуривъ брови.—Но, въ такомъ случаѣ, позвоню я самъ и прикажу отвезти васъ къ вашему отцу. А завтра весь городъ узнаетъ, что баронъ Равенсбургъ выгналъ глубокой ночью свою жену, какъ выгоняютъ жрицу любви. А затѣмъ, вы свободны начать противъ меня дѣло въ доказательство вашей непорочности. Теперь—выбирайте: или вы покинете мой домъ съ тѣмъ, чтобы никогда ужъ больше не возвращаться въ него и нести послѣдствія вашего безразсуднаго упрямства, или же вы останетесь, подчиняясь моей волѣ, какъ и подобаетъ женѣ. Даю вамъ пять минутъ на размышленіе.

Трудно передать, что перечувствовала въ эту минуту Эленъ. Тонъ и взглядъ барона мгновенно убѣдили ее, что онъ сдѣлаетъ такъ, какъ говорилъ, и что настоящая минута страшно серьезна.

Въ воображеніи ея, какъ грозная гидра, вставала стоустая молва общественнаго мнѣнія, глумленіе толпы и неизгладимый позоръ, который обрушится на нее и взрастившее ее убѣжище. Конечно, она можетъ вернуться въ Америку, но на всегда уже опозоренной и мертвой для дѣла, которое защищала...

Задыхаясь и поблѣднѣвъ, какъ ея пенюаръ, прижала она обѣ руки къ груди, а мрачный и полный ненависти взглядъ впился точно въ этого «владыку», которому она такъ неосторожно отдала себя, и который въ эту минуту доказывалъ ей, что ея энергія и упорство — ничто передъ правами мужа. А тотъ, холодно и рѣшительно смотрѣлъ на часы, чтобы предать ее позору или заключить у себя какъ присмирѣвшую невольницу.

Мучительная борьба происходила въ пылкой и властной душѣ Эленъ. Въ эту минуту она ненавидѣла его, и желала бы умереть, чтобы избѣжать этой жестокой муки.

— Ну, что же? Позвонить? — спросилъ баронъ, протягивая руку къ кнопкѣ.

— Нѣтъ.... — сказала Эленъ, удерживая его руку.

Ей казалось, что звонъ колокольчика низвергнетъ ее въ бездну. Но это глухое, едва слышно сказанное, слово было послѣднимъ сознательнымъ усиліемъ ея воли. Острая боль сдавила сердце, затруд-

няя ея дыханіе, а на тѣлѣ выступилъ холодный потъ и ноги подкашивались. Все потемнѣло вокругъ, и рука ея безпомощно искала опоры въ пространствѣ.

Евгеній Павловичъ вздохнулъ съ облегченіемъ, — такъ какъ самъ боялся проигрыша, поставивъ въ эту минуту все на карту, но тутъ же былъ ошеломленъ при взглядѣ на жену. Мертвенно-блѣдная Эленъ, съ угасшимъ взглядомъ и искаженнымъ отъ боли лицомъ, шаталась какъ пьяная и не замѣчала, казалось, что онъ ее поддерживаетъ. Также безсознательно опустила она голову на плечо мужа.

Перепуганный и позабывъ уже все, что случилось, перенесъ онъ жену на кушетку, опрыскивалъ разными снадобьями, стоявшими на туалетѣ, и всячески старался привести ее въ чувство.

А между тѣмъ Эленъ не была въ обморокѣ и находилась только въ состояніи глубокаго изнеможенія, которое явилось слѣдствіемъ ея страшнаго возбужденія. Бурный приливъ крови къ сердцу и мозгу вызвалъ острую боль, а второй болевой приступъ вывелъ ее изъ оцѣпенѣнія, и она открыла глаза.

Баронъ хотя и обрадовался, но все еще тревожился ея припадкомъ, и ему стало глубоко ее жаль. Онъ привлекъ ее въ свои объятія и нѣжно сказалъ:

— Безразсудная! Что ты надѣлала? Зачѣмъ вынудила ты у меня такія жестокія слова? За что ты меня ненавидишь? Мы сочетались по любви, а вмѣсто спокойствія и счастья, въ первые же часы совмѣстной жизни ты создаешь цѣлый адъ.

Эленъ ничего не отвѣтила, но ея нервное напряженіе быстро упало, перейдя въ ручьи слезъ.

Баронъ не мѣшалъ этой спасительной реакціи, но она окончательно развѣяла всю его злобу. Въ порывѣ любви, опустился онъ на колѣни у дивана и, ласково прижавъ къ себѣ очаровательную противницу, побѣжденную и смущенную, сталъ нашептывать ей слова любви и утѣшенія. Безотчетно избралъ онъ лучшій путь. Подъ его пылкими поцѣлуями растаяла та ледяная кора, которая наростала вокругъ сердца Эленъ за время ея душевныхъ бурь. Таившееся въ ней могучее влеченіе, которое толкнуло ее въ объятія барона, проснулось отъ соприкосновенія съ его любовью и, помимо ея воли, наполнило ее удивительнымъ чувствомъ счастья.

Когда слезы ея начали понемногу изсякать, баронъ наклонился къ ней и спросилъ:

— Скажи ты мнѣ только одно, злюка: любишь ли ты меня?

— Да, — отвѣтила Эленъ.

Хотя слово это было произнесено едва внятно, но Евгеній Павловичъ услышалъ его и радостно вскричалъ:

— Значитъ, все спасено, и я надѣюсь, что наша первая ссора будетъ и послѣдней!

Часъ спустя, Эленъ съ покраснѣвшими и опухшими глазами, но улыбавшаяся и прекрасная, ужинала съ мужемъ. Всѣ несогласія были забыты. Взглядъ барона сіялъ страстнымъ обожаніемъ, когда онъ налилъ стаканы и чокнулся съ женой за ихъ общее счастье. Такъ какъ Эленъ опустила голову, онъ прошепталъ ей на ухо:

— И ты будешь повиноваться мнѣ, дорогая? Вѣдь это рѣшено, не правда ли? Съ своей стороны, я постараюсь отдавать тебѣ только пріятныя приказанія.

— Въ такомъ случаѣ, ты не будешь мѣшать мнѣ переписываться съ друзьями изъ общины?—шаловливо и не безъ лукавства спросила Эленъ.

— Пиши ужъ, если ты не можешь жить безъ нихъ, но на томъ только условіи, чтобы твои пріятельницы не подбивали тебя на сопротивленіе.

Эленъ покачала головой, оперлась на его плечо и закрыла глаза. Ей пришли на память мудрыя слова Варатовой. Не лучше ли уступать до наступленія бури, чѣмъ быть вынужденной покоряться потомъ. Какъ ограничена свобода души, связанной съ другой всѣми своими фибрами. Наконецъ, развѣ любовь мужчины не служитъ могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ женщины?.. Эленъ вздохнула. Очевидно, она должна поступать какъ и другія, и управлять втихомолку...

ГЛАВА XV.

Первые мѣсяцы послѣ свадьбы прошли какъ во снѣ. Эленъ чувствовала себя перенесенной въ новый міръ, будучи увлечена вихремъ невѣдомыхъ мыслей и чувствъ. Прошлое поблѣднѣло, а настоящее было лучезарно.

Страстно влюбленный въ свою жену, Евгеній Павловичъ окружалъ ее заботливой предусмотрительностью, весело подчинялся ея

капризамъ, разгонялъ шуткой всякое облачко, интересовался ея туа-
летами, восхищался ею и нянчился, какъ съ дорогой игрушкой.

Воспоминаніе о тяжелой сценѣ въ первую брачную ночь, по-
добно грозовой тучѣ, таилось въ глубинѣ сердца Эленъ, но она из-
бѣгала объ этомъ думать и даже не имѣла времени зрѣло обсудить
случившееся. Кромѣ того, ей не на что было жаловаться и не при-
ходилось повиноваться, такъ какъ мужъ самъ старался угадать и
исполнять всякое ея желаніе.

Не смотря на имѣвшееся позволеніе, переписка съ «Раемъ
безъ Адама» почти замерла, потому что Эленъ стыдилась словно при-
знаться, что она счастлива. Ей представлялось, что въ общину она
могла сообщать только про обиды, жертвою которыхъ она была;
тѣмъ не менѣе, о ночной сценѣ она ни за что на свѣтѣ не согла-
силась бы даже намекнуть кому-нибудь.

Получивъ отъ Броуна благодарственное письмо за щедрый
даръ, Эленъ показала его мужу, но тотъ лишь расхохотался, на-
смѣшливо объявивъ, что совершенно неспособенъ оцѣнить преиму-
щества и пользу такого разсадника болвановъ.

Лѣто рѣшено было провести въ Петергофѣ. Послѣ цѣлаго дня,
проведеннаго въ поискахъ подходящаго помѣщенія, Эленъ нашла,
что гораздо лучше купить дачу и этимъ разъ навсегда избавиться
отъ такихъ скучныхъ разъѣздовъ, но баронъ возсталъ противъ этого,
указавъ, что она не имѣетъ права расточать достояніе цѣломудрен-
никовъ. Задѣтая за живое, Эленъ воспользовалась отлучкой мужа и
купила великолѣпную дачу въ Старомъ Петергофѣ, за что получила
хорошую головомойку отъ барона, такъ какъ переплатила свыше
дѣйствительной стоимости.

Эленъ не приняла къ сердцу этотъ выговоръ. Она сдѣлала по
своему и съ изысканнымъ вкусомъ обставила дачу, а садъ превра-
тила въ райскій уголокъ.

Лѣто шло весело. Въ концѣ іюля Евгеній Павловичъ встрѣтилъ
стараго пріятеля и однокашника, который бросилъ службу, получивъ
большое наслѣдство, и нѣсколько лѣтъ провелъ заграницей.

Послѣдствія этой дружеской встрѣчи были плачевны. Баронъ
сдѣлался неаккуратнымъ, опаздывалъ къ обѣду, принималъ пригла-
шенія на велосипедныя прогулки безъ участія жены, проводилъ ве-
чера у холостыхъ товарищей и не рѣдко возвращался домой въ три-
четыре часа утра. Эленъ почуяла измѣну. Слишкомъ пылкая, чтобы

скрывать ревность, она вызывала очень непріятныя сцены, и су-
пруги переѣхали въ городъ враждебно другъ противъ друга на-
строенные.

Такъ какъ Евгеній Павловичъ и тутъ продолжалъ свои похо-
жденія, то молодая жена стала пренебрегать мужемъ. Она уходила,
когда тотъ обѣдалъ дома, приглашала гостей, когда онъ хотѣлъ ухо-
дить, и часто посѣщала Лидію Андреевну съ Инной. Однимъ сло-
вомъ, она всячески старалась показать мужу, что его присутствіе
для нея совершенно безразлично. Размолвка росла со дня на день,
а Эленъ тѣмъ болѣе чувствовала себя одинокой, что даже отецъ былъ
въ отсутствіи и около середины лѣта Артемьевъ уѣхалъ, для осмотра
своихъ имѣній, управленіе которыми было запущено имъ. Со вре-
мени его отъѣзда отъ него получилось только одно лаконичное
письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что вернется не раньше Но-
ваго года.

Евгеній Павловичъ раздражался все больше и больше. Одна-
жды, когда жена съ утра собиралась выѣхать, онъ спросилъ вер-
нется ли она къ обѣду, такъ какъ предполагалъ обѣдать дома; въ
противномъ случаѣ, онъ будетъ обѣдать у кого-нибудь изъ друзей,
потому что ему надоѣло сидѣть одному за столомъ.

Взбѣшенная еще больше мужа, Эленъ небрежно отвѣтила, что
будетъ она дома или нѣтъ, но онъ можетъ обѣдать, ужинать и даже
проводить ночи, гдѣ ему вздумается.

Баронъ покраснѣлъ и ничего не отвѣтилъ, но не вернулся ни
къ обѣду, ни къ ужину.

Гнѣвъ и ревность не дали Эленъ сомкнуть глазъ, и она устрои-
лась въ своемъ будуарѣ. Баронъ вернулся очень поздно. Найдя
спальню пустой, онъ прошелъ въ будуаръ и пытался извиниться и
обнять жену; но Эленъ, не владѣя собой, оттолкнула его, осыпала
упреками и обвиненіями и, наконецъ, объявила ему, что ей проти-
венъ человѣкъ, который смѣетъ говорить ей о любви, вернувшись съ
какого-нибудь любовнаго приключенія. Взбѣшенный и оскорблен-
ный баронъ ушелъ и заперся въ кабинетѣ.

Эленъ горько плакала и отправила длинное посланіе Нелли,
въ которомъ описала всѣ безобразія мужа. Затѣмъ она даже на-
бросала довольно ядовитую статью для ихъ журнала. Все это слегка
успокоило ее, и она заснула на диванѣ.

Спальня пустовала, такъ какъ молодые супруги почивали: одинъ
въ кабинетѣ, а другая—въ будуарѣ. На слѣдующее утро Эленъ уз-

нала отъ Сары, что баронъ рано позавтракалъ и уѣхалъ куда-то на велосипедѣ, не сказавъ, когда вернется.

Обиженная Эленъ проворно одѣлась и уѣхала къ Иннѣ. Не смотря на ранній часъ, у той уже сидѣлъ гость—молодой морякъ, о которомъ было говорено выше. За завтракомъ, царившій между молодой хозяйкой и гостемъ откровенно развязный тонъ покоробилъ Эленъ и, когда морякъ уѣхалъ, она насмѣшливо замѣтила:

— Мнѣ кажется, вы не теряете время и утѣшаетесь въ отсутствіе Николая Львовича. Я думаю, что въ Министерствѣ дѣла весьма пострадали бы, знай вашъ мужъ, что вы такъ часто принимаете его кузена.

Инна покраснѣла до ушей и бросилась ей на шею.

— Ахъ! Не судите меня такъ строго! Что же мнѣ дѣлать? Я постоянно одна. Николай не любитъ меня и измѣняетъ на каждомъ шагу. Лучшія мои стремленія онъ оттолкнулъ съ холоднымъ презрѣніемъ и даже не ревнуетъ меня, а бываетъ очень доволенъ, если я его не стѣсняю. И вотъ, чтобы убить время, я позволяю любить себя. Всѣ мои мечты разсѣяны. Теперь я отдалась увлекающему меня теченію и уже не страдаю такъ, какъ въ первое время моего замужества. Я много думала о разводѣ, но меня пугаетъ скандалъ; а живя такъ, я сохраняю даже внѣшній обликъ весьма счастливаго брака. Николай идетъ направо, я—налѣво. Общими у насъ остаются только домашнія дѣла и, понятно, я принимаю созываемыхъ имъ гостей. Когда я его увижу съ какой-нибудь кокоткой, или онъ меня встрѣчаетъ съ Анатолемъ—мы не замѣчаемъ другъ друга.

Эленъ ничего не отвѣтила и задумалась. Кто знаетъ? Можетъ быть Инна права, и эта пустая, праздная жизнь, увеселяемая любовными приключеніями, представляетъ наиболѣе естественный и легкій выходъ изъ лабиринта неудачнаго замужества.

Наблюдавшая за ней Инна вдругъ схватила и крѣпко пожала ея руку.

— По вашему лицу, дорогая Эленъ, я вижу, что вы тоже несчастливы. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе характеръ и привычки барона. Конечно, Евгеній Павловичъ добрый малый, но онъ всегда былъ очень легкомысленъ и слишкомъ близко сошелся съ моимъ Николаемъ, Обзоровымъ и другими кутилами, среди которыхъ находится и Ратовъ, другъ вашего мужа, котораго онъ встрѣтилъ еще лѣтомъ... Вся эта распутная компанія продѣлываетъ великія безобразія и посѣщаетъ отвратительное общество.

— Откуда вы все это знаете? Но, если вамъ что-нибудь извѣстно про Евгенія, то я требую отъ вашей дружбы, чтобы вы сказали мнѣ все безъ утайки.

— Анатоль болталъ, что Обзоровъ постоянно вращается въ средѣ актеровъ и актрисъ; а такъ какъ онъ замѣнилъ теперь Жобаръ какой-то опереточной пѣвичкой, то ввелъ и друзей въ это очаровательное общество, гдѣ идетъ пиръ горой.

Инна наклонилась къ Эленъ.

— Я уже давно хотѣла сообщить вамъ, что вашъ мужъ тоже содержитъ пѣвичку изъ оперетты. Однажды, будучи у мамы, окна которой выходятъ на набережную, я собственными глазами видѣла Евгенія Павловича и Ратова въ коляскѣ съ двумя очень шикарными женщинами: брюнеткой и блондинкой, Только не знаю вотъ, кому принадлежитъ блондинка, а кому брюнетка, — со смѣхомъ закончила Инна.

Эленъ такъ ошеломило это извѣстіе, что у нея закружилась голова. Она ничего не отвѣтила, потому что у нея сдавило горло. И Инна еще могла смѣяться надъ такой гадостью?! А Эленъ чувствовала, что, попадись ей въ эту минуту подъ руку мужъ, она прибила бы или убила его.

— Боже мой! Вы не должны принимать близко къ сердцу подобные пустяки. Въ наше время не бываетъ образцовыхъ мужей, и жизнь надо брать такою, какова она въ дѣйствительности. Поступайте какъ я и, вмѣсто того чтобы плакать, утѣшайтесь. Можетъ быть это подѣйствуетъ на Евгенія Павловича вѣрнѣе, чѣмъ слезы или упреки. Полно! Зачѣмъ такъ разстраиваться! Вамъ стоитъ только протянуть руку, чтобы отомстить. Тото Сабуровъ, гусаръ, безъ ума отъ васъ. Онъ приходится съ родни моему моряку, которому и довѣрилъ, что ни спитъ, ни ѣстъ изъ за вашихъ голубыхъ очей. А побѣдой надъ Тото смѣло можно гордиться: онъ страшно богатъ, красивъ, какъ Аполлонъ, холостъ и всѣ дамы оспариваютъ другъ у друга его сердце. Хотите, я приглашу его въ пятницу обѣдать? Вы тоже пріѣдете и осчастливите бѣднаго влюбленнаго своей бесѣдой. Потомъ мы вчетверомъ поѣдемъ въ ландо на Стрѣлку. И кто знаетъ? Можетъ быть мы встрѣтимъ вашего владыку съ его дамой сердца.

— Отлично! Программа такъ заманчива, что я охотно принимаю ее, дорогая Инна. Въ пятницу, т. е. послѣ завтра, я пріѣду къ вамъ обѣдать. А теперь я должна проститься съ вами, такъ какъ мнѣ предстоятъ еще визиты.

Задыхаясь отъ гнѣва и ревности, Эленъ жаждала вернуться по-

скорѣе домой. Она заперлась въ своей комнатѣ и пыталась, хотя тщетно, привести въ порядокъ свои мысли. Къ счастью для барона, онъ вернулся только на разсвѣтѣ, и Эленъ притворилась спящей, чтобы не говорить съ нимъ. Она рѣшила съѣздить къ Варатовой, съ которой сходилась все тѣснѣе и тѣснѣе, и попросить у нея совѣта. Возможно, что она, такая умная и спокойная, возстановитъ ея душевное равновѣсіе добрымъ совѣтомъ.

Евгеній Павловичъ еще только просыпался, когда Эленъ уѣхала уже къ графинѣ, но, къ сожалѣнію, не застала ее дома. Сказавъ лакею, что заѣдетъ вечеромъ, Эленъ поѣхала по магазинамъ, отчасти для того, чтобы развлечься, а отчасти потому, что ей надо было сдѣлать кое-какія покупки.

Войдя въ большой парфюмерный магазинъ, Эленъ застала тамъ очень нарядную и очень красивую даму, дѣлавшую большія закупки.

Баронесса разсѣянно окинула ее взглядомъ, но вдругъ лицо показалось ей знакомымъ. Гдѣ она видѣла этотъ вздернутый носикъ, большой пунцовый ротъ съ красивыми бѣлыми зубами, этотъ ослѣпительный цвѣтъ лица и густые рыжіе волосы, золотистый оттѣнокъ которыхъ еще рѣзче оттѣняли плюшевая лиловая накидка и шляпа такого же цвѣта. Дама эта, въ свою очередь, не менѣе внимательно разглядывала баронессу и вдругъ вскрикнула:

— Эленъ Рутерфордъ! Ты это или твой двойникъ?

— Бланшъ Клэрваль! Ты здѣсь!—отвѣтила Эленъ, обрадовавшись встрѣтить подругу по убѣжищу, которую давно потеряла изъ вида.

Пріятельницы сердечно расцѣловались.

— Вотъ-то неожиданная встрѣча! — восторгалась Бланшъ. — Я горю желаніемъ поговорить съ тобой, Лолотта. Какъ много у насъ есть, что разсказать другъ другу! Если у тебя нѣтъ особенно важныхъ дѣлъ, то я тотчасъ же похищаю тебя.

— Да, я совершенно свободна.

— Въ такомъ случаѣ—ѣдемъ! Я живу не далеко отсюда, на Морской, и мы вмѣстѣ позавтракаемъ.

— Отошли свою карету,—прибавила Бланшъ, когда онѣ вышли на улицу. — Вотъ мой экипажъ! Ты можешь его взять, когда пожелаешь вернуться домой.

Во время пути, Эленъ замѣтила, что подруга была нарумянена, но это было столь обычное явленіе, что она не придала ему никакого

значенія. Бланшъ вышла замужъ за богатаго человѣка и, судя по туалету и собственному выѣзду, убѣжденіе это еще больше окрѣпло, когда та ввела гостью въ свою квартиру, помѣщавшуюся во второмъ этажѣ.

Открыла имъ дверь изящная горничная, и Бланшъ тотчасъ же приказала приготовить завтракъ и шоколадъ. Затѣмъ, она повела Эленъ по всей квартирѣ, состоящей изъ очаровательной гостиной, столовой, очень уютнаго будуара, обтянутаго блѣдно-зеленымъ затканнымъ розовыми цвѣтами шелкомъ, и спальни, до такой степени роскошной, что гостья была изумлена. Особенно поразила Эленъ огромная обитая розовымъ атласомъ кровать подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ вызолоченными амурами и украшеннымъ въ изголовьи и вверху зеркалами. Но хозяйка отвлекла мысли Эленъ, попросивъ ее пройти въ будуаръ, пока она переодѣнется въ домашнее платье.

Немного спустя пришла Бланшъ и подруги, сѣвъ на диванъ, стали бесѣдовать. Разговоръ зашелъ сперва объ убѣжищѣ и нѣкоторыхъ воспитанницахъ, судьба которыхъ интересовала Бланшъ; а затѣмъ, та заговорила о своей жизни со времени ея отъѣзда изъ Бостона. Отецъ отвезъ ее тогда въ Парижъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ жила она въ большой роскоши; но потомъ отецъ неожиданно разорился, и это несчастье было причиной апоплексическаго удара, отъ котораго онъ и умеръ, оставивъ ее положительно на улицѣ.

— Какъ ты попала въ Петербургъ? Или ты, какъ и я, вышла замужъ за русскаго? Судя по обстановкѣ, вы должны быть очень богаты, и я очень удивляюсь, какъ мы до сихъ поръ не встрѣтились съ тобой гдѣ-нибудь въ обществѣ,—спросила Эленъ.

— О! Прежде чѣмъ попасть сюда, я прошла много мытарствъ, —со вздохомъ отвѣтила Бланшъ, оставляя безъ отвѣта вопросъ о замужествѣ.—Видишь ли, когда я осталась сиротой, лишенной положительно всего, меня изъ жалости взяла къ себѣ послѣдняя любовница отца, извѣстная пѣвица. Она учила меня пѣнію и помогла дебютировать въ маленькомъ театрѣ. Безъ сомнѣнія, она устроила бы мнѣ блестящее будущее, если бы не умерла. Не поддерживаемая больше никѣмъ, я терпѣла неудачи на сценѣ, и перенесла много горя и разочарованій; то я имѣла безумный успѣхъ, то ровно ничего. Въ одну изъ тяжелыхъ именно минутъ познакомилась я съ иностранцемъ, который увезъ меня въ Петербургъ и доставилъ ангажементъ въ оперетку. И должна сказать, что чувствую я себя превосходно здѣсь.

Эленъ была непріятно поражена, узнавъ, что бывшая подруга—актриса, но овладѣвъ собой, сказала:

— Тебѣ, стало быть, хорошо платятъ, если ты держишь экипажъ и одѣваешься съ такимъ шикомъ.

— О! Ужъ конечно это не изъ щедротъ импрессаріо, — расхохоталась Бланшъ.—Для этого нужно найти щедраго «милаго друга», что мнѣ и посчастливилось. Мой другъ—очаровательный молодой человѣкъ, красивый, богатый и великодушный, очень великодушный! Это онъ обставилъ мнѣ квартиру и подарилъ экипажъ; а платитъ онъ мнѣ по тысячу рублей въ мѣсяцъ, не считая многаго другого, не идущаго въ счетъ. А до него у меня былъ другомъ нѣкій Обзоровъ, тоже очень богатый человѣкъ, но уже увядшій, истасканый и обладающій отвратительнымъ характеромъ. Поэтому, какъ только почуяла я любовь другого, тотчасъ же выгнала его вонъ.

При имени Обзорова Эленъ вздрогнула, и ей пришли на память слова Инны о любовной связи Евгенія съ какою-то опереточной актрисой. Сердце ея усиленно забилось, и она вскрикнула, отступивъ назадъ:

— Боже мой! Бланшъ, да, вѣдь, ты кокотка?

— Фи! Какое скверное слово!—вскричала та, затыкая уши.—Ради Бога, Эленъ, никогда не повторяй это грубое и смѣшное прозвище, если не хочешь потерять моей дружбы. Я — пѣвица, артистка, и прошу тебя не забывать это.

Эленъ едва сдержала презрительную усмѣшку, просившуюся на уста. Она хотѣла провѣрить свои подозрѣнія, а потому отвѣтила довольно спокойно.

— О! Съ удовольствіемъ, если тебѣ такъ непріятно. Но скажи же мнѣ, какъ зовутъ твоего «милаго друга»?

— Ахъ! Все забываю его фамилію, нѣмецкую и трудно произносимую. Его единственный недостатокъ—въ томъ, что онъ нѣмецъ и женатъ; впрочемъ, до послѣдняго мнѣ мало дѣла. Тѣмъ хуже для его жены, если она не умѣетъ удержать его при себѣ. Но я сейчасъ покажу тебѣ портретъ Евгенія. Постой! Вотъ записка, которую онъ вчера прислалъ мнѣ: изъ нея ты увидишь, какъ онъ обожаетъ меня.

И она бросила Эленъ розовый раздушенный и мелко написанный листикъ почтовой бумаги, на которомъ та сразу узнала подчеркъ мужа. Жаднымъ взоромъ пробѣжала она слѣдующія строки:

«Обожаемая Бланшетта! Слагаю къ твоимъ ножкамъ сначала мое сердце, а затѣмъ футляръ, цвѣты и ящикъ съ духами, которые препровождаю съ письмомъ. Вечеромъ, сегодня, насладившись твоимъ

пѣніемъ, разсчитываю быть у тебя, чтобы получить награду за мою любовь».

Эленъ опустила голову, и ей казалось, что она задохнется. Сердце ея усиленно билось, а кровь съ такой силой ударила въ голову, что она боялась упасть.

Стоявшая къ ней спиной и рывшаяся въ шифоньеркѣ Бланшъ ничего не замѣтила. Только найдя и открывъ большой, краснаго сафьяна футляръ, въ которомъ хранился портретъ Равенсбурга, и подавая его подругѣ, она обратила вниманіе на разстроенный видъ Эленъ и покрытое красными пятнами лицо.

— Боже мой! Что съ тобой? Тебѣ дурно? Выпей скорѣе воды!

— Нѣтъ, ничего не нужно,—сказала Эленъ, отталкивая портретъ, который полетѣлъ на полъ.—Мнѣ надо задать тебѣ вопросъ: во сколько цѣнишь ты свое пребываніе здѣсь? Я хочу сказать, какая сумма удовлетворила бы тебя за нарушеніе контракта и потерю «милаго друга», чтобы затѣмъ немедленно вернуться во Францію?

Бланшъ была поставлена, казалось, втупикъ и недоумѣвающее смотрѣла на нее.

— Вотъ, такъ-такъ!.. Хоть языкъ мнѣ отрѣжь, если я что-нибудь понимаю въ твоей болтовнѣ,—отвѣтила она, пожимая плечами.—Что тебѣ за дѣло до моего друга? Или хочешь соперничать со мной, а не то просто ревнуешь моего любовника. Иначе, какое тебѣ до него дѣло?

— Оставь свои глупыя предположенія,—строгимъ тономъ сказала Эленъ.—Не мнѣ судить тебя за то, что ты избрала гнусное ремесло публичной женщины, но я могу и обязана защищать мои права. Баронъ Равенсбургъ—мой мужъ, а такъ какъ мнѣ не нравится дѣлить его съ тобой, то я и повторяю свое предложеніе вознаградить тебя за немедленный отъѣздъ. Какую бы сумму ты ни потребовала, я—достаточно богата, чтобы заплатить ее, лишь бы ты завтра же сложила свои пожитки и исчезла изъ Петербурга. Не все-ли равно, кто бы тебѣ ни платилъ?

Услыхавъ, что бывшая подруга оказалась женой ея любовника, бѣшенство и ревность обуяли пѣвичку; кромѣ того, ее смертельно обидѣло прозваніе «кокотки», брошенное ей въ лицо. Смѣривъ гостью язвительнымъ взглядомъ, Бланшъ вызывающе нагло крикнула:

— Вы думаете, что мнѣ безразлично, кто бы ни платилъ? Такъ знайте же, сударыня, что я не хочу, чтобы платили мнѣ вы! Я не расцѣниваю мое здѣсь пребываніе, такъ какъ и не желаю вовсе

и прощайте всегда, даже и въ томъ случаѣ, когда въ душѣ вы не прощаете; а затѣмъ вѣрьте всегда тому, что говоритъ мужъ, хотя бы вы и знали, что онъ лжетъ.

— Но, вѣдь, вы совѣтуете мнѣ унизительное лукавство и позорное потаканіе недостойной лжи!—пробормотала Эленъ дрожавшими губами.

— Что дѣлать, дорогая моя! Безъ дипломатіи не проживешь, особенно въ супружествѣ,—со вздохомъ отвѣтила Варатова.—Повторяю: всегда нужно вѣрить тому, что говорятъ намъ мужья, и никогда не доискиваться истины, которая, сообразно обстоятельствамъ, претерпѣваетъ необходимыя измѣненія. Никогда не слѣдуетъ удивляться и доказывать невѣроятность плохо сшитаго разсказа; а лучше всего—ничего не знать и сохранять скромную сдержанность относительно отлучекъ мужа, которыя все равно трудно провѣрить. Когда насъ не приглашаютъ съ собой—будьте увѣрены, что это дѣлается для нашего же блага. Видите ли, дорогая моя: законныя жены черезчуръ стѣснительны, и ихъ нельзя всюду таскать за собой, какъ каторжникъ влачитъ свои кандалы.

Графиня улыбнулась, но горькой насмѣшкой дышала эта улыбка, а въ блестящихъ глазахъ ея свѣтилось строгое и презрительное выраженіе.

Эленъ поняла, что для проведенія въ жизнь этой нравственной дисциплины,—всегда прощать, притворяться, вѣрить и стушевываться, чтобы не стѣснять мужа собою, а затѣмъ жить своей, особой жизнью,—графиня должна была не мало выстрадать и подавить много благихъ стремленій и хорошихъ порывовъ.

— Сколько нужно борьбы, усилій и униженій, чтобы достигнуть условнаго мира и мнимаго счастья,—уныло пробормотала Эленъ.

— Не нужно ничего преувеличивать и надо брать жизнь такою, какова она—въ дѣйствительности. Въ нашей кажущейся слабости Господь даровалъ намъ, женщинамъ, драгоцѣнный талисманъ, высокое преимущество, подъ защитой которыхъ мы можемъ, не краснѣя и съ честью скрывать наши пораженія, раны, оскорбленную гордость, и, тѣмъ не менѣе, обезпечить себѣ признательность нашихъ мужей. Повторяю: эта слабость и, въ то же время защита, заключаются въ *прощеніи*. Пресказываю вамъ, что еще сегодня вечеромъ Евгеній Павловичъ будетъ умолять васъ о прощеніи, и вы должны помиловать его, какую бы злобу вы ни питали противъ него.

Берегитесь, Эленъ, отвергнуть его первое раскаяніе и не зло-

употребите стыдомъ, тыкая ему въ носъ его позоръ; воздержитесь также выказывать ему равнодушіе и презрѣніе.

Для женщины—выгодно, если мужъ сознаетъ себя виноватымъ; но онъ долженъ чувствовать, что его любятъ, а также, что онъ можетъ разсчитывать на любовь и снисходительность законной жены. Это привязываетъ его къ дому и всегда возвращаетъ, рано или поздно, къ супружескому очагу. Еще сегодня баронъ будетъ обѣщать вамъ все и поклянется, что исправится...

— Глупа же я буду, если повѣрю ему!—съ досадой перебила Эленъ.

— Въ душѣ не вѣрьте, но наружно, такъ сказать, примите его обѣщанія, требуйте какъ можно менѣе доказательствъ его раскаянія и не ставьте никакихъ условій. Добровольно, изъ чувства благодарности за счастливый исходъ непріятнаго приключенія, онъ сдѣлаетъ больше и, вѣроятно, разстанется съ этой тварью. Ласки такихъ «дамъ» стоятъ дорого, а связи съ ними имѣютъ ту хорошую сторону, что бываютъ мимолетны. И кто знаетъ? Возможно, что баронъ будетъ даже очень доволенъ представившемуся предлогу спустить Клэрвальшу и переуступить ее другому.

Что же касается до нѣжныхъ выраженій въ запискѣ, такъ покоробившихъ и оскорбившихъ васъ, то ихъ не слѣдуетъ понимать буквально. Это—пошлыя, обычныя фразы, которыя, съ незначительными варіаціями, повторяются всякой новой любовницѣ. Ну, а подарки, въ такихъ случаяхъ, необходимы.

— Боже мой! Что за жизнь при вѣчномъ лицемѣріи и постыдной зависимости отъ человѣка, котораго ужъ больше не уважаешь, зная, что онъ предпочитаетъ вамъ какую-нибудь театральную фигляршу,—устало замѣтила Эленъ.

— Всякая жизнь сопряжена съ тяжелыми обязанностями и ставитъ человѣка въ зависимость отъ кого бы то ни было. Развѣ женщина, даже не замужняя, не зависитъ отъ своей семьи, состоянія и обстоятельствъ? А бѣдныя дѣвушки, работающія въ конторахъ, правленіяхъ разныхъ обществъ, или, служащія въ качествѣ гувернантокъ, мучаясь и изводясь за воспитаніемъ избалованныхъ недорослей,—развѣ не платятъ онѣ за свою мнимую независимость и кусокъ хлѣба массой непріятностей и жестокихъ униженій.

Благодарите Бога, Эленъ, что Онъ избавилъ васъ отъ наиболѣе тяжелыхъ испытаній въ жизни, и докажите Ему свою благодарность, честно исполняя свой долгъ и стараясь привязать къ себѣ, а не оттолкнуть сердце мужа.

уѣзжать отсюда. Попробуйте-ка заставить меня уѣхать! Не моя вина, что вашъ мужъ бѣгаетъ отъ васъ и обожаетъ меня. Вамъ не нравится дѣлить его, а мнѣ нравится удержать его при себѣ. Я остаюсь и буду жить здѣсь, пока хочу!

Занятыя своей ссорой, ни та, ни другая не слыхали звонка, и только когда высокая фигура Евгенія Павловича появилась на порогѣ, взгляды соперницъ устремились на него. Разверзись земля подъ ногами барона, онъ былъ бы менѣе смущенъ и испуганъ, чѣмъ въ эту минуту. Хотя горничная и сказала ему, что у барышни сидитъ одна подруга, но какъ было предположить, что эта подруга оказалась именно его женой?..

— А! Вотъ и вы, подлый и безсовѣстный развратникъ!—внѣ себя, вскричала Эленъ.

Но избытокъ гнѣва помѣшалъ ей говорить.

— Ради Бога, Эленъ, успокойся! Я объясню тебѣ все, только не здѣсь. Пойдемъ!

Баронъ хотѣлъ взять жену за руку, но та оттолкнула его, и скомкавъ письмо, которое держала еще въ рукѣ, бросила его въ лицо мужа. Затѣмъ она выбѣжала изъ будуара, сорвала съ вѣшалки свою накидку и стремглавъ сбѣжала съ лѣстницы.

Евгеній Павловичъ съ такой же быстротой бросился вслѣдъ за ней. Держа пальто въ рукахъ, догналъ онъ ее внизу, гдѣ швейцаръ, съ чуть замѣтной усмѣшкой, помогъ имъ одѣться.

Баронъ позвалъ извозчика, и они отправились домой, не обмѣнявшись ни словомъ. Эленъ избѣгала даже смотрѣть на мужа; а блѣдный баронъ, кусая усы, старался угадать, кто изъ пріятелей могъ сыграть съ нимъ такую подлую шутку.

По пріѣздѣ, супруги тотчасъ же молча разошлись. Эленъ заперлась въ своемъ будуарѣ; баронъ же ходилъ сперва въ безпокойствѣ по кабинету, затѣмъ отобѣдалъ одинъ, и наконецъ, постучался въ дверь будуара. Но та осталась запертой и за ней было мертвое молчаніе. Тогда онъ вернулся въ кабинетъ, легъ на диванъ и сталъ съ ожесточеніемъ курить, пока наконецъ, не заснулъ тяжелымъ, но крѣпкимъ сномъ.

Въ теченіе этого времени, состояніе души Эленъ было ужасно. Гнѣвъ, отчаяніе и жажда мести боролись въ ней. То она хотѣла развестись, то думала создать мужу домашній адъ; но, съ одной стороны, скандалъ пугалъ ее; а съ другой—она боялась собственной слабости. Такъ что, подъ конецъ, положительно не знала, что ей дѣлать.

Какъ спасительный исходъ, явилась у нея мысль искать помощи

и совѣта у графини. Эленъ немедленно написала записку Варатовой и умоляла ее пріѣхать къ ней, такъ какъ она находится въ ужасномъ душевномъ состояніи и сама неспособна никуда выѣхать. Записку эту она отослала съ Сарой.

И графиня пріѣхала въ отвѣтъ на письмо.

— Боже мой! Что такое случилось?—спросила она, видя разстроенный видъ пріятельницы и цѣлуя ее.

Сердце Эленъ переполнилось. Обрывавшимся отъ волненія голосомъ повѣдала она Варатовой всѣ событія своей супружеской жизни, не исключая и ночной сцены послѣ ихъ свадьбы.

Ираида Антоновна, не прерывая, вдумчиво слушала ее, и когда та умолкла, покачала головой:

— Дорогая Эленъ! Я не одобряю вашего поведенія: съ самаго перваго дня оно было безразсудно. Криками, грубостью и упреками ничего нельзя достигнуть. Теперь позвольте указать вамъ, что если вы желаете сохранить свое женское достоинство, то вамъ остается только два выхода: окончательный разрывъ или полное молчаніе. Выборъ крайне важенъ и заслуживаетъ зрѣлаго обсужденія.

Публичные скандалы—являются всегда пагубными катастрофами для женщины и бросаютъ тѣнь на всю ея жизнь. Гораздо лучше избѣгать ихъ, по мѣрѣ силъ. Мое мнѣніе, что предпочтительнѣе—молчаніе, такъ какъ сдержанность—могущественная помощница, избавляющая насъ отъ порчи крови, желчи и волненій. «Слово—серебро, а молчаніе—золото», гласитъ справедливая народная пословица. Такъ какъ, говоря лишь, когда это нужно и предварительно поразмысливъ, мы высказываемъ только необходимое, въ доказательство того, что ужъ не такія мы простофили, не смотря на все наше кажущееся невѣдѣніе.

Не скажу, чтобы такая «гимнастика» чувствъ давалась легко, но она спасительна для обѣихъ сторонъ, въ виду того, что г.г. кавалеры привыкли грудью встрѣчать бури. Не думаете-ли вы, что мамзель Бланшетта выразитъ свое неудовольствіе въ молчанку? О, конечно, нѣтъ. Все, что попадется подъ руку, полетитъ въ голову виновнаго, и вѣроятнѣе всего, что подобная бомбардировка сопровождаться будетъ рукопашнымъ боемъ. Но то, что мужчина снесетъ отъ «погибшаго, но милаго созданія», онъ не стерпитъ отъ своей жены, какъ бы законенъ ни былъ ея гнѣвъ. А затѣмъ, дорогая Эленъ, все-же необходимо, чтобы мы чѣмъ-нибудь отличались отъ женщинъ этого сорта; хотя нужно примириться, что эти особы для мужчинъ драгоцѣннѣе, чѣмъ мы. И такъ, совѣтую вамъ простить. Прощайте

и прощайте всегда, даже и въ томъ случаѣ, когда въ душѣ вы не прощаете; а затѣмъ вѣрьте всегда тому, что говоритъ мужъ, хотя бы вы и знали, что онъ лжетъ.

— Но, вѣдь, вы совѣтуете мнѣ унизительное лукавство и позорное потаканіе недостойной лжи!—пробормотала Эленъ дрожавшими губами.

— Что дѣлать, дорогая моя! Безъ дипломатіи не проживешь, особенно въ супружествѣ,—со вздохомъ отвѣтила Варатова.—Повторяю: всегда нужно вѣрить тому, что говорятъ намъ мужья, и никогда не доискиваться истины, которая, сообразно обстоятельствамъ, претерпѣваетъ необходимыя измѣненія. Никогда не слѣдуетъ удивляться и доказывать невѣроятность плохо сшитаго разсказа; а лучше всего—ничего не знать и сохранять скромную сдержанность относительно отлучекъ мужа, которыя все равно трудно провѣрить. Когда насъ не приглашаютъ съ собой—будьте увѣрены, что это дѣлается для нашего же блага. Видите ли, дорогая моя: законныя жены черезчуръ стѣснительны, и ихъ нельзя всюду таскать за собой, какъ каторжникъ влачитъ свои кандалы.

Графиня улыбнулась, но горькой насмѣшкой дышала эта улыбка, а въ блестящихъ глазахъ ея свѣтилось строгое и презрительное выраженіе.

Эленъ поняла, что для проведенія въ жизнь этой нравственной дисциплины,—всегда прощать, притворяться, вѣрить и стушевываться, чтобы не стѣснять мужа собою, а затѣмъ жить своей, особой жизнью,—графиня должна была не мало выстрадать и подавить много благихъ стремленій и хорошихъ порывовъ.

— Сколько нужно борьбы, усилій и униженій, чтобы достигнуть условнаго мира и мнимаго счастья,—уныло пробормотала Эленъ.

— Не нужно ничего преувеличивать и надо брать жизнь такою, какова она—въ дѣйствительности. Въ нашей кажущейся слабости Господь даровалъ намъ, женщинамъ, драгоцѣнный талисманъ, высокое преимущество, подъ защитой которыхъ мы можемъ, не краснѣя и съ честью скрывать наши пораженія, раны, оскорбленную гордость, и, тѣмъ не менѣе, обезпечить себѣ признательность нашихъ мужей. Повторяю: эта слабость и, въ то же время защита, заключаются въ прощеніи. Предсказываю вамъ, что еще сегодня вечеромъ Евгеній Павловичъ будетъ умолять васъ о прощеніи, и вы должны помиловать его, какую бы злобу вы ни питали противъ него.

Берегитесь, Эленъ, отвергнуть его первое раскаяніе и не злоупотребите стыдомъ, тыкая ему въ носъ его позоръ; воздержитесь также выказывать ему равнодушіе и презрѣніе.

Для женщины—выгодно, если мужъ сознаетъ себя виноватымъ; но онъ долженъ чувствовать, что его любятъ, а также, что онъ можетъ разсчитывать на любовь и снисходительность законной жены. Это привязываетъ его къ дому и всегда возвращаетъ, рано или поздно, къ супружескому очагу. Еще сегодня баронъ будетъ обѣщать вамъ все и поклянется, что исправится...

— Глупа же я буду, если повѣрю ему!—съ досадой перебила Эленъ.

— Въ душѣ не вѣрьте, но наружно, такъ сказать, примите его обѣщанія, требуйте какъ можно менѣе доказательствъ его раскаянія и не ставьте никакихъ условій. Добровольно, изъ чувства благодарности за счастливый исходъ непріятнаго приключенія, онъ сдѣлаетъ больше и, вѣроятно, разстанется съ этой тварью. Ласки такихъ «дамъ» стоятъ дорого, а связи съ ними имѣютъ ту хорошую сторону, что бываютъ мимолетны. И кто знаетъ? Возможно, что баронъ будетъ даже очень доволенъ представившемуся предлогу спустить Клэрвальшу и переуступить ее другому.

Что же касается до нѣжныхъ выраженій въ запискѣ, такъ покоробившихъ и оскорбившихъ васъ, то ихъ не слѣдуетъ понимать буквально. Это—пошлыя, обычныя фразы, которыя, съ незначительными варіаціями, повторяются всякой новой любовницѣ. Ну, а подарки, въ такихъ случаяхъ, необходимы.

— Боже мой! Что за жизнь при вѣчномъ лицемѣріи и постыдной зависимости отъ человѣка, котораго ужъ больше не уважаешь, зная, что онъ предпочитаетъ вамъ какую-нибудь театральную фигляршу,—устало замѣтила Эленъ.

— Всякая жизнь сопряжена съ тяжелыми обязанностями и ставитъ человѣка въ зависимость отъ кого бы то ни было. Развѣ женщина, даже не замужняя, не зависитъ отъ своей семьи, состоянія и обстоятельствъ? А бѣдныя дѣвушки, работающія въ конторахъ, правленіяхъ разныхъ обществъ, или, служащія въ качествѣ гувернантокъ, мучаясь и изводясь за воспитаніемъ избалованныхъ недорослей,—развѣ не платятъ онѣ за свою мнимую независимость и кусокъ хлѣба массой непріятностей и жестокихъ униженій.

Благодарите Бога, Эленъ, что Онъ избавилъ васъ отъ наиболѣе тяжелыхъ испытаній въ жизни, и докажите Ему свою благодарность, честно исполняя свой долгъ и стараясь привязать къ себѣ, а не оттолкнуть сердце мужа.

— Но, какъ же достичь такого результата, когда мужъ избѣ-
гаетъ васъ и предпочитаетъ общество актеровъ, пѣвичекъ и отъяв-
ленныхъ шелопаевъ?

— Я и не говорю, чтобы это было легко! Именно такіе-то
«друзья»,— лѣнтяи и гуляки,—вся жизнь которыхъ проходитъ въ
безконечныхъ кутежахъ, и служатъ ядромъ заразы, будучи въ то же
время злѣйшими врагами честной женщины и семейнаго счастья.

Они предлагаютъ продажный женскій товаръ, отъ котораго хо-
тятъ избавиться, глумятся надъ простакомъ мужемъ-домосѣдомъ, по-
свящаютъ его во всю изысканность разгула и окончательно зара-
жаютъ, втискивая его въ грязное и мерзкое театральное болото. Въ
этомъ то, именно, распутномъ закулисномъ мірѣ, кишащемъ людьми
темнаго происхожденія, съ хамскими интересами и душой, и гибнутъ
окончательно наши мужья, братья и сыновья. Тамъ больше всего
облипаетъ ихъ вся театральная т л я: во-первыхъ, «дамы», такъ на-
зываемаго, п о л у - с в ѣ-т а, для которыхъ сценическіе подмостки
служатъ только выставкой, чтобы выгоднѣе торговать тѣломъ, и ко-
торыя жаждутъ быть княгинями и графинями или, по меньшей мѣрѣ,
прикрыть титуломъ замужней женщины свое пестрое прошлое; а во-
вторыхъ—г.г. лицедѣи, которые расталкиваютъ хорошее общество и
нагло втираются всюду, воображая, что «таланты» дѣлаютъ ихъ, и
въ самомъ дѣлѣ, равными всѣмъ.

Скажу больше: свѣтскіе люди, на свою бѣду попавшіе въ смѣ-
шанную театральную сферу, теряютъ всякій вкусъ къ порядочному
обществу. Не имѣя возможности ввести эту богему въ свои гостиныя,
они начинаютъ избѣгать своей среды, и тщетно выбиваешься изъ
силъ, доказывая, что такіе господа, прекрасные на сценѣ, вовсе не
компанія для истинно просвѣщенныхъ благородныхъ людей. Безум-
ное и слѣпое обожаніе актеровъ и актрисъ, это—болѣзнь вѣка, какая
то психопатія, заставляющая и мужчинъ и женщинъ опускаться и
положительно пресмыкаться передъ своими «кумирами», которые
взамѣнъ эксплоатируютъ и презираютъ ихъ.

Не стоитъ говорить о дамахъ, которыя бѣгаютъ за каждымъ
артистомъ, навязывая ему себя и преслѣдуя, несмотря на его грубыя
выходки. Но посмотрите, что дѣлается всюду, гдѣ эти «театральныя
дамы» играютъ какую-нибудь роль въ жизни общества, какъ, напри-
мѣръ, на балахъ и базарахъ, гдѣ онѣ продаютъ съ благотворительной
цѣлью; хотя ни одна уважающая себя женщина не ѣздитъ на эти
сборища. Кіоски, гдѣ царятъ «эти дамы», всегда окружены услужли-
выми кавалерами; около нихъ толпится цвѣтъ нашей арміи и бюро-

кратіи, и ни одна изъ насъ не бываетъ никогда окружена такими за-
ботами, любезностью и угодливымъ обожаніемъ, какъ эти «жрицы
искусства». Доказательствомъ этого служатъ наши базары, которые
всегда на половину пустуютъ и посѣщаются только тѣми, кто не мо-
жетъ уклониться отъ этого.

Время р ы ц а р с т в а, дорогая, давно миновало и безвоз-
вратно. Теперь уже не носятъ больше цвѣта выдающейся своими до-
бродѣтелью и красотой дамы, а состоятъ на посылкахъ какой-нибудь
потаскухи, прогремѣвшей наглостью и безстыдствомъ. Для исцѣленія
этой болѣзни времени, существуетъ только надежда на то, что «до-
стойная компанія» сама покажетъ себя въ истинномъ свѣтѣ и какою-
нибудь крупной мерзостью, сдѣланной своему свѣже-испеченному
«другу», отвратитъ его отъ себя и излечитъ отъ пагубнаго опьяненія
и увлеченія «знаменитостями». Такіе-то моменты и надо сторожить,
чтобы попытаться вернуть больному здоровье и разсудокъ.

Если вы поразмыслите обо всемъ этомъ, Эленъ, то поймете, что
наше общество, находящееся въ состояніи полнаго нравственнаго
распада, не можетъ производить такихъ мужчинъ, о какихъ мы
мечтаемъ, а затѣмъ благоразумно устроитесь, собразно обстоятель-
ствамъ.

— Да, я понимаю, что нужно вытравить изъ души всякое болѣе
теплое чувство, сдѣлаться равнодушною, и тогда уже можно примѣнять
ту с н и с х о д и т е л ь н о с т ь, о которой вы говорите. Вы счаст-
ливы, Ираида Антоновна, что уже достигли этой спасительной при-
стани.

— Вы хотите сказать, что я ужъ больше не люблю своего мужа?
Въ такомъ случаѣ, вы ошибаетесь: я очень люблю Всеволода. Онъ
добръ и деликатенъ въ семейной жизни; а затѣмъ, вѣдь, онъ—отецъ
моихъ дѣтей. Только я не создаю себѣ больше иллюзій и беру его
такимъ, каковъ онъ есть.

Видя слезы, струившіяся по щекамъ Эленъ, графиня нѣжно
обняла ее, вновь стала убѣждать успокоиться и быть снисходитель-
ной. Наконецъ Варатова уѣхала, разсудивъ, что лучше всего, если
Эленъ обдумаетъ ихъ разговоръ и приведетъ въ порядокъ свои
мысли.

Оставшись одна, Эленъ долго думала о сказанномъ ей Варатовой
и вывела заключеніе, что достаточно пяти или шести лѣтъ такой су-
пружеской муки, чтобы совершенно атрофировать ея внутренній
міръ. Графиня даже не замѣчала, какъ будто, что ея поведеніе про-
диктовано ей полнымъ равнодушіемъ, и воображала только, что лю-

бить мужа, а въ дѣйствительности не чувствовала больше ранъ, наносимыхъ ей имъ.

Эленъ припомнила всѣ случаи, когда видѣла Варатова вмѣстѣ съ женой. Оба были очень вѣжливы, любезны и предупредительны другъ къ другу. Это былъ образцовый союзъ, гдѣ избѣгались, повидимому, бурныя сцены, но гдѣ, въ то же время, мало одинъ о другомъ заботились, не имѣлось общихъ интересовъ и гдѣ никогда не изливались сердца. Вся любовь, какая еще жила въ душѣ Ираиды Антоновны, сосредоточилась на дѣтяхъ. Въ поэзіи и наукѣ искала она той пищи для сердца и ума, которой не давалъ ей домашній очагъ; а все остальное окуталось теплой сдержанностью.

И Эленъ стиснула руками голову. Такова была и ея жизнь. Но когда-то еще удастся ей достаточно дисциплинировать свою мятежную натуру и заглушить порывы своего страстнаго сердца, чтобы вести такую пассивную жизнь?..

Чувствуя утомленіе, Эленъ позвонила Сару и приказала ей перечесать себя на ночь, а затѣмъ, переодѣвшись въ пеньюаръ, легла на диванъ. На этотъ разъ она не заперла дверь на ключъ. Чувство невыразимой апатіи и даже равнодушія охватило ее; утреннее происшествіе казалось ей теперь менѣе трагичнымъ, но жизнь и будущее внушали полное отвращеніе.

Проснувшись около десяти часовъ, Евгеній Павловичъ, съ мрачнымъ видомъ и нахмуренными бровями, снова предпринялъ тяжелое паломничество къ будуару дражайшей половины, а открытая дверь внушила ему надежду, что буря стихаетъ.

Увидавъ Эленъ, лежавшую на диванѣ съ закрытыми глазами онъ подошелъ къ ней, сѣлъ на табуретъ и пробормоталъ, прижавъ къ губамъ руку жены.

— Прости, дорогая моя! Это было недостойное дурачество, но клянусь тебѣ, что оно не повторится больше.

Эленъ до такой степени погрузилась въ свои думы, что не слыхала шаговъ мужа, заглушенныхъ пухлымъ ковромъ. Выведенная неожиданно изъ своей задумчивости, она вздрогнула и выпрямилась. Наступила минута пустить въ дѣйствіе великіе двигатели мира супружества—прощеніе, притворную снисходительность и вѣру въ раскаяніе,—увы—мимолетное...

Горло ея сдавили кипѣвшія въ ней желчь и негодованіе за нанесенное оскорбленіе. Тѣмъ не менѣе она стерпѣла поцѣлуи мужа, молча выслушавъ объясненія и обѣщанія, которымъ не вѣрила.

Когда, наконецъ, Евгеній Павловичъ спросилъ, прощаетъ-ли она его, Эленъ коротко отвѣтила:

— Да.

Тонъ былъ неувѣренный, и она избѣгала взгляда барона; но, тѣмъ не менѣе, это «да» стоило ей бурнаго порыва нѣжности и самыхъ блестящихъ посуловъ.

За чаемъ и холоднымъ ужиномъ баронъ выказывалъ женѣ нѣжнѣйшее вниманіе; но Эленъ находилась еще подъ слишкомъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своего открытія, чтобы достойно оцѣнить это. Несомнѣнно, во время ежедневныхъ посѣщеній любовницы, онъ былъ еще любезнѣе и, во всякомъ случаѣ, искреннѣе...

Сославшись на нервную головную боль, Эленъ сказала, что желала бы лечь спать, съ чѣмъ Евгеній Павловичъ поспѣшилъ согласиться. Не смотря на то, что онъ былъ очень доволенъ счастливымъ окончаніемъ скандальнаго приключенія, будучи пойманъ, такъ сказать на мѣстѣ преступленія, баронъ чувствовалъ себя утомленнымъ, пережитымъ «непріятностями», а потому, едва успѣлъ лечь въ постель, какъ заснулъ сномъ праведника.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, за которымъ баронъ былъ просто очарователенъ, онъ объявилъ, что ему необходимо сегодня ѣхать на службу нѣсколько раньше обыкновеннаго.

— Онъ ѣдетъ мириться съ этой тварью и посмѣяться съ ней надо мною,—подумала Эленъ, и вся кровь прилила къ головѣ.

Увы, миръ душевный больше не существовалъ, да и довѣріе также умерло. Теперь въ каждой отлучкѣ мужа она будетъ предполагать измѣну, а въ каждомъ его словѣ—ложь. Боже, мой! Какъ будетъ она жить, терзаемая постоянно подозрѣніемъ и ревностью, или задыхаясь отъ злобы, которую приходится таить въ себѣ, и презрѣнія, которое нельзя бросить въ лицо тому, кто его вызвалъ. Предстоялъ такой адъ, что ей, съ минуту, даже смерть казалась предпочтительнѣе.

Часы безконечно тянулись для Эленъ. Сегодня ничто не развлекало ее: ни чтеніе, ни скульптура, ни болонка, ни ручная канарейка.

— Подлецъ!.. Лгунъ!.. Негодяй!—сорвалось съ ея устъ, когда она играла съ попугаемъ, и когда птица повторила: подлецъ, лгунъ негодяй, Эленъ невольно улыбнулась.

Вдругъ вспомнилось ей, что сегодня пятница и она обѣщала Иннѣ обѣдать въ этотъ день у нея. Хотя и было еще рановато, но она поспѣшно одѣлась и написала мужу записку:

«Если ты желаешь отобѣдать у пріятелей, то располагай време-

немъ, по своему усмотрѣнію. Я забыла тебѣ сказать, что сегодня обѣдаю у Инны и у ней же проведу вечеръ».

Надѣвъ шляпу, Эленъ испытующе оглядѣла себя въ зеркало. Неужели Бланшъ красивѣе ея? О, нѣтъ. Ей не хватаетъ только пикантнаго шика той и ея задорнаго цинизма.

У Инны Эленъ слегка развлеклась отъ угнетавшихъ ее мыслей. Свѣжая, жизнерадостная Инна поспѣшила пересказать ей массу свѣтскихъ сплетенъ.

Нѣсколько позже, когда хозяйка ушла распорядиться на счетъ обѣда, ходившая по будуару Эленъ увидѣла въ углу портретъ въ рамѣ, котораго не замѣчала раньше. Это была раскрашенная фотографія, изображавшая двухъ молодыхъ дѣвушекъ въ малороссійскихъ костюмахъ. Одна изъ нихъ, свѣжая и плотная, сидѣла на пнѣ и опиралась на грабли, а другая, нѣжная и стройная—держала въ передникѣ траву и цвѣты. Она была очаровательна; ея тонкое, дѣтское, съ лукавой усмѣшкой личико, освѣщенное большими ясными, веселыми глазами, казалось настоящимъ воплощеніемъ весны. Вѣнокъ изъ маргаритокъ, боярышника и незабудокъ, лежавшій на темныхъ волосахъ, и разноцвѣтныя бусы, украшавшія шею, восхитительно шли къ ней.

— Послушайте, Инна! Чей это портретъ? Стоящая дѣвушка очень похожа на Варатову.

— Да, это она и есть, только еще до замужества. Она и сестра Соня—большія пріятельницы. Когда мы жили въ Павловскѣ, онѣ снялись вмѣстѣ. Конечно, съ тѣхъ поръ бѣдная Ира сильно измѣнилась, очень похудѣла, и, кромѣ того, страдаетъ порокомъ сердца.

Эленъ еще съ большимъ вниманіемъ стала разсматривать портретъ. Да, это—дѣйствительно, была графиня. Только ужъ теперь большіе сѣрые глаза ея не смѣялись больше, ротъ принялъ строгое и энергичное выраженіе, а лицо вытянулось и какъ бы поблекло.

— Такою же буду и я черезъ нѣсколько лѣтъ, когда достигну виртуозности въ сложной гимнастикѣ притворства, вѣры и прощенія,—подумала Эленъ, и по лицу скользнула горькая, насмѣшливая улыбка.

Появленіе обожателя Инны и Сабурова дало иное направленіе ея мыслямъ.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Молодой гусаръ не терялъ время и усердно ухаживалъ за прекрасной баронессой. Такъ какъ онъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ, то его разговоръ понравился Эленъ, и она, подъ вліяніемъ волновавшаго ее чувства затаенной злобы на мужа,

была съ нимъ гораздо любезнѣе, чѣмъ это случилось бы при другихъ обстоятельствахъ. Красивый салонный левъ пустилъ въ ходъ всѣ обольщенія. Онъ мысленно видѣлъ уже себя побѣдителемъ добродѣтельной американки, какъ вдругъ, въ ту самую минуту, какъ собирались сѣсть за столъ, раздался звонокъ и въ гостиную вошелъ Евгеній Павловичъ. Баронъ извинился за смѣлость пріѣхать запросто къ ней обѣдать, и объяснилъ свой поступокъ тѣмъ, что чувствовалъ себя дома слишкомъ одинокимъ.

— А! Онъ хочетъ доказать мнѣ, что не поѣхалъ къ любовницѣ,—подумала Эленъ.—Какъ будто онъ не могъ за цѣлое утро найти время съѣздить къ ней.

Инна сдѣлала видъ, что очень обрадовалась пріѣзду барона, но, въ дѣйствительности, онъ смутилъ общее настроеніе, помѣшавъ своимъ присутствіемъ и разговоромъ бесѣдѣ обѣихъ паръ.

Не смотря на оживленный разговоръ, Сабуровъ былъ взбѣшенъ тѣмъ, что ему помѣшали на самомъ порогѣ побѣды; Инна съ Анатолемъ также чувствовали себя стѣсненными, а поѣздка на Стрѣлку не могла, конечно, состояться. Только послѣ того, какъ Инна шепнула гусару, что катанье лишь отложено, и обѣщала скоро устроить ему новое свиданіе съ Эленъ, лицо Сабурова прояснилось, и онъ горячо пожалъ руку Евгенія Павловича, когда тотъ уѣзжалъ съ женой, жаловавшейся на головную боль.

— Вотъ она, истинная дружба,—насмѣшливо подумала Эленъ, видя ихъ рукопожатіе. — Сабуровъ только и думаетъ, какъ бы наставить мужу рога, а тотъ—свернуть ему шею, въ случаѣ удачи.

Но мстивыя злоумышленія уже разсѣялись, и Эленъ съ отвращеніемъ думала, что выиграла бы она, смѣнявъ барона на гусара? Былъ ли бы болѣе вѣренъ этотъ пресыщенный повѣса, забавлявшійся борьбой дамъ изъ-за обладанія его особой и тянувшійся за замужней женщиной, чтобы только втоптать ее въ грязь, а затѣмъ, когда та надоѣстъ ему, смѣнить ее на какую-нибудь львицу полусвѣта. Своимъ безстыдствомъ и непостоянствомъ онъ превосходилъ даже барона. Право, ради него не стоило унижаться до паденія.

— И, вѣдь, я знала же все это!—съ тяжелымъ вздохомъ сказала себѣ Эленъ.—Въ моихъ лекціяхъ я обличала гадости мужчинъ, осуждала женщинъ, чувствовавшихъ любовь, и предписывала вымести изъ сердца, какъ негодную труху, ихъ угнетателей и измѣнниковъ. По холодной логикѣ, я думала, что достаточно презирать, чтобы быть свободной, и что уничтожить осуждаемое разсудкомъ чувство—сущіе пустяки... Оказалось, мнѣ надлежало на самой себѣ испытать,

что теорія и практика—не одно и то же, и что вырвать съ корнемъ это роковое чувство—операція, если и не смертельная, то достаточно опасная, чтобы изувѣчить того, кто ей подвергается.

Теперь Эленъ лучше понимала встрѣчавшихся въ убѣжищѣ мрачныхъ, молчаливыхъ и разсѣянныхъ женщинъ, которыя работали машинально и никогда не смѣялись, а между тѣмъ имѣли все: и уютъ, и честный заработокъ, и сбереженія. Логика же гласила, что онѣ могли бы быть веселы и счастливы. Не разъ даже Эленъ сурово считала ихъ неблагодарными къ Провидѣнію и подлыми за то, что онѣ жалѣли о прошломъ, которое заслуживало только презрѣнія. Теперь только сознала она, что эти нравственныя калѣки оставили на полѣ битвы клочья своей души, и что ихъ психическій организмъ сильно поврежденъ. Онѣ не жаловались, но въ нихъ угасъ интересъ къ жизни. И подобную же нравственную усталость, какъ и сестры общины, начинала испытывать и Эленъ. Ей хотѣлось бы перестать бороться и быть равнодушной, спокойной...

Подъ тяжестью этого новаго настроенія, вернулась Эленъ домой, и впервые еще почувствовала острую потребность уединенія.

XVI.

Съ этого дня супружеская жизнь Эленъ вступила въ новую фазу.

Мужъ пребывалъ нѣжнымъ и предупредительнымъ. Онъ, дѣйствительно, порвалъ съ Бланшъ, которая надоѣла ему въ сущности, а между тѣмъ одинъ изъ его «друзей» пожелалъ ее пріобрѣсти.

Баронъ возымѣлъ благое намѣреніе не заводить больше «связей»; но, какъ извѣстно, весь адъ вымощенъ благими намѣреніями. Не легко было красивому и богатому молодому человѣку, годами привыкшему къ свободной и разсѣянной жизни, окончательно порвать съ прошлымъ. Евгеній Павловичъ не считалъ даже большимъ грѣхомъ время отъ времени дѣлать незначительные надрывы своего супружескаго обязательства, лишь бы Эленъ ничего о нихъ не знала. Поэтому онъ принималъ всевозможныя предосторожности, чтобы скрыть свои маленькія «шалости». Оставаясь въ отношеніи жены нѣжнымъ и влюбленнымъ, онъ думалъ, что выполняетъ свой долгъ.

Въ то же самое время Эленъ употребляла всевозможныя усилія, чтобы проникнуться системой графини. Откровенную нѣжность она замѣнила сдержанной предупредительностью, которая должна была скрывать ея истинныя чувства; но эта личина не крѣпко держалась и постоянно съѣзжала, обнажая ревность, подозрительность и глухую озлобленность Эленъ, не вѣрившей больше мужу и всюду чуявшей измѣну. Часто, вслѣдствіе природной пылкости, у нея проскальзывали и обидныя слова.

Въ концѣ января пріѣхалъ Артемьевъ, и Эленъ замѣтила въ немъ глубокую перемѣну. Владиміръ Александровичъ сдѣлался молчаливымъ, задумчивымъ, избѣгалъ общество и углубился въ богословскую литературу, а также читалъ спиритическія и оккультныя сочиненія, трактующія о потустороннемъ мірѣ.

Онъ часто бывалъ у дочери, обѣдая или проводя у нея вечера, и упорно отказывался пріѣзжать, когда у той бывали гости. Артемьевъ былъ слишкомъ наблюдателенъ, чтобы не замѣтить, что отношенія между супругами измѣнились къ худшему, и что между ними установилась какая-то затаенная и враждебная натянутость, менѣе явная у Евгенія, но прорывавшаяся у Эленъ при каждомъ удобномъ случаѣ. То она была вызывающе холодна, то зло насмѣшлива, и подозрѣнія, внушаемыя ей мужемъ, бросались въ глаза.

Однажды вечеромъ отецъ съ дочерью сидѣли одни,—такъ какъ баронъ обѣдалъ у одного изъ товарищей,—и пили кофе въ будуарѣ молодой хозяйки.

Съ грустью и участіемъ наблюдалъ Артемьевъ тревожную нервность и мрачную озабоченность Эленъ. Наконецъ, прервавъ долгое и тягостное молчаніе, онъ взялъ ее за руку и нѣжно спросилъ:

— Что съ тобой, Эленъ? Ты несчастлива, это ясно; но питаешь-ли ты настолько довѣрія ко мнѣ, чтобы открыть все, что произошло между тобой и мужемъ.

— Случилось то, что надо было предвидѣть, а именно, что я не создана быть смиренной рабой. Но я охотно разскажу тебѣ все, что гнететъ меня. Развѣ ты не — единственное близкое мнѣ существо въ мірѣ?

Эленъ поднесла къ губамъ и поцѣловала руку отца.

— Благодарю, дорогая моя, за твою любовь, которой я такъ мало достоинъ. Но мнѣ кажется, что ты несправедливо исключаешь Евгенія изъ числа твоихъ близкихъ. Онъ, правда, легкомысленъ и любитъ пожить, но, въ сущности, малый честный и добрый. Если ты

сумѣешь съ любовью и терпѣніемъ руководить имъ, онъ конечно остепенится.

— На это очень мало надежды. Кромѣ того, Евгеній не любитъ меня такъ, какъ я того хочу, и какъ люблю сама, т. е. все или ничего! Временами я ему нравлюсь, но онъ ищетъ въ женѣ страстности, а не спокойной нѣжности. Конечно, благоразумнѣе всего намъ было бы разстаться.

— Эленъ, Эленъ! Что ты говоришь? Неужели ты можешь серьезно думать бросить свой постъ и разбить едва начавшуюся жизнь? Повѣрь, разлука сдѣлаетъ тебя вдвое несчастнѣе, такъ какъ ты любишь человѣка, котораго хочешь бросить.

На длинныхъ рѣсницахъ Эленъ заблестѣли слезы.

— Что же мнѣ дѣлать? Я потеряла къ нему всякое довѣріе, а примѣнить въ жизни снисходительность и самоотреченіе, которыя проповѣдуете ты и Варатова, мнѣ не удается. Я никакъ не подыщу надлежащій тонъ, и чувствую, что каждую минуту мой взглядъ и голосъ противорѣчатъ словамъ. Я только позорю себя.

Артемьевъ вздохнулъ.

— Правда, дорогое дитя мое, ты, дѣйствительно, не находишь тона, но это дастся тебѣ со временемъ.

Эленъ выпрямилась, и взглядъ ея вспыхнулъ, а щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Нѣтъ, папа!—прерывистымъ голосомъ заговорила она.—Только отвращеніе, ненависть и презрѣніе даются легко. Развѣ можетъ онъ вернуть мнѣ мой нарушенный покой? Можетъ ли онъ вознаградить меня за ежечасныя муки, мои страданія и терзающія адскія мысли? Былъ ли онъ когда-нибудь для меня тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, т. е. вѣрнымъ другомъ, который все дѣлилъ бы со мной? Я играла такую же роль, какъ и каждая изъ его новыхъ любовницъ, только съ тою разницею, что меня нельзя бросить и выгнать. Что же за жизнь, сотканная изъ вѣчныхъ невѣрностей и подозрѣній?!

Артемьевъ покачалъ головой и чуть замѣтная улыбка скользнула на лицѣ.

— Но тебѣ не слѣдуетъ быть до такой степени ревнивой, дорогая, и близко принимать къ сердцу всякую мимолетную глупость. Находясь въ такомъ мрачномъ настроеніи духа, ты, можетъ быть, воображаешь себѣ много такого, что и не существуетъ на самомъ дѣлѣ.

— Я воображаю?..

— Погоди и не горячись! Я предполагаю только, что ты можешь ошибиться. Ахъ, Эленъ! Отчего бы не позаимствовать тебѣ у Ираиды Антоновны чуточку ея уравновѣшенности и спокойствія.

— О! Какъ трофеи своей побѣды, она имѣетъ за собой шесть лѣтъ мученичества и серьезную болѣзнь сердца,—съ горечью возразила Эленъ.—Можетъ быть, черезъ шесть лѣтъ, если не умру раньше, или не разведусь, я тоже достигну равнодушнаго спокойствія и обживусь въ той тепленькой атмосферѣ, гдѣ супруги являются не болѣе какъ добрыми знакомыми. Варатовъ и жена почти—чужіе другъ другу, живя подъ одной кровлей, но не одной жизнью. Готова держать пари, что графиня сохраняетъ въ своей спальнѣ такую же вѣжливую сдержанность, какъ и въ гостиной, при чужихъ. Для Всеволода Дмитріевича, безъ сомнѣнія, хорошая сигара дороже жены, а между тѣмъ, кто больше заслуживаетъ любви и уваженія, какъ не эта чистая и очаровательная женщина, отличающаяся такимъ выдающимся умомъ?

— Правда, Варатова блещетъ глубокимъ и тонкимъ умомъ; но вмѣстѣ съ этимъ она соединяетъ спокойный темпераментъ и врожденную холодность. У нея не такое пылкое сердце и упрямая головка, какъ у моей милой дочки.

— Мнѣ кажется, ты ошибаешься, предполагая, что только холодность темперамента даетъ Ираидѣ Антоновнѣ ту власть надъ собой, которой мы восхищаемся. Разъ, когда я принялась было увѣрять, что стала совершенно равнодушной къ Евгенію, она съ улыбкой спросила: «Если баронъ не возвращается домой въ обычное время, вы смотрите на часы и спите плохо»? Когда я призналась, что «да», она прибавила: «Помните, милая моя, что когда вы перестанете слѣдить по часамъ за его уходомъ и возвращеніемъ, когда будете съ аппетитомъ обѣдать или ужинать и безъ него—только съ этихъ поръ вы можете поздравить себя съ выздоровленіемъ отъ той изнурительной лихорадки, которую называютъ ревностью». Такъ вотъ, надо было много перестрадать и много передумать, чтобы такъ тонко охарактеризовать эту тяжелую болѣзнь.

— Да, это сказано очень тонко и ѣдко. И все-таки я продолжаю утверждать, что графиня—натура холодная. Никогда не видалъ я въ ея глазахъ огня страсти.

— Въ такомъ случаѣ, ты никогда не видѣлъ ее съ дѣтьми. Тогда въ глазахъ ея свѣтится такое глубокое и горячее чувство, которое стоитъ всякой страсти.

— Можетъ быть, дорогая. Господь и тебѣ даруетъ маленькаго

ангела, на котораго будеть изливаться твоя любовь, а онъ займетъ тебя, оторвавъ отъ горькихъ и нездоровыхъ думъ, — замѣтилъ Артемьевъ, пожимая дочери руку.

Эленъ вспыхнула.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не желаю этого. Хорошее удовольствіе: нянчиться съ ребенкомъ, пока мнѣ будутъ наставлять рога. Кромѣ того, я вовсе не хочу имѣть сына, потому что ненавижу всѣхъ мужчинъ. Я не желаю производить на свѣтъ и воспитать однимъ тираномъ и негодяемъ больше. Еще менѣе стремлюсь я имѣть дочь. Я бы упрекала себя въ томъ, что дала жизнь обездоленному существу, котораго ничто не можетъ оградить отъ роковой любви; между тѣмъ, это предательское чувство, отдастъ ее, беззащитную, въ руки какого-нибудь развратника-эгоиста. А тотъ насмѣется надъ ней, искалѣчитъ ей душу и осудитъ ее на прозябаніе, исключительно, для исполненія назначенія матери и жены; иначе говоря, онъ сдѣлаетъ изъ нея страдалицу, очень полезную и совершенно безличную вещь, вродѣ кастрюли или пары сапогъ. Все это, можетъ быть, и возвышенно, но мало соблазнительно.

Эленъ нервно топнула ногой, и рука ея сжалась въ кулакъ.

— Какъ можетъ умная женщина, такъ узко смотрѣть на великіе вопросы жизни,—неодобрительно замѣтилъ Владиміръ Александровичъ.—Я же очень желаю, чтобы ты стала матерью, такъ какъ, при дурныхъ отношеніяхъ съ мужемъ, ты будешь чувствовать себя совершенно одинокой, когда я покину тебя.

— Ты покинешь меня! Зачѣмъ?—блѣднѣя, спросила Эленъ.

— Потому что чувствую настоятельную потребность въ уединеніи и размышленіи. Мнѣ хотѣлось бы искупить свое преступное прошлое, раскаяться и исправить прегрѣшенія свои передъ Богомъ, такъ какъ не могу загладить ихъ передъ умершей, которая дважды доказала мнѣ своимъ явленіемъ несомнѣнное существованіе загробной жизни; здѣсь же въ шумѣ свѣтскаго вихря, я не могу уединиться, какъ бы желалъ. И вотъ, чтобы вполнѣ посвятить себя раскаянію и молитвѣ, я рѣшилъ постричься въ монахи. Я уже выдержалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нѣчто въ родѣ послушанія въ одномъ изъ подмосковныхъ монастырей, куда и разсчитываю вступить.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это—безуміе; это—невозможно!—внѣ себя, пробормотала Эленъ.

— Да почему же? Мнѣ за пятьдесятъ лѣтъ, и я приближаюсь уже къ старости; а жалѣть мнѣ не о чемъ, потому что я осушилъ до дна кубокъ жизненныхъ наслажденій. Ясно, что нужно было Провидѣнію сурово поразить меня твоей рукой, чтобы спала повязка гордости и прошла ненасытная жажда наслажденій. Теперь, когда глаза мои открылись, я нахожу только справедливымъ посвятить молитвѣ и раскаянію остатокъ дней такого великаго грѣшника, какъ я, на совѣсти котораго лежитъ смерть самаго близкаго существа, да и твоя жизнь, отклонившаяся отъ естественнаго пути, вслѣдствіе моего преступнаго поведенія. Выросши въ отцовскомъ домѣ, ты была бы совсѣмъ другой, и тебѣ были бы менѣе тяжелы уступки, неизбѣжныя въ твоемъ настоящемъ положеніи.

— Нѣтъ, нѣтъ, папа. Ни въ чемъ не упрекай себя по отношенію ко мнѣ и только не покидай! Я не могу помириться съ мыслью видѣть тебя монахомъ. Это все равно, если бы ты умеръ!

Эленъ со слезами бросилась къ отцу на шею, покрывая его поцѣлуями.

— Ты хочешь, милая, заставить меня отказаться отъ намѣренія, которое уже сдѣлалось мнѣ дорогимъ. Клянусь, мнѣ невыразимо тяжело оставаться здѣсь, въ этомъ обществѣ, ставшемъ мнѣ ненавистнымъ.

— И не оставайся здѣсь. Уединеніе можно вездѣ создать себѣ, и всюду же можно предаться изученію и размышленіямъ, возвышающимъ духъ и расширяющимъ кругозоръ нашъ даже больше чѣмъ узкій, клерикализмъ монашеской жизни.

Я видѣла у тебя сочиненія по спиритизму и оккультизму. Изучай же эту увлекательную науку,—которая откроетъ тебѣ невидимый міръ и дастъ, можетъ быть, возможность войти въ прямыя сношенія съ духомъ мамы.

Искупать свои грѣхи и дѣлать добро ты можешь вездѣ, такъ какъ всюду горя и несчастья разлито въ изобиліи; ты можешь даже вести монашескій образъ жизни, не дѣлаясь подневольнымъ узникомъ, подчиненнымъ изнурительному режиму и умственнымъ ограниченіямъ, которые, я увѣрена, скоро сдѣлались бы тебѣ невыносимыми.

Выслушай, что я хочу предложить тебѣ. Уѣдемъ вмѣстѣ въ Бостонъ, и тамъ, въ центрѣ спиритуалистическаго движенія, ты найдешь сильнѣйшихъ медіумовъ, которые облегчатъ тебѣ изученіе потусторонней области. Если тебѣ противно жить въ городѣ, мы можемъ поселиться на моей хорошенькой дачкѣ, въ окрестностяхъ, похожей на маленькій замокъ, посреди большого сада. Тамъ ты найдешь даже прекрасную библіотеку, такъ какъ домъ этотъ выстроилъ

нѣкій занимавшійся магіей англичанинъ, котораго считали сумасшедшимъ. Когда прежній владѣлецъ умеръ, во время путешествія, я купила эту виллу со всей обстановкой. Ну, такъ что же? Соглашайся! Ты увидишь, какъ мы счастливо заживемъ тамъ. Я думаю, что и мама будетъ довольна, когда ты придешь помолиться на ея могилѣ,—закончила Эленъ обнимая отца и прижимаясь головой къ его щекѣ.

Растроганный, видимо, Артемьевъ прижалъ дочь къ своей груди. Въ словахъ ея много было правды. Конечно, его омраченная грѣхами и терзаемая угрызеніями совѣсти душа стремилась къ свѣту, и тысячи запросовъ толпились въ головѣ, но въ глубинѣ души онъ былъ слишкомъ вольнодуменъ, чтобы надѣяться найти рѣшеніе своихъ сомнѣній въ узкихъ рамкахъ монашеской жизни.

— Пусть будетъ такъ!—сказалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія.—Согласенъ на твою просьбу и отказываюсь отъ намѣренія постригаться въ монахи, но только на слѣдующемъ условіи. Въ настоящее время я одинъ уѣду въ Бостонъ, а ты дашь мнѣ обѣщаніе остаться на твоемъ посту и сдѣлать все добросовѣстно, чтобы сойтись съ Евгеніемъ и создать себѣ сносную жизнь. Если же, послѣ зрѣлыхъ размышленій, ты убѣдишься, что не можешь найти приличнаго modus vivendi, ты напишешь мнѣ—и тогда мы вмѣстѣ рѣшимъ, какъ поступать впредь.

Стукъ остановившагося у подъѣзда экипажа помѣшалъ ей отвѣтить, и она подбѣжала къ окну.

— Это Евгеній, — сказала Эленъ, взглянувъ въ окно. — Ну, я спасаюсь, папа! Скажи ему, что я уѣхала къ Варатовой. Это не будетъ даже ложью, такъ какъ я только перемѣню платье и, дѣйствительно, ѣду къ Ираидѣ Антоновнѣ, которая не совсѣмъ здорова. А ты оставайся у насъ: къ чаю я вернусь.

Пославъ отцу воздушный поцѣлуй, она выбѣжала, не дожидаясь отвѣта.

Нѣсколько минутъ спустя, въ комнату вошелъ баронъ.

— Какъ? Ты одинъ, Володя? Я думалъ, что съ тобой Эленъ, — сказалъ онъ, пожимая руку тестя.

— Она только что уѣхала къ Варатовой, которая, кажется, больна.

Евгеній Павловичъ бросился на диванъ и закурилъ сигару.

— Не понимаю, какое удовольствіе находитъ жена въ обществѣ графини. Мнѣ она противна своей напускной холодностью и

манерой на всѣхъ и все смотрѣть съ высока. Это какая-то чудачка, синій чулокъ, и вліяніе ея я не считаю полезнымъ для Эленъ!

— И ты не правъ. Было бы весьма желательно, чтобы Эленъ усвоила ея уравновѣшенность, спокойствіе и добрыя качества жены, которыя первый воспѣваетъ даже самъ графъ Всеволодъ.

— О! Она не стѣсняетъ—это совершенно справедливо, но за то они столько же интересуются другъ другомъ, сколько этотъ домъ—домомъ, на другой сторонѣ улицы.

— Вотъ уже одно изъ хорошихъ качествъ Ираиды Антоновны, и ты не можешь не согласиться съ этимъ. Но, каковы бы ни были причины, оставимъ графиню въ покоѣ и поговоримъ лучше о тебѣ.

Затѣмъ, положивъ руку на плечо зятя, Владиміръ Александровичъ прибавилъ:

— Я боюсь, что и твоя семейная жизнь не усѣяна розами.

— О розахъ нѣтъ и рѣчи,—сказалъ Евгеній Павловичъ, недовольнымъ жестомъ швыряя сигару.—Хотя мнѣ и тяжело говорить о твоей дочери, но у Эленъ, — такой характеръ, который можетъ истощить терпѣніе святого. Я положительно не знаю, какъ она представляетъ себѣ мужа? Чѣмъ-то вродѣ левретки, которую водятъ не иначе какъ на цѣпочкѣ, или какимъ-то паяцомъ, котораго дергаютъ за веревочку. Мужъ, по ея мнѣнію, долженъ быть пришитъ къ юбкѣ, и не имѣть иного занятія, какъ, восхищаться, ею обожать и за ней ухаживать, на подобіе жениха. Но лишь только я перестаю отвѣчать этому идеалу, сейчасъ же—скандалъ, слезы, упреки, дутье. Это цѣлый адъ, говорю тебѣ, и даровое развлеченіе для прислуги.

То она исчезаетъ, когда я прихожу, и оставляетъ меня одного обѣдать, а то, благодаря шпіонству и подозрѣніямъ, переселяется изъ спальни въ будуаръ—и опять сцены и сцены безъ конца.

Ты самъ понимаешь, что подобная жизнь невыносима. Я люблю Эленъ, и люблю очень сильно—даю тебѣ въ томъ слово,—но послѣ года супружеской жизни нельзя же вѣчно флиртовать! Это было бы крайне глупо въ интимной жизни, а она не хочетъ это понять; не хочетъ понять, что не могу же я перестать существовать, какъ отдѣльный индивидъ, не могу отказаться отъ всѣхъ своихъ знакомствъ.

— Конечно, все это преувеличенныя требованія. А скажи-ка откровенно, ты никогда не давалъ женѣ поводовъ подозрѣвать себя? Тебя никогда не накрывали съ поличнымъ?

Евгеній Павловичъ на минуту смутился.

— Да, съ моей стороны были провинности, но хуже всего—это одинъ проклятый случай!

И баронъ разсказалъ про свои отношенія къ Бланшъ Клэрваль, про давнее знакомство той съ Эленъ и про свой злополучный приходъ во время ихъ ссоры.

— Ну, какъ я могъ предполагать, что эта шлюха окажется подругой жены?—съ раздраженіемъ продолжалъ Равенсбургъ.—Вхожу—и трахъ! Я думалъ, что провалюсь сквозь землю, когда увидѣлъ Эленъ, съ моей запиской въ рукахъ, и валявшійся у ея ногъ—мой портретъ.

Владиміръ Александровичъ залился смѣхомъ.

— Дѣйствительно, положеніе твое было трагическое. Какъ же ты выпутался?

— Началъ съ того, что увезъ жену, а потомъ старался зачинить прорѣху. Эленъ лишь притворилась, будто простила меня, такъ какъ дальнѣйшее ея поведеніе доказало, что она затаила злобу, а меня подозрѣваетъ и ревнуетъ. О! Она ревнива, какъ турокъ! Иногда это бываетъ даже презабавно: хочетъ она выказать свое равнодушіе, а у самой глаза пылаютъ ревностью.

И баронъ разсмѣялся въ свою очередь.

— Въ минуты досады, я даже написалъ и положилъ въ карманъ пальто нѣсколько подозрительныхъ записокъ, которыя, понятно, исчезли, а любезная супруга наградила меня кислыми словами и нелестными намеками, навѣянными этой мнимой корреспонденціей.

— Вотъ ужъ это нехорошо, съ твоей стороны, другъ мой, подливать масла въ огонь, вмѣсто того, чтобы тушить его подъ пепломъ. Съ характеромъ Эленъ подобныя «шутки» могутъ скверно кончиться. Она вспыльчива, неуравновѣшена и, увы!—по моей винѣ получила очень странное воспитаніе. Тебѣ надо быть съ ней осторожнымъ и терпѣливымъ, а не дразнить ее.

— Клянусь тебѣ, я стараюсь остепениться, рано возвращаться домой, быть нѣжнымъ и предупредительнымъ, но ничто не помогаетъ. Моя единственная надежда, мое самое горячее желаніе— имѣть ребенка. Это все измѣнило бы въ корень бы и дало бы Эленъ спасительное занятіе.

Докладъ лакея о пріѣздѣ графа Варатова помѣшалъ Артемьеву отвѣтить.

Щегольски одѣтый и веселый, графъ пріѣхалъ звать Евгенія Павловича на пикникъ, программа котораго была такъ заманчива, что баронъ поддался соблазну, но Владиміръ Александровичъ отказался наотрѣзъ, вопреки настойчивымъ убѣжденіямъ обоихъ.

Пока Евгеній Павловичъ одѣвался, Артемьевъ справился о здоровьѣ графини, которая, какъ онъ слышалъ, была больна.

— О! У нея просто мигрень и легкая нервность,—беззаботно отвѣтилъ Варатовъ.

Эленъ нѣсколько задержалась въ своей комнатѣ и, ничего не подозрѣвая, хотѣла незамѣтно пройти коридоромъ черезъ людскія въ прихожую, какъ вдругъ ее остановилъ у двери шумъ голосовъ. Это ея мужъ и графъ, собиравшіеся ѣхать, разговаривали съ Артемьевымъ, стараясь соблазнить того имъ сопутствовать.

Съ досадой отвернулась Эленъ, спустилась по черной лѣстницѣ и уѣхала прежде, чѣмъ баронъ съ Варатовымъ успѣли выйти.

— Противные кутилы-мученики, соблазняющіе другъ друга и лишенные всякаго чувства порядочности и самоуваженія,—съ неудовольствіемъ пробормотала она.

Ираида Антоновна приняла Эленъ въ спальнѣ и лежа въ постели послѣ ванны.

— Простите, дорогая, что я безъ стѣсненій принимаю васъ, но я вамъ очень рада,—сказала она, пожимая гостьѣ руку и предлагая ей сѣсть.

Эленъ освѣдомилась объ ея здоровьѣ и, въ глубинѣ души, восхитилась красотой графини, совершенно искренно удивляясь, какъ можетъ графъ предпочитать ей всѣхъ тѣхъ пошлыхъ, продажныхъ тварей, которыя случайно попадались на его пути. И дѣйствительно, Ираида Антоновна казалась истиннымъ олицетвореніемъ породистаго изящества въ бѣлой шелковой рубашкѣ съ широкимъ кружевнымъ воротникомъ, съ пышными распущенными волосами, матовымъ цвѣтомъ тонкаго лица и съ антично-прекрасными руками.

— По вашему раздраженному взгляду я вижу, что у васъ случилось что-то новенькое,—сказала графиня, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, все то же. Мой владыка и повелитель отправился куда-то пировать съ вашимъ мужемъ, заѣхавшимъ за нимъ.

— Правда?

— А вы ничего и не знали?

— Нѣтъ. Я никогда не спрашиваю, куда мужъ ѣдетъ, и что онъ дѣлаетъ. Я не знакома съ его средой, такъ какъ она совершенно отличается отъ моей.

— А я такъ всегда спрашиваю у мужа, куда онъ ѣдетъ.

— Только знаете ли вы отъ этого больше?—съ улыбкой спросила графиня.

— Вы полагаете, что онъ лжетъ? Мнѣ самой это кажется, такъ какъ онъ часто ѣздитъ на извозчикахъ, для того, повидимому, чтобы кучеръ не выдалъ его.

— Вотъ видите! Повѣрьте мнѣ и послѣдуйте моему примѣру: не провѣряйте, не изслѣдуйте и не осложняйте то, что и такъ ужъ очень сложно, а главное, прощайте и прощайте всегда!

— Я стараюсь примѣнять на дѣлѣ вашу методу, но не могу сказать, чтобы чувствовала себя отъ этого лучше. Домашняя жизнь, полная лжи и лицемѣрія, когда нельзя излить свое горе и откровенно высказаться, — жизнь, вполнѣ лишенная сладкаго и горячаго чувства взаимности, —да, вѣдь, это настоящій адъ! Иногда мнѣ кажется, что смерть, даже добровольная, предпочтительнѣе такого существованія.

Графиня кивнула головой.

— Вы правы. Умереть легче, — чѣмъ жить. Но имѣемъ ли мы право располагать по своему произволу тѣмъ божественнымъ даромъ, который называется жизнью? Во всякомъ случаѣ м а т ь - с е м ь и сторожитъ, въ видѣ суроваго деспота, д о л г ъ, запрещающій ей покидать невинныхъ дѣтей на грубыя, наемныя руки или даже попеченіе отца, никогда не имѣющаго для нихъ времени. Сколь ни была несчастна ваша матушка, однако, она, не избрала смерть, а бодрствовала надъ вами и, конечно, желала бы пожить еще, чтобы только не оставлять васъ одну.

Не имѣя дѣтей, вы свободны располагать своей жизнью; но подумайте хорошенько, стоитъ ли изъ за мелочныхъ неудачъ, какъ горьки бы онѣ ни были, брать на себя отвѣтственность, и очень тяжкую, по ученію религіи и сообщеніямъ изъ потусторонняго міра.

Жизнь такъ коротка, такъ призрачна и съ такой головокружительной быстротой влечетъ насъ къ могилѣ, что, право, можно стать выше ея несчастій, съ покорностью и терпѣніемъ подчиняясь невѣдомому закону к а р м ы, — закону испытаній и искупленій, неизбѣжно переживаемыхъ нами въ каждомъ земномъ существованіи. И если удастся подняться, такимъ образомъ, если удастся преодолѣть строптивость плоти, то значитъ судьба побѣждена. А одержанная побѣда даетъ покой, и то, что вчера еще казалось намъ вопросомъ жизни и смерти, представляется уже затѣмъ сущими пустяками.

— Но... для такого подъема нужно отречься отъ всякаго человѣческаго чувства и все подавить въ себѣ.

— Да, если намъ надлежитъ быть подавленными, то мы и будемъ подавлены, потому что не имѣемъ силы противиться. Несо-

мнѣнно, подчиненіе неизвѣстнымъ и суровымъ, управляющимъ нами законамъ дается не легко. Сама я не всегда была такою, какою вы меня теперь узнали,—прибавила графиня.—Посмотрите-ка!

Съ грустной улыбкой откинула Ираида Антоновна свои темные волосы и показала на вискахъ многочисленныя серебристыя нити.

— Эта сѣдина представляетъ знакъ отличія за душевное мужество; а добывается она на полѣ жизненной битвы и заслуживается внутренней борьбой.

Въ первое время моихъ разочарованій, все существо мое изны-
вало подъ бременемъ незаслуженнаго униженія. Непокорная кровь
возмущалась и нашептывала мнѣ мщеніе; но мщеніе это было такъ
же низко и грязно, какъ и наносимое мнѣ оскорбленіе. Гордость удер-
жала меня, набросила густое покрывало на мою зіяющую рану и
сомкнула мнѣ уста, чтобы никто изъ недоброжелательныхъ пошлыхъ
прохожихъ не видѣлъ моихъ страданій. И вотъ, въ одинъ изъ такихъ
мрачныхъ часовъ, когда душа познаетъ свои силы, какой-то невиди-
мый нервъ въ моемъ сердцѣ оборвался. Вдругъ я сдѣлалась спокой-
ной и чувствовала себя точно очнулась послѣ изнурительнаго кош-
мара. Я больше не страдала, не возмущалась и не ненавидѣла Все-
волода, а, наоборотъ, любила, но это было уже не прежнее чувство.
Такъ все съ тѣхъ поръ и осталось. Я живу на моемъ посту, неуклонно
исполняя свои обязанности и ища рѣшенія загадокъ жизни—по-
нятно жизни оккультной, какъ истиннаго и вѣчнаго существованія
духа.

Графиня оживилась. На ея тонкомъ лицѣ выступилъ румянецъ воодушевленія и еще ярче блестѣли большіе глаза, въ которыхъ горѣлъ пламень чистой души.

Эленъ слушала, поникнувъ головой. Затѣмъ, пожавъ руку Варатовой, она съ горечью замѣтила:

— Вашъ благодатный покой—ничто иное, какъ апатія, прозябаніе непорченнаго растенія. И какъ ни одно изувѣченное существо не будетъ уже вполнѣ здоровымъ, такъ и разъ зачахшее сердце не можетъ быть вылечено. Остается только вопросъ: стоитъ ли труда влачить такое неудачливое существованіе, имѣя въ виду, что и въ будущемъ ничѣмъ помочь нельзя.

— Но, дорогая, вѣдь вы все это знали и все-таки рѣшились на замужество вполнѣ сознательно. Какъ проповѣдница «Рая безъ Адама», вы имѣли передъ глазами сотни разбитыхъ жизней, нашедшихъ въ вашемъ убѣжищѣ покой и даже чуточку счастья. И такъ

будьте мужественны и вѣрьте въ будущее, какъ это дѣлаю и я, несмотря на все.

Съ присущей деликатностью, графиня дала болѣе веселый оборотъ разговору, который мало-по-малу перешелъ на свѣтскія дѣла.

Ираида Антоновна оставила Эленъ пить чай, который былъ поданъ въ спальню, а когда баронесса уѣзжала, къ ней почти вернулось хорошее расположеніе духа и разстались онѣ въ еще болѣе теплыхъ, дружескихъ отношеніяхъ.

Но это хорошее расположеніе духа продержалось только до ея возвращенія домой. Отца уже не было, а Евгеній Павловичъ еще не возвращался. Когда Эленъ уныло проходила черезъ анфиладу комнатъ, пустыхъ и окутанныхъ полутьмой, ее охватило непріятное чувство, которое еще болѣе усилилось по приходѣ въ спальню, слабо освѣщенную ночникомъ. Всюду были тишина, пустота и мракъ—эмблема ея одинокой жизни.

Охваченная нервною дрожью, она приказала Сарѣ зажечь лампы на туалетѣ и въ будуарѣ. Затѣмъ, перемѣнивъ платье на бѣлый фланелевый пеньюаръ, она отпустила камеристку и прошла въ будуаръ, желая заняться чтеніемъ, такъ какъ спать ей еще не хотѣлось.

Но романъ, который она читала, скоро надоѣлъ ей. Бросивъ книгу, Эленъ задумалась о своемъ разговорѣ съ Варатовой, и чѣмъ больше размышляла она о словахъ графини, тѣмъ больше душа ея окутывалась, словно, какимъ-то сѣроватымъ сумракомъ...

Съ мечтами о любви было рѣшительно и навсегда покончено, а настало время понять дѣйствительность и сообразоваться съ ней. Заниматься удовлетвореніемъ ея любви оказалось скучнымъ и тяжелымъ, а потому она и ненужна, если можно развлекаться при меньшихъ затратахъ. Отъ нея требовали только, чтобы она не стѣсняла, не надоѣдала сценами, слезами и требованіями, и жила бы своей особой жизнью, притворяясь счастливой.

Тяжело вздохнувъ, выпрямилась Эленъ и, чтобы разсѣять томительныя мысли, рѣшила написать Нелли, на послѣднее письмо которой она еще не отвѣтила. Но она долго искала это письмо, чтобы перечесть, и стала перерывать всѣ ящики стола. Письма не оказалось и тамъ, но за то ей попались подъ руку сафьяновый футляръ и небольшой томикъ въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ.

Эленъ открыла футляръ и вынула изъ него маленькій револьверъ. Мрачнымъ взглядомъ смотрѣла она на лежавшее въ рукѣ смертоносное орудіе. Каждая изъ этихъ стальныхъ трубочекъ таила смерть, другими словами, свободу, конецъ тоски, ревности, стра-

даній оскорбленной гордости и всего того ада, который бушевалъ въ ней.

Впервые въ умѣ ея зародилась мысль о самоубійствѣ, привлекая ее къ себѣ, какъ огонь притягиваетъ бабочку. Такое быстрое рѣшеніе всѣхъ наболѣвшихъ вопросовъ соблазняло ея пылкій и отважный умъ. Однако, она поборола искушеніе, положила револьверъ обратно въ футляръ и подумала, бросая его въ столъ:

— Этотъ исходъ всегда у меня останется. И если «рай безъ Адама» — утопія, то «смерть безъ Адама» вполнѣ достижимая дѣйствительность.

Эленъ вернулась въ спальню и легла въ постель, но сонъ по прежнему бѣжалъ ея глазъ. Тогда она взяла найденную книгу. Это были философскія сказки, написанныя Варатовой и подаренныя ей авторомъ.

Эленъ любила манеру писанія графини и начала перелистывать книгу, разсматривая заставки, также нарисованныя авторомъ, а затѣмъ выбрала и начала читать одну изъ сказокъ, озаглавленную «L'Amour» (Любовь).

«Во всѣ времена люди стремились вступать въ сношенія съ небожителями и геніями, управляющими ихъ жизнью. Съ этою цѣлью они всегда пытались проникнуть въ сокровенныя убѣжища, гдѣ невидимо для глазъ смертнаго пребываютъ великіе дѣлатели, вдохновляющіе и влекущіе души или на высокіе подвиги, или на преступленія.

«Человѣческая душа, по имени Психея, готовилась покинуть небо, чтобы снизойти на землю и облечься въ тяжелую оболочку плоти. Она была женщина, и слѣдовательно—любопытна, а потому рѣшила, прежде чѣмъ покинуть свою небесную родину, тщательнѣе все осмотрѣть и испробовать, а главное — изучить сущность любви, которую всѣ должны испытать на землѣ, для достиженія блаженства, и которая чаще приноситъ однако горе, чѣмъ радости. Истинное понятіе объ этомъ странномъ и предательскомъ чувствѣ она хотѣла отнести своимъ земнымъ сестрамъ.

«И вотъ пустилась она въ путь, пробѣгая по всѣмъ направленіямъ радостныя и благоухающія райскія аллеи, обрамленныя цвѣтами. Прежде всего ея вниманіе привлекъ на себя громадный храмъ, воздушной и своеобразной архитектуры.

— Это храмъ искусствъ. Входи смѣло! Вѣдь и женщины допускаются туда, — отвѣтилъ на ея вопросъ маленькій херувимъ, сидѣвшій на порогѣ и игравшій цвѣтами.

будьте мужественны и вѣрьте въ будущее, какъ это дѣлаю и я, несмотря на все.

Съ присущей деликатностью, графиня дала болѣе веселый оборотъ разговору, который мало-по-малу перешелъ на свѣтскія дѣла.

Ираида Антоновна оставила Эленъ пить чай, который былъ поданъ въ спальню, а когда баронесса уѣзжала, къ ней почти вернулось хорошее расположеніе духа и разстались онѣ въ еще болѣе теплыхъ, дружескихъ отношеніяхъ.

Но это хорошее расположеніе духа продержалось только до ея возвращенія домой. Отца уже не было, а Евгеній Павловичъ еще не возвращался. Когда Эленъ уныло проходила черезъ анфиладу комнатъ, пустыхъ и окутанныхъ полутьмой, ее охватило непріятное чувство, которое еще болѣе усилилось по приходѣ въ спальню, слабо освѣщенную ночникомъ. Всюду были тишина, пустота и мракъ—эмблема ея одинокой жизни.

Охваченная нервною дрожью, она приказала Сарѣ зажечь лампы на туалетѣ и въ будуарѣ. Затѣмъ, перемѣнивъ платье на бѣлый фланелевый пенюаръ, она отпустила камеристку и прошла въ будуаръ, желая заняться чтеніемъ, такъ какъ спать ей еще не хотѣлось.

Но романъ, который она читала, скоро надоѣлъ ей. Бросивъ книгу, Эленъ задумалась о своемъ разговорѣ съ Варатовой, и чѣмъ больше размышляла она о словахъ графини, тѣмъ больше душа ея окутывалась, словно, какимъ-то сѣроватымъ сумракомъ...

Съ мечтами о любви было рѣшительно и навсегда покончено, а настало время понять дѣйствительность и сообразоваться съ ней. Заниматься удовлетвореніемъ ея любви оказалось скучнымъ и тяжелымъ, а потому она и ненужна, если можно развлекаться при меньшихъ затратахъ. Отъ нея требовали только, чтобы она не стѣсняла, не надоѣдала сценами, слезами и требованіями, и жила бы своей особой жизнью, притворяясь счастливой.

Тяжело вздохнувъ, выпрямилась Эленъ и, чтобы разсѣять томительныя мысли, рѣшила написать Нелли, на послѣднее письмо которой она еще не отвѣтила. Но она долго искала это письмо, чтобы перечесть, и стала перерывать всѣ ящики стола. Письма не оказалось и тамъ, но за то ей попались подъ руку сафьяновый футляръ и небольшой томикъ въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ.

Эленъ открыла футляръ и вынула изъ него маленькій револьверъ. Мрачнымъ взглядомъ смотрѣла она на лежавшее въ рукѣ смертоносное орудіе. Каждая изъ этихъ стальныхъ трубочекъ таила смерть, другими словами, свободу, конецъ тоски, ревности, стра-

даній оскорбленной гордости и всего того ада, который бушевалъ въ ней.

Впервые въ умѣ ея зародилась мысль о самоубійствѣ, привлекая ее къ себѣ, какъ огонь притягиваетъ бабочку. Такое быстрое рѣшеніе всѣхъ наболѣвшихъ вопросовъ соблазняло ея пылкій и отважный умъ. Однако, она поборола искушеніе, положила револьверъ обратно въ футляръ и подумала, бросая его въ столъ:

— Этотъ исходъ всегда у меня останется. И если «рай безъ Адама» — утопія, то «смерть безъ Адама» вполнѣ достижимая дѣйствительность.

Эленъ вернулась въ спальню и легла въ постель, но сонъ по прежнему бѣжалъ ея глазъ. Тогда она взяла найденную книгу. Это были философскія сказки, написанныя Варатовой и подаренныя ей авторомъ.

Эленъ любила манеру писанія графини и начала перелистывать книгу, разсматривая заставки, также нарисованныя авторомъ, а затѣмъ выбрала и начала читать одну изъ сказокъ, озаглавленную «L'Amour» (Любовь).

«Во всѣ времена люди стремились вступать въ сношенія съ небожителями и геніями, управляющими ихъ жизнью. Съ этою цѣлью они всегда пытались проникнуть въ сокровенныя убѣжища, гдѣ невидимо для глазъ смертнаго пребываютъ великіе дѣлатели, вдохновляющіе и влекущіе души или на высокіе подвиги, или на преступленія.

«Человѣческая душа, по имени Психея, готовилась покинуть небо, чтобы снизойти на землю и облечься въ тяжелую оболочку плоти. Она была женщина, и слѣдовательно—любопытна, а потому рѣшила, прежде чѣмъ покинуть свою небесную родину, тщательнѣе все осмотрѣть и испробовать, а главное — изучить сущность любви, которую всѣ должны испытать на землѣ, для достиженія блаженства, и которая чаще приноситъ однако горе, чѣмъ радости. Истинное понятіе объ этомъ странномъ и предательскомъ чувствѣ она хотѣла отнести своимъ земнымъ сестрамъ.

«И вотъ пустилась она въ путь, пробѣгая по всѣмъ направленіямъ радостныя и благоухающія райскія аллеи, обрамленныя цвѣтами. Прежде всего ея вниманіе привлекъ на себя громадный храмъ, воздушной и своеобразной архитектуры.

— Это храмъ искусствъ. Входи смѣло! Вѣдь и женщины допускаются туда, — отвѣтилъ на ея вопросъ маленькій херувимъ, сидѣвшій на порогѣ и игравшій цвѣтами.

«Съ любопытствомъ вошла Психея въ обширное зданіе, залитое лучезарнымъ свѣтомъ, гдѣ геніи, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, занимались работами, называемыми искусствомъ.

— Подойди, дочь земли! — сказали они, привѣтствуя ее съ улыбкой. — Женщина, какъ и мужчина, одинаково сопособна постичь чистое искусство и увѣнчать себя звѣздой геніальности.

«И они предоставили ей любоваться небесной красотой во всѣхъ видахъ. Опьяненная такимъ совершенствомъ и удрученная необходимостью покинуть Небо, чтобы спуститься на убогую землю, Психея излила въ гармоничныхъ порывахъ всѣ радости и свои земныя горести, свои сожалѣнія и тоску по небесной родинѣ. Затѣмъ взяла она кисть и постаралась набросать на эфирѣ образъ совершенной красоты. Съ улыбкой наблюдавшая за ней Живопись озарила ея произведеніе радужными лучами и вдохнула въ него жизненность. Затѣмъ геніи поэзіи и ваянія поцѣловали Психею—и на ея челѣ вспыхнула звѣзда небеснаго вдохновенія.

«Выйдя изъ храма искусствъ, Психея направилась къ обширной площадкѣ, обрамленной исполинскими деревьями, и здѣсь увидала шесть небольшихъ храмовъ, по три съ каждой стороны. Всѣ были украшены эмблемами, а снѣжная бѣлизна рѣзко выдѣляла ихъ на темномъ фонѣ густой зелени. Между этими храмами, въ глубинѣ, стояло удивительное сооруженіе, размѣрами своими превосходившее всѣ другія. Оно, казалось, было сдѣлано изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, а исходившіе снопы лучей отъ стѣнъ освѣщали, подобно солнцу, все вокругъ, но внутренность зданія была темна и тонула точно въ далекомъ сумракѣ.

— Это жилища семи добродѣтелей,—пояснилъ геній, сопровождавшій Психею.—Тамъ, направо, въ первомъ храмѣ обитаетъ Справедливость. Побывай сперва у нея.

«Съ почтительнымъ трепетомъ переступила Психея порогъ и низко склонилась передъ женщиной строгой красоты, сидѣвшей на каменномъ тронѣ. Взглядъ ея пронизывалъ словно огнемъ, а одѣяніе сверкало, какъ лучи свѣта.

— Приблизься, дочь земли, — сказала она металлическимъ голосомъ, возлагая руку на склоненную голову Психеи. — Я наполню умъ твой моимъ вѣяніемъ, чтобы ты могла справедливо судить ближняго. Но для использованія моего дара, безъ того, чтобы гнѣвъ не увлекъ тебя, или страсти не ослѣпили, иди просить моихъ сестеръ вооружить тебя дарами, которыми онѣ располагаютъ.

«Въ сосѣднемъ храмѣ Психея нашла Терпѣливость — кроткую

и нѣжную, съ грустнымъ взглядомъ. И та привлекла ее въ свои объятія.

— Подойди, чтобы я пропитала все твое существо моимъ вѣяніемъ. Ты — женщина, а потому больше другихъ будешь нуждаться во мнѣ на каждомъ шагу жизни. Терпѣливость — это девизъ женщины.

«Въ храмѣ рядомъ жила Воля. Блѣдный ликъ ея былъ строго прекрасенъ, уста—крѣпко сжаты, а взглядъ большихъ темныхъ глазъ неподвиженъ и непоколебимъ, какъ сама судьба. Одѣта она была въ тунику стального цвѣта.

— Всѣ дары безплодны, если не хватитъ силы воли приложить ихъ къ дѣлу, — сказала она мощнымъ голосомъ. — И такъ, дочь земли, научись х о т ѣ т ь, но хотѣть только добра.

«Она подняла руку и изъ нея брызнула молнія, огненной стрѣлой пронизывая мозгъ Психеи. И та почувствовала себя удивительно окрѣпшей. Затѣмъ Психея перешла на другую сторону лужайки и вступила въ одинъ изъ трехъ храмовъ, расположенныхъ тамъ. Нѣжный живительный свѣтъ исходилъ отъ него, и на порогѣ стояла молодая женщина съ такимъ кроткимъ пріятнымъ видомъ, что Психея почувствовала къ ней непреодолимое влеченіе. На груди этой женщины виднѣлось сердце, пылавшее кроваво-краснымъ огнемъ и трепетавшее, какъ живое.

«Женщина эта накрыла Психею полою своего плаща, отливавшаго розовыми и золотистыми лучами, и сказала:

— Я—Милость. Я надѣлю тебя участіемъ и желаніемъ помогать. Облекай порывомъ своего сердца всякое страждующее существо, какъ я осѣняю тебя своимъ плащемъ.

«Затѣмъ она взяла Психею за руку и повела ее къ сосѣднему храму.

— Я сама представлю тебя моимъ двумъ сестрамъ. Тамъ живутъ: Жертва и Прощеніе. Мы неразлучны, и тотъ, кто принимаетъ одну изъ насъ, долженъ принять и двухъ остальныхъ.

«Блѣдный сумракъ окутывалъ храмъ Жертвы,—нѣжной и прозрачной, съ неясными, воздушными очертаніями. Она витала надъ землей, поддерживаемая большими серебристыми крыльями, широкое сѣрое одѣяніе ея таяло, словно, въ окружавшемъ воздухѣ, а большіе голубые глаза были бездонны и непроницаемы, какъ океанъ въ минуту покоя.

— Я кажусь неосязаемой и безплотной, какъ паръ, который разсѣиваетъ порывъ вѣтра; а между тѣмъ, мое существо устойчивѣе

гранита, — сказала Жертва гармоничнымъ чуть глухимъ голосомъ.— Крылья мои легче дуновенія вѣтра, и, въ то же время, тверже стали; они переносятъ меня черезъ бездны и поднимаютъ надъ непреодолимыми, какъ будто, преградами. При всей моей кажущейся слабости, я сильнѣе моихъ сестеръ, которыя могутъ ослабѣть и пасть, сломленныя трудностями пути или отринутыя людскою неблагодарностью. Я же прохожу мимо всего этого, не видя и не чувствуя его, такъ какъ могу упиваться сладчайшимъ нектаромъ небеснымъ—самозабвеніемъ.

«И она протянула Психеѣ маленькую голубую, прозрачную, какъ кристаллъ, амфору, а когда та отпила изъ нея, то почувствовала себя легкою и сильною, какъ никогда. Съ сердцемъ, полнымъ вѣры и восторга, вошла она въ храмъ Прощенія. Встрѣтившая ее высокая и величественная фигура, съ глубокимъ и энергичнымъ взглядомъ, напомнила ей Волю.

— Узнай, дочь земли, что я представляю, такъ сказать, сводъ дѣятельности сестеръ моихъ, которыхъ ты посѣтила. Когда понята и изучена истинная суть Справедливости, Терпѣливости, Жертвы и Милости, тогда прощаются людскія слабости и ошибки. Все постичь —значитъ все простить. И такъ, дочь земли, примѣняй прощеніе во всѣхъ видахъ. Вникни въ мою сущность: я исцѣляю душевныя раны, ненависть, несправедливость и жестокость. Я попираю ногами семь смертныхъ грѣховъ, и они пресмыкаются передо мной, вопя отъ безсильной злобы, будучи скованы и отравлены страстями своими, надъ которыми я смѣюсь. Прощай — и будешь сильна! Раны, наносимыя тебѣ людьми, не будутъ зіять, и ты наполовину облегчишь бремя креста своего. Прощай, вѣрь, надѣйся—и ты будешь твердо подниматься по узкой и крутой тропѣ совершенства.

«Взволнованная Психея съ трепетомъ остановилась, наконецъ, передъ страннымъ и загадочнымъ зданіемъ, высившимся въ глубинѣ полянки. Тамъ собрались всѣ тѣ добродѣтели и геніи искусства, которыхъ она уже посѣтила. Психея замѣтила также, что входъ въ храмъ, вмѣсто дверей, былъ закрытъ завѣсою изъ невѣдомой доселѣ ткани. Она дрожала и колыхалась, представляясь то, какъ бы, сотканной изъ ослѣпительнаго свѣта, то изъ густого мрака. При каждомъ колыханіи завѣсы вѣяло чудное благоуханіе, становившееся затѣмъ рѣзкимъ и удушливымъ.

«Не менѣе разнообразны были звуки, доносившіеся изнутри зданія. Порою слышалась подлинно божественная музыка, словно гимнъ небесныхъ сферъ, а затѣмъ все сливалось въ бурный гулъ

нестройныхъ и душу раздиравшихъ звуковъ, похожихъ на стоны и вопли обезумѣвшихъ отъ ужаса и страданій безчеловѣчной пытки.

«Очарованную небесной гармоніей Психею влекло къ этому таинственному храму. Овладѣвшее ею безумное счастье заставило позабыть Небо, добродѣтелей и геніевъ, и она уже стала подниматься по ступенямъ, какъ вдругъ замерла и, въ испугѣ, попятилась: до ея слуха донеслись мучительные крики.

— Что это значитъ?—недоумѣвала она.

— Здѣсь живетъ Любовь. Это изъ ея храма несутся, какъ гимны счастья, такъ и этотъ разноголосный хаосъ,—отвѣтили добродѣтели и геніи.—Не переступай этого порога, Психея! Та, кто живетъ тамъ, не будетъ тебѣ ни подругой, ни покровительницей, а безпощадной противницей. Мы, мы вооружили тебя, украсили и дали поддержку въ жизни; она вступитъ въ борьбу съ тобой и подвергнетъ безмѣрнымъ страданіямъ, если ты неосторожно отвѣдаешь отравленное питье ея кубка. Едва ты вкусишь его, какъ ядъ наполнитъ все твое существо, и ты не пожелаешь больше жить безъ него. Слышишь крики? Это вопли ея жертвъ, такъ какъ на престолахъ ея сгораютъ не благовонія, а трепещущія истерзанныя сердца человѣческія.

«Психея слушала, дрожа всѣмъ тѣломъ. Эта двойственная тайна влекла ее къ себѣ и отталкивала. Но въ эту минуту снова раздалось божественное пѣніе и опьянявшее чувство блаженства объяло Психею, заставивъ ее позабыть все. Точно подхваченная волной, взбѣжала Психея по ступенькамъ, откинула прикрывавшую входъ завѣсу и очутилась сразу передъ алтаремъ всемогущей владычицы міра.

«Передъ очарованнымъ взоромъ Психеи, улыбаясь, возстала Любовь, увѣренная въ торжествѣ своемъ. Станъ ея озаренъ былъ словно багряными лучами восходившаго солнца, надъ челомъ исполинскій снопъ свѣта образовалъ вѣнецъ, а золотистыя кудри осѣняли гладкій лобъ, не обезображенный ни одной морщиной и не омраченный никакой заботой.

«Сіяющая улыбка блуждала на румяныхъ устахъ царицы *настоящаго*, для которой не существуетъ ни сомнѣній въ прошломъ, ни горя и разочарованій въ будущемъ, такъ какъ она допускаетъ только блаженство данной минуты. Протянувъ Психеѣ кубокъ, наполненный какою-то пурпурною влагой, Любовь взглянула ей въ глаза тѣмъ властнымъ взоромъ, противъ котораго не можетъ устоять ни одно живое существо, и сказала звучнымъ, гармоничнымъ голосомъ:

— Напрасно надѣешься ты, малая душа человѣческая, охранить свое сердце отъ пламени моего алтаря. Разъ ты здѣсь, у моихъ ногъ—ты погибла. Ни сомнѣніе, ни страхъ, ни страданіе не удержать тебя, и твои вѣчно жаждущія уста неустанно будутъ искать кубокъ, который таитъ въ себѣ наслажденіе небесное для того, кто можетъ утолять имъ жажду. Я—воплощеніе самаго могущественнаго двигателя вселенной. Съ атома и до архангела все преклоняется передо мной: на жертвенникахъ моихъ изливается сущность всякаго сердца, какъ самаго чистаго, такъ и самаго отвратительнаго, ибо я—подлинная суть жизни. Но счастье я дарю только тѣмъ, кто понимаетъ истинный смыслъ существа моего. Знай же, что я—и небо, и адъ! Вотъ мой кубокъ! Пей, если хватитъ мужества.

«Психея колебалась и трепетала, чувствуя, что не въ силахъ противиться. Ее неудержимо влекла къ себѣ великая, начертанная на челѣ Любви тайна, понятія о которой ей недоставало, не смотря на всѣ полученные уже ею дары. И прошедшее, и будущее изгладилось изъ ея души, объятой и покоренной чувствомъ настоящаго. Дрожавшей рукой схватила она и разомъ осушила до дна кубокъ,—всегда полный для того, кто впервые желаетъ его отвѣдать.

«Мгновенно Психея почувствовала себя вознесенной на крыльяхъ восторга и вся затрепетала отъ несравненнаго блаженства. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ угасалъ восторгъ, сердце ея переполнялось всѣми сомнѣніями, горечью и неутолимою жаждою, какими Любовь заставляетъ расплачиваться за краткій мигъ счастья.

«Съ болѣзненной мольбой простерла Психея руки къ опьяняющему напитку, стремясь утолить свою жажду, но кубокъ былъ пустъ для нея и уже больше не наполнялся. Психея умирала отъ жажды и изнывала отъ боли и тоски, смотря на Любовь, побѣдоносно и безстрастно стоявшую передъ ней.

«Вдругъ замѣтила она, что самовластная богиня какъ-то удивительно преображается. Черты лица ея, дышавшія гордостью и торжествомъ, стали гармоничными и спокойными; ослѣпительные цвѣта, благодаря которымъ трудно было на нее смотрѣть, пріобрѣли безконечно нѣжные тоны. Затѣмъ, лиловатая дымка, словно облакомъ окутала всю фигуру богини, скрывъ ее отъ Психеи и оставивъ видимой лишь поднятую руку съ золотой чашей. Но вотъ изъ глубины пустого кубка появилось маленькое свѣтлое существо съ розовымъ и нѣжнымъ тѣльцемъ, съ кудрявой головкой и синими, какъ барвинокъ, глазами. Съ обаятельной улыбкой протянула эта крошка къ Психеѣ свои пухленькія ручонки и робкимъ голосомъ пролепетала:

— Прими и полюби меня! Научи меня добродѣтелямъ, которыми тебя одарили. Сдѣлай изъ меня полезное существо, достойное имени человѣка, понимающаго истинный смыслъ словъ: любовь и долгъ.

«Позабывъ жажду, не помня уже, что кубокъ съ опьяняющимъ напиткомъ для нея пустъ, схватила Психея ребенка и прижала его къ своей груди. И снова теплый, живительный токъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу, и величавый покой вливался въ ея измученное сердце. Всякая злоба исчезла. Развѣ Любовь не заплатила ей за страданія безцѣннымъ даромъ? Развѣ не держала она въ объятіяхъ душу человѣческую, которую довѣрили ей, чтобы вести къ свѣтозарной цѣли совершенства? Теперь она жаждала только одного: достойно выполнить свое высокое назначеніе. Подъ вліяніемъ этого новаго и могучаго чувства, Психея ощутила, будто у нея выростали крылья и вся она наполнялась сверхчеловѣческой силой, чтобы блюсти довѣренное ей любви существо, помочь ему преодолѣть всякія препятствія въ жизни и оберегать его отъ опасностей.

«Появилась опять Любовь, но спокойная и уравновѣшенная. Психея, безъ горечи уже смотрѣвшая на пустой кубокъ, увидѣла, что Любовь дѣлалась больше и пріобрѣтала бѣлоснѣжный оттѣнокъ. Вѣнокъ изъ лилій украшалъ ея главу, придерживая розовое съ золотымъ отливомъ покрывало, которое, подобно огромной мантіи, пріютило множество различныхъ существъ, толпившихся у ея ногъ, начиная съ насѣкомаго и кончая человѣкомъ. Одни были здоровы, другія—изувѣчены и больны, но всѣ жались къ ней, ища тепла и свѣта, исходившаго отъ чуднаго видѣнія.

«Съ удивленіемъ замѣтила Психея, что и на ней самой былъ надѣтъ широкій и теплый плащъ, и что часть существъ, скопившихся у ногъ Любви, укрылась около нея. И вспыхнуло въ ней невыразимое чувство любви и сожалѣнія къ этимъ душамъ, отъ животнаго до человѣка, стоявшимъ на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы совершенства и проходившимъ тяжелый путь испытаній. Она наклонилась и обняла всѣхъ, между тѣмъ какъ слезы участія, горячія какъ огонь и сверкавшія какъ алмазы, катились изъ ея глазъ.

«Тогда Любовь протянула свой кубокъ, собрала эти слезы и сказала:

— Ты поняла теперь подлинный смыслъ моего существа. Опьяняющая, чувственная любовь скоропреходяща и смѣшана съ горечью, материнская любовь дала тебѣ крылья, а любовь ко всему

живому вызвала у тебя слезы, воспламенившіяся въ моемъ кубкѣ. Смотри! Онѣ пылаютъ безсмертнымъ огнемъ, который согрѣваетъ, но не сжигаетъ. Всѣ дары, которыми одѣлили тебя добродѣтели и геніи, остались бы мертвыми и безплодными силами, пока ихъ не оживило пламя истинной любви. Теперь иди на землю и проводи въ жизнь справедливость, милосердіе, самоотреченіе и прощеніе, одухотворяя ихъ любовью. Иди воспѣвать меня въ искусствѣ. Научи людей познавать и примѣнять сокровенную силу мою во всемъ, а я избавлю ихъ отъ горечи, таящейся на днѣ моего кубка!

«Молча и сосредоточенно вышла Психея изъ храма, гдѣ познала тайну жизни. Одной рукой она прижимала къ себѣ дитя, а въ другой несла кубокъ, въ которомъ горѣло, освѣщая ей путь, пламя любви къ человѣчеству.

«Вскорѣ очутилась она передъ ожидавшими ее добродѣтелями и геніями. Тутъ же два маленькихъ ангела держали большое зеркало изъ эфира, въ которомъ отражалась фигура Психеи, и она съ удивленіемъ увидѣла, что черные волосы ея побѣлѣли, какъ снѣгъ, и что окровавленный терновый вѣнецъ осѣнялъ ея главу багрянымъ сіяніемъ.

— Что это значитъ?—съ удивленіемъ пробормотала Психея.

— Это означаетъ торжество мудрой души, мужественно вынесшей земное испытаніе, съ его великими бѣдствіями и высокимъ самоотверженіемъ, и возвратившейся снова на свою небесную родину украшенной почтенной старостью и магическимъ вѣнцомъ, въ которомъ каждый драгоцѣнный камень свидѣтельствуетъ о побѣдѣ надъ собой,—отвѣтили свѣтлые небожители.

Затѣмъ, вручивъ Психеѣ пальмовую вѣтвь, они прибавили:

— Возьми этотъ послѣдній символъ и научи своихъ земныхъ сестеръ мистическому смыслу истинной любви, которую люди ищутъ, но не могутъ найти потому, что хотятъ они лишь пить изъ опьяняющаго кубка и, какъ слѣпые, проходятъ мимо великаго, лежащаго въ основѣ вселенной двигателя, который служитъ путеводнымъ свѣтомъ для души въ ея земныхъ испытаніяхъ...»

Эленъ медленно закрыла книгу и откинула голову на подушки. Горячія слезы струились по ея щекамъ, а душу наполнило острое, но лишенное мрачной горечи чувство.

Развѣ неправда все то, что она прочла? Не была-ли она счастлива, пока съ вѣрою и любовью работала на пользу человѣчества, и не проходила-ли равнодушно мимо великаго двигателя вселенной, пока не стала искать лишь удовлетворенія эгоистическаго желанія любить и быть любимой, а затѣмъ съ гордостью и гнѣвомъ требовать опьяняющаго напитка? Да, не будучи даже, подобно ей, докторомъ философіи, графиня гораздо лучше рѣшила великую задачу жизни...

XVII.

Дальнѣйшее время шло спокойно. Впечатлѣніе, произведенное на Эленъ философской сказкой, было настолько сильно, что заглушило болѣзненную ревность и внушило ей болѣе миролюбивыя чувства. Кромѣ того, отъѣздъ отца въ Америку занялъ ее и отвлекъ отъ мрачныхъ думъ. По этому поводу Эленъ вела дѣятельную переписку съ Нелли и со своимъ повѣреннымъ. Письмами и телеграммами она сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія, чтобы квартира въ Бостонѣ и вилла въ окрестностяхъ были готовы къ принятію Артемьева. Ей доставляло громадное удовольствіе принимать у себя отца, окруживъ его предупредительностью и вниманіемъ. Кромѣ того, она снабдила также Владиміра Александровича письмами къ мистриссъ Оливеръ и кое къ кому изъ извѣстныхъ спиритовъ, прося тѣхъ свести отца съ правдивыми медіумами, достаточно сильными, чтобы дать ему возможность войти въ сношенія съ невидимымъ міромъ.

Въ концѣ марта Артемьевъ уѣхалъ, и при отъѣздѣ было рѣшено, что осенью молодая чета пріѣдетъ въ Бостонъ, гдѣ проведетъ съ мѣсяцъ.

Въ первыхъ числа мая Равенсбурги переѣхали на лѣто въ Петергофъ. Добрыя отношенія между супругами продолжались, хотя порою и не безъ нѣкоторой натянутости. То они были нѣжны и влюблены, какъ въ первые дни свадьбы; а то, благодаря какому-нибудь пустому подозрѣнію, взволновавшему Эленъ, обращеніе ея съ мужемъ становилось сдержаннымъ. Тѣмъ не менѣе, она не хотѣла распускать себя, и поэтому общій тонъ оставался дружескимъ, а набѣгавшія тучи довольно скоро разсѣивались.

Таково было положеніе, какъ вдругъ неожиданный случай нарушилъ доброе согласіе и опрокинулъ всѣ благоразумныя рѣшенія Эленъ.

Былъ іюль въ началѣ. Однажды Евгеній Павловичъ пріѣхалъ

къ обѣду видимо чѣмъ-то озабоченный, а за дессертомъ объявилъ. что вслѣдствіе полученнаго утромъ письма отъ матери вынужденъ уѣхать въ Парижъ недѣли на двѣ.

— Необходимо привести въ порядокъ нѣкоторыя семейныя дѣла. Я ѣду сегодня же вечеромъ и постараюсь вернуться какъ можно скорѣе. Ввиду спѣшности и утомительности такой неожиданной поѣздки, я не могу, дорогая, взять тебя съ собой, какъ бы мнѣ хотѣлось,—прибавилъ баронъ, цѣлуя жену.

Тѣнь подозрѣнія мелькнула въ умѣ Эленъ. Но она знала, что мать мужа, овдовѣвшая послѣ второго брака съ какимъ-то французомъ, проживала за границей, и хотя была въ натянутыхъ отношеніяхъ съ сыномъ, тѣмъ не менѣе представлялось возможнымъ, что она потребовала его для устройства какого-нибудь семейнаго дѣла.

На этомъ Эленъ успокоилась, и лично наблюдала за укладкой вещей, а затѣмъ проводила мужа на вокзалъ, гдѣ супруги нѣжно простились, обѣщавъ часто писать другъ другу, не смотря на краткость разлуки. Вечеромъ, раздѣвая ее, Сара разсказала, что баронъ получилъ телеграмму, страшно взволновавшую его, а видѣла она все это черезъ окно, выходящее на улицу. Баронъ возвращался съ прогулки и лично принялъ телеграмму, которую тотчасъ же вскрылъ. Кромѣ того, Сара вручила Эленъ небольшую найденную на коврѣ связку ключей, которую баронъ потерялъ, вѣроятно, спѣша переодѣваться въ дорогу.

Подозрѣнія Эленъ проснулись и она начала повсюду искать телеграмму, пока наконецъ не нашла ее въ столѣ мужа среди массы бумагъ, видимо поспѣшно перерытыхъ. Содержаніе этой депеши было вовсе не таково, чтобы успокоить ее.

«Ж. по утру разрѣшилась отъ бремени дочерью. Состояніе ухудшается. Желаетъ видѣть и довѣрить вамъ ребенка. Спѣшите. Живетъ только ожиданіемъ.

Бертенъ».

Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Эленъ упала въ кресло. Голова у нея кружилась, а горе и ревность мучительно сжали сердце.

Такъ вотъ она правда!.. Не мать, а любовница вызывала, этого лгуна и измѣнника Эленъ ни минуты не сомнѣвалась, что «тяжелая» болѣзнь была выдумана негодяйкой, которая пользовалась предлогомъ, чтобы заставить пріѣхать безхарактернаго любовника и заинтересовать его своимъ ублюдкомъ.

Кто знаетъ? Можетъ быть черезъ двѣ недѣли или черезъ мѣ-

сяцъ супругъ привезетъ мать и дочь въ Петербургъ и будетъ за спиной жены наслаждаться отцовскими радостями.

Эленъ овладѣлъ такой гнѣвъ, что въ одно мгновеніе ока рухнули всѣ ея добрыя намѣренія о согласіи, прощеніи и терпѣніи. Нѣтъ! Не желаетъ она больше ни прощать, ни терпѣть такое гнустное издѣвательство. Она отомститъ и навсегда разстанется съ такимъ негодяемъ.

Вмѣсто того, чтобы глупо томиться въ его ожиданіи, она уѣдетъ въ Бостонъ къ отцу. Тамъ, въ Америкѣ, она будетъ у себя и сумѣетъ защититься!

Поглощенная своимъ гнѣвомъ и планами мщенія, Эленъ на слѣдующій же день переѣхала въ городъ и поспѣшно стала готовиться къ отъѣзду. Въ три дня она все привела въ порядокъ и уложилась, рѣшивъ ѣхать съ вечернимъ поѣздомъ.

Въ ея распоряженіи оставался еще весь день. Чтобы какъ-нибудь убить эти мучительно-тоскливые часы, Эленъ рѣшила съѣздить проститься къ Варатовой, которую не видѣла около мѣсяца, такъ какъ по слухамъ графъ былъ тяжко боленъ.

Ираида Антоновна жила въ Дудергофѣ—подлѣ Краснаго Села, гдѣ стоялъ въ лагерѣ полкъ ея мужа. Эленъ знала ея адресъ и извозчикъ подвезъ ее къ большой изящной дачѣ, окруженной тѣнистымъ садомъ.

Не далеко отъ входа, на залитой солнцемъ площадкѣ, ей встрѣтились дѣти, игравшія подъ надзоромъ гувернантки. Эленъ перецѣловала дѣтей и спросила, дома ли графиня? Тутъ она узнала, что жизнь графа подвергалась опасности и въ теченіе десяти дней онъ былъ на волоскѣ отъ смерти, а графиня безъ устали ухаживала все время за нимъ, такъ что боялись, какъ бы она не слегла. Но теперь все шло хорошо, и вотъ уже нѣсколько дней какъ докторъ позволилъ вывозить выздоравливавшаго въ креслѣ на террасу.

Эленъ поблагодарила гувернантку за предложеніе доложить о ней, сказавъ что сама найдетъ дорогу къ дому, виднѣвшемуся сквозь зелень, и затѣмъ задумчиво пошла по боковой аллеѣ.

Приближаясь къ дому, Эленъ увидѣла въ просвѣтъ между деревьями просторный балконъ, обтянутый холстомъ. На большомъ, удобномъ креслѣ съ колесами сидѣлъ графъ. Одѣтъ онъ былъ въ домашнюю военную тужурку, и ноги его были закрыты плюшевымъ покрываломъ. Графъ страшно измѣнился и осунулся, но его худое лицо свѣтилось тѣмъ радостнымъ покоемъ, какой замѣчается на лицахъ больныхъ, избѣжавшихъ смерти.

Стоя у кресла, Ираида Антоновна отсчитывала капли въ рюмку съ водой, которую затѣмъ подала мужу. Тотъ принялъ лекарство и, обнявъ жену, поцѣловалъ ее.

Съ тяжелымъ вздохомъ покинула Эленъ свой наблюдательный постъ и вышла на широкую аллею, ведущую прямо къ террасѣ. Графиня тотчасъ же замѣтила ее и сбѣжала къ ней на встрѣчу.

Хозяйка и гостья сердечно расцѣловались. Эленъ замѣтила Ираидѣ Антоновнѣ, что она очень блѣдна и имѣетъ крайне утомленный видъ, а графиня съ перваго же взгляда прочла на пасмурномъ лицѣ пріятельницы, что случилось нѣчто очень тяжелое. Однако, она удержалась отъ расспросовъ и дружески отвѣтила:

— Да, я еще утомлена безсонными ночами и, главное, пережитой тревогой. Но теперь, слава Богу, все идетъ хорошо, и скоро намъ съ Всеволодомъ вернется нашъ прежній видъ.

Войдя на террасу, Эленъ пожала руку графа и поздравила его со счастливымъ выздоровленіемъ.

— Если я избѣжалъ смерти, которая уже держала меня за воротъ, то обязанъ этимъ исключительно самоотверженію жены,—отвѣтилъ тотъ, прижимая къ губамъ руку Ираиды Антоновны.

Во взглядѣ, который онъ бросилъ на жену, свѣтилось столько любви и благодарности, что Эленъ никогда не повѣрила бы, что этотъ великосвѣтскій повѣса способенъ на такое горячее и глубокое чувство.

— Да, сами доктора говорили, что при такой болѣзни самое главное уходъ,—продолжалъ онъ,—и что только благодаря графинѣ они были въ состояніи спасти меня. Я вдвойнѣ признателенъ женѣ, тѣмъ болѣе, что къ стыду моему, совсѣмъ не стою такой преданности и самоотверженія со стороны Иры.

— Самъ видишь, что стоишь. Иначе, я бы не приложила столько старанія сохранить тебя въ живыхъ,—отвѣтила съ улыбкой Варатова, ласково проводя рукой по головѣ мужа.

Поговоривъ еще о болѣзни графа и намѣреніи его взять отпускъ для леченія заграницей, Ираида Антоновна справилась о здоровьѣ Евгенія Павловича и не заѣдетъ-ли онъ сегодня за женой.

— Нѣтъ, я пріѣхала одна, чтобы проститься, такъ какъ сегодня вечеромъ уѣзжаю въ Бостонъ къ отцу,—отрывисто сказала Эленъ.

— Когда же вы думаете вернуться?

— Не знаю, можетъ быть никогда,—съ натянутой усмѣшкой отвѣтила Эленъ.

Варатовы удивленно переглянулись.

— Если это не шутка, баронесса, то какъ относится баронъ къ этому проекту?—замѣтилъ графъ, полусмѣясь, полусерьезно.

— Баронъ въ Парижѣ и, какъ кажется, по дѣламъ чрезвычайной важности. Поэтому я здѣсь совершенно лишняя.

— Не слишкомъ ли вы рѣшительны въ подобной оцѣнкѣ путешествія мужа? Его мать живетъ заграницей, а потому возможно, что къ ней-то именно и призвалъ его долгъ? Впрочемъ, дамы всегда очень подозрительны и склонны къ поспѣшнымъ заключеніямъ,—замѣтилъ Всеволодъ Дмитріевичъ.

— Вы такъ думаете? Могу увѣрить васъ, графъ, что присутствія Евгенія Павловича въ Парижѣ требуютъ болѣе нѣжныя и интересныя обязанности, чѣмъ сыновній долгъ,—насмѣшливо отвѣтила Эленъ.

— Впрочемъ,—продолжала она, и губы ея сильно дрожали,—я не мѣшаю ему исполнять его обязанности, каковы бы онѣ ни были, и только считаю лишнимъ разыгрывать здѣсь смѣшную роль. А для того, чтобы взаимно не мѣшать другъ другу, я раздѣляю насъ океаномъ.

— Ай, ай, ай, баронесса, какая вы увлекающаяся и несговорчивая,—и графъ покачалъ головой.—Вы недостаточно любите мужа, потому что истинная любовь—гораздо снисходительнѣе.

— О! Бракъ и есть та именно школа, въ которой разучаются любить. А такъ какъ я—натура цѣльная, и хочу все или ничего, то не желаю питаться крошками или чѣмъ-то вродѣ полупрохладнаго участія, продиктованнаго долгомъ.

— Но что же вы будете дѣлать тамъ, въ Америкѣ?

— Буду ухаживать за отцомъ и опять примусь за свои занятія въ общинѣ «Рай безъ Адама». Теперь я могу говорить съ полнымъ знаніемъ дѣла о сомнительномъ счастьи замужества и преимуществахъ нашего пріюта.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ приходомъ дѣтей и завтракомъ, поданнымъ на убѣжища.

Вставъ изъ-за стола, графиня сказала, что хочетъ поговорить съ глазу на глазъ съ пріятельницей и, придвинула къ мужу столикъ съ журналами, а денщику велѣла никуда не отлучаться и быть къ услугамъ графа.

Будуаръ графини, обитый розовымъ кретономъ и убранный цвѣтами, представлялъ очаровательный уголокъ. Въ немъ тоже былъ небольшой, выходившій въ садъ балконъ, гдѣ и устроились Варатова съ гостьей.

— Теперь, исповѣдуйтесь: что такое у васъ произошло?—сказала графиня, усаживая Эленъ и крѣпко пожимая ей руку.

Когда та кратко разсказала все случившееся, Варатова замѣтила послѣ непродолжительнаго раздумья:

— Правда, видимыя улики свидѣтельствують, какъ будто, противъ Евгенія Павловича, а все-таки не хорошо, что вы осуждаете его, не выслушавъ. Ваше лекарство еще хуже самой болѣзни; потому что, не смотря на все, мужа вы любите, а между тѣмъ сами осуждаете себя на добровольную разлуку.

— Нѣтъ, нѣтъ, я больше не люблю его! Разлука—это наилучшее средство, чтобы поскорѣе забыть мое глупое заблужденіе—желаніе найти то, чего не сыскать, а именно, истинную любовь и супружеское счастье при условіяхъ, созданныхъ, чтобы это чувство погасло.

Графиня покачала головой.

— Вы сами себя обманываете, Эленъ, думая, что потухло чувство, связывающее васъ съ барономъ, и горько пожалѣете объ этомъ, когда уже будетъ поздно. Сердце, видите-ли, очень не послѣдовательный владыка: я испытала это на самой себѣ.

Еще нѣсколько недѣль тому назадъ, думая о возможности смерти Всеволода, я была убѣждена, что въ такомъ случаѣ испытаю только тихую грусть, такъ какъ любовь, нѣкогда имъ внушенная, умерла окончательно. Что же случилось въ дѣйствительности?

Когда мужъ заболѣлъ и доктора объявили его въ безнадежномъ положеніи, явилось,—сама не знаю откуда,—чувство, болѣе могучее, чѣмъ прежняя страсть. Самая мысль, что Всеволодъ умретъ, стала для меня жестокою казнью!

Причудливъ—механизмъ сердца человѣческаго! Оказалось, что въ минуту потери забывается все дурное и всѣ обиды, а живыми остаются только добрыя воспоминанія о часахъ счастья и согласія.

И вотъ дни и ночи просиживала я у постели Всеволода въ смертельной тоскѣ, молясь и прислушиваясь къ его слабому дыханію. Жизнь безъ него казалась мнѣ пустой и безцѣльной, какой-то мрачной бездной.

За это тяжелое время я уразумѣла правдивый судъ царя Соломона, повелѣвшаго разрубить на двое ребенка, котораго оспаривали другъ у друга двѣ матери. И настоящая мать предпочла отдать его, лишь бы онъ остался живъ. Такое же чувство испытала и я, предпочитая сохранить Всеволода живымъ со всѣми его слабостями и непостоянствомъ, чѣмъ жить безъ борьбы и жертвъ, но отдавъ его

могилѣ. Въ такія минуты въ насъ дѣйствуетъ неизвѣстная и неизвѣданная сила, передъ которой мы вынуждены только преклоняться...

Ваша же матушка можетъ служить вамъ доказательствомъ истины моихъ словъ. Конечно, у нея не было недостатка ни въ гордости, ни въ чувствѣ собственнаго достоинства; а между тѣмъ, несмотря на всѣ нанесенныя вашимъ отцомъ раны, она жаждала снова видѣть его, слышать его голосъ и умереть подлѣ него. Безъ сомнѣнія, ея смерть ускорила эта удовлетворенная сердечная тоска.

Поэтому-то я и повторяю вамъ, не сжигайте своихъ кораблей, не уѣзжайте и не осуждайте себя добровольно на адъ. Надо быть твердо увѣренной, что любовь окончательно умерла, чтобы отважиться на подобный разрывъ. Плывя противъ теченія, можно легко обезсилѣть и утонуть.

Эленъ опустила голову.

— Я разсчитываю на свою волю и гордость, чтобы съ корнемъ вырвать такое недостойное чувство,—сказала она послѣ минутнаго молчанія.—Впрочемъ,—и глаза ея вспыхнули мрачнымъ огнемъ,—если мнѣ суждено пасть и я не найду больше р а я «безъ Адама», мнѣ останется еще одинъ исходъ, это—с м е р т ь «безъ Адама»!

Графиня даже отшатнулась, въ испугѣ.

— Какъ могла зародиться у васъ такая скверная мысль? Разумѣется, гораздо легче умереть, чѣмъ жить и исполнять свой долгъ, но тѣмъ горячѣе должны вы молиться Богу, чтобы Онъ избавилъ васъ отъ такой кощунственной смерти!

Ираида Антоновна прошла въ спальню и принесла оттуда небольшую серебряную икону на лентѣ, которую и надѣла на шею Эленъ.

— Этотъ образокъ три дня покоился на чудотворной иконѣ Божьей Матери близъ Стекляннаго завода,—сказала она, обнимая гостью.—Царицѣ Небесной поручаю я васъ, и надѣюсь, что Она направитъ васъ и внушитъ вамъ не играть своей судьбою, какъ это сдѣлала бѣдная Инна.

— А что же случилось съ ней? — спросила взволнованная Эленъ, тоже цѣлуя графиню.

— Вчера ко мнѣ заѣзжала ея сестра Лиза и разсказала, что вся семья въ ужасѣ отъ случившагося скандала. Инна поѣхала съ теткой мужа въ Ниццу, гдѣ влюбилась въ какого-то тенора и бѣжала съ нимъ въ Америку. Анна Ивановна чуть не помѣшалась, получивъ объ этомъ телеграмму, и съ тѣхъ поръ все лежитъ въ обморокахъ, такъ какъ Николай Львовичъ объявилъ, что потребуетъ развода.

Часъ спустя, Эленъ простилась съ Варатовыми и вернулась въ Петербургъ. До отъѣзда у нея въ распоряженіи оставалось еще нѣсколько часовъ. Сдѣлавъ послѣднія приготовленія, она бросилась въ кресло и предалась тяжелымъ мыслямъ.

Думала она объ Иннѣ, которая такъ же сожгла свои корабли, хотя конечно совсѣмъ иначе, потому что опозорила себя. Но, во всякомъ случаѣ, ея жизнь была разбита. Семья, никогда не проститъ ей публичнаго скандала и отвернется отъ нея, а она со временемъ будетъ искать можетъ быть пріюта въ убѣжищѣ «Рай безъ Адама»...

А вотъ Варатова гораздо лучше рѣшила трудную задачу жизни. Въ глазахъ графа Эленъ видѣла выраженіе такой любви и благодарности, что эти чувства ужъ, разумѣется, больше не угаснутъ, даже если онъ снова поддастся прежнимъ слабостямъ. И кто знаетъ? Можетъ быть графиня сохранитъ этого мужа, отвоеваннаго ею въ силу своего умѣнья любить и прощать.

Тяжело вздохнувъ, Эленъ сжала голову обѣими руками. Сердце ея давило точно клещами и слезы подступили къ горлу. Она проворно встала и, какъ мятущаяся душа, принялась бродить по пустыннымъ комнатамъ. Каждый уголокъ тутъ былъ полонъ для нея воспоминаній и всюду виталъ образъ мужа. Въ эту минуту съ ней свершилось чудо, о которомъ говорила Ираида Антоновна: всѣ продѣлки барона поблѣднѣли, уступивъ мѣсто лишь однимъ хорошимъ минутамъ.

Остановилась Эленъ и замерла передъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ стоялъ большой портретъ барона. Она прижала его къ груди и разразилась рыданіями. Въ эту минуту, съ подавляющей силой явилось сознаніе о непоправимости шага, который она дѣлала. Никогда ужъ больше она не услышитъ его звонкаго, беззаботнаго смѣха и не увидитъ его темныхъ глазъ, взглядъ которыхъ свѣтился лукавствомъ и любовью, смотря на нее. Да и что она будетъ дѣлать тамъ, одна, внѣ тѣхъ повседневныхъ хлопотъ, душою которыхъ бывалъ мужъ?..

Нѣтъ, графиня была права. Она слишкомъ любила, чтобы уѣхать, и съ ея стороны было безуміемъ подвергать себя такимъ страданіямъ. Она останется...

Это рѣшеніе сразу успокоило ее. Она уже протянула руку къ звонку, чтобы остановить отправку вещей,—но рука ея тотчасъ же опустилась.

Осрамить себя передъ прислугой и Варатовыми, признавшись, что она такъ постыдно побѣждена? Нѣтъ, никогда! И Эленъ съ яростью стала внушать себѣ, что—глупо навязываться человѣку,

который тяготится ею и будетъ очень радъ вернуть себѣ свободу. Она старалась увѣрить себя, что въ этихъ самыхъ комнатахъ будутъ, вѣроятно, устраиваться попойки и поселится другая женщина, передъ которой ея измѣнникъ-мужъ будетъ расточать тѣ же коварныя рѣчи и любовные взгляды...

Эленъ такъ взвинтила себя, что прежняя рѣшимость къ ней вернулась и продержалась вплоть до Гамбурга. Но, когда она очутилась на пароходѣ и берегъ исчезъ изъ глазъ, все это искусственное возбужденіе сразу опало, уступивъ мѣсто мрачной апатіи. Съ острою болью убѣдилась она, что душа ея оставалась позади, на той далекой землѣ, которую она покинула. Что скажетъ Евгеній, когда вернется и найдетъ домъ пустымъ? Вѣдь, она уѣхала, не оставивъ ему ни слова на прощанье, ни объясненія своего поступка. Захочетъ ли онъ примириться? Или, подъ вліяніемъ полученнаго оскорбленія, просто согласится на разводъ, который она собиралась требовать?

Пока все это происходило въ Петербургѣ, Евгеній Павловичъ былъ заваленъ въ Парижѣ массою непріятныхъ дѣлъ, такъ какъ на этотъ разъ онъ былъ совершенно невиненъ, и подозрѣнія жены не имѣли никакого основанія. Баронъ, дѣйствительно, пріѣхалъ для устройства щекотливаго семейнаго дѣла—дѣла настолько тяжелаго, что онъ не могъ рѣшиться разсказать Эленъ эту печальную и позорную исторію.

Къ великой его досадѣ, обстоятельства осложнились. Видя, что ему невозможно вернуться къ назначенному сроку и зная подозрительную ревность жены, онъ открылъ ей часть истины. Наконецъ, дѣло уже подходило къ концу, и онъ собрался уѣзжать, весьма обезпокоенный неполученіемъ отвѣта отъ жены, какъ вдругъ пришло письмо отъ управляющаго, въ которомъ тотъ извѣщалъ объ отъѣздѣ баронессы.

Извѣстіе это, какъ громомъ, поразило Евгенія Павловича. Онъ никакъ не могъ понять причину неожиданнаго отъѣзда жены. Можетъ быть заболѣлъ Артемьевъ, и она поѣхала къ нему? Но, въ такомъ случаѣ, отчего не извѣстила она его телеграммой? Онъ тотчасъ же бы послѣдовалъ за ней. Или, можетъ быть, ее возмутили какія-нибудь ядовитыя сплетни?..

Крайне встревоженный, мчался баронъ на слѣдующій же день въ Петербургъ, а по пріѣздѣ туда и вовсе голову потерялъ, когда онъ узналъ, что Эленъ уѣхала четыре дня спустя послѣ него, не сказавъ куда ѣдетъ и не оставивъ ни слова объясненія.

Евгеній Павловичъ до такой степени былъ взволнованъ и сму-

щенъ, что ему не пришло даже въ голову телеграфировать Артемьеву. Зато онъ вспомнилъ о дружбѣ жены съ Варатовой. Узнавъ еще отъ лакея, что въ день отъѣзда баронесса ѣздила въ Красное Село, Равенсбургъ рѣшилъ ѣхать къ Ираидѣ Антоновнѣ. Можетъ быть ей извѣстна истина насчетъ этого таинственнаго бѣгства?

Графиня особенно привѣтливо приняла барона, такъ какъ тотчасъ же замѣтила по его лицу, что онъ былъ нервенъ и взволнованъ. Всеволодъ Дмитріевичъ уѣхалъ по дѣламъ и долженъ былъ вернуться только къ обѣду.

Когда они остались одни на террасѣ, баронъ, почти безъ всякихъ предисловій, поставилъ вопросъ, приведшій его сюда, и послѣ минутнаго раздумья Варатова откровенно разсказала ему все, что знала о мотивахъ отъѣзда Эленъ.

Евгеній Павловичъ воспылалъ гнѣвомъ. Послѣ нелестнаго эпитета женѣ, онъ въ краткихъ словахъ объяснилъ истинную причину своей поѣздки, и прибавилъ, что съ подобной сумасшедшей самое лучшее, это—развестись.

— Какъ можно такъ горячиться, баронъ!—замѣтила Ираида Антоновна, беря его за руку.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, это было бы несправедливо, такъ какъ именно недостатокъ откровенности и набросилъ на васъ тѣнь, которая подтверждала какъ будто подозрѣнія Эленъ. Но все это пустыя недоразумѣнія, которыя очень легко разсѣять. Если желаете, вотъ вамъ мой совѣтъ: поѣзжайте къ женѣ въ Бостонъ и объясните ей истину, щадя, однако, ея щепетильную гордость и возбужденные нервы.

Ваше присутствіе будетъ самымъ лучшимъ лекарствомъ для уязвленнаго сердца Эленъ, такъ какъ она страстно любитъ васъ, въ чемъ не отдаетъ себѣ отчета. Разлука, несомнѣнно, выяснитъ ей всю силу ея чувствъ, одиночество дастъ ей время успокоиться, а вашъ видъ докончитъ ужъ остальное. Я твердо увѣрена, что осенью вы оба вернетесь къ намъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Кроткій и убѣдительный голосъ графини и ея чистый, дружескій взглядъ успокоительно подѣйствовали на потрясенные нервы Евгенія Павловича. Впервые почувствовалъ онъ истинную симпатію къ Варатовой, которая всегда раздражала его своей сдержанностью и строгимъ спокойствіемъ.

— Благодарю, графиня, за ваши добрыя и примирительныя слова,—сказалъ онъ, цѣлуя руку Ираиды Антоновны.—Но согласи-

тесь, что ревность Эленъ и ея послѣдняя выходка переходятъ всѣ границы позволеннаго.

— Не отрицаю того, что любовь вашей жены чуточку эгоистична и ревнива, но въ этихъ маленькихъ недочетахъ много виновато ея странное воспитаніе. А все-таки, она питаетъ къ вамъ чистое, цѣльное, глубокое чувство и за такой даръ можно многое простить.

— Ахъ! Когда-то она сдѣлается такою какъ вы?—со вздохомъ замѣтилъ Евгеній Павловичъ.

— Очень скоро, если вы сумѣете вернуть ей душевное равновѣсіе и покорите ее своею любовью,—съ доброй улыбкой отвѣтила графиня.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь обѣдать съ нами,—прибавила она, когда баронъ сталъ прощаться.—Вы не въ такомъ настроеніи, чтобы быть въ обществѣ, а оставаться одному съ вашими мыслями тоже не годится.

Евгеній Павловичъ съ благодарностью принялъ приглашеніе и еще разъ сознялъ благотворное вліяніе спокойной и деликатной натуры графини.

Къ обѣду вернулся графъ. Онъ совершенно оправился, и баронъ съ удивленіемъ замѣтилъ, насколько измѣнился тонъ между нимъ и его женой. Теперь, это были не чужіе, вѣжливо выносившіе другъ друга люди, а любящіе друзья. Баронъ невольно слегка позавидовалъ Всеволоду Дмитріевичу, который, несмотря на свои шалости и уклоненія съ прямого пути, достигъ все же добраго согласія и гармоніи, благодаря любви и терпѣнію своей жены.

Послѣ обѣда, когда хозяинъ съ гостемъ гуляли по саду, Евгеній Павловичъ замѣтилъ со вздохомъ:

— Счастливъ ты, Всеволодъ, что имѣешь такую жену. Она не броситъ тебя изъ-за пустого подозрѣнія.

Любовь и гордость блеснули въ глазахъ графа.

— Да, я очень счастливъ и не стою сокровища, которымъ обладаю. За всѣ эти годы я не цѣнилъ Ираиду и причинялъ ей много горя, а ея молчаливое терпѣніе считалъ равнодушіемъ. Только ея заботы, безсонныя ночи и неослабная преданность, во время моей тяжкой болѣзни, отрезвили меня, и я со стыдомъ спросилъ себя, что она теряетъ во мнѣ—безудержномъ кутилѣ, который, и болѣзнь эту самую заполучилъ на пикникѣ, когда, разгоряченный, хватилъ замороженнаго шампанскаго.

Однажды ночью бредъ прекратился, но я чувствовалъ, что умираю. Увидѣвъ съ тоской склонившуюся надо мной Иру, я спросилъ

ее: ты меня жалѣешь? Развѣ ты не будешь довольна избавиться, наконецъ, отъ такого забулдыги, какъ я? Она мнѣ отвѣтила и слова ея я никогда не забуду:—Нѣтъ, нѣтъ, живи такимъ, каковъ ты есть! Кути сколько хочешь, только не оставляй меня!—И она со слезами поцѣловала меня.

Но я далъ себѣ клятву сдѣлаться другимъ человѣкомъ, если Господь даруетъ мнѣ жизнь, такъ какъ понялъ, что меня любили истинной и безкорыстной любовью, а мое сердце наполнилось признательностью и угрызеніями совѣсти за прошлое.

Евгеній Павловичъ вздохнулъ. Ему очень хотѣлось бы знать, любитъ ли Эленъ его такъ же, какъ графиня любила своего мужа. Правда, у нея не было столько терпѣнія, какъ у Варатовой; тѣмъ не менѣе, онъ почувствовалъ такое желаніе снова увидѣть жену, что рѣшилъ ѣхать, какъ только получитъ отпускъ.

Послѣ довольно спокойнаго переѣзда, Эленъ прибыла вечеромъ въ Бостонъ Когда она увидѣла городъ, который покинула полная горделивыхъ надеждъ и увѣренная въ самой себѣ, ее охватило жгучее чувство горечи. Она считала себя тогда неуязвимой, жалѣла свою мать за чувство любви къ недостойному человѣку, и строго осуждала то же самое чувство, какъ постыдную слабость, у пріютившихся въ убѣжищѣ женщинъ; а теперь сама возвращалась, потерпѣвъ жизненное крушеніе и терзаемая любовью, которую осуждала ея гордость, но которую она была не въ силахъ изгнать изъ сердца.

Пристыженной и униженной Эленъ казалось невозможнымъ поселиться въ убѣжищѣ. Поэтому она взяла извозчика и прямо отправилась къ себѣ въ домъ, куда Сара должна была привезти багажъ.

Она разсчитывала застать Нелли, занимавшую нѣсколько комнатъ въ ея квартирѣ, но привратникъ, пораженный ея неожиданнымъ пріѣздомъ, заявилъ, что миссъ Синклэръ уже нѣсколько дней какъ живетъ въ общинѣ, гдѣ серьезная болѣзнь мистриссъ Оливеръ вызвала большое волненіе.

Не смотря на огорченіе, причиненное этимъ грустнымъ извѣстіемъ, Эленъ почувствовала своего рода облегченіе при мысли, что никого не увидитъ въ этотъ вечеръ, когда ей особенно хотѣлось побыть одной.

Съ мрачнымъ видомъ задумчиво шла она по комнатамъ, носившимъ печать запустѣнія; мебель была закрыта чехлами, картины и зеркала затянуты холстомъ, а статуи, цвѣты, бездѣлушки, занавѣси, портьеры и ковры исчезли. Только ея спальня и будуаръ находились

въ обычномъ порядкѣ, согласно ея желанію. Очевидно, Нелли наблюдала за этими комнатами, чтобы пріятельница, въ случаѣ неожиданнаго пріѣзда, могла найти себѣ пріютъ.

Войдя въ свою свѣжую и роскошную спальню, обтянутую бѣлымъ шелкомъ, съ блѣдно-голубой мебелью и зеркалами, украшенными фарфоровыми гирляндами цвѣтовъ—столь тонкой работы, что лишь на ощупь можно было убѣдиться въ ихъ искусственности—Эленъ ощутила чувство довольства. Еще больше обрадовалась она, когда прибѣжала горничная Нелли, зажгла электричество, а въ будуарѣ подала чай и ужинъ.

Все здѣсь говорило о спокойной тишинѣ ея дѣвической жизни, и ничто не напоминало ей объ Евгеніи, такъ какъ въ то время онъ еще не существовалъ для нея; хотя глухая боль и тайная тоска ясно давали знать, какое мѣсто теперь занималъ онъ въ ея жизни.

Во время ужина Эленъ спросила горничную, извѣстно ли ей, что подѣлываетъ ея отецъ, и здоровъ ли онъ? Та отвѣтила, что родственникъ ея, служившій садовникомъ на виллѣ, разсказывалъ, что мистеръ Артемьевъ ведетъ крайне уединенную жизнь, по утрамъ катается верхомъ и почти нигдѣ не бываетъ, а чаще всего принимаетъ извѣстнаго медіума Лакруа. Изъ прислуги при немъ состоитъ камердинеръ, привезенный имъ изъ Россіи, да поваръ, жена котораго присматриваетъ за хозяйствомъ. Вообще онъ чувствовалъ себя хорошо и дважды навѣщалъ миссъ Синклэръ по дѣламъ благотворительности. Значитъ, въ этомъ отношеніи, Эленъ могла быть спокойна. Отецъ ея былъ здоровъ и отдался интересовавшему его спиритизму, а потому она имѣла полную возможность заниматься исключительно сама собой.

Не смотря на усталость, она приказала позвать послѣ чая управляющаго и дала ему всѣ необходимыя указанія, чтобы привести домъ въ порядокъ, такъ какъ она разсчитывала жить въ городѣ. Тишина и уединеніе виллы страшили ее; а къ тому же, устройство заново городской квартиры поможетъ ей убить время.

На слѣдующій день Эленъ отправилась на виллу и, узнавъ что ея отецъ дома, безъ доклада прошла къ нему.

Артемьевъ занималъ комнаты, гдѣ нѣкогда жилъ англичанинъ-оккультистъ, и строго готическій стиль помѣщенія былъ вездѣ сохраненъ. Эленъ тотчасъ же замѣтила это, проходя черезъ обширную библіотеку, къ которой примыкала лабораторія, спальня и небольшая гостиная, съ широкой террасой, выходившей въ садъ.

Въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, на простой деревянной ска-

мейкѣ, передъ столомъ, заваленнымъ книгами, сидѣлъ Владиміръ
Александровичъ, и былъ погруженъ въ чтеніе. Видъ у него былъ
здоровый, а лицо дышало такимъ свѣтлымъ покоемъ и мечтательной
кротостью, какихъ Эленъ никогда у него не замѣчала.

Осторожно, на цыпочкахъ, подкралась она къ отцу и обвила
руками шею. Артемьевъ вздрогнулъ и, нахмуривъ брови, обернулся,
но узнавъ дочь, ахнулъ отъ радости и удивленія.

— Лоло! Дорогая моя! Вотъ-то неожиданный сюрпризъ!—
вскричалъ онъ, горячо обнимая дочь.—Когда вы пріѣхали? Гдѣ же
Евгеній?..—торопливо спросилъ Артемьевъ, и умолкъ.

Только въ эту минуту замѣтилъ онъ, насколько Эленъ похудѣла,
поблѣднѣла, перемѣнилась, и особенно его поразило горькое, уто-
мленное выраженіе ея лица.

— Признавайся, что случилось?—спросилъ онъ, усаживая дочь
рядомъ на скамейку.—Опять пустое недоразумѣніе? Вѣроятно, Евге-
ній сдѣлалъ какую-нибудь глупость, которую ты слишкомъ близко
приняла къ сердцу?

Эленъ покачала головой.

— Нѣтъ, папа, на этотъ разъ дѣло идетъ не о недоразумѣніи
и не о пустякахъ.

Затѣмъ, подробно разсказавъ что случилось, она прибавила:

— И ему не стыдно, будучи женатымъ человѣкомъ, летѣть на
другой конецъ свѣта, чтобы присутствовать при родахъ своей любов-
ницы! Послѣ этого я сочла себя лишней—и уѣхала.

Слушавшій, съ видимымъ удивленіемъ, Артемьевъ покачалъ
головой.

— Здѣсь что-то не такъ, и мнѣ кажется, ты слишкомъ поторо-
пилась осудить мужа. Я хорошо знаю Евгенія, и онъ вовсе не такъ
чувствителенъ; а начни онъ ѣздить на погребенія и роды всѣхъ
своихъ отставныхъ любовницъ, у него, положительно, не хватило бы
для этого времени. Въ такихъ обстоятельствахъ обыкновенно отдѣ-
лываются тѣмъ, что посылаютъ деньги, и будь увѣрена, что онъ
поступилъ бы не иначе. Затѣмъ, сколько я не раздумываю, по моему
у него нѣтъ ни одной возлюбленной, которая внушила бы ему столь
пылкую страсть, чтобы онъ бросилъ тебя и помчался къ ней. Но
подожди-ка!..—Артемьевъ потеръ себѣ лобъ.—Не идетъ ли здѣсь дѣло
объ одной несчастной родственницѣ, его пріемной сестрѣ, которая
живетъ въ Парижѣ, кажется. Не знаю подробностей этой исторіи,
такъ какъ Евгеній говорилъ о ней не иначе, какъ съ отвращеніемъ,
но мнѣ извѣстно, что онъ посылалъ деньги этой несчастной женщинѣ.

Эленъ покраснѣла, какъ піонъ, но упорно стояла на своемъ
подозрѣніи.

— Если бы дѣло шло только о сестрѣ, Евгеній объяснилъ бы
мнѣ причину своего отъѣзда. Лучше бросимъ этотъ вопросъ: что
кончено—то кончено! Я остаюсь здѣсь, потому что—не въ силахъ
выносить жизнь, отравленную постоянными сомнѣніями, тайнами и
измѣнами на каждомъ шагу! Я не обладаю терпѣніемъ графини
Варатовой, и Евгеній долженъ принадлежать мнѣ тѣломъ и душой,
а иначе, онъ мнѣ вовсе не нуженъ!

— Подобныя тираннически требованія не могутъ служить
основой истиннаго супружескаго счастья. Или ты воображаешь себя
такимъ совершенствомъ, что никогда не будешь нуждаться въ сни-
сходительности Евгенія? Мнѣ кажется, твое бѣгство изъ Петербурга
будетъ тяжелымъ испытаніемъ терпѣнія твоего мужа,—неодобри-
тельнымъ тономъ замѣтилъ Артемьевъ.

Эленъ нахмурилась, но ничего не отвѣтила. Наконецъ, послѣ
нѣсколькихъ минутъ тягостнаго молчанія, и видимо борясь съ собой,
чтобы подавить нервное раздраженіе, она спросила, какъ идутъ
опыты, предпринятые отцомъ, чтобы войти въ сношенія съ невиди-
мымъ міромъ?

Тутъ Артемьевъ оживился, и съ довольнымъ видомъ описалъ
нѣсколько бывшихъ у него явленій, столько же убѣдительныхъ,
сколько чудесныхъ.

— Я видѣлъ твою мать и осязалъ ея руку; а то, что она сказала
мнѣ, не оставило ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея самоличности. О, какъ
прекрасенъ и, въ то же время, какъ страшенъ окружающій насъ
невидимый міръ, подлѣ котораго мы бродимъ слѣпыми невѣждами,
пренебрегая его таинственными законами и принося въ жертву
грубымъ, пошлымъ наслажденіямъ безпутнаго существованія—вели-
чайшее изъ знаній. Страхъ и сожалѣнія охватываютъ меня, когда
подумаю только о той безумной и преступной жизни, которую велъ
столько лѣтъ. Приходится теперь горько оплакивать, что намъ не
внушаютъ съ дѣтства великія истины, которыя наставили и воору-
жили бы насъ въ жизни.

Долго еще бесѣдовали они по этимъ вопросамъ, видимо погло-
тившимъ умъ Артемьева. Эленъ слушала внимательно, но уже не съ
прежнимъ восторженнымъ интересомъ, какой возбуждали въ ней
разговоры объ оккультной наукѣ и чудесныхъ сокровенныхъ силахъ
природы и человѣка.

Собственныя дѣла окончательно поглощали ее. Впрочемъ, чело-

вѣкъ уже такъ созданъ, что, по своему себялюбивому несовершенству, остается холоденъ и равнодушенъ къ величайшимъ истинамъ и удивительнымъ открытіямъ, коль скоро сердце его полно мелочныхъ, личныхъ заботъ.

Пока ничто не смущало покой Эленъ, ея подвижной умъ интересовался всѣмъ, и дѣятельность ея не знала предѣловъ; а строгое, но узкое воспитаніе не научило подчинять разуму пылкую, лежавшую въ основаніи ея характера, властность, развитію которой много еще способствовали ея богатство и независимость. Неожиданно захваченная чувствомъ, которое учили ее презирать и избѣгать, подчиненная вслѣдствіе этого одному изъ «тирановъ-мужчинъ», надъ которыми она привыкла глумиться, бичуя ихъ ядовитыми насмѣшками, Эленъ потеряла привычное душевное равновѣсіе. Не испытавъ въ жизни дѣйствительнаго несчастья, она сдѣлалась рабой своихъ хаотическихъ чувствъ, стала бездѣятельной, раздражительной и сама себя мучила, не имѣя энергіи искать выхода изъ этого болѣзненнаго состоянія.

Пообѣдавъ съ отцомъ, Эленъ вернулась въ городъ, и Артемьевъ не удерживалъ ее, замѣтивъ, что она желала остаться одна. Но въ этотъ вечеръ ей не было суждено воспользоваться имъ, такъ какъ вскорѣ послѣ ея возвращенія домой, къ ней пріѣхала Нелли.

Пріятельницы долго бесѣдовали и мало-по-малу сердце Эленъ смягчилось. Она довѣрила миссъ Синклэръ всѣ свои неудачи и разочарованія, а Нелли приняла живое участіе во всѣхъ этихъ печальныхъ событіяхъ. По ея мнѣнію, ихъ надо было предвидѣть и они были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всякаго замужества, а тѣмъ болѣе—брака со свѣтскимъ человѣкомъ, лишеннымъ всякихъ нравственныхъ началъ.

Желая утѣшить подругу, она сказала:

— Несмотря на все, что ты перестрадала, нечего приходить въ отчаяніе. Я знаю по опыту, что любовныя раны залечиваются; а кромѣ того, тебѣ всегда остаются наше убѣжище и великая идея, ради которой мы работаемъ. Опытъ жизни далъ тебѣ въ руки новое и могущественное оружіе, которое ты можешь использовать для нашего дѣла. Здѣсь ты будешь не одна, такъ какъ у тебя есть отецъ и друзья. Итакъ, поставь крестъ надъ прошлымъ и начни новую жизнь!

Эленъ выпрямилась. Лихорадочный румянецъ залилъ ея щеки.

— Я гораздо несчастнѣе, чѣмъ ты думаешь, Нелли,—смущеннымъ тономъ сказала она.—У меня ужъ нѣтъ твердой почвы подъ

ногами, и я не вѣрю въ миссію «Рая безъ Адама»! Это — утопія обманчивый миражъ—и ничего больше.

— Что ты говоришь? Боже мой!

— Да, говорю, что мы можемъ устроить убѣжища для покинутыхъ женщинъ и брошенныхъ сиротъ, но создать н о в у ю расу женщинъ, въ сердцахъ которыхъ любовь была бы окончательно уничтожена и искоренена — мы не въ состояніи.

«Рай безъ Адама» влечетъ къ себѣ сокрушенныхъ, раздавленныхъ жизнью, которымъ некуда дѣться, а молодое растущее около этихъ горемыкъ поколѣніе, не пользуется ихъ примѣромъ и, въ свою очередь, терпитъ крушеніе.

Мужчины правы, смѣясь надъ нами. Они знаютъ, что съ любовью, какъ и со смертью, нельзя бороться. Ни той, ни другой изъ этихъ роковыхъ силъ не избѣжишь. Я сама служу явнымъ доказательствомъ того, что говорю. Послѣ столькихъ, перенесенныхъ мною, униженій, потерявъ покой и довѣріе, слѣдовало бы вырвать изъ сердца образъ Евгенія, если бы гордость и разсудокъ были властны надъ ужаснымъ продолжающимъ терзать меня чувствомъ. И будь увѣрена, что больше половины нашихъ призрѣваемыхъ находятся въ такомъ же положеніи и бросили бы убѣжище, пожелай только «тираны» взять ихъ обратно.

А больше всего меня возмущаетъ, что эта пытка поражаетъ преимущественно женщинъ честныхъ, ищущихъ истинной любви и любящихъ одного человѣка. Потому что распутницы, мѣняющія любовниковъ какъ перчатки, забавляются униженіемъ мужчинъ; а тѣ, какъ побитыя собаченки, выклянчиваютъ еще милости у этихъ тварей.

— Горе дѣлаетъ тебя несправедливой, дорогая Эленъ! Наше убѣжище даетъ пріютъ, во-первыхъ, многимъ достойнымъ уваженія женщинамъ, которыя порвали съ прошлымъ навсегда и чувствуютъ себя счастливыми, что могутъ свободно трудиться, а во-вторыхъ, и многимъ дѣвушкамъ, которыя, будучи вооружены нами на жизненную борьбу, создали себѣ почетное и свободное положеніе.

— Ахъ! Все до перваго случая. Въ большинствѣ, это только исключенія, подтверждающія правило. Развѣ не была я тоже воспитана, чтобы сдѣлаться г е р о и н е й независимости?

Эленъ сухо разсмѣялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, Нелли! Великая человѣколюбивая идея возрожденія женщины посредствомъ освобожденія ея отъ мужского ига такъ же неосуществима, какъ и много другихъ благихъ пожеланій.

По этому поводу я повторю тебѣ то, что мнѣ говорила относительно распространенія идеологіи спиритуализма одна очень умная женщина—графиня Варатова:

— «Я полагаю,—сказала она,—что спиритуализмъ можетъ служить поддержкой и утѣшеніемъ для лицъ, способныхъ постичь его; но привить его толпѣ—невозможно. Провозглашаемые спиритуализмомъ великіе законы любви, самоотреченія и отвѣтственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ, осужденіе имъ пороковъ и матеріальныхъ наслажденій всегда будутъ ненавистны массѣ, которая живетъ только утробными интересами и не желаетъ, чтобы ее стѣсняли въ проявленіи ея животныхъ вожделѣній. Людское стадо, повторяю, всегда останется глухо, слѣпо и злобно настроено. Оно будетъ издѣваться надъ истинами, которыхъ не понимаетъ, и всячески стараться уничтожить неудобныхъ наставниковъ. Проповѣдуемыя тѣми, якобы, «утопіи» увеличатъ только число пошлыхъ лицемѣровъ, которые лишь станутъ рядиться въ великое ученіе спиритуализма, какъ нѣкій театральный костюмъ, а въ сущности останутся столь же лукавыми, злобными и эгоистичными, какими были всегда».

— Эти слова, Нелли, я считаю истинными и справедливыми. Настанетъ день, когда и ты придешь къ такому же убѣжденію.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу вѣрить, чтобы сѣяніе добра могло быть утопіей, если бы даже намъ и не дано было дожить до жатвы. Я буду продолжать сѣять доброе сѣмя, предоставивъ блюсти созрѣваніе его Верховному Промыслителю судебъ міра!

XVIII.

Прошло нѣсколько недѣль, и состояніе души Эленъ постепенно ухудшалось. Сначала ее занимали хлопоты по обстановкѣ и убранству своего дома. Такъ, напримѣръ, будто случайно, она съ утонченной роскошью убрала двѣ комнаты, которыя могли бы служить кабинетомъ и гостиной Евгенію Павловичу.

Не признаваясь сама себѣ, Эленъ надѣялась, что мужъ пріѣдетъ мириться, и, внутренно стыдясь своей слабости, горячо желала снова увидѣть его. Но проходили недѣли, а отъ барона не получалось никакихъ извѣстій и мрачное отчаяніе стало овладѣвать Эленъ.

Ее мучило высказанное отцомъ предположеніе, что баронъ уѣхалъ въ Парижъ съ цѣлью, именно, помочь своей родственницѣ; такъ какъ она знала, что мать мужа вторично вышла замужъ и жила въ Парижѣ, а онъ говорилъ о ней съ видимымъ неудовольствіемъ. Однако, если это предположеніе справедливо, она рисковала своимъ будущимъ изъ-за какой-то нелѣпой фантазіи.

И что могло значить молчаніе Евгенія? Хотѣлъ ли онъ наказать ее такимъ унизительнымъ равнодушіемъ, или просто пользовался удобнымъ случаемъ покутить на свободѣ?..

Въ дѣйствительности же, кажущееся молчаніе Евгенія Павловича было вызвано совсѣмъ инымъ обстоятельствомъ. Онъ хлопоталъ объ отпускѣ и, наконецъ, добился его, но почти наканунѣ своего отъѣзда получилъ письмо отъ матери, вызывавшей его въ Берлинъ, куда она пріѣхала больная, чтобы подвергнуться операціи у извѣстнаго хирурга. А операція эта была такъ опасна, что больная не соглашалась рисковать жизнью иначе, какъ въ присутствіи и при поддержкѣ сына.

Евгеній Павловичъ былъ въ отчаяніи отъ такой задержки, но считалъ невозможнымъ уклониться отъ сыновняго долга и потому уѣхалъ въ Берлинъ. Будучи же убѣжденъ, что съ характеромъ Эленъ только личное объясненіе могло бы достигнуть цѣли и что письмами не разсѣять ея подозрѣній, баронъ ограничился телеграммой Артемьеву, въ которой выяснялъ причины своего опаздыванія и просилъ его успокоить Эленъ, такъ какъ онъ ни въ чемъ не повиненъ. Владиміръ Александровичъ ни на минуту не усомнился въ увѣреніяхъ зятя, но они были слишкомъ неопредѣленны, чтобы удовлетворить Эленъ. Поэтому Артемьевъ рѣшилъ, что не стоитъ и упоминать про телеграмму, а дожидаться пріѣзда Евгенія, который объяснится лично и самъ защититъ себя.

Ничего не знавшая объ этомъ Эленъ переживала душевную муку, а мрачныя мысли все сильнѣе одолѣвали ее. Она заперлась дома и только изрѣдка навѣщала отца. Чаще всего она посѣщала могилу матери, гдѣ встрѣчалась съ Артемьевымъ, который каждое утро пріѣзжалъ туда верхомъ.

Видя ужасное душевное состояніе подруги, Нелли всячески пыталась разсѣять ее и вернуть къ прежней дѣятельности. Эленъ выслушивала ее, выдавала пособія бѣднымъ, учреждала новыя стипендіи въ убѣжищѣ, но сама ѣздила туда только для того, чтобы навѣстить мистриссъ Оливеръ. Когда же Нелли предложила ей прочесть хоть одну лекцію, Эленъ наотрѣзъ отказалась.

— Что я могу сказать людямъ, когда моя личность служитъ постыднымъ опроверженіемъ тѣхъ прекрасныхъ истинъ, которыя мнѣ надлежитъ проповѣдывать. Повидимому, нужно каждому спуститься въ адъ, чтобы повѣрить, какъ тамъ кипятятъ въ смолѣ, а я недостаточно краснорѣчива, чтобы разубѣдить всякаго невѣрующаго Ѳому.

Нелли такъ ничего и не могла добиться. Къ довершенію всѣхъ непріятностей, въ общинѣ наступили волненія и несогласія.

Вслѣдствіе тяжкой болѣзни мистриссъ Оливеръ, докторъ запретилъ ей заниматься дѣлами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но въ виду того, что столь большое учрежденіе, съ весьма сложнымъ механизмомъ, не могло оставаться безъ управленія, была назначена временная замѣстительница мистриссъ Оливеръ,—женщина очень богатая, принесшая общинѣ весьма солидный капиталъ.

На бѣду, замѣстительница эта не обладала ни тактомъ, ни высотой мысли предшественницы, а потому придала дѣламъ явно торгашескій характеръ, правда, очень выгодный, но крайне оскорбительный для состава общины.

Такъ, къ неудовольствію большинства, она приняла въ убѣжище нѣкую отставную «прелестницу», сколотившую себѣ за время своей многолюбивой жизни большія деньги, тогда какъ нѣсколькимъ очень почтеннымъ, но бѣднымъ женщинамъ было отказано.

Узнавъ объ этомъ, Эленъ помѣстила отверженныхъ на свой счетъ; но ея убѣжденіе, что «Рай безъ Адама»—утопія и спекулятивное предпріятіе еще болѣе увеличилось.

Впрочемъ, всѣ эти дѣла были только паліативами для мучившаго Эленъ глухого безпокойства. Продолжавшееся молчаніе Евгенія Павловича приводило ее въ отчаяніе; а, порою, эта неувѣренность въ будущемъ становилась ей до того невыносимой, что снова стала мелькать мысль о самоубійствѣ, не только съ цѣлью освобожденія, но и какъ утонченная месть человѣку, осмѣлившемуся такъ пренебрежительно къ ней относиться. Съ все возраставшимъ злорадствомъ начала она рисовать себѣ изумленіе и ужасъ мужа при извѣстіи объ ея смерти, его сожалѣнія и укоры совѣсти за то, что слишкомъ обострилъ отношенія. Въ не менѣе заманчивыхъ краскахъ представлялся ей эффектъ, который произведетъ эта вѣсть въ Петербургѣ и Бостонѣ, а также грозный примѣръ ея печальной и трагической кончины для другихъ женщинъ. Въ нѣсколько дней эта преступная мысль съ такой силой овладѣла ея больными нервами,

что она стала дѣятельно готовиться къ приведенію въ исполненіе своего намѣренія.

Эленъ тайкомъ побывала у нотаріуса и написала духовную, по которой завѣщала свои милліоны убѣжищу на томъ условіи, чтобы были напечатаны ея мемуары и чтобы ихъ чтеніе было сдѣлано обязательнымъ для молодыхъ дѣвушекъ общины. Отцу она оставляла виллу, а Варатовой свои драгоцѣнности, на память объ ихъ дружбѣ. Баронъ получалъ только дачу въ Петергофѣ, «чтобы вспоминалъ иногда, что у него была жена»,—язвительно прибавляла она.

Хотя такое рѣшеніе и успокоило немного Эленъ, тѣмъ не менѣе она имѣла такой болѣзненный видъ, а угнетенное состояніе духа было настолько замѣтно, что Артемьевъ встревожился. Когда пришла вторая телеграмма отъ Евгенія Павловича изъ Лондона, которой тотъ извѣщалъ, что находится на пути въ Америку, Владиміръ Александровичъ рѣшилъ испытать, какое дѣйствіе произведетъ это извѣстіе и на слѣдующій же день поѣхалъ къ дочери. Эленъ въ грустномъ раздумьи сидѣла у окна.

— Могу сообщить тебѣ новость, Лоло, которая, надѣюсь, доставитъ тебѣ удовольствіе. Скоро пріѣзжаетъ Евгеній, самъ будетъ защищать себя, и я увѣренъ, что вы вполнѣ примиритесь. Будь же снисходительна, дитя мое, и не осуждай себя вторично на безполезныя страданія. Ты еще держишь свое счастье въ рукахъ: не упусти же его изъ-за слѣпого упрямства. Сдержи только пылкость своего характера, и все устроится къ вашему обоюдному счастью.

Изъ всего, что сказалъ отецъ, Эленъ обратила вниманіе только на одно: Евгеній ѣдетъ. Горячая волна счастья охватила всю ее и она чувствовала, будто съ нея свалилась давившая какъ скала тяжесть. Румянецъ, выступившій на щекахъ, и радостный блескъ ея глазъ возродили радость и надежду въ сердцѣ Артемьева. Однако, онъ слишкомъ поторопился въ своихъ заключеніяхъ.

Когда Эленъ осталась одна, ею снова овладѣли мрачныя думы. Испытанная ею радость, сознаніе своей слабости и убѣжденіе, что, увидѣвъ мужа, она позабудетъ все и бросится въ его объятія, едва только тотъ ихъ раскроетъ, пробудили въ душѣ ея чувство стыда и озлобленія.

«Какъ я труслива и глупа,—думала она.—Я уже готова простить, не зная даже, достоинъ ли онъ этого. А, можетъ быть, онъ ѣдетъ только съ цѣлью избѣжать скандала въ Петербургѣ и изъ уваженія къ моему отцу? Вѣдь, я богата и ничего ему не стою!

Очень возможно, что привезя меня въ Россію, онъ снова пустится во всѣ тяжкія...

Эленъ судорожно смяла батистовый платокъ и мысли, одна другой мрачнѣе и ненавистнѣе, толпились въ ея головѣ, сосредоточиваясь на желаніи наказать Евгенія, заставить его страдать и поразить въ самое сердце.

Въ такомъ болѣзненномъ и опасномъ настроеніи прошло около двухъ недѣль. Эленъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала мужа, но въ то же время боялась его пріѣзда и настойчиво возстановляла себя противъ него. Кромѣ того, она чувствовала недомоганіе—то ознобъ, то жаръ,—страдала отъ невыносимой головной боли и мучилась изнурительной безсонницей.

Нелли безпокоилась, но положительно не знала, что дѣлать, и отъ всей души ждала пріѣзда Евгенія Павловича.

Однажды днемъ, Нелли зачѣмъ-то вышла, Эленъ сидѣла, по обыкновенію, въ своемъ угловомъ кабинетѣ, освѣщенномъ тремя большими окнами, что позволяло ей видѣть обѣ улицы на далекое разстояніе. Взглядъ ея равнодушно скользилъ по прохожимъ, какъ вдругъ увидѣла она, что у дома остановилась карета, изъ которой выскочилъ хорошо знакомый ей человѣкъ и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ привратникомъ, скрылся въ подъѣздѣ.

Эленъ вскочила, какъ наэлектризованная. Кровь съ такой силой прилила къ ея сердцу, что захватило дыханіе, ноги подкашивались и въ глазахъ потемнѣло, а въ головѣ вихремъ клубились противорѣчивыя мысли. Любовь, стыдъ, злоба и ревность боролись въ ея больной душѣ. Наконецъ, соображеніе, что смерть предпочтительнѣе такого ада, восторжествовало надъ всѣми другими. Шатаясь, доплелась Эленъ до письменнаго стола и выхватила изъ ящика револьверъ. Съ минуту еще она колебалась, а затѣмъ, рѣшительно приставила оружіе къ боку и похолодѣвшимъ пальцемъ нажала на спускъ...

Въ первый моментъ она еще стояла, не чувствуя ничего, а потомъ острая боль пронизала ея тѣло и все закружилось вокругъ нея, а огненное облако застилало глаза, и сквозь этотъ кроваво-красный свѣтъ смутно видѣла еще она, какъ дверь быстро распахнулась, и на порогѣ комнаты появился смертельно блѣдный Евгеній, а за нимъ стояла страшно взволнованная и разстроенная Нелли. Потомъ глубокая тьма окутала ее; она стремительно покатилась въ мрачную бездну и затѣмъ потеряла сознаніе...

Нисколько не предчувствуя готовившейся катастрофы, Евгеній Павловичъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и спросилъ у лакея, какъ пройти въ кабинетъ.

Не смотря на все свое недовольство безумной выходкой жены, онъ страстно жаждалъ поскорѣе увидѣть ее и поспѣшно миновалъ рядъ пустыхъ комнатъ.

Въ маленькой гостиной увидѣлъ онъ Нелли, которая завертывала книги. Замѣтивъ барона, та радостно вскричала:

— Слава Богу! Наконецъ-то вы здѣсь, баронъ! Эленъ очень измѣнилась и сдѣлалась такой странной, что положительно пугаетъ меня. Но она горячо васъ любитъ и съ вашимъ пріѣздомъ все пойдетъ хорошо.

Во взглядѣ и голосѣ Нелли было столько искренняго участія, что это произвело на него пріятное впечатлѣніе и онъ признательно пожалъ руку Нелли, сказавъ:

— Благодарю, миссъ Синклэръ, за ваши добрыя слова. Дай Богъ, чтобы мой пріѣздъ положилъ конецъ всѣмъ этимъ грустнымъ несогласіямъ!

Въ эту минуту донесся глухой звукъ выстрѣла.

— Боже мой, выстрѣлили въ комнатѣ Эленъ!—вскричала Нелли.—Навѣрное, случилось какое-нибудь несчастье!

Съ этими словами она бросилась въ кабинетъ. Евгеній, ни живъ, ни мертвъ, послѣдовалъ за ней; но у двери кабинета онъ оттолкнулъ Нелли и вошелъ первый.

Эленъ онъ засталъ еще на ногахъ. Стояла она бѣлая, какъ ея батистовый пеньюаръ, и неподвижные глаза были широко раскрыты, а затѣмъ она рухнула на коверъ и осталась безъ движенія.

— Эленъ! Что ты надѣлала!—вскричалъ Евгеній Павловичъ, бросаясь къ женѣ и поднимая ее.

Но та была уже безъ сознанія. Она даже не шевельнулась, когда баронъ переносилъ ее на диванъ и сталъ разстегивать платье, для предварительной перевязки раны.

Не смотря на испугъ и отчаяніе, Нелли не потеряла своего обычнаго присутствія духа и мигомъ подняла на ноги весь домъ. Немедленно же были приведены въ дѣйствіе телеграфъ и телефонъ для призыва врачей и извѣщенія Артемьева.

Затѣмъ Нелли вернулась къ барону, у котораго руки дрожали какъ въ лихорадкѣ, и стала помогать промывать и перевязывать рану. Такъ какъ послѣ этого не оставалось ничего больше дѣлать, оба они, мрачные и молчаливые, сѣли около дивана. Евгеній Павло-

вичъ держалъ руку жены и по временамъ, наклонялся къ ней, стараясь опредѣлить, жива она или умерла.

Сколько прошло времени въ такомъ ожиданіи, полномъ смертельнаго безпокойства, ни онъ, ни она не могли бы сказать. Наконецъ, почти одновременно пріѣхали два знаменитыхъ хирурга.

Евгеній Павловичъ всталъ, уступивъ мѣсто врачамъ, а самъ отошелъ къ окну и опустился въ кресло, на которомъ только что передъ этимъ сидѣла Эленъ. Но волненіе было слишкомъ сильно, а ударъ—неожиданъ. У него закружилась голова и, охваченный внезапною слабостью, онъ откинулся на спинку кресла. Нелли замѣтила это, и подойдя къ барону, дала ему понюхать соли, а когда тотъ выпрямился, блѣдный и дрожавшій всѣмъ тѣломъ, заставила его выпить воды.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ одинъ изъ докторовъ, пока другой засучивалъ рукава и раскладывалъ на столѣ хирургическіе инструменты.

— Попрошу, миссъ, приказать сейчасъ же приготовить воду, бинты и все, что нужно для операціи. Кромѣ того, пошлите въ клинику за двумя сестрами милосердія, чтобы онѣ день и ночь слѣдили за больной,—сказалъ онъ, обращаясь къ Нелли, и та побѣжала исполнять его приказанія.

— Рана смертельна?—нерѣшительно спросилъ баронъ.

— Объ этомъ еще нельзя ничего сказать. По счастливой случайности, пуля уклонилась отъ области сердца и застряла между ребрами. Мы извлечемъ ее, осмотримъ причиненныя ею поврежденія и только тогда можно будетъ высказаться о возможномъ исходѣ пораненія.

Въ эту минуту съ дивана донесся стонъ. Баронъ быстро подошелъ и склонился надъ больной, которая открыла глаза, въ которыхъ читались невыразимыя мученія.

— Эленъ, Эленъ! Какъ могла ты сдѣлать это?—прошепталъ Евгеній Павловичъ, со слезами на глазахъ преклоняя колѣни близъ дивана.

— Мнѣ нужно или все твое сердце, или ничего. Лучше—смерть, чѣмъ жизнь, отравленная постояннымъ сомнѣніемъ и ревностью,—едва слышно отвѣтила Эленъ, снова закрывая глаза.

Приготовленія къ операціи закончились быстро. Когда же одинъ изъ хирурговъ началъ зондировать рану, Эленъ вскрикнула и очнулась отъ забытья.

— Евгеній... Пусть онъ придетъ... Я хочу умереть при немъ,—чуть слышно сказала она.

— Подойдите, баронъ! Ваша супруга желаетъ, чтобы вы были при ней,—сказалъ врачъ, уже узнавшій отъ Нелли всѣ подробности.—Помогите намъ держать больную и будьте тверды: вашъ видъ придастъ ей мужества.

Блѣдный и нервно дрожа, подошелъ Евгеній Павловичъ и сталъ поддерживать больную въ указанной позѣ. Эленъ ухватилась за его руку и прижимаясь головой къ его груди, она прошептала:

— Я умру... Скажи откровенно: любилъ ты меня хоть немного?

Баронъ наклонился и горячо поцѣловалъ ее въ губы и лобъ.

— Будущее докажетъ тебѣ это лучше всякихъ словъ. Но соберись съ силами и мужайся!

Четверть часа спустя пуля была извлечена, рана перевязана и Эленъ уложена въ постель. Объ окончательномъ исходѣ доктора не сочли возможнымъ пока высказаться, такъ какъ, независимо отъ раны, они нашли еще общіе болѣзненные симптомы, предвѣщавшіе осложненія.

Вѣсть о покушеніи на самоубійство дочери, какъ ударъ молота, поразила Артемьева. Старые грѣхи молодости снова поднимали ядовитыя головы, а совѣсть нашептывала:

— Если бы ты не бросилъ ее и она росла бы подъ сѣнью мирнаго семейнаго очага,—ея умъ и характеръ не уклонились бы въ сторону, и не пріобрѣли бы тотъ неестественный видъ, ту опасную болѣзненную возбудительность, которые и довели ее до самоубійства.

Онъ не имѣлъ даже права упрекать барона. Не былъ ли онъ самъ гораздо хуже его? Не давалъ ли онъ Викторіи тысячу поводовъ лишить себя жизни?...

Ѣхать въ каретѣ казалось ему слишкомъ долго. Поэтому онъ лично помогъ осѣдлать лошадь и помчался въ городъ. Когда Артемьевъ подъѣзжалъ къ дому, имъ овладѣла внезапная слабость, и у него не хватило даже мужества спросить у привратника, взявшаго у него лошадь, жива ли Эленъ.

Быстрыми шагами прошелъ Владиміръ Александровичъ рядъ пустынныхъ комнатъ и въ кабинетѣ нашелъ одного изъ докторовъ, по просьбѣ барона согласившагося провести ночь у постели раненой, чтобы лично наблюдать за возможными осложненіями.

Артемьевъ и докторъ были немного знакомы, такъ какъ встрѣчались у одного извѣстнаго медіума. Видя блѣдность и разстроен-

ный видъ Владиміра Александровича, докторъ всталъ и, не дожидаясь вопроса, крѣпко пожалъ ему руку.

— Она жива и пуля извлечена. Мы надѣемся, что молодой и сильный организмъ баронессы поможетъ намъ спасти ее. Въ настоящую минуту она крѣпко спитъ, такъ какъ операція и потеря крови истощили ея силы. Теперь надо ждать лихорадки и бреда, что неизбѣжно.

— Благодарю васъ,—просто отвѣтилъ Артемьевъ, но его сдавленный голосъ и нервное пожатіе руки выдавали его скрытое горе.

Въ спальнѣ, слабо освѣщенной лампой съ абажуромъ, Нелли тихо разговаривала съ сестрой милосердія. Подлѣ кровати сидѣлъ блѣдный и разстроенный Евгеній. При видѣ Артемьева онъ быстро всталъ, и они молча обнялись.

— Клянусь, я совершенно невиненъ! Моя единственная вина— въ томъ, что я не открылъ ей всю правду,—съ горечью сказалъ баронъ, какъ бы оправдываясь.

— Я и не думаю обвинять тебя,—отвѣтилъ Владиміръ Александровичъ, наклоняясь къ дочери.

Эленъ лежала, казалось, въ безпамятствѣ, но тяжелое прерывистое дыханіе и глухіе стоны, срывавшіеся съ ея устъ, указывали что она страдала.

Ночью жаръ увеличился и открылся бредъ. Затѣмъ она впала въ забытье, изъ котораго выходила только для того, чтобы попросить напиться или пугливо пробормотать:

— Евгеній!

И рука ея лихорадочно искала руку мужа.

Евгеній Павловичъ не покидалъ своего поста и едва удѣлялъ нѣсколько минутъ для необходимаго отдыха. Онъ дежурилъ день и ночь, осыпая себя жестокими упреками.

Съ глубокимъ раскаяніемъ размышлялъ онъ о каждомъ своемъ похожденіи, необъясненномъ отъѣздѣ и о пошлыхъ, пустыхъ кутежахъ, отдалявшихъ его отъ жены и подготовившихъ такую роковую развязку. Никогда еще Эленъ не была такъ дорога ему, какъ теперь, когда онъ содрогался при одной мысли потерять ее. Никогда ему и въ голову не приходило, чтобы это было возможно. Не принадлежала ли она ему по всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ? Баронъ даже и не предполагалъ, что такъ любитъ ее. Съ тоскою и горемъ смотрѣлъ онъ на ея разстроенное и измѣнившееся очаровательное личико, спрашивая себя, какъ могъ онъ мѣнять ее на другихъ, и до такой степени огорчить, что гордая ревнивица пожелала умереть...

Не станемъ описывать всѣ фазы болѣзни Эленъ, которая видимо все ухудшалась. Однажды ночью, послѣ сильнаго приступа бреда, она очнулась въ полномъ сознаніи. Усталый взглядъ ея переходилъ отъ отца къ мужу, сидѣвшимъ у ея кровати. Услыхавъ ея тяжелый вздохъ, оба они быстро наклонились къ ней, и Эленъ съ ужасомъ замѣтила ихъ страшное утомленіе и отчаяніе. Какъ молнія, пронеслось въ ея умѣ сознаніе совершеннаго ею преступнаго поступка.

— Отецъ!.. Евгеній!..—пробормотала она, смотря на нихъ боязливымъ и смущеннымъ взглядомъ провинившагося ребенка.

Ей казалось, будто она очнулась отъ долгаго и тяжелаго кошмара, толкнувшаго ее въ бездну. Теперь, когда она увидѣла болѣзненно осунувшееся лицо отца и встрѣтила полный любви и участья взглядъ любимаго человѣка, горькое раскаяніе сжало ея сердце и въ груди проснулось страстное желаніе жить.

Зачѣмъ?.. Зачѣмъ совершила она такой безумный поступокъ? Къ чему рисковала она драгоцѣннѣйшимъ даромъ Отца Небеснаго— жизнью? При томъ, жизнью прекрасной, тогда какъ столько несчастныхъ, увѣчныхъ и всѣми покинутыхъ терпѣливо и смиренно влачатъ жалкое существованіе...

Но... теперь слишкомъ поздно! Приближается уже смерть и станетъ между нею и этой жизнью, которая нынѣ кажется ей такой желанной и нѣсколько горячихъ слезъ скатилось по ея исхудалымъ щекамъ.

— Не плачь, дорогая. Ты выздоровѣешь. Только не волнуйся, такъ какъ это можетъ повредить тебѣ,—съ нѣжностью и тревогой пробормоталъ баронъ.

— Отецъ! Евгеній!—повторила Эленъ.—Простите ли вы мнѣ мой кощунственный и недостойный поступокъ?

— Дорогое дитя мое! У кого же хватитъ мужества сердиться на тебя. Живи только—и мы будемъ счастливы,—отвѣтилъ Артемьевъ, обнимая дочь.

Но, къ великому ужасу обоихъ, Эленъ разрыдалась, и только глубокій обморокъ остановилъ ея слезы.

Подѣйствовало ли на нее такъ вредно это именно волненіе, но съ этой ночи положеніе ея стало быстро ухудшаться, и въ теченіе нѣсколькихъ дней жизнь висѣла на волоскѣ. Наконецъ, лихорадка прекратилась и рана стала затягиваться, но слабость была настолько велика, что однажды утромъ докторъ высказалъ даже опасеніе отно-

сительно смерти отъ истощенія, если не произойдетъ благотворнаго перелома.

День прошелъ въ болѣзненномъ напряженіи. Артемьевъ, баронъ и Нелли съ убитымъ видомъ бродили вокругъ кровати, на которой угасала, казалось, жизнь любимаго существа. Нервное возбужденіе Владиміра Александровича дошло до того, что докторъ счелъ нужнымъ, безъ его вѣдома, дать ему наркотическое средство, которое погрузило его на нѣсколько часовъ въ глубокій сонъ.

Настала ночь. Больная продолжала дремать въ какомъ-то апатичномъ изнеможеніи. Сестра милосердія легла на диванъ немного отдохнуть, а Нелли тоже дремала отъ усталости въ креслѣ.

Не спалъ одинъ баронъ. Блѣдный и разстроенный, но твердо рѣшившійся бодрствовать, онъ прислонился къ подушкамъ и съ безпокойствомъ слѣдилъ за едва уловимымъ дыханіемъ жены.

Въ эти дни болѣзни, безсонницы и мучительной тревоги, онъ особенно сильно привязался къ Эленъ и въ эту минуту любилъ, конечно, ее гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, когда она была полна жизни и здоровья.

Вдругъ больная вздрогнула и открыла глаза. По обыкновенію, ея первымъ словомъ было имя мужа.

— Я здѣсь, дорогая,—сказалъ тотъ, быстро вставая.

Видя, что она хочетъ привстать, баронъ приподнялъ ее и сталъ поддерживать.

Тоска и ужасъ читались на лицѣ Эленъ. Вдругъ она обвила слабыми руками шею мужа и пробормотала:

— О! Что дѣлается со мной? Я страшно страдаю. Спаси меня! Я не хочу умирать.

У Евгенія Павловича сердце замерло, сдавленное смертельною тоской. Неужели насталъ часъ вѣчной разлуки? Въ порывѣ страшнаго отчаянія, прижалъ онъ Эленъ къ себѣ и покрылъ ея лицо поцѣлуями, не переставая повторять:

— Ты не должна умирать!.. Живи! Старайся хотѣть жить! Говорятъ, что волѣ все возможно, она двигаетъ горами. Приведи въ дѣйствіе эту могучую силу—и, можетъ быть, она сотворитъ чудо, въ которомъ намъ отказываетъ человѣческая наука.

Въ голосѣ и взглядѣ чувствовались такая убѣжденность и сила воли, что это передалось словно Эленъ. Яркій румянецъ внезапно залилъ ея блѣдное лицо, а глаза вспыхнули какимъ-то страннымъ фосфорическимъ блескомъ.

Воздѣвъ кверху стиснутыя руки, она воскликнула съ горячей, восторженной вѣрой въ голосѣ:

— Я хочу; о, я хочу жить! Услышь меня, Отецъ мой Небесный! Не карай меня, за мой поступокъ, а помилуй! Не отнимай даръ, которымъ я пренебрегла!.. Даруй мнѣ жизнь!..

Эленъ умолкла, охваченная какимъ-то удивительнымъ и незнакомымъ ей чувствомъ. По мѣрѣ того, какъ произносила она свою страстную мольбу, все существо ея расширялось, точно, и крѣпло, поглощая какое-то неосязаемое и красноватое вещество, выдѣлявшееся изъ атмосферы. Подобно согрѣвающему и живительному потоку, вещество это разливалось по жиламъ, возвращая жизнь и упругость ея истощенному организму.

Въ тоже время въ ея умѣ съ поразительною ясностью возникло воспоминаніе о томъ, какъ молила она въ Казанскомъ соборѣ Божью Матерь даровать жизнь отцу. Чудотворный образъ Царицы Небесной битала, казалось, въ отдаленіи, посылая ей, какъ и тогда, свое безконечное милосердіе. Навстрѣчу вливавшемуся въ ея организмъ потоку жизни, изъ глубины души ея несся такой порывъ воли и вѣры, что напряженность этого хотѣнія цѣпенила все ея существо. Воздухъ вокругъ нея сдѣлался густымъ, окутывая ее темной дымкой, испещренной огнистыми блестками. Вдругъ, пораженная точно молніей, Эленъ опустилась на руки мужа.

У барона вырвался глухой крикъ, разбудившій сестру милосердія и Нелли. Онѣ онѣ бросились къ кровати, думая, какъ и Евгеній Павловичъ, что Эленъ умираетъ; но она, повидимому, еще дышала. Не зная, что дѣлать, всѣ трое съ тоской стали дожидаться доктора, который долженъ былъ пріѣхать съ минуты на минуту.

Къ счастью, это ожиданіе длилось всего нѣсколько минутъ. Узнавъ о случившемся, врачъ покачалъ головой и тщательно выслушалъ больную, имѣвшую видъ мертвой, хотя едва уловимое дыханіе и слетало съ ея губъ. Наконецъ, докторъ сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Она жива, но находится, какъ-бы въ летаргіи. Надо накрыть ее и оставить въ покоѣ, такъ какъ теперь, по моему мнѣнію, начнется таинственная работа природы, благодаря которой она или останется жива, или безъ страданія перейдетъ въ потусторонній міръ. Здѣсь наука безсильно смолкаетъ. Не будемъ смущать работу таинственныхъ силъ, которыя мы признаемъ, не будучи въ состояніи ихъ изучить. Часа черезъ два, самое большое черезъ три, я полагаю, все рѣшится.

Трудно описать, что пережили въ эти томительные часы Нелли и Евгеній; Артемьевъ же, къ счастью для него, продолжалъ спать.

Наконецъ докторъ, самъ взволнованный и обезпокоенный, подошелъ къ постели больной.

Эленъ все еще спала, но летаргія ея перешла въ глубокій и укрѣпляющій сонъ. Обильная испарина выступила на всемъ тѣлѣ, дыханіе сдѣлалось ровнымъ, а пульсъ правильнымъ и спокойнымъ.

Докторъ выпрямился со вздохомъ облегченія.

— Чудеса еще совершаются! Невѣдомая волшебница природа — еще разъ заставляетъ краснѣть науку! Поздравляю васъ, баронъ! Супруга ваша спасена и будетъ жить.

Когда, уже поздно утромъ, Эленъ открыла глаза, то увидѣла отца и Евгенія, которые, съ радостнымъ видомъ, ожидали ея пробужденія и поздравили съ избавленіемъ отъ опасности.

Съ этого дня выздоровленіе шло съ неожиданной быстротой. Рана заживала, а силы и аппетитъ со дня на день все увеличивались. Состояніе души Эленъ явно способствовало быстрому выздоровленію. Она была такъ счастлива и благодарна за то, что Богъ даровалъ ей жизнь, такъ нѣжна и любяща въ отношеніи мужа, отца и Нелли, что послѣ волненій и страховъ послѣднихъ недѣль всѣ почувствовали себя точно въ раю.

Однако, чрезмѣрная усталость и нравственное напряженіе такъ сильно повліяли на здоровье Евгенія Павловича, что онъ занемогъ. Хотя его болѣзнь и не представляла опасности, тѣмъ не менѣе, онъ вынужденъ былъ пролежать въ постели съ недѣлю. Какъ только онъ всталъ на ноги, докторъ предписалъ ему ѣхать на виллу для пользованія чистымъ воздухомъ и полнымъ покоемъ, обѣщавъ, что и жена присоединится къ нему черезъ нѣсколько дней, такъ какъ ей также необходимы спокойствіе и отдыхъ на лонѣ природы.

Между тѣмъ, пока все это происходило, весь Бостонъ только и говорилъ, что о драмѣ, разыгравшейся у Эленъ съ мужемъ, а они и не подозрѣвали, насколько громогласно обсуждались на всѣ лады ихъ дѣла.

Покушеніе на самоубійство бывшей миссъ Рутерфордъ-Арди, извѣстной проповѣдницы «Рая безъ Адама», возбудило всеобщее любопытство; а община, по иниціативѣ своей оборотливой, временной директрисы, сочла данный случай весьма выгоднымъ для громкой рекламы и привлеченія новыхъ послѣдовательницъ.

Миссъ Смитъ и миссъ Робинзонъ, лучшія, со времени «отступничества» Эленъ, ораторши общины, прочли рядъ лекцій, въ которыхъ съ громомъ и молніей возставали противъ опасностей брака и низости мужчинъ, скандальнымъ поведеніемъ своимъ доводившихъ

несчастныхъ женъ до самоубійства. Подробности, подкрѣплявшія эти филиппики, не оставляли сомнѣнія относительно личности героевъ, служившихъ темой для рѣчей, а потому почуявшая живую правду толпа, жадная до всего новаго и пикантнаго, переполняла залы.

Столь громадный успѣхъ возбудилъ въ душѣ мистера Броуна подобающее соревнованіе. Онъ также произнесъ двѣ рѣчи о громадной отвѣтственности, какую мужчина беретъ на себя женясь, и о роковыхъ послѣдствіяхъ, какія влекутъ за собой его безразсудные поступки.

Какъ тамъ, такъ и тутъ, роль супруга-чудовища игралъ баронъ Равенсбургъ, при чемъ личность его была такъ прозрачно задрапирована, что узнать его не представляло труда.

Заинтересованнымъ же лицамъ и въ голову не приходило, какой громкой извѣстностью они пользовались и какіе слухи распускала на ихъ счетъ досужая пресса. А въ газетахъ обсуждался уже вопросъ о разводѣ барона съ женой и высказывались предположенія, что «краснорѣчивая проповѣдница», окончательно излечившаяся отъ своего брачнаго безумія, снова примется за свою миссію, какъ только вполнѣ выздоровѣетъ, при чемъ жертвуетъ убѣжищу все свое громадное состояніе.

Слишкомъ утомленные, тѣлесно и душевно, чтобы слѣдить за газетами, Артемьевъ съ зятемъ даже и не подозрѣвали того, что дѣлается. Только Нелли, въ тотъ самый день, когда Эленъ предполагала ѣхать на виллу, узнала, что происходитъ, такъ какъ ѣздила утромъ по дѣламъ въ убѣжище.

Негодованіе свое противъ нескромности, съ которой отдали на судъ улицы семейныя дѣла участницы общины, она высказала въ лицо самой директриссѣ, предупреждая, что такая безсовѣстность можетъ лишить ихъ сотрудничества и богатыхъ пожертвованій Эленъ. Но дѣло ужъ было сдѣлано. Глубоко огорченная миссъ Синклеръ вернулась къ пріятельницѣ, но не рѣшилась передать ей все, что узнала.

Эленъ, съ каждымъ днемъ чувствовавшая себя все лучше и здоровѣе, горѣла желаніемъ переѣхать къ мужу и отцу. Свѣжая и радостная, впервые послѣ болѣзни надѣла она изящный костюмъ для поѣздки и, подъ руку съ Нелли, собиралась сойти сѣсть въ экипажъ, когда прибыла депутація ярыхъ сторонницъ убѣжища и горячихъ поклонницъ ея краснорѣчія, явившихся поздравить ее съ выздоровленіемъ.

Эленъ любезно приняла поднесенный букетъ, который занялъ

всю переднюю скамейку ландо и поблагодарила дамъ, пожавъ каждой руку.

Ѣхала она оживленная весельемъ и полною грудью вдыхая свѣжій, ароматный воздухъ. Никогда еще, казалось, солнце не сіяло такъ ярко, а природа не была такъ прекрасна. О! Какъ Господь былъ милосердъ къ ней, даровавъ ей жизнь.

На виллѣ Артемьевъ дѣятельно готовился съ утра къ пріему дочери и баронъ помогалъ ему. Уставъ, наконецъ, и желая какъ-нибудь убить время въ ожиданіи молодой хозяйки, Евгеній Павловичъ взялъ съ письменнаго стола тестя пачку журналовъ, цѣлыя бандероли которыхъ указывали, что къ нимъ давно уже никто не прикасался, и сталъ равнодушно ихъ просматривать.

Вдругъ яркій румянецъ залилъ его лицо: онъ случайно наткнулся на отчетъ о послѣдней лекціи миссъ Робинзонъ и на пикантную, вызванную ею полемику.

Дрожа отъ гнѣва, баронъ сталъ отыскивать и пробѣгать все, что было написано на его счетъ. Здѣсь были живописныя сказанія о его измѣнахъ и о страданіяхъ, доведшихъ Эленъ до самоубійства, и горячія разсужденія, вызванныя этой любопытной темой.

Баронъ думалъ, что задохнется отъ бѣшенства. Онъ находился въ такомъ настроеніи, что почти съ удовольствіемъ прочелъ возраженіе на эти рѣчи одного изъ горячихъ противниковъ «Рая безъ Адама»:

«Недостаетъ только всѣхъ мужчинъ сдѣлать отвѣтственными за то, что какая-то полоумная невропатка, вмѣсто того, чтобы на колѣняхъ благодарить Господа за всѣ дары, которыми Онъ осыпалъ ее, отъ нечего дѣлать пустила себѣ пулю въ лобъ изъ-за самыхъ пустяковъ,—заявлялъ смѣлый янки.—Будь женщины сами безупречны, они имѣли бы право вопить объ измѣнѣ мужей; а невѣрность мужчины тѣмъ именно простительнѣе, что влечетъ за собой меньше вредныхъ послѣдствій для семьи.

«Впрочемъ, если бы всѣ до смѣшного ревнивыя жены перевѣшались, то міръ благополучно избавился бы отъ множества умалишенныхъ, столь же опасныхъ и вредныхъ въ домашнемъ быту, какъ и ихъ сестрицы изъ дома сумасшедшихъ, носящаго только названіе «Рай безъ Адама», который власти должны давно уже были бы закрыть».

Не подозрѣвая бури, бушевавшей въ душѣ зятя, Артемьевъ былъ пораженъ его разгоряченнымъ и искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ.

Но можно представить себѣ его удивленіе, когда онъ узналъ, что случилось.

— Я покажу этимъ бѣшенымъ вѣдьмамъ, какъ устраивать себѣ рекламу изъ моихъ личныхъ дѣлъ! Это подло, и онѣ не имѣютъ права на это. Вотъ хорошій урокъ Эленъ! Вотъ плоды ея благодѣяній общинѣ: ее-же публично осрамили!—съ бѣшенствомъ вскричалъ Евгеній Павловичъ.

Артемьеву оставалось только уговаривать его, но въ глубинѣ души онъ и самъ былъ взбѣшенъ, хотя ничего не выказывалъ, боясь, какъ бы негодованіе барона не нарушило только-что возстановившихся хорошихъ отношеній между супругами. Поэтому, Владиміръ Александровичъ старался обратить все въ шутку, и ему удалось, наконецъ, разсмѣшить Евгенія Павловича.

— Дай прочесть весь этотъ вздоръ Эленъ. Это послужитъ наказаніемъ за ея безумный поступокъ и лучшимъ средствомъ противъ будущихъ увлеченій!—прибавилъ Владиміръ Александровичъ, вытирая глаза.

Часъ спустя пріѣхала Эленъ. Когда она, очаровательная и простодушно счастливая, бросилась въ объятія сначала отца, а потомъ мужа, вся злоба барона исчезла. Онъ даже забавлялся украдкой озабоченнымъ и сердитымъ видомъ Нелли, подозрѣвая, что ей уже извѣстно объ ораторскихъ подвигахъ общины.

Обѣдъ прошелъ весело. Когда же Эленъ приказала принести большую вазу, чтобы поставить въ нее полученный отъ поклонницъ букетъ, и стала разсказывать мужу о бывшей у ней утромъ депутаціи, Евгеній Павловичъ замѣтилъ, язвительно усмѣхаясь:

— Я тоже хочу поднести тебѣ букетъ, но изъ цвѣтовъ краснорѣчія. Онъ послужитъ вѣнкомъ твоей ребяческой выходки и, надѣюсь, спасительнымъ лекарствомъ на будущее.

Онъ подалъ ей пачку газетъ и прибавилъ:

— Прочти это и трепещи отъ ужаса, что у тебя такой мужъ-извергъ, какъ я!

Смущенная и встревоженная его словами Эленъ схватила газеты. Но по мѣрѣ того, какъ она читала, густой румянецъ разливался по ея щекамъ, а губы начали нервно дрожать. Особенно ее возмущали оскорбленія по адресу мужа и сообщеніе, что она хочетъ съ нимъ развестись.

— Но это подло! Я поѣду и пожалуюсь мистриссъ Оливеръ, а противъ Смитъ и Робинзонъ возбужу обвиненіе въ диффамаціи. Какъ ты допустила, Нелли, такую гадость?

— Я сама ничего не знала до сегодняшняго утра и была возмущена не меньше тебя. Ничего подобнаго не случилось бы, не заболѣй мистриссъ Оливеръ, вынужденная передать управленіе въ негодныя руки. Но успокойся! Я уже говорила въ убѣжищѣ и сегодня состоится общее собраніе. Мистриссъ Снопсъ конечно устранятъ отъ должности и временное управленіе дѣлами будетъ поручено мистриссъ Форестъ.

Видя раздраженіе Эленъ, ея пылавшія щеки и сверкавшіе глаза, баронъ испугался, какъ бы такое волненіе не подѣйствовало вредно на ходъ выздоровленія. Онъ обнялъ и пытался шутками успокоить жену. Эленъ умолкла, но оставалась грустной и озабоченной.

Когда, послѣ чая, супруги остались, наконецъ, одни, Евгеній Павловичъ привлекъ жену на диванъ и ласково спросилъ:

— Отчего ты такъ молчалива и какъ будто встревожена, Эленъ? Зачѣмъ добровольно омрачать жизнь, вновь дарованную тебѣ Богомъ?

— Прости меня за безпокойство, которое я тебѣ причинила,— тихо сказала Эленъ, краснѣя и кладя голову на плечо мужа.

— Охотно, хотя ты и много причинила мнѣ горя; но прощаю лишь на условіи не повторять больше того, что ты продѣлала, неисправимая ревнивица, смертью карающая за всякое легкомысліе.

— Клянусь сдѣлать все, чтобы смягчить пылкость моего характера. Не смѣю обѣщать, что не буду ревнивой, разъ я не въ силахъ вынести мысли, что ты любишь другую, но въ любви моей и въ полученномъ суровомъ урокѣ я почерпну довѣріе и снисходительность, если ты погрѣшишь.

Баронъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Вижу, что благоразумнѣе всего—не слишкомъ испытывать твои благія намѣренія. Теперь же возблагодаримъ Господа за то, что Онъ насъ избавилъ отъ такихъ неискупимыхъ угрызеній совѣсти, какія терзаютъ твоего отца. Но ты еще не спросила меня о причинѣ моей поѣздки въ Парижъ. Сейчасъ я все разскажу тебѣ, чтобы вполнѣ оправдаться.

— Я и такъ вѣрю тебѣ! Къ чему говорить о томъ, что тяжело тебѣ, видимо?

— Нѣтъ, нѣтъ! Никакихъ тайнъ между нами: въ этомъ я далъ себѣ клятву. Дѣло идетъ о семейной исторіи, которая, рано или поздно, стала бы тебѣ извѣстна! Ты не знаешь ничего о моей матери, которая постоянно живетъ заграницей. Я мало говорю о ней, такъ

какъ наши отношенія немного натянуты, и я считаю ее виновницей трагедіи, закончившейся въ Парижѣ.

Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда мать вторично вышла замужъ за нѣкаго француза, гораздо моложе себя, вдовца, и имѣвшаго восьмилѣтнюю дочь. Вся наша семья горячо возстала противъ этого брака, такъ какъ мой отчимъ, хотя и былъ богатъ, но одержимъ разорительными страстями: игралъ въ карты и на скачкахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, кончилъ онъ тѣмъ, что разорился. Лѣтъ черезъ пять послѣ свадьбы онъ умеръ, вслѣдствіе паденія съ лошади, оставивъ матери одни крохи состоянія и свою дочь, бѣдную Юлію.

Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ я два раза проводилъ лѣтнія вакаціи у матери и подружился съ моей сводной сестрой,—красивой, живой и впечатлительной дѣвушкой, воспитаніе которой, однако, было очень запущено. Къ стыду моей матери, долженъ признаться, что она не любила Юлію, жалѣла денегъ на ея воспитаніе и предоставляла ей дѣлать, что угодно.

Когда, по окончаніи курса въ лицеѣ, я снова навѣстилъ мать, Юліи исполнилось уже пятнадцать лѣтъ. Я нашелъ ее еще болѣе невоспитанной и причудливой, чѣмъ два года тому назадъ. Она жаловалась, что съ нею дурно обращаются и держатъ въ черномъ тѣлѣ. Я старался утѣшить ее и увѣщевалъ мать. Повидимому, отношенія между ними улучшились; но, должно быть послѣ моего отъѣзда, снова начались прежнія несогласія.

Восемь или девять мѣсяцевъ спустя, я узналъ, что Юлія бѣжала съ какимъ-то актеромъ. Пропадала она нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ я получилъ отъ нея письмо съ просьбой о денежной помощи. Юлія признавалась, что когда первый любовникъ ее бросилъ, ее пригласилъ директоръ кафе-шантана, гдѣ она пѣла шансонетки, а съ той поры она падала все ниже и ниже. И вотъ, дойдя до нищеты, она просила единственнаго близкаго и относившагося къ ней съ участіемъ не оставить ее.

Я назначилъ бѣдняжкѣ небольшую пенсію, а на возвратномъ пути изъ Америки, будучи въ Парижѣ, навѣстилъ ее. Я хотѣлъ увезти ее съ собой и скромно устроить въ Россіи, но она отказалась, признавшись мнѣ, что у нея есть женихъ, отставной офицеръ, который женился бы на ней, согласись я дать имъ нѣкоторую сумму на первое обзаведеніе. Я, конечно, исполнилъ ея просьбу, хотя женихъ и показался мнѣ подозрителенъ. Что же касается Юліи, то я счелъ ее чахоточной и даже просилъ одного доктора, моего пріятеля, наблюдать за ней

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ написалъ мнѣ о томъ, что я предвидѣлъ. А именно, негодяй обобралъ сестру и бросилъ, не женившись; Юлія же была въ интересномъ положеніи и, къ тому же, очень больна. Не успѣлъ еще мой отвѣтъ дойти до Парижа, какъ я получилъ ту самую телеграмму, которая послужила причиной стольких непріятностей.

Считая вполнѣ естественнымъ, что несчастная жертва черстваго сердца матушки желаетъ видѣть меня въ послѣдній разъ и поручить мнѣ своего ребенка, я рѣшилъ ѣхать въ Парижъ. Но. зная твои строгіе взгляды и презрѣніе ко всѣмъ свихнувшимся женщинамъ, мнѣ было непріятно повѣрять тебѣ эту гадкую исторію. Кромѣ того, между нами никогда не было истиннаго довѣрія, и я боялся вызвать твое подозрѣніе.

Заставъ Юлію еще живой, я обѣщалъ, что буду покровительствовать и воспитаю ея дочь. Но необходимо было дать ребенку законное имя, и я принялся за розыски исчезнувшаго жениха, котораго сыскалъ наконецъ. За приличную сумму, этотъ мерзавецъ согласился обвѣнчаться съ Юліей и законнымъ образомъ передалъ мнѣ всѣ свои права на крошку Женю.

Бракъ былъ заключенъ in extremis, и Юлія скончалась въ ту же ночь, но устройство всѣхъ этихъ дѣлъ отняло много времени. И вотъ, возвратясь съ похоронъ, я получилъ письмо, извѣщавшее меня о твоемъ отъѣздѣ. Тогда я поспѣшно закончилъ всѣ дѣла и на слѣдующее же утро уѣхалъ съ ребенкомъ.

— Но гдѣ же ты его оставилъ?—спросила Эленъ, съ волненіемъ слушавшая мужа.

— Благодаря Варатовой, мнѣ удалось устроить малютку у ея пожилой родственницы, бездѣтной вдовы, которая согласилась взять на воспитаніе ребенка...

— Нѣтъ, нѣтъ. Позволь мнѣ взять бѣдную дѣвочку. Я сама буду воспитывать ее.—перебила Эленъ.

— Это доставитъ тебѣ много хлопотъ. Кромѣ того, я надѣюсь, у насъ будутъ собственныя дѣти.

— Ну, что же? У нихъ будетъ сестрой больше—вотъ и все,—отвѣтила, вспыхнувъ, Эленъ.—Прошу тебя: позволь мнѣ ее воспитывать. Ея видъ всегда будетъ memento mori, напоминающимъ о моемъ недостойномъ безумномъ поступкѣ, и послужитъ лекарствомъ противъ моихъ слабостей.

— Въ такомъ случаѣ, пусть будетъ по твоему, дорогая,—отвѣтилъ растроганный Евгеній Павловичъ.—Но кажется, что въ будущемъ мнѣ останется только благодарить Бога за все случившееся, включая сюда и рѣчи твоихъ сестеръ общины,—со смѣхомъ прибавилъ онъ.

— О! Это было такъ гадко!—съ гнѣвомъ вскричала Эленъ.

— И послѣ этой гадости ты навсегда порвешь со своимъ «Раемъ безъ Адама»?

Она молчала съ минуту, а затѣмъ покачала головой и отвѣтила:

— Нѣтъ. Убѣжище, будучи учрежденіемъ людскимъ, отмѣчено, разумѣется, злоупотребленіями и заблужденіями; даже само названіе его неправильно. Развѣ можетъ существовать р а й тамъ, гдѣ пріютились горемыки, безповоротно осужденныя судьбой? Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это и полезное учрежденіе, ибо кто же въ мірѣ достоинъ болѣе сожалѣнія, какъ не тѣ, у кого разбито сердце, и кто имѣетъ больше правъ на помощь и поддержку, какъ не существа, покинутыя тѣми, именно, которые должны были бы имъ покровительствовать?

— Во всякомъ случаѣ, ты не можешь больше вѣрить, что воспитаніе, даваемое общиной, достигаетъ намѣченной цѣли,—не безъ лукавства замѣтилъ Евгеній Павловичъ.

— Воспитаніе тоже хорошо, насколько оно даетъ женщинѣ независимость трудомъ. Одинъ только пунктъ программы необходимо измѣнить: молодымъ дѣвушкамъ надо внушать, что слѣдуетъ искать не рая безъ Адама, а должно находить р а й во всякомъ положеніи, въ какое бы судьба ихъ ни поставила. Другими словами, онѣ должны искать счастья въ дѣятельности, въ добрѣ и въ исполненіи возложеннаго долга...

Конецъ.

С.-Петербургъ.
1898 г.

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA
ОТДЕЛ ВНЕШНЕГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
DEPARTMENT OF EXTERNAL SERVICE
191069, РОССИЯ, С.-Петербург, Садовая ул., 18
18, Sadovaya st., St.Petersburg, 191069, RUSSIA

КОНЕЦ
END

END OF REEL
PLEASE
REWIND